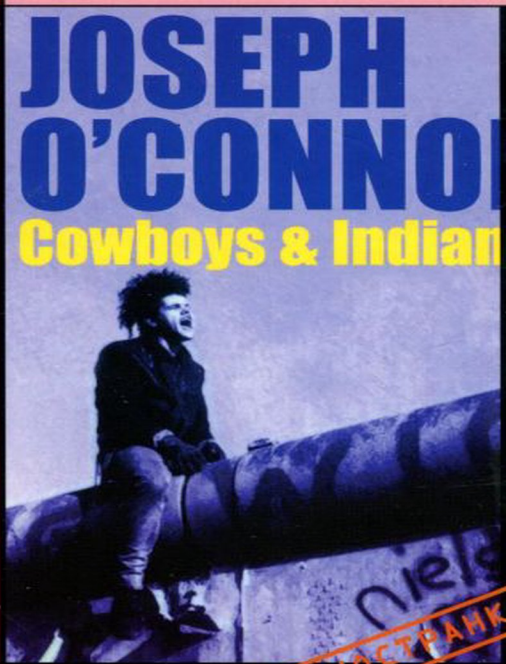
ДЖОЗЕФ О'КОННОР

Ковбои и индейцы

ЗА ИЛЛЮМИНАТОРОМ

Составитель серии И. Кормильцев

©



9 795941 450816

ИНОСТРАНКА

002

[Эдди точно знал, в один прекрасный день ему начнут задавать такие вопросы. Всем станет интересна его жизнь – журналистам, поклонницам, телепродюсерам, фанатам, тусовщикам и сговорчивым пьяненьким девчонкам с отсутствующим взглядом и замашками наркоманок. Эдди собирался стать звездой. А что такого? Запросто!]

Ковбои и индейцы
Джозеф О'Коннор

Аннотация
Джозеф О'Коннор. Ковбои и индейцы

Аннотация

Джозеф О'Коннор — один из наиболее популярных современных ирландских писателей. Его роман «Ковбои и индейцы» был номинирован на премию Уитбреда. Герой романа юный уроженец Дублина Эдди Вираго отправляется в Лондон искать счастья в мире рок-музыки. Любовь и наркотики, тяжелая работа и волшебный мир эстрады, разочарования, новые надежды, обретения и потери сопровождают его на пути к самому себе в безумном мире гигантского города.

Джозеф О'Коннор
Ковбои и индейцы

Живя мечтами год от года,
Грубеют души и сердца.
Вражда важней для обихода,
Чем жар любви — о, жрицы меда.
Вселитесь в прежний дом скворца.

Йейтс [1]

Эдди Вираго била дрожь.

Он резко откинулся на спинку кресла и отхлебнул из пластикового стаканчика глоток силинковского[2] джина, заметив, что оттопырил дрожащий мизинец, как этакая безумная герцогиня. Леди Бракнелл или другая чокнутая грымза. Хорошие манеры. Прав был отец. Никаким образованием их не вытравишь.

Этот оттопыренный мизинец вызывал неловкость. Выдавал его с головой. Будь Эдди не один, он, наверное, даже сострил бы на эту тему. Но рядом никого не было. Эдди Вираго был один — со

---

[1] Примечания: 1

Йейтс Уильям Батлер (1865–1939) — ирландский поэт и драматург. *Перевод Е. Витковского. (Здесь и далее прим. ред.)*

[2] Примечания: 2

«Силинк» — судоходная компания.

своей гитарой и своим «я». Правда, в двадцать четыре года это не слишком тревожит. Быть одному — просто здорово. Ты еще не знаешь, пока не знаешь, что есть настоящее одиночество, но для тебя оно много значит, а это уже кое-что.

Воздух в салоне застоялся, пропах табачным дымом, дезинфекцией и жирной едой. На губах Эдди чувствовал привкус соли. Стенные лампы-ракушки светили до того тускло, что он лишь с трудом различал дальний конец помещения, где за огромным иллюминатором катило волны ночное море.

Эдди физически ощущал, как глубоко внизу, под автомобильной палубой, клокочет вода, как исполинский корпус парома рассекает во тьме волны, вспыхивая белым металлом, взбивая белоснежную пену. Он прямо воочию видел, как нос корабля вздымается над морем и опять зарывается в воду, вспарывая ее словно клинок. Почему-то от этих мыслей к лицу жарко прихлынула кровь.

Лицо у Эдди было красивое, вне всякого сомнения. Оно напоминало портреты кисти прерафаэлитов — по крайней мере, так однажды сказала ему Дженнифер, эта чертова кривляка. Первый год изучала историю искусств, а уже воображала себя Мелвином Брэггом, будь он

неладен, или кем-то в этом роде. Впрочем, что бы там ни говорила Дженнифер, Эдди и так знал: он парень хоть куда. Сам, конечно, говорил, что внешность значения не имеет. Говорил каждое утро, разглядывая себя в зеркале, и каждый вечер, когда чистил свои безукоризненно белые зубы. Твердил при каждом удобном случае, любому, кто был готов слушать. Но красивые люди всегда так говорят и, произнося эти слова, выглядят, как правило, особенно здорово. Эдди умел вскружить голову, и раньше, и сейчас, и рассчитывал, что при малой толике везения, которая неизменно сопутствует красивой наружности, так и будет кружить головы, пока не отбросит коньки. И даже тогда, подобно своему кумиру Сиду Вишезу[3], будет весьма симпатичным покойником.

Длинные девичьи ресницы. Уши не большие и не маленькие — как раз то, что нужно. Безупречной лепки нос. Глаза большие, блестящие, в меру невинные и кроткие, как у лани, — он особо отрабатывал такой взгляд. Кожа загорелая, гладкая. А чуть припухлые губы привычно сложены в надменную гримаску, словно говоря: «Если хочешь, можешь поцеловать, а не хочешь

[3] Примечания: 3

Вишез Сид (наст, имя Джон Саймон Беверли) — бас-гитарист группы «Секс пистолз».

— тоже неплохо».

Впрочем, сейчас глаза утратили свою привлекательность. Даже сам Эдди признал бы это. Обычно ясные, светло-карие, оттенка опавшей листвы, после вчерашнего вечернего загула глаза саднили и зудели, а цветом больше всего напоминали зловеще-красный «ирокез», венчавший его голову.

Волосы Эдди — совершенно отдельный разговор. Он первым в Дублине завел себе «ирокез», еще в начале 1978 года, когда в городе навряд ли хоть кто-то слышал о «Секс пистолз» или «Клаш». Разумеется, не слышал о них и старый гластхулский парикмахер, который твердил, что Мик Джаггер выглядит как девчонка и что никто теперь не в состоянии написать хорошую мелодию. В те времена Эдди поздними вечерами настраивал приемник на Джона Пила и, пока родители внизу ссорились, размышлял о том, каково было бы попасть в Лондон — в центр мироздания, в чудовищное зловонное гнездо, породившее панков. И неистовый рев «Анархии в Британии» и «Совершенно свободного» заглушал голоса подлинной анархии, бушевавшей на кухне. Когда в понедельник утром Эдди, красуясь новой прической, беззастенчиво заявился на урок закона Божия,

его с ходу едва не исключили. На следующий год он был переведен из Блэкрок-колледжа в одну из специализированных экспериментальных школ Нортсайда, где учителя носили водолазки, а преподавали, кажется, только сексуальное воспитание и столярное дело. К тому времени Эдди был знаменит на весь город: люди показывали на него пальцем, пытались сфотографировать на Графтон-стрит, где он субботними вечерами торчал возле «Фриберд рекордз» — жевал резинку и отчаянно старался выглядеть скверным парнем: руки скрещены на груди, вся поза выражает пресыщенность жизнью и угрозу, каблук правого двухцветного башмака «Док Мартенс» упирается в стену.

Сейчас, однако, желающих сфотографировать Эдди не находилось. Он был на себя не похож. И для человека, который намеревался бросить миру вызов, выглядел плоховато.

Эдди дрожал, как побитый щенок. От жуткого похмелья мозг и внутренности словно превратились в шевелящиеся комки спагетти. Все вокруг казалось нереальным, странно расплывчатым, нечетким, будто под водой. Он вытащил сигарету — пальцы прыгали. Ноги были как ватные.

Эдди попросил толстую монахиню в длинном

сером облачении присмотреть за его гитарой. Та подняла глаза от книги в бумажной обложке — «Вернись дотемна» Хью Ленарда — и улыбнулась в ответ приятной улыбкой, улыбкой настоящей монахини.

Ввалившись в туалетную комнату на палубе первого класса, Эдди ополоснул лицо водой, на ощупь кожа казалась тугой, обтягивала кости, как целлофан. «Ирокез» обвис набок, будто гребень подыхающего петуха. Эдди вытащил из заднего кармана тюбик с гелем и принялся не спеша наносить гель на волосы, разделяя пряди, вытягивая их вверх, пока они не встали дыбом, во всей своей восьмидюймовой красе. Потом он наклонился к зеркалу, кончиками пальцев смочил веки, надеясь унять жжение и зуд. В желудке у него бушевала буря. Просто кошмар.

Молодой парень в шикарном костюме вышел из кабинки, испуганно глянул на Эдди и, старательно делая вид, что ничего не происходит, принялся поправлять галстук. От пола разило вонью, казалось, там были представлены все виды жидкостей, какие только может извергнуть человеческий организм. Эдди закрыл глаза, и грохот машин как бы сразу приблизился.

Когда он вернулся в салон, толстая монахиня

спала, а гул машин снова отдалился куда-то на периферию остатков Эддина сознания. Теперь он напоминал гомон голосов на втором этаже университетской столовой: если подольше послушать, можно забалдеть не хуже, чем от наркотика. Дин Боб говорил, что на этом этаже спокойно, как на корабле, и они сидели там вечерами, глядя, как за стеклянными стенами тает солнце, — а вечера становились все длиннее и выпускные все ближе. Но Белфилд с его приземистыми серыми зданиями, забитыми скверными образчиками модернистской скульптуры, с омерзительными плексигласовыми туннелями всегда напоминал Эдди не корабль, а скорее какую-то странную космическую ракету. Коридоры были темные, в них гуляли сквозняки, туалетная бумага неизменно оказывалась жесткой, и каждый, буквально каждый норовил что-то доказать окружающим. Печально, конечно, но таковы были самые яркие воспоминания, оставшиеся у Эдди после четырех лет в университете. Впрочем, Эдди прекрасно знал, что это неправда, но говорить никому не собирался. Если его спросят про Белфилд, то ответит он именно так.

Эдди точно знал, в один прекрасный день ему начнут задавать такие вопросы. Всем станет

интересна его жизнь — журналистам, поклонницам, телепродюсерам, фанатам, тусовщикам и сговорчивым пьяненьким девчонкам с отсутствующим взглядом и замашками наркоманок. Эдди собирался стать звездой. А что такого? Запросто! Дин Боб, Дженнифер, даже его отец — все они так считали. И сам Эдди не говорил «если», — только «когда». «Когда я стану богатым и знаменитым», — говорил он, и почти все верили, что так и будет. А если и не верили, то говорили, что верят: для Эдди это было почти одно и то же.

Дин Боб наверняка бы так говорил. Для того и существуют закадычные друзья — в этом они оба не сомневались. Дин приехал из Арканзаса по какой-то нелепой благотворительной стипендии, чтобы изучать влияние Йейтса и леди Грегори на американскую культуру. В результате работка у него получилась коротенькая, зато он по уши влюбился в Дублин. Стал вегетарианцем, сменил прозвище Дин Мясник на Дин Боб, уговорил своих экстравагантных родичей купить ему квартиру в Доннибруке и с головой ушел в жизнь, полную «Гиннесса», сарказма и бессонных ночей, — ту жизнь, какую, по мнению американских студентов, ведут все настоящие дублинцы.

Тут Эдди увидел девушку с рюкзаком на спине,

которая задом распахнула двери, беззвучно чертыхнулась и замерла посредине салона. Внезапно корабль качнуло. Где-то зазвенело стекло; девушка резко раскинула руки, будто балансируя на доске для серфинга. Лицо у нее было смуглое, необычное, и двигалась она так, словно знала, что за ней наблюдают.

Она была в мешковатых немодных джинсах и куртке цвета хаки, с красно-синей мишенью на спине. Эдди увидел мишень, когда девушка, поморщившись, сняла рюкзак и бросила его на пол. Мохеровая кофта, черные замшевые туфли — та еще модница. Эдди вспомнил шуточку Дина Боба. Почему в Северной Ирландии нет модниц? А *ты* бы стал разгуливать по Белфасту с мишенью на спине?.. Ему будет не хватать Боба, этого тупого империалистского ублюдка-янки…

Девушка мотнула головой, отбросила назад длинные черные волосы и хмуро покосилась на Эдди. Похоже, она из тех, кто, заполняя анкету, способен забыть собственное имя. Девушка пригладила рукой густую шевелюру и огляделась, словно высматривала старого друга среди болтающих стюардов и дремлющих парочек. Казалось, она чего-то ждет. Корабль то поднимался, то опускался на волнах. Кишки у Эдди явно замыслили

станцевать ламбаду.

Да, девчонка, похоже, под кайфом. Кто-кто, а Эдди Вираго чуял таких за пятьдесят миль. Сразу их вычислял. Знал эту породу. Опыт подсказывал. По крайней мере, ему хотелось так думать.

В углу возле иллюминаторов расположилась компания болельщиков регби — краснолицые мужчины средних лет, чьи движения и смех напомнили Эдди отца. Выглядели они странно и немного жалко, эти беглецы в изумрудно-зеленых джемперах с треугольным вырезом, с круглыми животиками, в зелено-белых шерстяных шарфах, обмотанных вокруг шеи. В них было что-то хулиганистое, ребячливое — в том, как они хихикали вслед проходящим официанткам, перешептывались между собой, пытались горланить песни, правда без особого успеха, поскольку слов никто толком не знал.

Один из них, болезненного вида, торопливо о чем-то рассказывал своему соседу, подсчитывая пункты на пальцах левой руки. Выглядел он возбужденно, словно опровергал обвинения по своему адресу.

Эдди пытался сообразить, зачем их понесло на этот дурацкий паром, когда они могли спокойно лететь первым классом на самолете. С виду

загорелые, благополучные, похоже, и монета у них водилась. Сперва он терялся в догадках, но в конце концов до него дошло. Как и он сам, они опоздали. Ирландия играла против Англии в «Туикнеме». В эти выходные улететь из Ирландии самолетом было невозможно, ни за какие деньги. Здорово похоже на фильм, который Эдди видел в незапамятные времена: там в какой-то южноамериканской стране всем пришлось побыстрому сваливать, когда началась заварушка и в дело вмешалось ЦРУ. Именно такое настроение царило сегодня на пароме. Возбуждающее. Запретное. Словно вот-вот случится что-то из ряда вон выходящее.

Вся компания, кроме одного, очень худого, с седыми волосами и блестящими тревожными глазами, явно чувствовала себя не слишком уютно, хотя и старалась это скрыть. Они теснились на диванчиках, слишком узких и жестких, чтобы вместить их дородные телеса. Когда корабль качало, они громко смеялись и издавали утробные звуки, притворяясь, что их тошнит. Сизый сигаретный дым висел над двумя длинными столами, которые они оккупировали. Стукаясь о бортики, по столам перекатывались маленькие бутылки «Джонни Уокера» и джина «Корк».

Эдди пробовал вызвать в себе чувства, какие испытывает эмигрант. Сентиментальные песни и обрывки стихов всплывали в сознании, смутные и полузабытые, потом исчезли, ускользнули прочь. Но мысль о том, что за многие десятилетия и даже века эту узкую полоску моря пересекли тысячи отважных ирландцев, оставила его равнодушным. Эдди был человек рассудочный и гордился этим. Мог слушать «Времена года» Вивальди, ни разу не вспомнив о Фрэнки Валли. Он воспринимал мир умом, а не сердцем. Боль, одиночество, отчужденность — все это только слова; те же чувства можно описать и любыми другими словами — Эдди это не трогало.

Тут он почувствовал себя совсем скверно и закрыл глаза, стараясь подавить приступ тошноты. Рот наполнился кислой слюной. Рубашка липла к потной, болезненной коже. Надо бы о чем-нибудь поразмыслить — все равно о чем, только бы отвлечься от мерзкого ощущения в желудке.

Неожиданно Эдди поймал себя на вычислениях: сначала он прикинул среднее количество эмигрантов за месяц, потом за год, за десять лет, и так далее; затем расчеты утонули в обволакивающем тепле джина, и он позволил им уплыть прочь: так киношный герой выпускает руку,

протянутую к нему из полыньи. Самочувствие отвратное: джин на вкус тепловатый, липкий, в желудке гуляют волны, омывая незыблемый островок — остатки жирного чизбургера. Эдди никогда не был заправским мореходом. Сейчас все его внимание захватила девушка, бродившая по салону «Чарлза Стюарта Парнелла», как потерявшийся ребенок в большом магазине. Она хмурилась, смотрела застенчиво и смущенно, выискивая, где бы притулиться. В общем, вид у нее был неприкаянный.

Кроме матери да двух-трех друзей по колледжу, Эдди никого в Лондоне не знал и, думая об этом, чувствовал себя малость обиженным. Конечно, в Гринвиче жил его дядя и крестный Рей, а в Тафнелл-Парке — тетка, неврастеничка и пьяница, о которой родители старались не вспоминать. Но у Эдди не было охоты связываться с этой родней — выслушивать семейные сплетни, отвечать на бесконечные вопросы о том, что они обозначали эвфемизмом «карьера». Семейного занудства ему с лихвой хватало дома, ради этого уезжать не стоило.

Так или иначе, сколько Эдди себя помнил, отец был с дядей Реем в контрах. А год назад, когда родители Эдди разошлись, ситуация обострилась

до предела. И все потому, что семья разбилась на два лагеря. Когда такие дурацкие ссоры случаются между друзьями, те быстро мирятся и после смеются над пустячной размолвкой, но между родственниками дело оборачивается серьезным разладом. У них в семье причиной разлада стало что-то связанное с политикой, с Северной Ирландией, с выдачей — словом, с какой-то чушью, которая, сказать по правде, никого по-настоящему не волновала. Но эта правда среди родни никогда не выплывает наружу, по крайней мере в семье Эдди.

Отец настоял на своем, нацарапал для Эдди лондонский адрес «мамочки» на обороте конверта, причем устроил из этого целый спектакль перед Эддиной сестрой Патришией, словно доказывая, что когда приходит беда, семейные разногласия забываются. Словно все это было не более чем глупой семейной размолвкой. Но Эдди-то знал, что, если позвонит по этому номеру, отец обидится, а этого он не хотел ни при каких обстоятельствах. Ситуация и так паршивая. И усугублять ее незачем, отец не справится. Эдди тактично взял адрес и сказал: «Посмотрим»; отец кивнул: «Конечно, я тебя не заставляю, но мало ли что…» — делая вид, что все в порядке, и тем выдавая себя с головой.

Тут Эдди снова увидел девушку — она стояла прямо напротив него, у иллюминатора, в полукруге кресел, откуда можно было любоваться штормовым белогривым морем. С преувеличенно сердитым видом она в чем-то убеждала одного из стюардов, повернувшись спиной к Эдди, но временами тыкала большим пальцем через плечо в его сторону. Потом выпрямилась, уперев руки в боки, и гневно тряхнула головой. Стюард был совершенно спокоен: скрестив руки на груди и чуть склонив голову, он смотрел в пол и твердил свое. Точь-в-точь этакий невозмутимый и несносный ублюдок, из тех, что досконально усвоили правила поведения с клиентами и даже получили за это золотую звездочку.

Какой-то старик в старомодной плоской шляпе с мягкими полями высунулся из-за спинки кресла и что-то сказал стюарду, укоризненно ткнув в него пальцем. Стюард и ухом не повел, продолжая дискутировать с ковром под ногами. Через минуту-другую девушка снова забросила рюкзак на спину и пошла прочь, так что стюарду пришлось заканчивать свой монолог уже в одиночестве. Она кусала губы и выглядела свирепо. Будто индеец на тропе войны.

Кишки у Эдди свело судорогой, в желудке гром-

ко заурчало, губы пересохли.

Вызывающе поглядывая по сторонам, девушка пробралась меж пухлых чемоданов и занятых пассажирами кресел туда, где сидел Эдди, скинула на пол желтую сумку из магазина дьюти-фри, украшавшую сиденье напротив Эдди, и уселась рядом с толстой монахиней, причем так решительно, словно ожидала протеста. Но все молчали.

Толстая монахиня вздрогнула, открыла глаза, неловко поерзала и опять уснула, всхрапывая, как мотоциклетный мотор. Книга упала с ее колен и мягко ударилась об пол. Ветер пробежал по шелестящим страницам.

— Я-то думала, — сказала девушка, — что за такие деньги сидячее место обеспечено.

Реплика совершенно в духе Эддиной матери. И произнесла она ее в пространство, ни к кому конкретно не обращаясь, — так мог бы сказать человек пожилой, но никак не девушка, которой было лет двадцать — двадцать два, не больше.

Эдди поджал губы и подтвердил:

— Да, тут ты права.

Потом он опустил голову, раскрыл лежавшую на коленях дешевую книжку и сделал вид, что читает. Сейчас у него не было охоты разговаривать,

хотя вблизи девушка оказалась симпатичнее, чем на первый взгляд. Пальцы скользили по строчкам, поглаживая желтоватую бумагу. Но, как он ни старался, сосредоточиться не удавалось: черные цепочки слов плясали перед глазами, словно издеваясь над ним. В голове мельтешило слишком много мыслей.

Эдди думал о Дженнифер, об их прощании на О'Коннел-стрит, когда ветер то завывал, как индейцы сиу, то рыдал и стонал, как баньши[4], над крышей почтамта; он вспоминал, как на автобусной остановке Дженнифер сморгнула слезы, как на грязной черной воде Лиффи играли красные блики рекламы «Кока-колы».

Дженнифер всех их обставила. После бесконечных разговоров о спасении мира, после всего показного студенческого экстремизма, в один прекрасный день Дженнифер объявила, что по окончании университета уедет на год в Никарагуа — учителем английского. И *как* объявила! Даже Эдди поневоле признал: сказано эффектно. Она сообщила свою новость небрежно, будто собиралась всего-навсего прогуляться вокруг квартала. Вот так просто. Уверенно, будто все

[4] Примечания: 4

Баньши — в ирландской мифологии — духи, своим плачем предвещающие чью-либо близкую смерть.

было решено давным-давно. Джимми, и Рут, и остальные сказали, что это здорово; но Эдди заметил, что при этом они смотрели на него, а не на Дженнифер, ожидая, что скажет *он.* Дин Боб выпал в осадок. Эдди тоже удивился, не меньше всех остальных. Черт, если честно, то гораздо больше, но ни за что бы не признался в этом даже Бобу.

«Неплохо, — сказал он. — Это круто. Я хочу сказать, все едут в Никарагуа. Я лично предпочел бы Гватемалу, но и Никарагуа сойдет, если, конечно, ты вправду этого хочешь».

Девушка все еще злилась. Она закурила сигарету и погасила спичку пальцами. Волосы у нее были густые, но не черные, как думал Эдди, а темно-каштановые и грязные. Между затяжками она грызла ноготь на большом пальце, потом дым начал есть глаза, она сощурилась и заморгала. Щеки ее горели румянцем, возможно от негодования, глаза по-птичьи настороженно озирали окружающих. Закашлявшись, девушка свободной рукой похлопала себя по груди, потом спросила:

— Что ты читаешь?

Говорила она быстро, отрывисто, с мягким акцентом сельских жителей Северной Ирландии. Эдди поднял глаза и оглядел девушку с головы

до ног. В голове у него стучало. Послать бы ее подальше, чтоб приставала со своими вопросами к кому-нибудь другому, но он сдержался. Ну ее, еще по морде схлопочешь. А может, все дело в акценте. Людей, говорящих с северо-ирландским акцентом, посылать подальше рискованно — по шеям надают. Глаза у девушки были зеленые, и дерзкие, как у ведьмы; Эдди загнул верхний уголок страницы и закрыл книгу.

— Лайонс, — ответил он, — «Ирландия после Великого голода».

— М-м, так я и думала, — протянула девушка, вдохнув дым. Она пристроила сигарету на банке кока-колы и выбралась из куртки. Худенькая. Сквозь дыру в протершихся джинсах виднелось розовое колено. — Я так и думала, — повторила она, словно пытаясь что-то сообразить. Потом расстегнула и сняла мохеровый кардиган. На шее блеснул серебряный крестик.

Она была в футболке с надписью «Тепличные цветы» и силуэтом солиста, парня с ирландским именем и немыслимой прической, которая вполне могла поспорить с Эддиным «ирокезом».

— Ты студентка? — спросил он.

— Нет. То есть я была студенткой. — Она помолчала. — Но сейчас — нет.

Эдди никак не мог придумать, что бы еще сказать. Спрашивать, где она училась, он не хотел. Во-первых, боялся, что в том колледже у него найдутся знакомые, а это приведет к продолжению разговора. Во-вторых, вопрос был слишком банальный, а Эдди гордился тем, что никогда не говорит банальностей. Вдобавок чувствовал он себя совсем плохо: его трясло, выворачивало наизнанку, бросало в жар.

— И что ты об этом думаешь? — Девушка кивнула на книгу.

— Вполне, — ответил Эдди, удивленный вопросом. — Ну, ты понимаешь. Если любишь такие вещи.

Он вдруг услышал себя как бы со стороны — невыразительный акцент дублинца среднего класса, с его уныло-гнусавыми звуками, невыразительностью, бедностью модуляций. У девушки голос был музыкальный, мелодичный — мягкие певучие интонации напоминали о морских волнах, о холмистых пустошах Донегола, откуда она, судя по всему, была родом. Вот так думал Эдди. Порой ему приходили в голову такие сравнения. Он считал себя немного поэтом.

— А что *ты* об этом думаешь? — спросил он, чтобы отвлечь внимание от своей персоны.

Девушка заправила волосы за уши.

— По-моему, это мура, — со смешком, но уверенно и даже деловито объявила она, не глядя, бросила окурок в пустой пластиковый стакан и потрясла, чтобы затушить. Потом еще раз повторила свою фразу и посмотрела на Эдди, как бы говоря: «Ну, что скажешь, приятель?» Крутая.

Внезапно в горле у Эдди встал комок. Горячая влага навернулась на глаза, в груди нарастала боль.

— Ох, мать твою, — простонал он, вцепившись в подлокотники.

— Что? Что случилось?

Эдди согнулся пополам и выругался, зажимая рот руками.

— Черт… Господи Иисусе, — выдавил он.

Толстая монахиня проснулась и уставилась на него.

— Ох, чтоб меня, — прибавил Эдди.

Девушка засмеялась.

Эдди наклонялся все ниже, пока голова не свесилась между колен, и тут его начало рвать. Потоком. Горячая рвота залила джинсы и новые башмаки «Док Мартенс», а когда он закрыл рот, потекло из носа. Лоб у него взмок. Рвотные позывы не унимались. Он сплюнул: слюна была

вязкая и клейкая. Блевотина стекала по подбородку, капала в карман рубашки. Он опустился на четвереньки, и его вырвало снова, еще сильнее, прямо на ноги девушки и на собственные пальцы. От звука жидкости, хлещущей на пол, его опять затошнило.

Корабль резко накренился.

— Господи, — сказала девушка. На благостном лице монахини отразился неподдельный ужас.

Болельщики регби один за другим умолкли. Смотрели на Эдди, но, к его великому удивлению, не смеялись. На лицах у всех читался ужас — у всех, кроме маленького человечка с тревожными глазами, который рассеянно жевал сандвич. Толстая монахиня окликнула стюарда, попросила принести стакан воды, но Эдди не мог пить. Его опять вывернуло, хотя в желудке, кажется, не осталось уже ничего. Толстая монахиня твердила, что ему нужна чашка горячего сладкого чая. И каждый раз, когда она произносила эти слова — *горячий сладкий чай,* — Эдди с трудом сглатывал наполнявшую рот густую омерзительно-кислую массу.

— Пошли, — сказала девушка, резко дернув его за перепачканный рвотой рукав.

Там, куда не достигал свет корабельных огней,

море было темным, маслянистым; кое-где на волнах вспыхивали глянцевые отблески, какие можно увидеть только на открытках. Вблизи вода выглядела грязно-зеленой, как старый банкнот. Голова у Эдди гудела. Он смотрел за борт, пытаясь сфокусировать взгляд на той грани, где кончался свет и начинался мрак. За кормой мельтешили чайки — пронзительно кричали, налетали друг на друга, следуя за кораблем в надежде добыть пищу. По временам то одна, то другая пыталась присесть на облезлые поручни, на миг зависала в воздухе и, промахнувшись, с изумленным воплем падала вниз, в кипящие волны, но в последнюю секунду успевала все-таки распахнуть крылья и снова взмыть вверх.

Эдди и девушка стояли, глядя на чаек и не зная, с чего начать разговор. Эдди вцепился в холодную сталь поручня, стараясь не расплакаться. Девушка с трудом сдерживала смех.

— Эти чайки чертовски тупые, — наконец проговорила она с искренним презрением. — Казалось бы, попробовали раз и могли бы понять, что ничего не выйдет. Так нет же!

Здоровенная птица опустилась на поручень и уставилась на Эдди; тот готов был поклясться, что ее устрашающий клюв злобно ухмыляется.

— Ну, — выдавил Эдди, — думаю, это ирландские чайки…

Они были уже так далеко в море, что земля исчезла из виду. Над головой белело небо, сплошь затянутое молочными облаками, ветер трепал зелено-оранжевый флажок, потом крепко обмотал его вокруг мачты. Голос ветра звучал еще печальнее голоса моря. И чем сильнее флаг рвался на свободу, тем плотнее ветер закручивал его вокруг мачты.

— Ага, — сказала девушка, — так и есть. — Она бросила дымящийся окурок за борт, где чайки тотчас же закружили вокруг него вопящим и буйным хороводом. — И вправду ирландские, сомневаться не приходится.

Эдди рухнул на колени, обхватив руками живот, и взмолился о смерти.

Это сработало.

Через несколько минут они обнаружили, что целуются.

В поезде они пришли к полному согласию, и Эдди порадовался, что на станции Холихед успел заскочить в мужской туалет, почистить зубы и привести себя в порядок при помощи одного из тех нелепых дорожных наборов, которые покупаешь за два с половиной фунта только затем,

чтобы немедленно пожалеть о содеянном. Девушка крепко поцеловала его. Ее прохладные губы пахли мылом и анисом. А поцелуи чем-то напоминали попытки поймать зубами яблоко в чаше с водой на Хэллоуин. Когда рука Эдди скользнула ей под рубашку и коснулась спины, она вздрогнула, но потом успокоилась, обмякла.

Она тесно прижалась к Эдди, лаская пальцами его затылок, покусывая губы. Похоже, целоваться она училась по фотографиям в журнале для подростков. Они забрались под ее куртку, и девушка потянула вниз молнию своих джинсов.

Когда она взялась за застежку его брюк, Эдди возражать не стал. Решительная особа: взяла его в оборот, даже не спросив имени!

Когда все кончилось, они почти не говорили. Девушка выкурила целую кучу сигарет, потом принялась читать журнал и в конце концов задремала, прислонившись к плечу Эдди и что-то тихо бормоча во сне.

В четыре тридцать в проходе между креслами появилась чернокожая толстуха, катившая тележку с сандвичами. Она одарила Эдди и спящую девушку сочувственным взглядом, что почему-то слегка обеспокоило Эдди.

За окнами поезда на дальних холмах мерцали

огни — мало-помалу они разгорались ярче, чтобы затем кануть во мрак. Эдди разглядывал свое отражение в оконном стекле, отводил взгляд и снова искал глазами отражение, словно пытался застать самого себя врасплох.

В поезде было спокойно и темно; тишину нарушал лишь перестук колес да смех молодых парней, которые в другом конце вагона играли в покер на самокрутки. Ирландские голоса, ирландская музыка магнитолы — слезливо-сентиментальные любовные баллады, песенки в стиле кантри и Дикого Запада: нарушенные обещания, непокорные скитальцы и одинокие ковбои.

Далекое оранжевое марево Бирмингема мчалось мимо, легкий ветерок отгонял тучи дыма прочь от спящего города. Зарядил дождь, размывая очертания и краски. Город казался сказочным зверем, который вглядывается в дождливую мглу миллионами задумчивых оранжевых глаз. Он был словно не от мира сего. Втиснулся в пейзаж, как поставленный не на то место кусочек головоломки.

Эдди подумалось о «бирмингемской шестерке», «гилдфордской четверке» и «уинчестерской тройке». Дин Боб говаривал правду, отношения

между Англией и Ирландией все больше походили на результаты футбольного матча, будь они неладны.

Потом он задумался о Йейтсе — о том «жестоком звере», чей приход он предрекал во «Втором пришествии». Смотрел на Бирмингем, такой зловещий в оранжевой мгле, и думал: жестокий зверь, пробудившийся к жизни на мертвой равнине в сердце Англии. Ему вспоминались лекции по литературной критике в «Театре Л» морозными февральскими утрами, когда сердце у него учащенно билось при мысли о том, чтобы заговорить с соседом или с соседкой — обычная студенческая манера знакомств. Вспоминался первый день, когда он увидел Дженнифер на сцене «Театра Л»: она выставила свою кандидатуру на выборах курсового представителя по английскому, ее прелестное лицо кинозвезды в свете рампы, белая кожа, чистая, как новый тетрадный лист. Вспоминалась ее манера говорить и противный голос выступавшей перед нею американки, которая объявила, что все должны голосовать за нее, поскольку она такая замечательная и так хорошо знает английскую литературу.

«Что ж, — возразила Дженнифер самым обо-

льстительным голосом, — я, конечно, не так уж и хороша, но, пожалуй, именно поэтому представляю большинство». Тут парни подняли рев, который громкостью мог посоперничать с ревом самолета на взлете, кое-кто пронзительно засвистел.

Да, Дженнифер Свифт умела управлять людьми. В полном соответствии со своей фамилией[5] она была чертовски стремительна и пронырлива — и тогда, и сейчас, и Эдди об этом знал. Но его смущало не само это свойство натуры Дженнифер, а скорее тот факт, что он об этом знал. Теперь он ясно понимал: именно это чертовски его злило. Да-да, злило. Ведь он считал, что справится с любой проблемой, главное — не думать о ней слишком много. В конечном итоге факты лишь сбивают с толку.

Девушка пошевелилась во сне, плотнее завернулась в куртку. Эдди открыл журнал и принялся за статью про какого-то парня, который построил посреди болот Килдэра «Стену смерти» для мотоциклетных гонок по вертикали. Наверняка этакий крутой из высшей лиги, о нем даже кино снимают. Что делать, мир полон крутых парней,

---

[5] Примечания: 5
Swift — «быстрый» *(англ.).*

примадонн и недоумков, а уж в Ирландии их больше, чем где бы то ни было. В Ирландии ты либо крутой, либо никто. И это чистая правда. Теперь-то Эдди уразумел.

В шесть утра вокзал Юстон выглядел не ахти как. Из-под автоматических дверей тянуло ветром, который с силой ударил в лицо, когда створки распахнулись. Облезлые голуби хлопали крыльями на потолочных балках, все вокруг казалось холодным и каким-то обшарпанным. Эдди снова увидел толстую монахиню с клетчатым чемоданчиком в одной руке и объемистой сумкой (с одного боку красовалась надпись «Италия, 1990», с другого — «Задай им перцу, Джек») в другой. Возле магазина ее поджидала другая монахиня, от холода притопывавшая ногами в теплых ботинках. Монахини обнялись и символически расцеловались. Судя по всему, они прекрасно знали, куда идти. Выглядели уверенными, спокойными и, кажется, вправду были рады видеть друг друга. Наверное, *были* давними подругами, а не прикидывались таковыми.

По углам и в вонючих закутках отсыпались пьянчужки. Мраморная доска на низкой серой стене, отделявшей от остального зала эскалатор, ведущий в подземку, сообщала, что станция была

открыта Ее величеством королевой в 1977 году. Магазинчики, расположенные по периметру зала, были закрыты, витрины забраны металлическими шторами, разрисованными граффити в стиле хип-хоп, из неоновых реклам горела только одна — над винным магазинчиком, торговавшим навынос; когда Эдди с девушкой проходили мимо, неоновые буквы замигали и загудели, словно молодые люди были заряжены каким-то диковинным электричеством. Что в известном смысле соответствовало действительности.

Чернокожий в синей униформе и охотничьей шапочке из шотландки расхаживал взад-вперед, толкая рычащую уборочную машину, которая оставляла за собой на грязном полу широкие чистые полосы. Когда он приблизился, Эдди и девушка заметили, что он в наушниках и, вскидывая голову, тихо напевает в слышном ему одному ритме.

Девушка сказала, что хочет кофе, и они направились в «Макдональдс», находившийся тут же, на вокзале. Она уселась за столик. Эдди понимал, что затея вообще неуместная, но в шесть утра в чужом городе все едино. Зал, залитый белым мигающим светом, производил странно гнетущее впечатление. Из динамиков доносилась дребез-

жащая музыка. Рональд Макдональд скалился со стены, похожий на назойливого приставалу образца 60-х годов. Эдди вернулся, неся на пластмассовом подносе два дымящихся стаканчика и глянцевый пакетик с картошкой-фри. Девушка сидела, неловко закинув ноги на футляр с гитарой, но он промолчал. К картошке она не притронулась.

— Ты выщипываешь брови? — спросила она, с болезненной гримаской прихлебывая чересчур горячий кофе.

— Нет, — ответил Эдди. — А ты?

— Мне это не нужно, — пробормотала она и устало улыбнулась; глаза ее казались совсем темными, почти черными.

— Верно, — откликнулся Эдди. — И правда не нужно.

— Меня зовут Марион, — сказала она. — Мэнган.

— А меня — Эдди Вираго.

— Красиво звучит.

— Сумасшедшее имя для сумасшедшего парня.

— Не важно. — Она дернула плечом, покрепче обхватила покрасневшими пальцами стаканчик с кофе. — Имена для меня без разницы.

Эдди сообщил, что, хотя ему и неприятно об

этом говорить, с бабками у него плоховато. В смысле — с деньгами, чтобы заплатить за кофе и прочее. Она пошарила в кошельке, выудила монету в один фунт и толкнула по столу к Эдди. Он поблагодарил. Она пожала плечами: дескать, не за что.

Эдди хотел было что-то сказать, как вдруг за спиной послышался шлепок и шум потасовки.

Двое мужчин в серых обносках, с мрачными физиономиями. Даже за десять ярдов Эдди чуял идущий от них гнилостный запах. Лица у обоих серые, под стать лохмотьям, запавшие глаза пылают как угли. Они выскочили из-за стола, стали друг против друга, набычившись, как боксеры перед боем, обмениваясь тычками. У того, что повыше ростом, правый ботинок прохудился, и в дыре виднелись черные от грязи пальцы. Привязанный к ножке стола тощий пес заскулил. Полусонный персонал за стойкой замер. Похоже, они прекрасно знали, что произойдет, более того, были к этому привычны.

— Ты хоть раз что-нибудь для меня сделал? — бросил тот, что пониже. — Хоть раз? Да ничего.

— Ублюдок, — прорычал высокий и с размаху залепил ему по уху. — Без меня ты бы пропал, слышишь? Без меня ты пустое место!

Потасовка была не из тех, какие видишь по телевизору. Когда высокий угостил низенького в живот, сам удар остался беззвучен — только низенький с глухим болезненным стоном выдохнул и согнулся пополам, умоляющим жестом вытянув вперед руку. Высокий сгреб в кулак его космы и резко дернул. Низенький, обезумев от боли, отчаянно пинал воздух и размахивал руками. Противники обхватили друг друга, прямо как танцоры, и низенький сумел-таки головой наподдать длинному по физиономии, да так, что у того из глаз брызнули слезы. Он немедля двинул низенькому коленом в пах, а локтем треснул по загривку. Низенький застонал и ринулся вперед, вытянув руки с хищно скрюченными пальцами. Секунду казалось, что стоит этим двоим отпустить друг друга, и оба рухнут на пол. Лица у них были в крови, но, в своей или чужой, понять было невозможно. Впрочем, сейчас это не имело значения. Противники тузили друг друга по груди, по плечам, царапались грязными обломанными ногтями.

Эдди и Марион наблюдали за побоищем как за спектаклем, не в силах ни пошевельнуться, ни вмешаться.

И тут вдруг пес сорвался с привязи. Угрюмая

черная дворняга, колченогая, со спутанной шерстью, к задней лапе прилипла палочка от леденца, а глаз всего один, жуткий, красно-белый. Пес пригнул голову и глухо зарычал. Марион взвизгнула. Эдди рассмеялся смехом супермена. Пес принюхался, словно пытаясь установить источник шума, повернулся и устремил неподвижный взгляд на Марион. Из пасти у него капала слюна.

Пес бесшумно двинулся к Марион; та вскочила, опрокинув стаканчик, — кофе пролился на стол, закапал на пол. Девушка тяжело дышала, инстинктивно прикрывая руками грудь и низ живота, словно обнаженная на скверной пляжной открытке. Плечи дрожали, она прикусила губу.

— Вот говнюк! — Эдди встал. Пес воззрился на него с любопытством, потом уселся на пол и с озадаченным видом принялся задней лапой скрести кудлатую шею.

— Убирайся! — взвизгнула Марион, комкая в руке бумажный стаканчик.

— Вот говнюк! — повторил Эдди. Пес нехотя двинулся было прочь, к драчунам, но вдруг повернул обратно, тявкнул и зарычал, скаля клыки и облизываясь. Марион вскочила на стул. Пес смотрел на нее, мотая жуткой башкой.

— Ах ты, говнюк, — сказал Эдди. — Вонючка хренова!

Пес бросил на них еще один озадаченный взгляд, а потом, словно это было проще, чем повернуть назад, оттолкнулся задними лапами и, как в лупе времени, полетел вперед — хрипящий клубок черной свалявшейся шерсти.

Эдди заступил псу дорогу, а в следующий миг обнаружил, что подставляет руку, ведь пес так или иначе должен во что-нибудь вцепиться — уж лучше в руку, чем в лицо.

Он почувствовал, как желтые клыки впились в рукав, услыхал собственный судорожный вздох, глухой стон отвращения, родившийся в глубине легких, а через секунду-другую пришла боль.

Пес свирепо урчал, терзая и тряся руку Эдди, словно то была крыса или иная добыча, норовящая спастись бегством.

Эдди почувствовал, что на глаза наворачиваются слезы. Он поднял руку — дворняга висела на ней, не разжимая челюстей, хотя Эдди поднял руку несколько раз и без всякой жалости отвешивал зверюге пинки по животу. Он отчаянно тряс рукой, пес подметал задницей пол, скулил сквозь зубы, но хватку не ослаблял. У Эдди возникло странное ощущение: он как бы со стороны

наблюдал, как рычащий пес грызет его руку, как Марион пытается броситься на помощь, как сам он отталкивает ее. Крики Марион и рычание пса доносились до него словно бы издалека, а еще дальше, на периферии сознания, гудел поезд, готовый отойти от платформы.

Краем глаза Эдди заметил полицейских в синей форме — почти не сознавая, что видит. Кто-то выкрикнул какое-то мужское имя. Кто-то грубо выругался. Со стуком упал и покатился по полу полицейский шлем. И снова то же грубое ругательство, самое непотребное в английском языке, как считала его мать.

Резиновая дубинка с треском обрушилась на череп пса. Он заверещал, как обезьяна, но хватку не ослабил, наоборот, сильнее стиснул челюсти. Дубинка ударила снова, руки в перчатках вцепились псу в уши. Тот наконец разжал зубы, упал на бок, и один из полицейских за шкирку быстро потащил его прочь, на вытянутой руке, словно собрался швырнуть в мусорный бак.

Марион дрожала как в лихорадке.

— О, господи, — твердила она, — господи боже мой.

Когда она разжала кулачки, на ладонях остались следы ногтей — маленькие белые полу-

кружия на розовой коже. Она не плакала, но выглядела до крайности перепуганной и словно никак не могла поверить в реальность случившегося. Будто не собака укусила едва знакомого ей парня, а произошло нечто совершенно чудовищное. Сжимая пальцами виски, она только повторяла как молитву или заклинание:

— Господи боже… Господи Иисусе…

— Только с корабля, верно? — спросил полицейский.

Эдди почувствовал, как Марион напряглась.

— Да, — ответил он. — Только что с корабля.

— Ирландцы?

— Нет, — отрезала Марион. — Зулусы!

Эдди ощупал свою руку, страдальчески закатил глаза, потом перевел взгляд на полицейского: тот стоял, поджав губы, с каменным лицом, похлопывая дубинкой по ладони, затянутой в кожаную перчатку.

— Ну ладно, — сказал полицейский. — Забудем. — Он словно размышлял о чем-то невероятно важном. И при этом слегка морщил нос.

Мокрое от слез лицо Эдди просияло, а Марион просто подхватила свой рюкзак, будто происходящее вовсе ее не касалось. Рюкзак она потащила за собой по полу, за одну из лямок зацепился

пластиковый пакет. Остановившись у газетного киоска, Марион закурила; Эдди видел красный огонек, отражавшийся в стекле.

Он снова взглянул на молодого полицейского, тщетно подыскивая слова, которые разрядили бы напряжение.

— Вам бы надо к врачу, сэр. — Полицейский кивнул на изодранный и перепачканный кровью рукав Эдди.

— Да, — Эдди помассировал руку, — вы правы.

— В наше время, — со значением обронил полицейский, — никогда не знаешь, что выйдет… — Казалось, он посвящает Эдди в великую тайну.

— И снова вы правы, — согласился Эдди. — Никогда не угадаешь.

Полицейский говорил вежливо, но вежливость была деланая — вежливость учителя, который отчитывает ученика в присутствии родителей. Его акцент немного напоминал ирландский: невнятные согласные, горловые, гнусавые гласные…

— Удачи, сэр, — сказал полицейский.

— Спасибо, — ответил Эдди, — она-то мне и понадобится.

— Удача всем нужна, сэр, — сказал полицейский, — особенно в наше время.

Он улыбнулся и пожал Эдди руку. А Эдди вдруг сообразил, что этот полицейский, называвший его «сэр», был на два-три года старше него. Он заметил, что Марион глянула на них через плечо и снова отвернулась к витрине.

Эдди пошел к ней, разгоряченный, взмокший, ошарашенный. Сердце бешено колотилось, рубашка насквозь промокла от пота. На стекле белели листки объявлений, предлагавших девочек и дешевое жилье. В этом соседстве несколько странно смотрелась голубая открытка, возвещавшая: «Иисус спасет».

— Ну, — сказал Эдди, — ты довольна?

— Ради бога, не заводись, — вздохнула Марион с обреченным смирением, которое заставило Эдди поежиться. Таким тоном его мать говорила с отцом. Можно подумать, они с Марион женаты уже лет десять! Эдди почувствовал себя в ловушке.

Девушка заговорила, уставившись в пол, ругалась сквозь зубы, отрывисто, резко жестикулируя:

— Как это типично. Знают, что ты ирландец, и смотрят на тебя вполне определенным образом. Вечно одно и то же. Проклятые британские ублюдки!

— Слушай, — попросил Эдди, — остынь, ладно?

— Невиновен, пока не признан ирландцем, — продолжала она. — Ничто не меняется, верно?

— Ради Христа, — резко прервал ее Эдди, — прекрати! Говорят тебе, остынь, черт побери!

Марион наконец-то посмотрела на него. Потрясла указательным пальцем у него перед носом.

— Нечего затыкать мне рот! — прорычала она с перекошенным от ярости лицом. — Не смей говорить со мной как с ребенком, Эдди Вираго!

Уборщик остановился посреди зала, выключил свою машину, огляделся по сторонам и снял шапку.

— Послушай, — с наигранным спокойствием проговорил Эдди, — мне это ни к чему, понятно?

— Ну валяй, только не пудри мне мозги, ясно? Я прекрасно понимаю, как ты на меня смотришь. Давай валяй дальше!

— А как я на тебя смотрю? — Голос у него сорвался. — Ты вообще о чем?

— Отвали!

— Послушай, я ведь толком тебя не знаю.

— Тогда уходи, — рявкнула она, — и оставь меня в покое! Катись отсюда!

В ее голосе слышались слезы, лицо скривилось, стало почти уродливым. Только этого не хватало. Слезы всегда на него так действовали, он чувство-

вал себя больным, виноватым, безнадежным. Жизнь словно бы теряла смысл.

— Ну и ладно. — Эдди подхватил гитару и зашагал к стеклянным дверям.

— Вот и катись отсюда! — крикнула девушка ему вдогонку. — И пожалуйста! Убирайся!

— Ах ты, чертовка, — пробормотал Эдди себе под нос.

На улице он присел на бетонный бортик бассейна и попробовал спокойно обдумать случившееся. В грязной воде плавали пустые коробки, обертки от гамбургеров и газетные листы. Лондон пробуждался от сна. По улицам громыхали машины. Небо напоминало цветом овсянку, воздух был дымный, затхлый, какой-то спертый. Рука у Эдди болела, но рана оказалась несерьезной. Вокруг нее уже расплывался фиолетово-синий кровоподтек. Эдди вдруг пожалел эту девушку, Марион. Она просто растерялась со страху. Конечно растерялась! И вовсе не хотела грубить. С девушками нужно терпение и понимание. Нужно дать им время прийти в себя.

Эдди смотрел на длинную серую ленту Юстон-роуд. В его душе, преисполненной понимания, брезжило что-то еще, и он старательно внушал себе, что это не чувство одиночества.

Когда он вернулся в зал ожидания, девушка сидела за столиком в «Макдональдсе» и спокойно ела, будто ничего не произошло. Она едва заметила подошедшего Эдди. Минуту спустя предложила ему съесть картошку, пока не остыла. Так Эдди и поступил. Марион угостила его чашкой горячего кофе.

Гостиница на Президент-стрит носила название «Брайтсайд». Марион рассказала, что один ее приятель из Союза студентов несколько раз останавливался здесь, был знаком с управляющим и заказал ей номер. Эдди возражать не стал.

На их звонок из задней комнаты вышел индиец лет тридцати пяти, с ребенком на руках. В холле пахло яблочным освежителем воздуха — не яблоками, а чем-то химическим; видимо, изобретатель запаха успел забыть, как пахнут настоящие яблоки. Укачивая пускающего пузыри младенца, индиец улыбался. У него были ухоженные усы и блестящие глаза. Тыльная сторона рук поросла черными волосами. Красивый парень.

— Нам нужна комната, — сказала Марион.

— Конечно, — бодро просматривая книгу регистрации, ответил индиец, — это возможно. — Он положил ребенка на стойку, придерживая его одной рукой, и пробежался пальцем по колонкам

записей. — Да, вполне возможно.

Ребенок был страшненький, он пускал слюни и корчил Эдди рожицы.

— На меня должен быть заказ, — сказала Марион. — Моя фамилия Мэнган.

— Ну, так бы сразу и сказали.

На губах у индийца играла дружелюбная, чуть лукавая улыбка. Из задней комнаты плыл душистый сладкий запах.

— Мэнган, — повторил он. — Фамилия вроде не английская.

— Верно, — откликнулся Эдди. — Ирландская.

Индиец снова улыбнулся.

— Изумрудный остров… — Он кивнул, глядя на молодых людей широко раскрытыми глазами, словно ожидал продолжения разговора. Однако продолжения не последовало, и он спросил: — На сколько дней?

Марион посмотрела на Эдди, тот пожал плечами.

— Пока не знаем, — сказала она.

Индиец в свою очередь пожал плечами.

— Ладно. — Он что-то записал в своей книге. — Завтра утром сообщите мне или моей старушке, как вы решили.

Индиец проводил Эдди и Марион в малень-

кую комнатку на верхнем этаже и задержался в ожидании чаевых. Эдди принялся ощупывать карманы, сокрушенно прищелкивая языком. Марион заявила, что он точь-в-точь как кенгуренок Скиппи из фильма, вручила индийцу несколько монет, а тот рассыпался в благодарностях.

— Как вас зовут? — спросил Эдди.

— Патель, — ответил индиец, взял ребенка с кровати на руки, поднял его повыше, чтобы Эдди и Марион видели красное сморщенное личико, и, смеясь, добавил: — Патель и сын.

Марион занималась этим в таких позах, о которых Эдди только в книжках читал. Она трахала его так самозабвенно, словно желала лишь одного — сбежать от реальности. А самое поразительное, что на его прикосновения она отвечала мягким рыком: «Ах, детка!», «Детка, как хорошо!» Это настолько не вязалось с ее обликом, что Эдди даже растерялся: что, черт возьми, происходит? Подобные звуки были под стать героиням дешевых книжонок, продававшихся в семидесятые годы во всех аэропортах.

Когда она кончила, то глухо застонала, словно в предсмертной агонии. Когда кончил Эдди, он вцепился пальцами в простыню, чувствуя себя более одиноким, чем когда-либо в жизни.

Они провалялись в постели весь день. Даже проснувшись вечером, не встали, просто лежали молча, ни слова не говоря друг другу, а в окно лился серый меркнущий свет, и в комнате пахло потом — терпкий запах, чем-то похожий на запах свежескошенной травы в летний день. За окном сгустились облака, и вскоре единственным светлым пятном в комнате остался прямоугольник теплого желтого света на ковре и кучке брошенного нижнего белья…

Номер был совсем маленький, но с голубой ванной комнаткой и балконом, откуда открывался вид на серые и зеленые крыши Кингз-Кросса и стройные небоскребы Сити вдали. Обзору мешал вокзал Сент-Панкрас, песчаниковая викторианская громада. От этого здания прямо-таки разило мощью. «Имел я тебя, приятель», — как бы говорило оно проезжающим автомобилям и легионам красных и желтых кранов, грозно возвышавшихся над улицами.

Эдди немного постоял у окна, но городской пейзаж не вызвал у него никаких эмоций. Он столько раз видел все это по телевизору и в кино, что казалось, жил здесь всегда. Ничего будоражащего воображение. Ничего нового — кроме, пожалуй, свежести, разлившейся в воздухе, когда

грянул гром и на город хлынул дождь, а внизу на улице раскрылось множество зонтов. Сперва Эдди решил, что белая вспышка — это молния, но, обернувшись, увидел возле кровати Марион с его фотоаппаратом в руках и сияющей улыбкой на губах.

Она завернулась в полотенце, мокрые спутанные волосы разметались по плечам. Он заметил длинные ногти у нее на ногах. А руки у нее зябко дрожали, когда она переводила кадр.

По-прежнему не обращая на Эдди ни малейшего внимания, она села за туалетный столик и принялась листать найденный в одном из ящиков иллюстрированный журнал, тихонько напевая себе под нос. Интересно, подумал Эдди, что будет дальше. Он сидел на подоконнике, курил сигарету и наблюдал за Марион. Ему хотелось подойти к ней, вновь коснуться ее хрупких плеч, покрытых гусиной кожей, обнять и крепко прижать к себе. Но почему-то он не сделал этого.

Внезапно Марион хлопнула в ладоши и громко рассмеялась счастливым детским смехом, отчего сердце у Эдди на миг замерло.

— Здорово! — объявила она, вытащила из сумочки маникюрные ножницы и медленно, осторожно принялась вырезать из заголовка

статьи о телеканале буквы «Эй-би-си», от усердия высунув кончик языка.

— Ну как? — Она подняла вверх вырезанные буквы.

— Очень мило, — растерянно ответил Эдди.

Девушка оторвала кусочек скотча и аккуратно прилепила большие черные буквы к стене над кроватью, бережно разглаживая бумагу кончиками пальцев. Потом отступила на шаг, любуясь результатом, снова взяла Эддину камеру и сфотографировала стену. На этот раз вспышка ослепила его, он потер глаза.

— Мне просто нравится алфавит. — Марион пожала плечами. — Сама не знаю почему.

— *Chacun à son goût,* — вполне искренне заметил Эдди и поспешно перевел: — Это означает: у каждого свои заскоки. Делай, что нравится.

— Чего сразу-то так не сказал? — осведомилась она, и Эдди не нашелся с ответом.

На улице было шумно, гремела музыка; к ночи стало еще хуже. Шум — вот что в Лондоне было другим. Такой какофонии в Дублине никогда не услышишь — множество голосов, грубых, соблазнительных, зазывных, чужих. А в гостинице стены до того тонкие, что можно слышать возгласы, кашель и шум воды в соседних номерах.

— Зачем ты сюда приехала? — спросил Эдди, пока Марион наносила на лицо боевую раскраску.

— А ты зачем? — в свою очередь спросила она, вешая в шкаф голубое платье.

— Работу ищу, — сказал он. — Знаешь, как это бывает…

— И я тоже, — откликнулась она, — приехала сестру проведать и, может, подыскать работу. — Она рассмеялась и вздохнула. — Господи Иисусе, зачем еще человеку сюда приезжать?

— Не знаю, — ответил Эдди. — Разные бывают причины.

— Да брось ты! — Внимательно глядя в зеркало, она подкрасила губы. — У меня, например, причины как у всех, я ничем от других не отличаюсь.

— Я бы так не сказал.

— Ну, *ты* бы, может, и не сказал, но придется тебе поверить мне на слово. — К его досаде, это «ты» она произнесла так, будто знала Эдди как облупленного. — Нет, во мне нет ничего особенного.

— Расскажи о себе, — попросил он с утрированным калифорнийским акцентом и тотчас смутился.

— Что ты хочешь знать? — Она провела руками по груди.

— Да не знаю… ну, о твоей семье. Об отце. Чем

твой отец зарабатывает на жизнь?

Вопрос прозвучал слишком прямолинейно, но Эдди не заметил и взял в руки гитару.

— Он набивает колбасы. — Марион взглянула на него. — А что?

— Не может быть! — Эдди извлек из струн печальный аккорд. — Ты меня разыгрываешь.

Улыбка смягчила нахмуренное лицо Марион.

— Вовсе нет, — порозовев, сказала она. — Он мастер на колбасной фабрике.

— Вот как. Ну что ж, кто-то ведь должен этим заниматься.

— Да. Он тоже все время так говорит.

— Что правда, то правда. — Эдди пожал плечами. — Всем кто-то должен заниматься.

В этот вечер они пошли ужинать в мексиканский ресторан под названием «Помни Аламо». Куртки они повесили на гигантский пластмассовый кактус прямо посреди зала. Ресторан был из тех, где меню слишком большого формата и напечатано на пластике, из динамиков звучит Барри Манилоу в исполнении Ричарда Клайдермана, а официантка называет вам свое имя, даже если вы не хотите его знать. Эдди обратил внимание, что Марион говорит официантке «пожалуйста», «благодарю вас» и «простите», и ему стало совест-

но, так как сам он до этого не додумался. Вдобавок он чувствовал, что делает она это подчеркнуто, в пику ему. Марион заказала гренки и мясо с соусом чили и выпила целый кувшин пива. Эдди ограничился пирогом с перцем и стаканом воды со льдом: с желудком у него все еще было неладно. Он скорчился на стуле, опасаясь испортить воздух.

Марион была из Баллибраккена, приморского городка в Донеголе, о котором Эдди никогда не слыхал. По ее словам, это тихое местечко, где никогда ничего не происходит. Из тех городков, где уличные фонари начинают мигать, стоит включить электрическую зубную щетку. Один триместр она занималась в колледже политическими науками, но потом была вынуждена вернуться домой, потому что с отцом произошел на фабрике несчастный случай и матери требовалась помощь по дому.

— Господи, — сказал Эдди, — что же он себе повредил?

— Нос, — беспечно отозвалась Марион. — У моего отца нет носа.

— А как же он тогда нюхает? — поинтересовался Эдди.

— Бородатая шутка, — заметила Марион и

предложила сменить тему.

У нее было восемь братьев и три сестры. Настоящая ирландская семья, сказала она, самая что ни на есть типичная: парни даже тарелку вымыть не сумеют, а девчонок сызмала учат гладить.

— Знаешь, почему Христос был ирландцем? — сказала она. — Он все время тусовался с парнями и до тридцати лет жил при матери.

Сейчас все они разъехались из дома. Все, кроме младшего брата, Паскаля. Две сестры уже замужем — одна за хорошим парнем, который одно время работал в полиции, вторая за совершеннейшим ублюдком, который держал в Маллингаре магазин ковбойской обуви. Один брат сейчас в армии, служит в Ливане; двое работают на строительстве в Дублине и живут вместе, комнату снимают в Ратмайнзе. Один — в Нью-Йорке, туалеты убирает в большой гостинице. Еще один — в Лидсе, на курсах по уходу за психическими больными, но в городе считают, что он сам чокнутый. Оставалось еще два брата, и о них Марион говорить не хотела.

Тот, что жил в Нью-Йорке, завел себе подружку, она стюардесса на трансатлантических рейсах «Аэр Лингус». Каждые выходные, сказала Марион, она привозит матери в Баллибраккен сверток с

грязным бельем, а в понедельник утром забирает в Нью-Йорк чистое.

Эдди чуть не поперхнулся, услышав это, но Марион поклялась, что говорит правду.

— Печально, — сказала она, — но, видит бог, истинная правда.

— Зашибись, — сказал Эдди. — Обалдеть можно!

— Да, — ответила Марион, — я бы тоже посмеялась, если б не то, как они к ней относятся. Она для них вроде негра.

Эдди рассказал Марион, что его отец уже десять лет работает в банке заместителем помощника управляющего. Что у него одна сестра, Патришия, которая сейчас учится в Тринити-колледже на отделении психологии и социологии. Рассказал обо всем, что произошло минувшим летом, когда он работал над дипломом, об отце, о матери, о том, как все были поражены, когда мать позвонила из Лондона и объявила, что все кончено и она не вернется. Как всегда, этот рассказ вызвал у него неприятно тревожное чувство. Трудно говорить о таких вещах, ведь получается, будто рассчитываешь на сочувственный отклик. А он не то чтобы *не хотел* сочувствия; он просто не хотел показывать Марион, что нуждается в сочувствии.

— Одно хорошо, — сказал он, — мы все теперь сами стираем на себя.

Марион улыбнулась. Потом спросила, какой музыкой увлекается Эдди, а он ответил, что не может объяснить на словах. Музыкой, которая о чем-то рассказывает, а не бессмысленным бренчанием. Марион сказала, что ей нравится Джордж Майкл и вроде того. Эдди ответил, что на его вкус это музыка слишком коммерческая, и перечислил названия нескольких групп, о которых она никогда не слышала: «Каменные розы», «Визжащие голубые мессии», «Армия нового образца». Они поспорили из-за «Ю-ту». Марион сказала, что не любит их, а Эдди не мог понять почему. Марион заявила, что они постоянно говорят глупости о Севере, хотя совершенно не разбираются в ситуации. Когда она спорила, ее глаза сужались, а взгляд становился острым и пронзительным, отчего Эдди чувствовал себя неуютно. Марион ехидно предположила, что Эдди из числа тех пяти миллионов, которые якобы видели их первое выступление на Ярмарке нарциссов.

— Видел? — рассмеялся Эдди. — Я там играл — в смысле подыгрывал — с моей первой группой, «Жрицами меда». Парни из «Ю-ту» вполне ничего себе, всегда присылают мне билеты, когда играют

в Пойнт-Депо.

Подумаешь, фыркнула Марион, большое дело! Эдди возразил, что они много сделали в борьбе с апартеидом и что в Южной Африке их пластинки под запретом. Марион буркнула, что Южной Африке повезло, а Эдди ответил, что это дешевый наезд. Марион сказала, что причитать об апартеиде в дальних краях, конечно, очень здорово, но в Северной Ирландии тоже есть апартеид, разве не так? Как быть с интернированием, с убийствами, с пытками пленных?

— Да чушь это все, — поморщился Эдди. — Конечно, может, дела там идут не ахти как, но все же не до такой степени паршиво.

Он считал, что в Ирландии полно таких, кто дерется со своими же, и что «Ю-ту» — команда классных ребят, которые вправду сотворили чудо и здорово подняли репутацию Ирландии в других странах. Это еще как сказать, вставила Марион, смотря что Эдди понимает под Ирландией, что до нее, то она видит в Ольстере часть Ирландии.

— Послушай, — вздохнул Эдди, — не заводи насчет зеленого флага, ладно?

— Ты первый начал, и нечего тут гнуть линию!

— Какую еще линию? — снова поморщился Эдди. — Нет у меня никакой линии. Сказать по

правде, мне вообще начхать…

— Линию Тэтчер, — перебила Марион. — Линию правительства. Я все это уже сто раз слышала от таких, как ты.

— От таких, как я?

— Да, от таких, как ты. Доморощенных леваков-буржуев из Дублина-четыре, — объявила она с видом расхрабрившегося ребенка, но Эдди вовсе не хотелось лезть в драку. — Да, — вздохнула она, — можешь удивляться, но я таких уже встречала.

Эдди рассмеялся:

— Послушай, малыш, если тебе охота верить во всю эту туфту — верь на здоровье! Только не вешай мне лапшу на уши, ладно?

Сидевший в углу лысый мужчина вытащил из пачки сигарету и, вопросительно глядя на Эдди, помахал ею в воздухе. Эдди перебросил ему коробок спичек, лысый прикурил и тем же способом вернул коробок.

— Слушай-ка, Эдди Вираго, — сказала Марион, — во-первых, думаю, ты слегка перехватил, — она скривилась, — называя меня «малышом».

— Верно, — улыбнулся он. — *Touché*[6].

---

[6] Примечания: 6
Здесь: сдаюсь *(фр.)*.

— А во-вторых, нужно, пожалуй, сказать тебе, что мой отец — член совета Шин фейн.

— Круто! — Эдди пожал плечами и отщипнул кусочек хлеба. — Впечатляет.

Это была правда.

Когда они вернулись в «Брайтсайд», Марион поднялась в номер, а Эдди задержался в холле, решил позвонить отцу. Все в порядке, сообщил он, правда, дорога была не очень, но на корабле он встретил приятеля по колледжу и собирается провести с ним денек-другой.

Они поговорили несколько минут; телефонный автомат глотал монетки с пугающей скоростью. У Патришии все в порядке, гуляет где-то со своим парнем — на какой-то благотворительной вечеринке, что ли, в пользу ирландских детей, подвергшихся насилию. Если вдуматься, звучит забавно. Эдди согласился.

— Кстати, Ирландия победила, — сказал отец.

Не прерывая разговора, Эдди просматривал газету.

— Отлично, па. Ты смотрел игру?

— Да, — ответил отец, — и выиграл пару пива. — Шумы и помехи искажали его голос. — Понимаешь, хорошая была игра, но не блеск.

— Ты вроде сказал, мы победили.

— Да, но ведь это только игра, верно?

Эдди увидел, как мистер Патель прошел через холл, с чашкой кофе в руке, отпер дверцу стойки и скользнул в заднюю комнату. Двигался он изящно и грациозно. Сразу видно: человек на своем месте и ориентируется тут с закрытыми глазами. Эдди позавидовал ему. По стенам скользили голубые блики и тени — от включенного телевизора.

— Да, — согласился Эдди, — только игра.

— И все же, — сказал отец, — ты прав, мы выиграли.

— Я пойду, па.

— Давай, не трать деньги попусту.

— Спокойной ночи, па.

— Тридцать восемь пенсов за минуту. Черт знает что!

— Да, вконец оборзели, па. Послушай, мне пора.

— Ладно, сынок, слушай, я хотел тебе сказать…

Телефон щелкнул и отключился, прежде чем Эдди успел открыть рот. Он еще немного постоял в маленькой темной телефонной будке, размышляя об отце и о том, не стоит ли перезвонить ему — просто чтобы нормально пожелать доброй ночи. Но он понимал, что это будет выглядеть глупо. Позвонить бы кому-нибудь еще, но кому?

Открыв телефонную книгу, он отыскал собственную фамилию. Вираго оказалось не так уж и мало — семнадцать, если точно. В Дублине они были единственными. Это здорово упрощало жизнь. Ему достаточно было назвать свою фамилию и сказать, чтоб искали в телефонной книге, а там других Вираго не было. Все просто. В Лондоне, похоже, будет посложнее.

На первой странице газеты он кое-что заметил. Статья о записях нью-йоркской группы «Деф джем». Эдди вслух рассмеялся и оторвал кусочек страницы с буквами «Ди-И-Эф».

С трудом повернувшись в тесной будке, он смахнул с внутренней стороны двери небольшую листовку. «Объединенная мусульманская партия, — гласила она. — Запретите *„Сатанинские стихи“*[7]!»

Выйдя в холл, он глянул за стойку. Мистер Патель сидел в углу диванчика, смотрел какую-то дурацкую комедию и хихикал. Телевизор работал слишком громко, и всякий раз, как по ходу действия на экране раздавался хохот, окошко в глубине гулко дребезжало. Стену украшал плакат

---

[7] Примечания: 7

Роман английского писателя (индийца по происхождению) Салмана Рушди (род. 1947), вызвавший резкие нападки исламских фундаменталистов.

— фотография какой-то индийской кинозвезды с красной точкой посреди лба. На полу стоял телефон с подключенным автоответчиком, сбоку мигала крохотная красная лампочка. На телевизоре красовался рулон туалетной бумаги, мятый и покореженный, словно его уронили в унитаз, а потом вытащили и решили просушить.

Заметив Эдди, мистер Патель кивнул и с улыбкой поинтересовался, все ли в порядке. В льдисто-голубом освещении он выглядел настоящим красавцем. Эдди ответил, что все замечательно, и мистер Патель снова улыбнулся. Когда он улыбался, щеки у него округлялись. Маленькими глотками он прихлебывал кофе, забавно топорща усики.

— Вы нас побили! — Он погрозил Эдди пальцем.

Эдди спросил, что он имеет в виду.

— В регби, — ответил мистер Патель. Оглушительный смех из динамиков заполонил комнату. — Ирландия — Англия, четыре — ноль.

Мистер Патель вздохнул, подняв вверх четыре пальца. Эдди сказал, что уже знает результат, но ведь это не последняя игра.

— Да, — согласился мистер Патель, — надо относиться к этому философски.

Эдди попросил разбудить его пораньше и вышел на улицу выкурить косячок. Прошелся по Президент-стрит из конца в конец — сначала по одной стороне, потом по другой. Дымок марихуаны щекотал ноздри. Воздух полнился запахом гамбургеров и пабов. Эдди чувствовал себя усталым и взвинченным, вдобавок его обуревали мрачные предчувствия. Неожиданно он поймал себя на мысли: что-то сейчас делает Дженнифер и вспоминает ли его хоть иногда? Сидя на ступеньках «Брайтсайда», он закрыл глаза и попробовал представить себе ее лицо. Ничего не вышло. Он бросил окурок и подумал о Дине Бобе. По улице плыли звуки хип-хопа, четверо чернокожих на углу смеялись чему-то, прихлебывая из бутылок. В приступе тоски и отчаяния Эдди смотрел на звезды и самодовольную луну над Кингз-Кроссом, туманную, вишнево-красную.

Марион рассмеялась, когда Эдди прикрепил к стене комнаты бумажные буквы «Ди-И-Эф».

Откинув одеяло, он увидел, что она уже успела раздеться.

На следующее утро мистер Патель был невесел.

Он перетаскивал в сумрачную, пропитанную жирными запахами столовую огромные стопки

белых тарелок и пирамиды чашек, менял салфетки и опорожнял пепельницы — его суетливая деятельность напоминала сцену из водевиля. В черном костюме с узким черным галстуком он выглядел ухоженным, прилизанным и изящным, как сыщик из комикса. Но хотя он очень старался быть вежливым и отвечал на приветствия учтивыми кивками, было очевидно, что он чем-то озабочен и расстроен. Сжав губы, он метался по залу, яростно рассекал воздух полотенцем, поправлял картины на стенах (хотя большинство из них в этом не нуждалось), что-то бормотал себе под нос. В зале было прохладно, но он казался разгоряченным, поминутно приглаживал свои черные волосы, то застегивал, то снова расстегивал ворот рубашки. В таком состоянии и застали его Эдди и Марион, добравшись до своего столика.

Жене его явно доставалось на орехи. Мистер Патель то и дело распахивал задом дверь на кухню, с отчаянием возводил глаза к потолку и, скрестив руки на груди, что-то приглушенно рычал; слов Эдди и Марион разобрать не могли, но, судя по тону, он ругался. Потом из кухни в зал тихонько пробиралась миссис Патель с ведром или шваброй в руках, опустив глаза, не смея

взглянуть ни на мужа, ни на немногочисленных постояльцев за столиками — только на вытертый ковер. Из кухни доносилась тоскливая восточная музыка, а от пронзительного крика газетчика на тротуаре, казалось, дрожали стекла.

Миссис Патель, маленькая, тощая, с головы до ног закутана в желто-пурпурное сари; свободным краем сари она закрывает нижнюю часть лица, так что возраст ее не угадаешь. А вот глаза точно красивые, миндалевидные, исчерна-лиловые, как спелый виноград; Эдди рассмотрел их, когда она виновато глянула в его сторону и на минуту сняла очки в роговой оправе. Кожа у нее чуть светлее, чем у мужа, но такая же гладкая. Когда она оттирала плинтусы и полировала желтой суконкой ножи, движения ее были быстрыми и порывистыми, как у птицы.

Сегодня настроение у Марион было получше, впрочем, это ничего не меняло. Эдди начал осознавать реальное положение дел. В пять тридцать его разбудил уличный шум. Он лежал в темноте, прислушиваясь к едва внятным звукам далекого радиоприемника, лежал, ощущая спиной холодок влажных простынь и колючие хлебные крошки; ноги его переплелись с ногами Марион, в горле пересохло и першило. Эдди

совершенно не знал, что ему теперь делать. Печально, но факт. В глубине души он понимал, что это обычное приключение на одну ночь в конце концов перерастет во что-то иное. Ведь так с ним бывало каждый раз. Типичная история. Не успел сойти с корабля — и уже по уши в дерьме. А ведь обещал себе, что ни в коем случае не станет ни с кем сходиться слишком быстро, и вот пожалуйста — все обещания пошли прахом. Есть шанс, что все это превратится в этакую романтическую историю. Эдди чувствовал себя так, словно ступал по тонкому льду и лед уже начинал трескаться.

Постель была типично гостиничная, слишком мягкая, с нейлоновыми простынями, которые так потрескивали и искрили от статического электричества, что, наверное, за милю слыхать. Воздух в комнате остыл, Эдди видел, как его дыхание превращается в облачко пара. Он лежал рядом с Марион, пытаясь сообразить, как все это произошло и как действовать дальше. Где-то внутри, в самой глубине своего существа, он ощущал сосущую пустоту. Но к переживаниям и эмоциям это отношения не имело. Ему просто хотелось есть.

На секунду у него мелькнула мысль, что можно бы встать и смыться отсюда, ничего не говоря, —

тихонько спуститься по черной лестнице, как какой-нибудь Эррол Флинн, и никогда больше не возвращаться. В ближайшие месяцы Эдди не раз задумается, почему он не сделал этого, ведь так просто было сесть в одно из здешних черных такси и рвануть к матери, без всяких там вопросов. Он бы успел доехать до матери прежде, чем Марион проснется. Или бы поехал куда-нибудь еще — лишь бы не оставаться в «Брайтсайде». Никаких проблем: в такую рань вокруг ни души, в два счета бы слинял. Но до такого сволочизма даже Эдди опуститься не мог. Да и чисто практически он бы не сумел пронести гитару по лестнице без шума.

Сейчас, сидя в столовой и глядя, как дрожит маленькая рука Марион под тяжестью кофейника, где-то в глубине комочка под названием «сердце» Эдди почти радовался, что не рискнул это сделать. *Почти,* но не совсем. Просто она выглядела такой хрупкой, уязвимой.

Марион протянула руки над тарелками с завтраком и, взяв Эдди за руку, улыбнулась ему странно скорбной улыбкой. Потом кончиком пальца стерла что-то с его губ. Он покраснел. Нынче утром Марион выглядела лучше, вне всякого сомнения. Как-никак спала она хорошо, тихонько

поскрипывая зубами и уютно посапывая во сне, словно котенок. Сейчас ее зеленые глаза были ясными, кожа после душа мягко розовела; она немного подкрасилась, подобрала волосы вверх и туго перехватила желтой лентой, отчего стала напоминать Симону де Бовуар или кого-нибудь еще из этих лягушатников. В ее зеленых глазах Эдди видел свое отражение. Глаза действительно были зеленые, как море за Сандимаунтом (хотя, зная, какую дрянь туда сливают, Эдди усомнился, чтобы девушка сочла это комплиментом). И все-таки теперь он понимал, почему люди с таким восторгом говорят о зеленых, как море, глазах. Достаточно посмотреть на Марион.

Строго говоря, Эдди не слишком одобрял косметику. Но, в сущности, его мнения никто не спрашивал, да и в женоненавистники он не метил. А Марион косметика была очень к лицу, и, разглядывая ее, он с трудом верил, что они только вчера познакомились и уже успели сообща изведать такое, о чем многие понятия не имеют после долгих лет супружества. И к чувству вины примешивалась сильнейшая потребность рассказать кому-нибудь об этом, лучше всего Дину Бобу, который коллекционировал чужой сексуальный опыт так же, как прыщавые юнцы коллекцио-

нируют номера поездов. Да, Боб наверняка бы завелся. Эдди прямо воочию видел толстое лицо добродушного янки: «Господи Иисусе, мать твою, быть не может! Ты такого не делал! Чтоб мне ложкой зарезаться, парень! Ну ни фига ж себе!»

— Замечательно выглядишь, — сказал он. Что ж, как начало и это сгодится. С тех пор как проснулись, Эдди и Марион ни слова друг другу не сказали, но нельзя же так продолжать, в самом-то деле? Эдди смущенно наблюдал, как Марион бродит по спальне, обнаженная, бледная, как она роется в рюкзаке, выбирая одежду, как натягивает колготки. Сам он надел трусы под одеялом, пока она стояла к нему спиной. Знал, что это смешно, но ничего не мог с собой поделать. Она даже смеяться над ним не стала.

Пока Марион принимала душ, он быстро убрал постель, перевернул простыни, подоткнул края одеяла под матрас. И домовитость тут ни при чем. Просто он не хотел, чтобы она увидела пятна на простынях. И сам не хотел их видеть. Хотел спрятать их.

— Ты тоже хорошо выглядишь, — отозвалась Марион, — но ведь для тебя это не новость, верно?

Эдди пытался придумать какой-нибудь ост-

роумный ответ, но пока было слишком рано, в голове еще не развеялся туман от косяка, который они выкурили на двоих, перед тем как уснули в половине третьего утра, пройдя всю «Камасутру». В мозгу проносились отдельные слова и обрывки фраз, но ничего связного из них не складывалось.

— Сдаюсь, — сказал Эдди.

Мимо стола пробежала миссис Патель, сгибаясь под тяжестью большого железного ведра, в котором плескалась мыльная вода.

— Да, — ответила Марион. — Сдавайся.

Эдди взял ее руку, поднес к губам и поцеловал — обычно этот трюк действовал безотказно, но Марион метнула на него взгляд, от которого он почувствовал себя едва ли не дураком, а потом снова принялась за попытки вскрыть вилкой пластиковую упаковку с вареньем. Ворот блузки при этом чуть сдвинулся, и Эдди увидел на нежной шее девушки, возле серебряного крестика, следы любовных укусов. Марион перехватила его виноватый взгляд.

— Видишь, что ты со мной сделал, дикарь, — коснувшись его руки, проговорила она.

Эдди залился краской и впился зубами в холодный непрожаренный тост.

— Это все в пылу страсти, — пробормотал он, чувствуя себя последним ублюдком. Черт, она, между прочим, тоже не ангел. У Эдди по временам возникало ощущение, что крайняя плоть отвисла до колен. Но сейчас Марион выглядела нежной и уязвимой, совершенно не такой, какой была в постели, и из-за этих следов на ее прозрачной коже Эдди казался себе прямо-таки дикарем-извращенцем. Вдобавок они словно бы давали Марион власть над ним, а это Эдди вовсе не нравилось. На самом деле, конечно, ничего подобного, просто следы любовных игр, и только, но чувство зависимости не уходило. Эдди был человек впечатлительный и во всем усматривал знаки и символы — такая натура.

Марион сдернула ленту, которой были подвязаны волосы, отбросила назад растрепавшиеся пряди и посмотрела Эдди в глаза — в самую глубь, ему даже стало неуютно.

— Прекрати! — Он рассмеялся, чувствуя, что под ее взглядом невольно начинает косить.

Но она не прекратила. Сжала его руку в ладонях, вгляделась еще пристальнее, словно искала в его лице что-то знакомое. Глаза у нее поблескивали любопытством и насмешкой.

— Должно быть, вид у нас обоих идиотский. —

Он фыркнул, нервно высматривая хоть что-нибудь, о чем можно поговорить.

— Ты такой красивый, Эдди Вираго, — вдруг сказала она, — жаль только, что артист из тебя хреновый.

— Спасибо, — ответил он, — я тоже тебя люблю.

Она тихонько засмеялась и вернулась к прерванному завтраку.

В десять тридцать миссис Патель подошла к их столику и жестом показала, что пора закругляться.

Когда они выходили, Марион обняла Эдди за талию, сунув руку в задний карман его брюк. Эдди отчетливо услышал за спиной тихий смех мистера и миссис Патель. Он вспыхнул от смущения, но не оглянулся.

В номере они долго стояли у окна, обнявшись, ничего не говоря и толком не зная, что надо чувствовать. Эдди смотрел на их отражение в зеркале платяного шкафа. Да, пора заняться «ирокезом», подумал он, привести прическу в порядок.

Марион поинтересовалась, что будет дальше; Эдди ответил, что не знает, но как насчет того, чтобы разок перепихнуться? Марион дернула плечом и объявила, что ненавидит это слово и что

вообще-то она имела в виду совсем другое. Эдди отпустил ее и открыл футляр с гитарой. Вытащил инструмент, уселся на кровать, отчаянно делая вид, будто подтягивает струны, и в результате так затянул колки, что не сомневался: первая струна лопнет, как только он начнет играть. Марион закурила, наблюдая за ним и перебирая пальцами волосы. Внезапно в дверь нервно постучали. Марион открыла. На пороге с глуповато-застенчивым видом стоял мистер Патель.

— Комната устраивает? — дружелюбно осведомился он. Марион заверила, что вполне устраивает, мистер П. сказал, что это хорошо, и добавил: — Наша комната как раз рядом с вашей, так что, если ночью вам что-нибудь понадобится, просто постучите.

Марион заверила, что им ничего не понадобится, но пообещала, что в случае необходимости непременно воспользуется его советом.

— Спасибо, — сказала она. — Спасибо, мистер Патель.

Он снова улыбнулся.

— Можно? — Он с улыбкой вошел в комнату. — На минутку?

— Разумеется, — сказала Марион, — в конце концов, это ваша комната.

Мистер Патель рассмеялся:

— Пожалуй. Я как-то не подумал об этом. — Он помолчал, потом спросил: — Не скажете ли мне, почему вы здесь?

Марион деланно засмеялась, потом ответила, что ищет тут работу.

— Вот как? — радостно сказал он. — Тогда я могу вам помочь.

Эдди вдруг остро ощутил сладковатый запах конопли, наполнявший комнату. Он открыл окно пошире и сел на подоконник, глядя на оживленно размахивающего руками мистера Пателя.

Мистер Патель сообщил, что сегодня утром ушла Анджела, без предупреждения, что, как ни грустно об этом говорить, типично для черных: они просто не хотят работать. Оказалось, эта Анджела, служанка, решила вернуться на Барбадос, где и будет жить со своей незамужней теткой. Мистер Патель был в ярости, ведь, по его словам, он как раз собирается вместе с шурином открыть маленькую столярно-слесарную мастерскую и потому не может уделять гостинице так много внимания, как раньше.

— Анджела, — вздохнул он, — кинула меня, прошу прощения.

Все время, пока он говорил, взгляд его снова и

снова возвращался к гитаре Эдди, лежавшей на кровати. Надо признать, гитара действительно была замечательная; но мистер П. смотрел на нее так, будто в жизни не видел гитары, а может, и правда не видел вблизи.

— Но мы-то здесь при чем? — спросил Эдди.

— У меня есть идея, — улыбнулся мистер Патель. — Я сделаю вам предложение, от которого вы не сможете отказаться.

Он подошел к кровати, склонился над гитарой и коснулся струн — осторожно, чуть ли не благоговейно, словно боялся, что струны его укусят. Чтобы она зазвучала по-настоящему, ее надо включить в сеть, объяснил Эдди, чем несколько озадачил мистера П.

А предложил он вот что: Марион займет место Анджелы — будет прибирать, стелить постели, помогать с завтраком и делать прочую мелкую работу, а за это получит бесплатное жилье.

— Вы можете остаться в этой комнате, — сказал мистер Патель. А если и жених не откажется иногда помочь по хозяйству, можно, дескать, и его устроить. Если он будет хорошо себя вести.

— Кто? — переспросил Эдди. — Я?

— Дел на всех хватит, — ответил мистер Патель. — Оставайтесь здесь, с нами. Что скажете?

— Он мне не жених! — воскликнула Марион. Мистер Патель вскинул руки протестующим жестом.

— Я не задаю вопросов, — улыбнулся он, — и вам незачем лгать.

— Почему я? — спросила Марион. — Вы же совсем меня не знаете.

Мистер Патель ответил, что она просто ему понравилась, показалась ему очень милой девушкой и в любом случае он знает, что ирландцы — прекрасные работники. Он сталкивался со многими ирландцами в строительном бизнесе и убежден, что они ребята крепкие. Изредка мистер Патель хихикал и все время смущенно смотрел в пол. Они молоды, сказал он, а ему хорошо известно, что молодые люди хватаются за любой шанс. Сам был таким. Он подошел к Марион и тронул ее за руку. Здесь есть шансы, продолжал он. Город-то огромный. Она может рассматривать это как начало. Работенка легче легкого. По правде сказать, он в отчаянном положении, а теперешняя молодежь — сборище ленивых паршивцев, им интереснее нюхать клей, чем работать. Мистер Патель рассмеялся коротким виноватым смешком. Марион и Эдди не такие, он видит. У него чутье на людей, и оно ни разу его не обмануло.

Эдди и Марион ему симпатичны. Эдди хихикнул.

Марион посмотрела на Эдди и спросила, что он думает по этому поводу. Он с трудом сглотнул и ответил, что не знает.

— Я знаю, что ты *не знаешь*, — вздохнула она, — но что ты *думаешь?*

Эдди запаниковал. В душе. Ситуация выходила из-под контроля, отбивалась от рук. Впрочем, именно этого он и ожидал. Лучше б ему никогда не встречать Марион. Он ведь просто хотел потусоваться с ней день-другой, потом черкнуть пару строк, типа «будем друзьями», и слинять. Конечно, это неправильно, но так уж заведено — они люди взрослые, им незачем себя обманывать. С какой стати она спрашивает у него, как ей жить дальше! Это уж слишком. Надо собраться с духом и выпутаться из этой ситуации, пока дело не зашло слишком далеко. Он повернулся к Марион. И прочитал на ее лице нежелание разочаровываться.

— Ну? — сказала она. — Хочешь остаться?

Эдди сдавленно хихикнул и уставился в пол.

— Слабый характер. — Мистер Патель погрозил ему пальцем.

— Пора решать, — сказала Марион.

Эдди задумался. Он едва знал эту девушку. У

них не было совершенно ничего общего. Черт, если говорить начистоту, она ему даже не особенно нравилась! Он рассчитывал просто провести с ней ночь, и только. Господи Иисусе! Почему все вечно оборачивается такими сложностями? Ложишься с кем-нибудь в постель, а через минуту у тебя уже спрашивают твое фиговое мнение! Она заставляла его нервничать. Что он ни скажет, у нее на все готов ответ, обычно еще до того, как он успевал открыть рот. Нет, она не похожа на девчонок, которых он встречал раньше, и меньше всего на Дженнифер или других девиц, с которыми он спал, честное слово! В глубине души Эдди понимал: добра не жди. Ни черта у них не выйдет. У них две возможности — слабенькая и нулевая, и это еще оптимистично. Ничего не выйдет, решительно ничего. Даже и говорить не о чем. Надо быть твердым.

Марион смотрела на него, жуя резинку, выжидательно приподняв брови.

— Ну? — снова спросила она. — Так ты остаешься или уходишь?

— Конечно, — промямлил он. — Я бы остался, ладно? Если ты так хочешь.

Она выдула пузырь, который лопнул, облепив ей губы.

— Да, — улыбнулась она, — можешь остаться.

— Как хочешь. — Он развел руками. — Решай сама.

Мистер Патель сказал, что у нее есть время подумать, но Марион объявила, что обдумывать тут нечего, она остается. Мистер Патель радостно хлопнул в ладоши и просиял:

— Вот настоящая любовь!

— Ага, точно, — подтвердил Эдди, меж тем как Марион покрывала его лицо поцелуями, — только давай пока не будем увлекаться.

Эдди чувствовал себя как отец. Решительным, мужественным, хотя и несколько смущенным. Но все же он испытывал и удовольствие от того, как мистер Патель смотрел на него, а Марион обнимала его, прижималась к нему, целовала в шею.

Ей нужно задержаться здесь на несколько дней, сказала она, повидать кое-кого, сделать необходимые дела. Потом надо съездить домой в Донегол, собрать вещи, поговорить с родителями. Все это займет около недели. У нее была проблема с деньгами, но мистер Патель сказал, что одолжит на дорогу, а долг она постепенно отработает. Марион отказалась: займет у сестры.

— Ну что ж, все довольны? — жизнерадостно спросил мистер Патель.

— Да, — расстегивая воротник, ответил Эдди, — все в восторге.

— Это великий день для ирландцев, — просиял мистер Патель, — как поется в старой песне.

На пороге он обернулся и поднял указательный палец, словно что-то забыл. Ухмыляясь как мальчишка, вытащил из нагрудного кармана маленькую карточку и протянул ее Эдди.

— Моя новая визитка, — сообщил он. — Мне хотелось бы знать ваше мнение. У ирландцев талант на красивые слова. Именно этим славится ваша страна, верно?

— Да, красивыми словами, — ответил Эдди и взял карточку.

Н.-П. ПАТЕЛЬ и С.-Р. СИДДИКВИ
Столярные и слесарные работы
Уважаемые европейцы,
Вам известно, на что способны ковбои,
Посмотрите, на что способны индейцы[8]

Марион уселась на кровать, подтянув колени

[8] Примечания: 8

«Ковбои и индейцы» — широко распространенная детская игра типа «казаки-разбойники». Здесь также имеет место игра слов, поскольку индейцы и индийцы пишутся по-английски одинаково.

к подбородку. Посмотрела на прикрепленные к стене буквы и по-детски улыбнулась — долгой, глуповатой, щемяще-невинной улыбкой.

— Здорово, — сказал Эдди и сунул визитку в карман. — Я бы непременно к вам обратился.

Мистер Патель выглядел довольным. Сказал, что подробности они обсудят позже, и вышел из комнаты, тихонько прикрыв за собой дверь. Марион и Эдди слышали, как, быстро шагая по коридору, он насвистывал песенку Элвиса Пресли «Отель, где разбиваются сердца».

— А если б мне понадобился хреновый артист, — сказала Марион, крепко обняв Эдди, — я бы обратилась к тебе, Эдди Вираго.

— Спасибо.

— Да пожалуйста, — ответила она с вызывающим видом.

Эдди вдруг страшно занервничал. Расхаживая по комнате под внимательным взглядом Марион, он отчетливо сознавал, что хочет остаться один, где-нибудь далеко-далеко — подальше от этой странной девчонки и ее молчания.

— Что с тобой такое? — спросила Марион.

Эдди засмеялся:

— Ничего. Просто задумался.

— И о ком же? — поинтересовалась Марион. —

Она хорошенькая?

— При чем тут это? — Он помолчал, потом заговорил снова, совсем о другом. Хлопнул в ладоши и бодро спросил: — А что, неплохой вариант, верно?

— Да ну, всего-навсего уборка. Просто я очень рада, что ты здесь. — Она перехватила его взгляд и густо покраснела. — Может, и тебя сумею прибрать, Эдди Вираго, как ты думаешь?

Эдди пожал плечами и отвернулся. В комнате стало как-то холодно. Он попросил у Марион взаймы несколько фунтов — на сигареты. Для этого нужно было разменять десятифунтовую купюру, но она сказала, что не возражает.

Все утро они осматривали город.

Букингемский дворец смахивал на огромный кукольный дом, который какой-нибудь бритоголовый пинком запулил вниз по Малл, — обшарпанный, явно нуждающийся в покраске. О Лестер-сквер тоже ничего интересного домой не напишешь — сплошные британские флаги, закусочные, кричаще-яркие пиццерии и маленькие общественные туалеты, казалось попавшие сюда прямиком из допотопного фантастического сериала «Доктор Икс». Лотки пестрели плохонькими фотографиями звезд панк-рока и мыльных

опер, черными пластиковыми полицейскими шлемами и маленькими заводными моделями красных лондонских автобусов.

Когда Марион и Эдди шли через Трафальгарскую площадь, небо потемнело от тучи голубей, скворцов и ворон — дерущихся, галдящих и пачкающих пометом памятники. Перед посольством ЮАР слонялись трое усталого вида парней в черных джинсах, с плакатами на плечах, они собирали пожертвования. Эдди бросил им десять ирландских пенсов.

— Так держать, парни, — сказал он.

В Национальной галерее кишмя кишели американцы: громко болтали, фотографировали друг друга на фоне полотен Леонардо да Винчи, топотали по залам с плюшевыми диванами к сувенирным киоскам как стадо диких зверей или стая увешанной «никонами» саранчи.

Марион все это не понравилось. Она сказала, что Пикассо — полная чепуха, а Эдди, хоть и не был с ней согласен, не сумел внятно изложить свое мнение. Однажды Дженнифер рассказывала ему о Пикассо — в одну из хмельных ночей в баре в Белфилде, когда их роман только-только начался и они еще интересовались мнением друг друга. Но сейчас Эдди никак не мог припомнить,

в чем особая крутизна кубизма, и потому сказал: да, Пикассо малость переоценивают, что верно, то верно.

Марион заявила, что ей нет дела до чужих мнений, но в жизни никто и никогда так не выглядит. Видела бы она тех девиц, с которыми он гулял, заметил Эдди. Марион не засмеялась. Не в пример ему.

Ей понравилась «Вечеря в Эммаусе» Караваджо и *невероятно* понравилось огромное полотно Моне под названием «Кувшинки», потому что, как она сказала, кувшинки именно так и выглядят. Эдди с удивлением узнал, что у них в Донеголе растут кувшинки; Марион сказала, что у них там есть все, это Диснейленд и рай земной одновременно. В магазине она купила открытку с «Подсолнухами» Ван Гога и набор подставок «Великие художники». Для матери. Эдди сказал, что они отличные, хотя про себя решил, что это типичная дешевка.

На площади у Ковент-Гардена они увидели клоуна с голубыми волосами и огромным желтым ртом, он ведрами лил воду на низенького человечка в полосатом костюме и с тоскливым выражением лица. Детвора вокруг ревела и кричала: «Да, да, да!», когда высокий клоун спра-

шивал: «Лить или нет?» Маленькие паршивцы. После четвертого или пятого обливания низенький подпрыгнул, схватил ведро и выплеснул воду прямо на клетчатые штаны высокого клоуна, а потом бросился наутек сквозь толпу визжащих детей, крича, дуя в свисток и размахивая еще одним ведром, полным конфетти, — это выяснилось, когда он опрокинул свое ведро на какого-то незадачливого толстощекого малыша.

За обедом Эдди сильно нервничал. Музыка в кафе «Тяжелый рок» была чересчур громкая, в зал набилось невообразимое количество народу в водолазках, все кричали, размахивали какими-то проспектами и отчаянно старались произвести друг на друга впечатление, но выглядели при этом скучающе-усталыми. Эдди хотел спросить Марион кое о чем, но надеялся, что вопрос сам собой всплывет в разговоре. Нет нужды говорить, что до этого так и не дошло.

Они болтали о всякой ерунде — о любимых фильмах, о «Файн янг каннибалз», о жуткой грязище лондонских улиц, о шансах Ирландии выиграть Кубок мира…

В конце концов за кофе Эдди решился задать свой вопрос. Как насчет мер предосторожности? — приглушенно, заговорщицким тоном

спросил он. Тревожно ему как-то. Риска не было?

Марион сказала, что СПИДа у нее нет, если его это тревожит. Нет, не это, ответил он. Он имел в виду безопасный секс в старомодном смысле слова.

— Ну, сейчас уже поздновато об этом спрашивать, верно? — заметила она.

Эдди глаз не сводил со своего капуччино, чувствуя, что краснеет. Марион помучила его еще минуту-другую и наконец сжалилась.

— Не бойся, — вздохнула она, — я обо всем позаботилась.

— Ну, я не собираюсь лезть в твои дела, — сказал Эдди, — но, по-моему, женщина вправе сама заботиться о таких вещах.

— Ага, ты хочешь сказать, это не мужская проблема.

— Ладно, ладно, — кивнул он, снова заливаясь краской. — Намек понял.

Она сказала, что в следующий раз лучше спрашивать заранее. Снявши голову, по волосам не плачут. Эдди улыбнулся. Он воспринял ее слова как грубоватую шутку наподобие тех, какие отпускал Дин Боб, причем в самый неожиданный момент. Но Марион не улыбалась. Была совершенно серьезна.

— Да, — согласился он, — ты права, конечно.

Она сказала, что знает, что права, спасибо большое. Тогда он спросил, что она имеет в виду под «следующим разом», и она ответила:

— Со следующей невинной крестьяночкой, которую ты подберешь и приголубишь.

Эдди напустил на себя обиженный вид и начал уверять, что ему ничего такого не нужно. Марион сказала, чтобы он расслабился: она просто валяла дурака.

— Ты шуток не понимаешь, Эдди Вираго, — засмеялась она. — Совершенно не понимаешь.

Они шли через Гайд-парк, ели мороженое в вафельных рожках и внушали себе, что прекрасно проводят время. Но оба озябли, говорить было особенно не о чем, октябрь сорвал листья с деревьев и оголил цветочные клумбы.

Серый мутный свет заливал окрестности, и все вокруг казалось таинственным, нереальным, словно за привычными очертаниями крылась иная, грозная суть. Над прудом поднимался пар, будто на каком-нибудь дурацком концерте, когда на сцену зачем-то напускают дым. Вокруг летней эстрады спиралью змеились ряды шезлонгов, почти сплошь пустых, полосатый тик сидений хлопал на ветру; лишь тут и там дремали оди-

нокие пенсионеры, положив шляпы на колени, прикрыв лысины носовыми платками. Кроме этих стариков, да задумчивых бизнесменов, прохаживавшихся по хрусткому гравию дорожек, да влюбленных парочек, обнимавшихся под деревьями, в парке не было никого.

Возле Уголка ораторов они остановились и поглядели назад: на подернутой инеем траве через весь парк тянулись две цепочки следов, темные на бело-сером фоне, до самого пруда. Раза два следы пересекались: это Марион пританцовывала перед Эдди, весело болтая ни о чем. По Эджвер-роуд с ревом катили машины.

Марион сказала, что несколько дней побудет в Лондоне — навестит сестру, а потом съездит в Донегол, заберет свои вещи. Она говорила быстро, возбужденно и громко смеялась. Но ее энтузиазм действовал на Эдди угнетающе. Он пытался отогнать докучливые мысли. Конечно, конечно, он остается с ней. Ведь упустил подходящий момент, ничего ей не сказал. Здесь, в холодном свете Гайд-парка, Эдди остро ощутил, что его ждут неприятности, и в большом количестве. Он был трус. И знал это. Смотрел на Марион, жизнерадостно строящую планы, которые в большинстве, похоже, распространялись и на него, хотя он

ничего такого не желал.

— Ты точно не хочешь подумать? — наконец сказал он. — Эмиграция все-таки серьезный шаг. Я имею в виду, к ней нельзя относиться так легкомысленно. Ведь это всерьез и надолго.

Марион смотрела на него, едва удерживаясь от смеха.

— Вот как! Но с какой стати я должна об этом думать? Начну думать — только все настроение себе испорчу. И потом, что там хорошего-то? Еще три года плести сетки для волос и стирать подштанники?

В голосе сквозили истерические нотки, которые недвусмысленно говорили, что переубедить ее невозможно. Не стоит и пытаться. Она уже все решила.

— Не пойми меня превратно, — сказал Эдди. — Я вовсе не собираюсь тебя отговаривать.

Нет, он согласен, идея замечательная. Он просто беспокоится за нее. Но, черт возьми, раз она так уверена — нет проблем! В конце концов, ей решать, она тут ни при чем. Он даже одолжит ей денег. На самолет до Белфаста, а там она сядет на автобус и мигом доберется домой, в Донегол. Иначе это займет несколько дней: сначала пароходом, затем поездом от Дублина, автобусом от

Дерри. Да, именно так и надо сделать, по крайней мере, на его взгляд, идея стоящая.

— Вот, держи. — Он вытащил бумажник. — Я дам тебе денег.

— Я думала, ты пустой!

— Да нет, — пробормотал Эдди. — У меня все в порядке. Я просто осторожен, понимаешь?

— Согласна, — к его немалому удивлению, сказала Марион. — Большое спасибо.

Они сразу отправились в кассы и взяли билет на самолет. Эдди заплатил одной из своих немногих пятидесятифунтовых купюр.

— Это у тебя последние деньги? — спросила Марион.

Эдди рассмеялся, немного слишком громко. Дескать, ерунда, не важно, денег у него хватает. Марион сказала, что непременно вернет долг. Эдди ответил, что это будет здорово, но никакой спешки нет: сможет вернуть на следующей неделе, и прекрасно. Она заверила, что волноваться ему незачем: она не сбежит с его денежками.

— А если и сбегу, — добавила она, — считай, что ты мне просто заплатил.

Эдди сказал, что такие разговоры вообще ни к чему.

На самолете компании «Райанэр» ей досталось

последнее свободное место в салоне для некурящих. Эдди знал парня за стойкой: крутой, бывший аудитор студенческого исторического общества. Он сделал вид, что не узнал Эдди, зато Эдди узнал его с первого взгляда. Как-то раз в белфилдском баре они повздорили насчет марксистской литературной критики. На парне был дешевый костюм из тех, что уже через пару дней носки превращаются в вонючую тряпку: только в витринах и в полумраке дискотек они смотрятся круто, а в иное время выглядят просто хреново. Вдобавок этот задавала явно растерялся. Похоже, ему вовсе не хотелось афишировать, где он работает. Без улыбки он вручил Эдди и Марион билеты, опустил голову и принялся сосредоточенно корябать на обороте бланка какую-то ерунду.

На улице Марион спрятала билеты в карман и спросила, что Эдди намерен делать дальше. В том-то и вопрос, сказал Эдди. Может, в кино сходит или просто потусуется где-нибудь, а после вернется к ней в гостиницу. Марион покачала головой и ответила: завтра. Она сто лет не видела сестру, так что, скорей всего, задержится на ночь.

— Сам знаешь, девушки любят поболтать.

— Еще бы, — сказал Эдди. — Знаю, конечно.

— Интересно, застану ли я тебя, когда вер-

нусь, — вздохнула Марион с деланно безразличным видом. — Вдруг сбежишь?

Из-за угла, завывая сиреной, вывернула полицейская машина. Толстяк на пассажирском сиденье высунул руку в окно и водрузил на крышу синий «маячок».

Эдди сказал, что, конечно, будет в гостинице. Марион улыбнулась, будто не поверила, и заметила, что главное не в этом, главное — не врать. Эдди поспешно заверил, что не врет:

— Я никогда не вру, особенно тем, с кем сплю.

Марион снова улыбнулась.

— Мы ведь не женаты, и вообще, — тихо проговорила она, — так что волноваться тебе незачем.

— Да ладно тебе, — рассмеялся Эдди. — Кто тут волнуется? Я?

— Может, тебе к матери съездить? — предложила Марион.

— А что, может, и съезжу.

Они поцеловались под Марбл-Арч. Старик с грязной нечесаной бородой и печальными глазами, в каком-то невообразимо пестром одеянии и резиновых сапогах, подковылял к ним, бормоча что-то насчет фотографий на память. Марион рассмеялась, а Эдди сказал: нет, не надо. Потом они снова крепко поцеловались. Марион натяну-

ла черные митенки — пальцы у нее покраснели от холода.

— Точно, так и сделаю, — сказал Эдди, — съезжу повидать старушку.

Краем глаза Эдди видел, как неопрятный старик утвердился поодаль, расставив ноги, прищурившись, и навел на них фотоаппарат. Эдди машинально повернулся — еле заметно, но так, чтобы хорошо выглядеть на фото.

— Тогда пожелай мне удачи, — улыбнулась Марион.

Старик расхаживал взад-вперед по тротуару, фотоаппарат он держал на руках, как младенца, гладил его и укачивал.

— Удачи, — сказал Эдди, и Марион пошла прочь, помахивая рюкзачком, как школьница на прогулке. Эдди провожал ее взглядом, пока мишень на спине ее куртки не исчезла в толпе. Он надеялся, что она обернется и махнет ему рукой, но напрасно.

Старик фотограф с «полароидом» опять подошел ближе; от него несло грязным бельем и «Гиннессом». Голос у старика был глухой и хриплый, Эдди пришлось наклониться к его вонючему рту, чтобы разобрать слова. Старик сказал, что все-таки сделал снимок и Эдди может купить

его за цену пары чулок. Эдди вздохнул и дал ему пятьдесят пенсов. Старик с несчастным видом уставился на монетку и прошептал несколько слов, которых Эдди не разобрал, потом резко повернулся и, воинственно размахивая фотоаппаратом, зашагал прочь, спустился в подземку.

Эдди смотрел на лица, медленно проступавшие на липкой фотобумаге. Он держал снимок двумя пальцами, помахивая им в воздухе, чтоб быстрее высох. Да, точно, не шедевр. Глаза у Эдди получились красными, а Марион выглядела так, словно вот-вот на него набросится. Напоминает скверные фотографии, какие показывают по телевидению, когда разыскивают пропавших. Однако ж Эдди сунул снимок в карман, сам не понимая зачем.

Пока Эдди спускался по эскалатору, ему вдруг пришло в голову, что прощальная фраза Марион звучала как-то странно. «Тогда пожелай мне удачи». Она же всего-навсего поехала в Луишем повидать сестру! «Пожелай мне удачи». Черт побери, он слыхал, что этот район пользуется не лучшей славой, но ведь не дикари же там обитают! Все-таки женщины — странные создания. В этом Эдди был уверен на сто процентов. Женщины все со сдвигом. А эта еще более странная, чем

все прочие. «Пожелай мне удачи» — надо же!

Эдди сидел на грязной платформе, пропустив уже три поезда. Усталые мужчины и женщины высыпали из вагонов, другие мужчины и женщины, такие же бледные и усталые, расталкивая друг друга локтями, протискивались внутрь; двери шумно вздыхали и с грохотом захлопывались. Спешить Эдди не хотелось. Да и куда спешить-то? Он смотрел, как люди пробираются к выходу, держа над головой сумки, портфели и зонты, и пытался представить себе, откуда они, куда направляются и имеет ли это хоть какое-нибудь значение.

Вдыхая теплый затхлый воздух подземки, Эдди чувствовал себя как никогда свободно. Впервые в этом году. Он достал ежедневник, нашел адрес матери. Пропустил еще несколько размалеванных граффити поездов, полагая, что если побудет на станции подольше, то непременно увидит что-нибудь интересное.

Но ничего интересного так и не увидел.

В половине пятого, проторчав сорок пять минут на холоде, Марион взбежала по ступенькам и отворила черные стеклянные двери. Лифтом поднялась на последний этаж, как велено.

Меркнущий закатный свет проникал сквозь

жалюзи, расчерчивая вестибюль золотыми и черными полосами. В приемной было уютнее — множество пышных растений в больших керамических горшках, напротив стойки диван и два черных кофейных столика. Марион назвалась; ей предложили посидеть и немного подождать. Какая-то женщина озабоченно порхала вокруг, протирая листья, опрыскивая растения водой из белой пластиковой бутылки. На одном из кофейных столиков были разложены буклеты с рекламой презервативов и прочих контрацептивных средств. Взгляд Марион упал на слово «секреция», и ее почему-то передернуло. На втором столике лежали аккуратные стопки глянцевых журналов с портретами Кайли Миноуг, Роберта де Ниро, Горбачева, принцессы Уэльской, Мадонны и худенькой бледной ирландки, Саломеи Уайлд, восходящей телезвезды.

На секунду Марион вообразила себя на месте этой Саломеи.

На полке в углу пыхтела кофеварка. Над нею к стене была пришпилена карточка «Угощайтесь!» но чашек рядом не наблюдалось. Где-то в отдалении играло радио — «Старомодный танец», медленный, с завываниями саксофонов. Кафельный пол застлан черной резиной. Спокойно,

рационально, чисто. Телефон на стойке звонил тихо и мелодично, а красивая блондинка, которая снимала трубку, нараспев спрашивала: «Здравствуйте, чем могу помочь?» Будто и правда хотела помочь, а не говорила так по долгу службы, за деньги. Ногти у нее были длинные, красивой формы, как у фотомодели или манекенщицы, и поблескивали темно-красным лаком.

Марион огляделась и сняла темные очки. Глупо так психовать. Ведь в приемной нет других посетителей — только она да красотка блондинка, которая, тихо посмеиваясь, нашептывала что-то в телефонную трубку. Марион потерла переносицу. В глазах у нее потемнело, она прижала пальцы к вискам, ощутив биение крови. Ничего страшного: просто от напряжения заболела голова. Обычное дело. Знакомо по опыту.

Она взяла журнал, перелистала страницы. «Изменяет ли вам муж?» — задумчиво вопрошал один заголовок. «Блаженство с Роком Хадсоном» — возвещал другой. «Все, что вы хотели узнать о Большом О.» — соблазнял третий. Марион достала ручку и принялась отвечать на вопросы теста «Настойчивы ли вы?» но, заглянув в конец журнала, обнаружила, что страница с результатами вырвана. Интересно, зачем это человеку, который

вырывает страницы из чужих журналов, понадобились результаты теста на настойчивость?

Она пробежала глазами статью в одном из воскресных приложений. «Сто вещей, которые любая женщина должна знать о мужчинах». Как выяснилось, большая часть этих вещей уже была ей известна. Потом она прочла рекламу насчет так называемой пересадки жира, и ее едва не стошнило. Ей живо представился потный хирург в маске, сующий руку в чан с растопленным жиром и запихивающий его в чей-то вскрытый живот каким-то совком или шпателем.

Она подумала об Эдди Вираго. Эдди не толстяк. У него был небольшой животик, но жирным его не назовешь. Пупок у него выпуклый. Как говорил ее отец, именно в это место Бог целует каждую человеческую особь, сходящую с небесного конвейера, — в знак завершения своего труда. Иногда пупок выпуклый, иногда впалый. Это вроде как винтик, говорил отец: если его вывинтить, у тебя задница отвалится. Типичная папочкина шутка. Марион снова передернуло. Холодно здесь.

Мысль об Эдди вновь согрела ее. Странное чувство, ускользающее, смутное, но приятное. Марион прикрыла глаза, вспоминая его язык, пальцы, губы, нежные и мягкие, как у девуш-

ки. Он был совершенно непохож на парней, которых она встречала до сих пор. Тем более на баллибраккенских. Надутые фермерские сынки, рассуждающие о бочках с цементным раствором и о скорой смерти родителей, чьи фермы они унаследуют, — вот так они соблазняют девчонок. Алкоголики из муниципального совета, которые наобещают с три короба, лишь бы забраться к тебе под юбку, а потом сбегут на свои испанские виллы к морщинистым женам. Прилизанные менеджеры музыкальных групп, с их преждевременной эякуляцией и подержанными машинами, — липкая кожа сидений, холодящая голую спину поздно вечером на стоянке за церковью. Может быть, думала Марион, Эдди окажется другим. Боже милостивый, молила она, пусть он окажется другим!

— Следующий, пожалуйста, — прощебетала пожилая женщина с серебряными волосами, уложенными в изящную прическу, в синей шерстяной двойке; она стояла рядом с блондинкой, положив руку ей на плечо. Обе смотрели на Марион, мягко, по-доброму. Их поза напомнила Марион одну из картин в Национальной галерее, но название она забыла. Странно, что именно сейчас приходят такие мысли.

Седая женщина была немного похожа на королеву-мать, наверно из-за прически. И говорила так же.

— Следующий? — повторила она, глянув в блокнот и приподняв брови. — Миссис?..

Марион улыбнулась и встала.

— Мисс, — поправила она. — Уайлд.

— Мы здесь называем друг друга по именам, — сказала пожилая дама.

— Слоуми, — ответила Марион, с усилием сглотнув. — Слоуми Уайлд.

— Приятно познакомиться, Слоуми. — Дама чуть подалась к Марион. — Какое красивое имя.

Марион подошла к стойке, пожилая дама открыла дверцу, отступила назад, улыбнулась и жестом показала — проходите. Снова зазвонил телефон.

— Следующая мисс Каллаган, Одри, — напомнила пожилая женщина блондинке, та кивнула, плечом придерживая телефонную трубку. У старой дамы были приятные духи, дорогие, но не экзотические. На шее у нее на цепочке висело пенсне, на пальце поблескивало золотое обручальное кольцо. Она обняла Марион за плечи.

— Забавно, — сказала она, заглянув Марион в глаза, — я всегда думала, что это имя произносит-

ся как *Саломея.*

— Да нет, — густо покраснев, ответила Марион, — то есть да, иногда, но я произношу его как Слоуми.

— Звучит очень мило, дорогая, — тихо сказала пожилая дама, открывая дверь. — Говорите, как вам нравится.

Они сели за столик возле передвижной перегородки. Надо же, будто на встрече с управляющим банка. Пожилая дама представилась: Маргарет. Нужно ответить на несколько вопросов. Да, конечно, откликнулась Марион, она так и думала.

Маргарет записала полное имя Марион — Слоуми Бернадетт Уайлд — и еще кое-какие сведения. Тон у нее был дружеский, доброжелательный, словно подобные расспросы — обычное дело. Так оно, впрочем, и было. Но когда Марион хотела закурить, пожилая дама нахмурилась, всплеснула руками и прощебетала:

— Прошу вас, дорогая, не надо.

Марион неловко затушила сигарету в красивом фаянсовом блюдце.

С преувеличенным отвращением сморщив нос, Маргарет двумя пальцами взяла блюдечко и переставила на подоконник. Марион покраснела. Маргарет усмехнулась. На нижних передних

зубах у нее была тонкая полоска помады.

— Национальность? — спросила она. — Это для наших исследований. Статистика.

— Ирландка, — ответила Марион.

— Да, — просияла старая дама, — я сразу узнала акцент. — Придерживая бланк левой рукой, она аккуратно вписала печатными буквами название страны. — Чудесный край, — пробормотала она. — Красивый.

— Это правда, — откликнулась Марион.

— Один из наших друзей, — сказала Маргарет, — живет где-то в Голуэе, в маленьком городке.

— В самом деле?

Маргарет выглядела слегка рассеянной; похоже, мысли ее были где-то далеко. Потом она пожала плечами, снова улыбнулась и посмотрела на Марион.

— Да, неподалеку от Коннемары, — сказала она.

Марион кивнула.

— Красивые места, — продолжала Маргарет. — Такие… *диковатые,* знаете ли.

Марион согласно кивнула.

— Когда я говорю, что он там живет, то имею в

виду скорее *pied à terre*[9], понимаете? Сельское *pied à terre,* если можно так выразиться.

Марион не знала, что такое *pied à terre,* но спрашивать ей не хотелось. Она просто снова кивнула и сказала, что это очень мило.

— К нам сюда приходит много ирландских девушек, — продолжала Маргарет, на секунду оторвавшись от записей. — И по-моему, это неудивительно. С тех пор как приняли поправку к законодательству. — Она поджала губы, с сожалением покачала головой и вздохнула: — Очень печально.

Марион промолчала. Слазила в сумку, достала бумажный платок и четыре пятидесятифунтовые купюры, которые положила на стол.

— То есть женщин, — засмеялась Маргарет. — Ведь теперь мы должны называть их женщинами, дорогая, а не девушками, верно?

Она опять засмеялась, словно сказала что-то очень смешное. Марион тоже засмеялась. Маргарет поджала губы и осведомилась, нужна ли квитанция. Марион покачала головой. Маргарет кивнула и спросила, будут ли посетители. Нет, ответила Марион.

---

[9] Примечания: 9
Временное жилье, пристанище *(фр.).*

— Ну и хорошо, — Маргарет сделала пометку на бланке, — просто замечательно. Никаких посетителей. Знаете, дорогая, порой я думаю, что так на самом деле лучше.

— Есть девушки, есть женщины, есть леди, — сказала Марион. — Вы знаете эту песню?

Маргарет смотрела куда-то поверх плеча Марион, постукивая ручкой по зубам; ее глаза за стеклами пенсне искрились от удовольствия.

— Есть девушки, есть женщины, есть леди, — несколько раз повторила она. — Прелесть, просто прелесть. — Потом покачала головой и вздохнула: — Нет, дорогая, не знаю. Кто ее поет?

Марион сама не знала и сказала, что это просто глупая деревенская песенка.

Маргарет пожала плечами, улыбка ее померкла. И последнее: она обязана спросить, все ли Марион обдумала. Марион ответила: «Да, конечно», — так уверенно, что обе удивились. Да-да, у нее нет ни малейших сомнений.

Когда они спускались в операционную, Маргарет мягко положила руку на плечо Марион и сказала, что ей надо приободриться.

— Вы сами бывали в Коннемаре, дорогая? — спросила Маргарет. А Марион почему-то расплакалась и ответила: нет, не была. — Я уверена,

вы еще побываете там, дорогая Слоуми, — успокаивающе шепнула Маргарет. — Когда-нибудь наверняка побываете, при случае.

Когда вечером Эдди добрался до дома, он был расстроен и искренне сожалел, что так и не поехал в Ричмонд и не повидался с матерью. Пустая трата времени? Конечно. Но не такая уж пустая по сравнению с тем, что он делал в этот день. А он не делал ничего.

В конторе, где регистрируют безработных и выдают пособия, все пошло наперекосяк. Два часа он простоял в очереди среди татуированных бритоголовых парней и мужчин в подтяжках — только затем, чтобы клерк, чья физиономия и родной матери вряд ли очень сильно нравилась, объявил ему, что он стоял не в то окно, ему нужно не в «Наем», а в «Новые запросы», но там скоро закроют, потому что здесь, в «Найме», не хватает людей. А людей у них не хватает потому, что мало кто уходит с работы, освобождая места для других. Несколько минут клерк разорялся таким вот манером, но потом сменил пластинку и начал допрашивать Эдди насчет адреса. Эдди сказал, что пока точно не знает, где будет жить, а клерк заметил, что Эдди вообще ни на что не может претендовать, пока не имеет постоянного

адреса. Тогда Эдди назвал «Брайтсайд», взял пару бланков и буклетов и отправился пить кофе в ближайшую грязноватую закусочную.

Однако до бесконечности пить капуччино не будешь, и к тому времени, как Эдди с этим покончил, он выяснил, что один бланк вроде бы противоречит другому. Гарантированный доход. Дополнительный доход. Общественный фонд. Пособие по безработице. Черт побери, в чем тут разница? И как он мог получить номер социального страхования, если никогда здесь не работал? И почему он не разобрался во всем до того, как уехал из дома? В Союзе студентов постоянно твердили об этом — «Ваши права в Лондоне» и все такое, эта брошюра была едва ли не обязательным приложением к диплому. Да, Дженнифер была права, когда советовала хорошенько во все вникнуть, а уж потом ехать в Лондон. Дженнифер, черт побери, всегда была права. Именно это сейчас и не давало ему покоя. Окажись Дженнифер на его месте, первое пособие ей бы доставил на дом сам Норман Теббит, не меньше. С другой стороны, Дженнифер никакого пособия вовсе бы не понадобилось. Люди, которые больше всех рассуждают о безработице, обычно как-то умудряются ее избежать. Вот что

особенно неприятно.

Настроение у Эдди вконец испортилось, когда он увидел, что Марион не приходила. Начав размышлять на эту тему, он совсем загрустил и решительно выкинул мысли о Марион из головы. Он уныло сидел в кафе, представляя себе, что будет, если сбросить на контору по безработице атомную бомбу, и разглядывал трех краснолицых рабочих-ирландцев за соседним столиком. Рабочие смеялись и без конца курили. Эдди сидел и смотрел, пока небо за окном не стало темно-красным и белым, как огромный бифштекс с яичницей.

Мистера Пателя за стойкой в «Брайтсайде» не было. В холле вообще никого не было — тихо, сумрачно, в воздухе пахло благовониями.

В комнате наверху по-прежнему чувствовался запах Марион — сладковатый запах какой-то парфюмерии. Эдди взял было гитару, но тотчас положил ее обратно на кровать. Вырвал страничку из блокнота и принялся писать письмо Дину Бобу, но уже к концу первого абзаца выдохся. Что он может сказать ему? Дорогой Боб, вот и я, сижу в богом забытой дыре в Кингз-Кроссе с обкуренной особой, которую едва знаю, и провел я в этой окаянной стране всего два дня. Ты прав, Дин, я

полный придурок. С любовью, Эдди.

Он улегся на кровать, закинул руки за голову и уставился в потолок, слушая стоны и вздохи супружеской пары из соседнего номера. Интересно, они с Марион издавали такие же звуки? Как маленькие зверьки, ублажали друг друга в номере дешевой гостиницы? Что ж, звуки не такие уж и плохие, надо признать. Бывало, слыхали и кое-что похуже. А здесь — двое людей, которые, может быть, и не любят друг друга, но занимаются любовью, вот и все.

Он вырезал из буклета красивое глянцевое красное «джи» и добавил его к цепочке букв на стене.

Парочке в соседнем номере, судя по всему, было действительно хорошо. Испанцы. Или итальянцы. Во всяком случае, иностранцы. По временам оттуда доносились шлепки и хихиканье на два голоса, потом скрип кровати и экстатические стоны. Господи, подумал Эдди. До чего же люди убогие существа, когда гормоны берут верх.

Он встал, пошел в ванную и электробритвой выбрил голову — всю, кроме «ирокеза». Выбрил гладко, так что голова стала напоминать яйцо, а потом принялся разглядывать себя в зеркальном шкафчике, развернув дверцы так, чтобы можно

было любоваться собой под разными углами. Пробовал застать себя врасплох. Он знал, что с этим надо кончать. Дурная привычка.

Спустившись в холл, он позвонил в офис Джимми Шоу. К телефону подошла какая-то фифа, которая никак не могла выговорить фамилию Эдди. Наконец трубку взял Джимми; голос его звучал устало и раздраженно. Эдди здорово повезло, сказал он. Сегодня он задержался в конторе. У них тут серьезное дело, полно работы, иначе бы он давно был дома, возле Рут.

Эдди хотелось поговорить, но Джимми продолжал:

— Слушай, не хочу тебя задерживать, приятель. Ты ведь наверняка здорово занят, а?

Эдди сказал: да, он правда занят, совсем забегался, но, если Джимми хочет, он все уладит, и они встретятся попозже в «Виноградной грозди». Джимми рассмеялся.

— Это просто классно, Эдди, — сказал он. — Встретимся в восемь.

На улице было холодно, Эдди поднял воротник куртки и втянул голову в плечи. По Президент-стрит он дошел до Сент-Панкраса, размышляя об отце и матери. У вокзала стояли бастующие врачи «Скорой помощи», собирали подписи;

в желтых отсветах жаровни их лица казались мокрыми и усталыми. Они притопывали ногами, пытаясь согреться, дышали на пальцы и прихлебывали из фляжек. Каждый раз, когда раздавался гудок автомобиля, они оборачивались и махали сочувствующим водителям, пытаясь сунуть подписные листы усталым, потасканного вида людям, входившим в здание вокзала. Эдди подписался под петицией, и парень в синей униформе сказал ему:

— Удачи, приятель!

Ирландец. Из Дублина. Кругом одни ирландцы.

На Грейз-Инн-роуд Эдди купил пахнущий псиной кебаб, откусил кусочек и немедленно выбросил остальное в сточную канаву. Потом подошел к газетному киоску, купил два батончика «Марс» и журнал «для мальчиков». Журнал он запихнул под рубашку, за брючный ремень.

В «Брайтсайде» он просмотрел журнальчик, лежа на животе и откусывая от батончика. Там сплошь были фотографии голых женщин на необъятных кроватях, они стояли на четвереньках, задом к камере, раздвинув ноги, и задумчиво оглядывались назад, будто коровы, застигнутые врасплох на лужке. На центральном развороте красовалась «Скромная Венди» — обнаженная

женщина, которая умудрилась закинуть ноги за голову. Раздел «Письма читателей» пестрел рассказами о соблазнении секретарш на вечеринках и о слежке за соседками-лесбиянками. Не обошлось и без списков телефонных номеров: вы звоните, а через некоторое время вам перезванивает какая-нибудь домохозяйка и ведет с вами непристойные разговоры, пока вы мастурбируете. Эдди знал про таких. Дин Боб звонил по одному из подобных номеров, но для этого нужна кредитная карточка. Фотографии не возбудили Эдди, по крайней мере вначале. Даже вызвали чувство легкой тошноты. И он сказал себе: хорошо, что в Ирландии такое не продается. Конечно, он был против цензуры, но это откровенно порнографический хлам. Он швырнул журнал в мусорную корзину, причем с ощущением, будто за ним следят. Для пробы взял на гитаре несколько минорных квинт, но пальцы слишком озябли и плохо слушались, так что ничего сложнее терцквартаккордов к «Дыму над водой» изобразить не удалось.

Через полчаса он извлек из корзины журнал, пошел в ванную, расстегнул ширинку и занялся делом, глядя на себя в зеркало.

В пабе «Виноградная гроздь» его уже поджи-

дали Джимми и Рут — они сидели на длинной скамье, лица у обоих раскраснелись и блестели от пота. Последний раз он видел их без малого год назад. Они не то чтобы вызывали у Эдди особую симпатию, но познакомился он с ними в первую же неделю занятий в колледже, как случается, когда впадаешь в отчаяние и уже не надеешься найти друзей, по крайней мере пока не опустишь планку своих запросов и не начнешь водить дружбу с первым попавшимся болваном. Когда в восемьдесят седьмом они перебрались в Лондон, Эдди конечно же обещал время от времени их навещать. Он им еще надоест своими визитами, говорил Эдди. Надоест. Но как-то так вышло (впрочем, они это и предсказывали), что он ни разу к ним не выбрался.

Лицо у Джимми округлилось, а волосы были подстрижены до того коротко, что уши (в одном блестела сережка) казались чересчур большими. Рут не изменилась — миниатюрная, на добрых восемнадцать дюймов меньше Джимми, похожая на красивую куколку, она умела ругаться как торговка, а ее каштановые кудри по-прежнему оставались непокорными. На ней был темно-бордовый блейзер с липовым гербом на лацкане, лицо сильно напудрено, губы красные, как пачка

«Мальборо».

Рут и Эдди один раз переспали — на первом курсе, в тот вечер, когда сдали первую сессию. Но Рут, наверно, успела забыть об этом, а Джимми тем более; вдобавок с тех пор столько воды утекло, что это уже не имело ни малейшего значения.

Углядев над толпой чопорных молодых бизнесменов и секретарш в облегающих платьях Эддин «ирокез», Джимми приветственно помахал рукой.

— Эдди Вираго! — взревел он во всю глотку.

Эдди протиснулся к их столику и уселся на табурет, разматывая шарф.

— Как жизнь? — поинтересовался он. Джимми и Рут украдкой смерили его взглядом с ног до головы, как принято у друзей после долгой разлуки.

— Только что из зала, — сказал Джимми.

— Из зала суда? — спросил Эдди. — Что натворил на сей раз?

— Да нет, дурень, — ответил Джимми, — из спортивного зала. В сквош[10] играл. — Он взмахнул воображаемой ракеткой.

Эдди закатил глаза:

---

[10] Примечания: 10

Сквош — род упрощенного тенниса, играют на закрытом корте ракетками и мягким резиновым мячом.

— Да понял я, понял, дурачок ты наивный. Похоже, чувством юмора ты так и не обзавелся.

Джимми сардонически расхохотался:

— Чувство юмора! Наш Эдди в своем амплуа! Кто бы говорил!

— Как бы то ни было, — сказал Эдди, — рад вас видеть, ребята. Как вам мой причесон?

Джимми вздохнул, пристально разглядывая Эдди.

— Думаю, дюймов шесть будет.

Он протянул руку и хлопнул Эдди по ляжке. Джимми прожил в Англии всего два года, но успел начисто избавиться от дублинского акцента. Теперь он говорил как местный уроженец.

— Ну, — хихикнул он, — а ты как, старина?

— Как всегда, — ответил Эдди, — в полном дерьме.

— Старый добрый циник Эдди, — сказала Рут.

Эдди изобразил снисходительную усмешку:

— Отвали, Рут!

— Отвянь, Эдди, — просияла она.

— Ну ладно, ребята, — Джимми потер руки, — вступительные церемонии закончены. Как насчет выпивки? Что возьмете?

Эдди сказал, что закажет пинту «Гиннесса».

— Ты уверен? — Джимми скривился от отвра-

щения. — Здесь не пиво, а коровья моча.

— Уверен, — ответил Эдди.

— Деревенщина, — вздохнула Рут, потягивая «Перрье».

— Я уверен, — повторил Эдди.

Джимми заказал выпивку и вернулся с подносом кружек.

Минуту-другую они молчали. Никто не хотел начинать разговор.

— Извините, — сказала Рут. — Пойду освежусь.

Она встала, качнув столик, и протиснулась мимо Джимми, который притворно пытался ущипнуть ее за ягодицы. Эдди уставился в потолок (пластиковый, выкрашенный под дуб) и сосчитал в уме до десяти.

— Как бы там ни было, — сказал Джимми, — прическу ты сохранил.

— Нет, это астральная проекция.

— Ясное дело, именно так она и выглядит.

У Эдди не было настроения продолжать привычную перепалку, поэтому он отхлебнул из кружки, вытащил из пачки Рут сигарету, закурил и спросил:

— Ну, как вам рекламный бизнес, придурки

яппи?[11]

— Недурно, Эд, грех жаловаться. Хотя, конечно, для человека с твоими принципами все это весьма приземленно. — Джимми поднял два пальца в традиционном жесте хиппи. — Верно?

— Я уже говорил тебе, — сказал Эдди, — что терпеть не могу хиппи.

— Для того, кто терпеть не может хиппи, ты слишком часто рассуждаешь как они.

— В каком же я дерьме, — вздохнул Эдди.

— Это еще почему? — спросил Джимми. — Совсем охренел?

— На это есть ответ, — сказал Эдди.

— М-м, — отхлебнув из кружки, промычал Джимми, — только тебе его не придумать.

Когда Рут вернулась из «комнаты для девочек», как она выражалась, Джимми сообщил ей, что Эдди окончательно перестал понимать шутки, поэтому лучше перейти к «серьезной» беседе, и поскорее. Рут его проигнорировала. Эдди тоже смолчал. Сказал, что просто устал и не желает затевать спор.

— Дайте передохнуть, — взмолился он, — ладно, ребята?

---

[11] Примечания: 11

Сокр. от: молодой работающий горожанин *(англ.).*

— Pax[12], — возвестила Рут.

— «Тампакс», — сказал Джимми. — Ладно, ладно, я заткнулся, честное слово.

Некоторое время они говорили об общих друзьях, о том, что собирается делать Дин Боб, кто кому морочит голову, кто где работает, как удачно идут дела у всей старой компании. Кроме Эдди. Но и его успех не заставит себя ждать, они верят в него.

— Позвони Саломее Уайлд, — сказала Рут, — пусть возьмет тебя в свою команду.

Джимми сказал, что Саломея Уайлд надоела ему хуже горькой редьки.

— Ага, — сказал Эдди, — я все время встречаю ее имя. Кто она такая, черт возьми?

— Ты наверняка ее вспомнишь, — сказала Рут. — Она училась в Белфилде, на курс старше нас. История древних цивилизаций. Джимми просто из кожи вон лез, заигрывая с нею на балу в Тринити.

— Девочка сделала себе имя, — вздохнул Джимми, вращая глазами. — Она ведет на четвертом канале «Атаку искусства». Полное фуфло.

— А-а, — сообразил Эдди, — это ведь передача

---

[12] Примечания: 12
Мир *(лат.).*

об искусстве, в полночь, никто ее не смотрит?

— Она самая, — кивнула Рут. — Пошленькая передачка. Культура для пролетариата, знаешь ли, Смеющийся Кавалер и Джеффри Арчер[13]. Но иногда там бывают и музыкальные группы, и Саломея действительно хороший ведущий. Не могу не признать.

Какой журнал ни откроешь, везде натыкаешься на ее дурацкие статейки, сказал Джимми. Рут заявила, что некоторым здорово везет.

— Но я не завидую, честно, — вздохнула она. — Сучка тощая.

Эдди удивился. Помнится, в колледже Саломея Уайлд всегда была тихоней — ни рыба ни мясо, все время сидела в библиотеке, после лекций сразу ехала домой. Симпатичная, но тихоня, даже чересчур.

— Интриги, Эдди, — прошептал Джимми. — Сплошные интриги все время. В тихом омуте… ну, ты понял. А вдобавок из протестантов, для телевидения это просто *неоценимое* преимущество.

Эдди сказал им про своих родителей, и они объявили в один голос, что это ужасно тяжело,

---

[13] Примечания: 13

Арчер Джеффри (род. 1942) — английский писатель и политический деятель, в 1986 г. из-за обвинений в безнравственных связях покинул пост председателя консервативной партии.

настоящая беда и трагедия.

— Развод? — спросил Джимми.

Эдди объяснил, на случай, если Джимми запамятовал, что в Ирландии разводов нет. Рут взглянула на Джимми и с насмешливым недоверием покачала головой. Джимми еще больше покраснел и сказал, что ничего он не забыл, он имел в виду аннулирование брачного контракта, или как там Церковь это называет. Нет, вряд ли, ответил Эдди, похоже, родителей формальная сторона не интересует. И добавил, что предпочел бы поговорить о чем-нибудь другом.

Они заговорили о странном феномене: все их друзья по колледжу начали толстеть, особенно ребята. По мнению Джимми, причина в том, что в студенческие годы они жили на чипсах и пиве.

— Всего-то тридцать с небольшим, черт возьми, — уныло сказал он. — Надо жить на всю катушку, верно?

Верно, сказала Рут, тем более что им только по двадцать четыре.

Рут увлекалась калланетикой — этот способ поддержания физической формы знаменит оттого, что им пользуется герцогиня Йоркская. В особенности он хорош для тех, у кого проблемы с кишечником. Джимми, который был потолще

многих, пытался увести разговор в сторону от ожирения, целлюлита и липосакции; его больше занимали цены на жилье. Они с Рут купили квартиру в Голдерз-Грин — не для семейного проживания, а для вложения капитала. Но после кризиса цены на жилье падают просто с чудовищной быстротой. Теперь они платят по закладным вдвое больше, а квартира стоит меньше, чем они за нее когда-то заплатили. Ужас какой-то! Эдди это не интересовало. Он все это уже слышал от Дина Боба, который в прошлом году навестил Рут и Джимми. И сказал: поделом, тэтчеровские прихвостни только этого и заслуживают.

— Неужели ты до сих пор всем этим увлекаешься? — простонала Рут.

— Чем «этим»? — переспросил Эдди таким тоном, что сразу стало ясно: он отлично понимает, о чем речь.

— Всем этим, — хихикнула Рут и покосилась на Джимми, — всем этим большевистским дерьмом.

— Да, увлекаюсь, — ответил Эдди.

— Но ведь сейчас даже в России отказались от коммунизма, Эдди, — сказала Рут, — и посмотри на Восточную Германию!

— А что Восточная Германия? — поинтересо-

вался Эдди.

— Ну, например, Хонеккер ушел.

— Ладно, — сказал Эдди, — тогда я закажу «Карлсберг».

— Очень смешно, — оскорбилась Рут. — Сейчас лопну от смеха.

Эдди фыркнул и ответил, что вовсе не обязательно после выпускных экзаменов отказываться от всех своих принципов.

— Ладно, ладно, — сказал Джимми, — нам без разницы, верно, подружка? Останемся при своих: тебе — принципы, нам — джакузи. — Он снова хлопнул Эдди по коленке. — Мы твои самые верные друзья-приспособленцы, а раз так, почему бы тебе не пойти и не заказать нам по двойной порции водки, — он улыбнулся, — товарищ?

Эдди сказал, что он полный идиот.

— Принципы, — фыркнул он. — И у тебя хватает духу говорить мне о принципах! Небось думаешь, что принцип — название ночного клуба на какой-нибудь фиговой Карнаби-стрит.

— А что, — подхватил Джимми, — это мысль. Если такого и нет, нужно его организовать.

Пили они, пожалуй, многовато. Джимми решил переключиться на виски с содовой.

— Со льдом? — спросил Эдди.

— Не-а, так сойдет.

Рут завела разговор о своем брате, который недавно заявился домой из Австралии — без пенни в кармане, в буквальном смысле слова, в вонючих гавайских шортах, в которых летел на самолете, — выпросил у отца заем на учебу, а на следующий же день купил себе три новых костюма и зонт от Жан-Поля Готье, несомненно единственный на весь Дублин. Наверное, привезли специально для брата. Джимми твердил, что Рут самая настоящая язва и что ее брату нужны новые костюмы, чтобы ходить на собеседования, в страховую компанию не придешь одетым как бродяга, как какой-нибудь Боб Гелдоф. Рут вконец разозлилась, объявила, что до смерти любит брата, но иногда этот сопляк ведет себя как форменный эгоист, Джимми ли не знать. Эдди оставалось только сидеть молча, думать о Марион и подсчитывать, сколько девушек в «Виноградной грозди» носят белые туфли на шпильках.

В половине одиннадцатого к их столику подплыла загорелая девушка в облегающем красном платье, со сверкающими серьгами в ушах.

— Привет, бродяги, — обратилась она к Джимми и Рут; говорила она с придыханием и чуть

свысока. Эдди ее представили как Одри Беккет, подругу Рут еще по монастырской школе. Здесь она работала в компании своего папочки, занимавшейся расфасовкой мяса, у нее было место в отделе по связям с общественностью. Кроме того, она подвизалась на стороне, в модельном бизнесе, понемножку. Эдди предложил угостить ее выпивкой, но она сказала, что торопится в Хампстед, на какую-то вечеринку. И добавила, что как будто уже встречала Эдди раньше, он случайно не знает кого-нибудь в дублинской команде регбистов? Нет? Тогда, может, он друг Дина Боба?

— Да, да, — вздохнул Эдди. — Господи! Похоже, весь Лондон — один большой фэн-клуб этого парня.

— А что? — рассмеялась Одри. — Меня это не удивляет. Я могла бы кое-что порассказать о нашем Бобе…

Эдди спросил, точно ли она не хочет выпить, но она решительно отказалась: дальше по улице, у «Харродза», ее ждет приятель.

— В другой раз, — улыбнулась она. — Возьми мой телефон у Рут, и мы что-нибудь придумаем.

Одри Беккет энергично помахала им рукой и едва успела исчезнуть за стеклянными дверями,

как улыбка Рут померкла и она обозвала Одри коровой.

— Возможно, — рассеянно вздохнул Джимми, — но, боже мой, по крайней мере на нее приятно посмотреть. Это в ее пользу.

Рут больно ущипнула его за щеку. Джимми поморщился и велел ей отвязаться.

— Сам отвяжись, толстый идиот!

Эдди решил, что телефон Одри спрашивать не стоит.

— Слушайте, ребята, — сказал он, — я сейчас лопну.

Джимми согласился: мол, они и впрямь рискуют повторить судьбу лягушки из басни. Рут ткнула его под ребра; он вопросительно взглянул на нее.

— Давай, — сказала она, — спроси его.

— А-а, ну да. В субботу у нас намечается небольшая тусовка, — вздохнул Джимми. — Может, придешь?

— Прихвати кого-нибудь с собой, если хочешь, — вставила Рут.

— Не-а, — сказал Эдди. — Приду один.

— Ну-ну, — заметил Джимми, — как всегда.

Рут прыснула и захлопала в ладоши. Джимми тоже хохотал до слез. Он пробовал остановить-

ся, но тотчас же, хрюкнув, снова принимался хохотать, поглядывая на Эдди и держась за нос в тщетных попытках подавить дурацкое хихиканье.

— Расслабься, Эд. — твердил он, — я только шучу.

Эдди посмотрел на двух своих друзей в одинаковых белых свитерах с надписью «Я НАКОРМИЛ МИР», держащихся за руки и трясущихся от смеха, и радовался за них — той снисходительной радостью, которую приберегаешь для людей много ниже тебя.

— До субботы, проклятые реакционеры, — сказал он. Рут послала ему воздушный поцелуй; он попятился, словно пытаясь увернуться от этого поцелуя, и опрокинул стакан текилы на костюм от Брюса Олдфилда. По крайней мере, так ему отрекомендовали этот костюм.

— Кто такой этот Брюс Олдфилд, черт побери? — спросил он. — Старший брат Майка?[14]

Когда Эдди вернулся в гостиницу, мистер Патель сидел за стойкой, читая «Тудей». Увидав Эдди, он вскочил; на лице его читалась смесь беспокойства и облегчения, словно он думал,

---

[14] Примечания: 14
Олдфилд Майк (род. 1953) — английский мультиинструменталист.

что Эдди никогда не вернется. Он выпрямился и пригладил волосы, потом сказал:

— Ну, слава богу.

Эдди спросил, что случилось. В общем-то, ничего, ответил мистер Патель, Марион вернулась, спит сейчас наверху.

— Откуда вы знаете? — спросил Эдди.

— Она неважно себя чувствует, — ответил мистер Патель. — Мы дали ей горячего молока. Похоже, она по-настоящему разболелась. Ее знобит.

В комнате было жарко и пахло грязными носками и тальком. Когда треугольник света из коридора упал на кровать, Эдди и мистер Патель увидели, что Марион и правда спит, лежа на спине и тяжело дыша; руки сложены крестом на груди, как у покойника, а лицо усталое и напряженное, как от боли. Длинные волосы потускнели и казались влажными; на лбу и на щеках блестели капли пота. На ней была длинная черная футболка, левую ногу она подогнула, отчего ляжка казалась непомерно толстой.

— Она вернулась сразу после того, как вы ушли, Эдди, — прошептал мистер Патель. — Очень бледная, дрожащая. Немного посидела в холле, обхватив голову руками, вот так, а потом попро-

сила у *бури и бедствия* обезболивающее.

Эдди недоуменно воззрился на него, и мистер Патель пояснил:

— У моей жены, миссис Патель.

Эдди провел пальцем по ребрам Марион, но девушка не проснулась. Тихонько вздохнула, повернулась на бок и подогнула ноги.

— Она совершенно измучена, — сказал мистер Патель. — Я так думаю.

Эдди включил ночник. На туалетном столике в дальнем углу валялся порнографический журнал, разорванный надвое.

— Ах ты, черт, — пробормотал он. — Полная хреновина.

Он обернулся, ожидая снова увидеть смущенное лицо мистера Пателя. Но мистер Патель только перекрестился, неодобрительно цокнул языком и вышел из комнаты, тихо прикрыв за собой дверь.

Эдди разделся и скользнул под одеяло к Марион.

Она проснулась посреди ночи и сказала Эдди, что все уже в порядке и что она так рада быть здесь, с ним, что никогда не сможет уехать.

Эдди сказал, что не ждал ее до завтра. Он коснулся ее груди под футболкой, но она стряхнула

его руку, пробормотала что-то об «истинной и вечной любви» и почти мгновенно уснула.

Марион уехала в Ирландию только неделю спустя, и Эдди, сказать по правде, вздохнул с облегчением. Не потому, что она ему не нравится, внушал он себе. Вовсе не потому. Все дело в том, что пришлось менять билет, причем с доплатой, и без конца названивать по телефону, вдобавок Эдди действовало на нервы, что Марион целыми днями сама не своя слонялась по неубранной комнате — мрачная, изможденная и явно больная. По крайней мере, она говорила, что больна, но каждый раз, когда Эдди предлагал вызвать врача, взрывалась от ярости, а потом умоляла Эдди не делать этого. Ее это действительно сильно напрягало. А в тот день, когда он предложил позвонить ее родителям, — господи Иисусе, что она устроила! «Лед зеппелин» с его фейерверками ей в подметки не годится.

С того дня, как она съездила к сестре, в ней что-то изменилось, вне всякого сомнения. Что там произошло, Эдди совершенно не мог себе представить, как ни старался. Может, сестры поссорились? Кто их знает, но спрашивать неохота. В семейные дрязги лучше не встревать, а сама Марион даже намеками ничего не говорила, вот

и он тоже решил помалкивать.

Когда по утрам Марион начало тошнить, Эдди сперва перепугался, что она беременна. Но когда собрался с духом и спросил, Марион сказала — нет, ничего подобного, потом замолчала и за весь вечер не произнесла ни слова. В конце концов Эдди решил, что, наверно, все дело в какой-то чисто женской проблеме, о которой ему лучше не знать.

Мистер Патель немножко нервничал. Говорил, что понимает — Марион не в порядке, но и его банковский баланс тоже не в лучшем виде. Ему срочно нужна прислуга, и если Марион не хочет получить эту работу, желающих найдется предостаточно. Ей не мешало бы проявить инициативу. Он подчеркнул, что у него не благотворительная организация, — как будто это нуждалось в подтверждении! — и говорил, говорил, пока Эдди не попросил его угомониться, а Марион добавила, что волноваться незачем, она по-прежнему хочет получить эту работу, вот только съездит домой и к выходным вернется с вещами. Честное слово.

Марион поехала в Лутон, прямо от вокзала Кингз-Кросс, без пересадок, выглядела она по-прежнему слабой и бледной. Она сказала Эдди, что будет думать о нем; он ответил, что это заме-

чательно. На продуваемой ветром платформе она расплакалась и обняла Эдди так крепко, что ему стало трудно дышать. Он сказал, что все будет нормально, а потом попросил купить что-нибудь в магазинчике дьюти-фри.

— Не выйдет, дурачок, — всхлипнула она.

— Почему? — спросил Эдди.

— Потому что это Белфаст, — ответила Марион. — Одна и та же страна.

На следующий день после ее отъезда Эдди наконец зарегистрировался как безработный, но ему сказали, что первого чека придется ждать две недели. А с деньгами было плоховато. От двухсот пятидесяти фунтов, выданных отцом, почти ничего не осталось — разошлось на обеды с Марион, ее авиабилет, телефонные звонки, поездки на такси (изредка) и на метро, выпивку и десятифунтовый билет, который они купили у бедолаги хиппи как-то вечером возле «Сэр Джордж Роуби», куда Эдди повел Марион на концерт «Напалмовой смерти», чтобы немного ее развеселить. Идея оказалась неудачной.

Сложив все это, Эдди уразумел, что может отчитаться только за сто пятьдесят фунтов; оставалось же у него всего пятьдесят. Недостача составляла, таким образом, пятьдесят фунтов, что для Эдди

было не так уж плохо. Ведь Дин Боб всегда говорил, что способность планировать расходы у него аховая.

В дополнение к пятидесяти фунтам отцовских денег у него было еще пятьдесят своих — последний чек студенческого займа, который он обналичил перед отъездом из страны. Эдди вспомнил банковского кассира Киерана Кейси, мрачного усатого типа, который с чудовищным скрипом выдавал деньги, когда они были тебе нужны, и удивлялся, почему ты не перерезал глотку богатому родственнику, чтобы вернуть заем. С женщинами Киеран флиртовал напропалую. У Дженнифер с ним никогда не возникало проблем. Она легко обводила этого типа вокруг пальца и всегда получала деньги. Другое дело парни. Им приходилось куда тяжелее. Каждый раз, когда нуждались в займе, они отстаивали длинную очередь у его дверей, будто шли на исповедь. Впрочем, в какой-то мере так и было. Он мог задать любой вопрос. Просматривал корешки чеков и вопрошал: «Хорошо пообедали в ресторане-то?» Или: «Славно погуляли?» Или: «Да-а, женщины — сущее разорение, верно, Эдди?» Да, Киеран Кейси был из тех кассиров, которые даже самых кротких и тихих студентов заставляют

браниться по-черному.

Эдди представил себе Киерана Кейси, как тот сидит в своей подвальной конторе на Колледж-роу, окруженный фотографиями в рамках — дискуссионное общество, команда регби и прочее такое, — и изучает его чек, на котором с одной стороны большими буквами написано: «Дублинский аэропорт», а с другой, мелкими: «Да пошел ты, Киеран!» Вот это будет номер! Киеран просто с ума сойдет от злости. При мысли об этом Эдди громко рассмеялся. Он прямо воочию видел, как этот скользкий ублюдок подпрыгивает от ярости и выдирает остатки пересаженных волос.

У Эдди с деньгами всегда обстояло именно так: сначала живи, потом плати. Отец часто пенял ему за это, да и мать тоже, хотя ее мнения никто не спрашивал.

«Похоже, ты не понимаешь, — вздыхал отец, — ты не видишь связи, сынок. Когда суешь карточку в банкомат, ты получаешь не свои деньги, а деньги банка. Однажды тебе придется их вернуть, понятно? Почему ты не задумываешься об этом, Эдди? Ты ведь умный парень. Это не твои деньги. Господи боже…»

Но сейчас Эдди ликовал, что опять дал Киерану Кейси повод поволноваться. Так этой гниде и

надо, нечего флиртовать с Эддиной девушкой! Что там ему рассказывала Дженнифер? Однажды Киеран, в который раз бесконечно рассуждая о своей жене, сказал ей: «Я не то чтобы больше ее не люблю. Но мне не хватает страсти». Дженнифер считала, что это очень печально. Вот гад. Эдди прекрасно знал, что Киеран говорит это каждой студентке со свеженьким личиком — чуть не с тех пор, когда в университете обучался Джеймс Джойс[15].

«Если бы Джеймс Джойс был сейчас жив, — сказал он Дженнифер, — он бы все еще выплачивал долги по студенческому займу. Уж этот-то ублюдок позаботился бы…»

Однако в глубине души Эдди знал, что отец прав. Отец был прав почти всегда.

«Господи, Эдди, как, по-твоему, работает банк? — спрашивал отец. — Уж я-то знаю, и не понаслышке. Я в банковском бизнесе с восемнадцати лет. Они заинтересованы в том, чтобы ты не возвращал деньги. Ты играешь им на руку. Неужели не понятно? Ну, сам подумай, Эдди. Мне стыдно за тебя». Конечно, Эдди был не единствен-

---

[15] Примечания: 15

Джойс Джеймс (1882–1941) — ирландский писатель, представитель модернистской и постмодернистской прозы; оказал большое влияние на последующую прозу и теорию литературы.

ный, кому отец говорил такое.

На Чаринг-Кросс-роуд Эдди вспомнил, как долгими вечерами они с Патрицией сидели на ступеньках лестницы, слушая, что творится на кухне. Звон бьющейся посуды, шум борьбы, рычание, стоны, удары о радиатор, плач… Не самые приятные звуки. После того как родители обратились за консультацией, скандалы на время утихли, все улеглось, до прошлого года, когда все вдруг снова пошло наперекосяк. Мать позвонила из Лондона, из дома какого-то типа по имени Реймонд, о котором они раньше слыхом не слыхали, и сказала, что больше никогда не вернется домой. Вот так, сразу. Прошлым летом. Как в плохой пьесе.

Эдди зашел в редакцию «Нью мюзикл экспресс» и заполнил бланк объявления:

> Певец и соло-гитарист (Дублин)
> ищет попутчиков в сияющее будущее.
> Предпочтения: «Клаш», «Пистолз», «Дорз»,
> «Смитс», «Студжес», «Велветс».
> Наркоманов и хиппи просьба не беспокоиться.

Симпатичная девушка за стойкой тоже была из

Дублина. Большие голубые глаза, в ноздрю чуть вздернутого носа продето колечко. Она оглядела Эдди с ног до головы, словно пытаясь вспомнить.

— Я тебя знаю, — сказала она. — Погоди, не говори ничего. Я сама соображу.

— Да, — сказал Эдди. — Я *действительно* друг Дина Боба.

— Ага, точно! — рассмеялась девушка. — Точно, так и есть. Ну, как он там?

— Прекрасно. — Эдди вздохнул. — С ума сойти! Я пока ни одного англичанина не встретил в Лондоне. Все из Дублина. Просто мафия какая-то!

Девушка кивнула.

— Точно, — сказала она. — Кругом ирландцы.

Они немного поговорили о Дине Бобе. Потом Эдди спросил, не хочет ли она как-нибудь прогуляться и немного выпить, но она ответила — нет, она тусуется только с хиппи и наркоманами. Потом лизнула палец, провела им по воздуху и засмеялась. Эдди небрежно пожал плечами и вышел из редакции.

Часом позже, когда он разглядывал витрину книжного магазина «Коллетс», к нему подошел прыщавый парнишка-американец с фотоаппаратом.

— Вот это да! — сказал он. — Крутой «ирокез»!

Можно сфотографировать?

Парнишка был совсем молоденький, невысокий, пухлый, в грязной футболке с надписью «Внезапная смерть», в голубых шортах и полукедах, как и его маленькая подружка или, может, сестра; на голове у него красовалась бейсболка козырьком назад, а поверх футболки он напялил кожаную куртку, в которой, должно быть, немилосердно потел в этот теплый октябрьский день. Этакий пляжный мяч на ножках. Он сообщил Эдди, что они обошли весь Лондон в поисках настоящего исполнителя панк-рока и нигде ни одного не нашли.

— Они все пропали, — сказал он. — Панки просто вымерли, этот город битком набит безмозглыми фанатами Кайли.

Эдди хотел было послать его, что, как он думал, произвело бы на парнишку куда большее впечатление, чем согласие сфотографироваться, но отказался от этой мысли. Встал рядом с толстячком, обнял его за плечи и сделал лицо «скверного парня», подняв вверх большой палец. Потом толстяк сфотографировал Эдди со своей подружкой (или сестрой), которая обняла Эдди и, хихикая, повторила его жест, словно какой-то ужасный тайный знак.

— Класс, — выдохнул толстяк, — вот это круто!

Его звали Херб, а девчонку — Тэсс.

— Как это у тебя получается, что он так стоит? — спросила Тэсс, кивнув на «ирокез».

— Берешь тюбик зубной пасты и втираешь в волосы, вот и все, — ответил Эдди.

— Ух ты! — сказала девчонка. — Класс!

— Ну а на самом деле, — завороженно, но с ноткой недоверия спросил парень, — что ты с ними делаешь?

— Я же сказал, зубная паста или клей. Или еще что-нибудь липкое.

— Как варенье?

— Ага, — сказал Эдди, — наверное, и варенье сойдет, но лучше спросить у мамы.

— У мамы? — недоверчиво переспросил парень. — Ты что, серьезно? Да ну ее, мою мать, к богу в рай!

— А ты у своей мамы спрашивал? — перебила девчонка.

— Нет, — ответил Эдди, — я ее уже давно не видел. Они меня выбросили на улицу за то, что я такой бунтарь. Вот так.

Девчонка сказала, что это позор, и добавила:

— Тебе надо с ней поговорить.

— А ты настоящий панк? — спросил парень. —

Ты знал Сида Вишеза?

— Знал? — переспросил Эдди. — Шутишь, что ли? Посмотри на эти руки. Сид Вишез умер на этих руках. Я его и нашел — там, в Нью-Йорке, в отеле «Челси», когда он умирал. Я был менеджером гастролей «Пистолз».

— Да быть того не может! — воскликнул парень. — Это когда он убил Нэнси?

— А то. Его последние слова были обращены ко мне. Он сказал… — тут Эдди закатил глаза, — он сказал: «Эдди, передай им, что я этого не делал. Что меня подставили», — вот что он сказал.

— Господи боже, — выдохнул парень. — Охренеть можно!

Подружка (или сестра) отвесила ему подзатыльник, и он обозвал ее фашисткой. Эдди сказал, что ему пора. Его ждут в студии звукозаписи. Он создает собственную группу. И идет на встречу с очень важными людьми. Ребята пожелали ему удачи и сказали, что будут дожидаться его первого альбома. Они попросили его написать свое имя на долларовой бумажке. Он написал «Жрицы меда — Эдди Вираго».

Марион несколько раз звонила из Донегола, но не застала Эдди дома — он шатался по городу, как герой Джеймса Джойса, пытаясь собрать воедино

все свои впечатления и понять, что он думает об этом месте. Они оставляли друг другу сообщения у мистера Пателя, неясные, иносказательные, но поговорить им не удалось ни разу.

— Она от вас без ума, Эдди, — говорил мистер Патель. — Вы очень, очень счастливый человек.

Лондон — странный город. Слишком велик, чтобы обойти его пешком, а система общественного транспорта, похоже, никогда не работает нормально. Глупость и противоречивость объявлений в метро прямо-таки повергала Эдди в изумление. Прорвало трубы, начался пожар, нехватка персонала, какой-то бедняга бросился под колеса — каждый раз находилась новая причина опоздания поездов. Но даже в тех случаях, когда этот халтурный механизм умудрялся работать, поездки в метро не доставляли Эдди удовольствия: в городе он по-прежнему не ориентировался. Дни тянулись смутной чередой и состояли из вспышек огней, лязга билетных автоматов, шелеста эскалаторов и яростного грохота стальных змей-поездов, вырывавшихся из жарких туннелей. Вечером в гостинице Эдди чувствовал себя еще более растерянным, чем утром, перед уходом; он утешал себя тем, что Стивен Дедалус в джойсовском «Улиссе» был примерно

в таком же положении, только прическа у него была менее впечатляющей. Но если в двух словах изложить сюжет, получится один к одному.

Однажды Эдди все-таки поехал к матери, но так заплутал на Северной ветке, что махнул на все рукой; на целых полчаса он застрял в тунеле на Стокуэлл, вместе с пятью толстошеими черными здоровяками, которые потешались над его прической и на полную громкость врубали портативный магнитофон. Не самое приятное место для человека, направляющегося в Ричмонд. Вообще не самое приятное место для остановки. По крайней мере, так решил Эдди.

Марион и мистер Патель уже все между собой уладили. Большинство деталей они обговорили по телефону, и теперь Эдди точно знал, что Марион вернется в «Брайтсайд». Мистер Патель наконец успокоился. Он постоянно твердил Эдди, что Марион — прекрасная девушка, настоящая звезда, а Эдди постоянно соглашался, выказывая максимум энтузиазма, но испытывая при этом смутное раздражение, будто мистер Патель упорно старался что-то ему внушить. Впрочем, возможно, так оно и было.

С родителями Марион мистер Патель тоже успел поговорить. Они сами хотели немного

побеседовать с ним, выяснить, с кем имеют дело. Они, конечно, не желают его обидеть, но им ведь не хочется, чтобы их дочь работала неизвестно на кого. Они ничего не имеют против людей с другим цветом кожи, но все-таки… И это совершенно правильно, заверил их мистер П.: в наше время, в наш век осторожность вполне естественна. Он восхищен их честностью и прямотой.

— Милые порядочные люди, — заметил он, — но вы, Эдди, конечно, это знаете.

Эдди сказал, что никогда их не видел, и мистер П. очень удивился. Похоже, он собирался о чем-то спросить, но в последний момент передумал. Такая осмотрительность присуща только владельцам дешевых гостиниц. Эдди попросил мистера Пателя, чтобы Марион, когда позвонит в следующий раз, оставила свой телефон: он ей сразу перезвонит. Мистер Патель ответил, что она звонит из автомата. У родителей Марион нет телефона.

— Они хорошие, рабочие люди. У них может не быть тех вещей, какие мы с вами, — он с покаянным видом указал на себя, потом на Эдди, — считаем совершенно естественными.

Иногда поздним вечером мистер Патель стучался в комнату Эдди и приглашал его на чашечку

чая в «машинное отделение» — так он называл холл. Спиртного мистер Патель не пил: его религия это запрещала. Но иногда вечерами ему становилось одиноко в «пункте управления полетами» — еще одно наименование холла — и хотелось с кем-нибудь поговорить, чтобы скоротать время. Эдди не особенно любил эти чаепития, в основном потому, что мистер Патель говорил исключительно о себе. Но все-таки приходил, сидел в холодной комнатушке с орущим телевизором в углу и пил чай, на вкус отдающий гербицидом, потому что больше заняться было нечем, а еще потому, что мистер Патель, в сущности, совсем не плохой парень, особенно если к нему притерпеться. В общем-то, от Эдди требовалось только смотреть на мистера Пателя и время от времени поддакивать, а за четыре года в колледже он успел в совершенстве освоить эту нехитрую науку.

Мистер Патель подробно рассказывал о своем прошлом, словно однажды записал все факты собственной жизни, а потом выучил наизусть. Они с шурином приехали из Пакистана в 1974 году, со своими двумя женами. Эдди поинтересовался, было ли у них две жены на двоих или по две у каждого. Мистер Патель явно обиделся.

— Да ладно вам, мистер Патель, — рассмеялся Эдди, — я просто пошутил. Поддразнил вас немножко.

Однако это объяснение еще больше шокировало мистера Пателя, так что Эдди счел за благо заткнуться.

Сначала все они спали в одной комнате, на полу. Было это в Керкстолле — по словам мистера Пателя, ужасное место, которое Господь в последний момент пристроил на полдороге между Лидсом и Брадфордом. Холодный, серый, грязный городишко, где полно крутых холмов, ротвейлеров, шпаны, забегаловок, где готовили карри, бетонных пабов, с виду похожих на бункера, и озабоченных социальных работников, разъезжавших по улицам в старых «фольксвагенах» и увозивших неизвестно куда чужих детей. Мистер Патель содрогался, произнося слово «Керкстолл». Керкстолл, дескать, избежал бомбежки в войну по одной-единственной причине: немцы, глядя на город со своих самолетов, решили, что уже разбомбили его. Сказав это, он рассмеялся высоким девчоночьим смехом: хи-хи-хи. Эдди тоже засмеялся.

У них ничего не было, рассказывал мистер Патель, совершенно ничего. Все деньги, состав-

лявшие приданое его жены, ушли на авиабилеты. Потом удалось занять денег у кузена, переехать в Лондон и купить газетный киоск в Катфорде. Правда, дело долго не продержалось. Выручка была хорошая, но миссис Патель носила первого ребенка, и мистеру Пателю не хотелось работать допоздна, надолго оставляя ее одну. Кузен не одобрял мистера Пателя, но беременность у жены протекала тяжело, и ребенок — сын — прожил всего две недели. Тогда они решили изменить свою жизнь и начать все заново, в другом месте. С прибылью продали киоск, выплатили заем, оставшиеся деньги вложили в акции «Бритиш стил», через некоторое время продали акции, получили новый заем и грант на налоговые льготы и, наконец, внесли первый взнос за эту гостиницу.

— «Брайтсайд», — одним дыханием произнес мистер Патель. — Гостиница «Брайтсайд».

В его устах эти слова звучали как стихи. Их сын, Али, родился через несколько дней после переезда сюда.

Когда они впервые увидели гостиницу, это была сущая развалюха; но мистер Патель вместе с шурином перестелил полы, сменил трубы, проводку, обновил крышу и стены, купил новую

мебель и ковры (правда, подержанные) — словом, переделал все заново. Мистер Патель сказал, что у шурина золотые руки и он прекрасно управляется с подобными вещами.

— Но, Эдди, видели бы вы счета! — восклицал он, закатывая глаза.

Мистер Патель сказал, что, хоть в это и трудно поверить, когда-то «Брайтсайд» был фешенебельным отелем и здесь часто останавливались знаменитые люди и известные красавицы.

— Как и сейчас, — сказал Эдди. Мистер Патель расхохотался.

— Возможно, вам будет интересно узнать, Эдди, — сказал он, — что здесь останавливался великий ирландский писатель Оскар Уайльд и в дни своей славы, и в дни своего падения. О да! Мы многое разузнали об этом месте. Тогдашняя владелица гостиницы была как будто бы добрая и воспитанная женщина — сострадательная, образованная, ну, вы понимаете, — вот и пожалела несчастного затравленного человека, против которого ополчился весь мир. Когда полиция пришла за ним, она спрятала его наверху.

Эдди был в восторге. Сказал, что в Дублине у него есть друг, который пишет работу по Уайльду и здорово позавидует Эдди, когда узнает об этом.

Мистер Патель рассмеялся:

— Скажите своему приятелю, что он может в любое время к нам заехать. Мы покажем ему комнату, где, как мы думаем, жил бедняга Уайльд. Бедняга. — Мистер Патель с грустной улыбкой покачал головой. — Такая нетерпимость — и к такому великому человеку! Разве это не трагично, Эдди?

Потом Эдди спросил, что мистер Патель думает о расизме, но оказалось, что мистер П. не любит об этом говорить. По его словам, он редко сталкивался с расизмом, во всяком случае по отношению к себе. Конечно, расизм существует. Он этого не отрицает. В газетах пишут об ужасных вещах: о нападениях на школьников-азиатов, о бесчинствах полиции и о многом другом. Но с тех пор, как он впервые ступил на землю Великобритании, ему, должно быть, всегда везло. Его все это не особенно тревожит. Они с миссис П. вообще не тревожатся об этом. Живут себе потихоньку и усердно трудятся. Мистер Патель сказал, что лучше не морочить себе голову проблемами расизма. Лучше вкладывать силы в работу. Никто не умеет работать так, как азиаты. Никто на свете, а ему приходилось встречать людей со всех концов мира.

— Понимаете, Эдди, потому-то англичане нас и не любят, — говорил мистер Патель. — Мы — торговцы и способны потеснить здешнюю нацию торговцев.

Эдди сказал, что ирландцев англичане тоже не любят, но мистер Патель поморщился: дескать, это все ерунда. Как насчет Терри Уогана?[16] Его все любят. Эдди сказал, что это совсем другое дело, но не мог толком объяснить почему.

Мистеру Пателю нравился Эдди. Он был с ним откровенен, даже позволял себе иногда выругаться, как бы в знак особого доверия. С Эдди он говорил об очень личных вещах. Рассказывал о своем умершем сыне Юсуфе, о том, как они горевали. Иногда Эдди в свою очередь рассказывал мистеру Пателю о себе. Рассказал о своих родителях, и мистер Патель посочувствовал, но очень деликатно. Он сидел в углу, сомкнув кончики пальцев, задумчиво кивал и горестно поджимал губы. Семья для человека, наверное, самое важное, говорил он, и Эдди не мог с ним не согласиться.

Но одного мистер Патель понять не мог. Почему

---

[16] Примечания: 16

Уоган Терри (род. 1938) — известный ирландский интервьюер; в 1985–1992 гг. вел на Би-би-си-1 популярное ток-шоу с государственными деятелями, писателями, актерами, спортсменами и т. п.

Эдди не съездит к матери? Конечно, он вовсе не намерен читать мораль, но этого он понять не в состоянии. Эдди рассмеялся, хотя ни объяснения, ни оправдания придумать не сумел, а потому сказал мистеру Пателю, что, пожалуй, навестит мать, только сперва немного оглядится. Обязательно навестит — в свое время. Мистер П. сказал, что съездить к матери нужно непременно.

— В мире множество женщин, Эдди, — вздохнул он, — но мать только одна.

— Это что, старинная мусульманская пословица? — спросил Эдди.

— Нет, — ответил мистер П., — это из одной песни в стиле кантри.

На объявление Эдди пришло несколько откликов; в пятницу вечером он встретился кое с кем в голландском баре «Де хемс» на Маклз-филд-стрит.

Пришла американка с короткой стрижкой, по имени Джинджер О'Райлли, бас-гитара, и двое парней-англичан: Брайан Смит, ударник, и гитарист, отрекомендовавшийся как Клинт Сайгон. Эдди спросил, настоящее ли это имя. Парень ответил: да, конечно. Не то чтобы его нарекли этим именем при крещении, но так его зовут все, поэтому оно настоящее. Брайан сказал, что и его

на самом деле зовут по-другому.

— Мое настоящее имя — Токио Космонавт, — сказал он, — но оно недостаточно эффектное, и я его сменил.

Клинт воспринял это неодобрительно, зато остальные были в восторге.

Эдди сказал, что с шестнадцати лет играл то в одной группе, то в другой, но больше не хочет заниматься такой ерундой. Пора заняться серьезной работой, а не быть на подпевках. Конечно, он приобрел достаточный опыт, когда играл с «Полис» в Слейне, и прочее такое.

— Батюшки, — присвистнул Брайан, — это же самая большая музыкальная тусовка в Ирландии, верно?

— В Европе, — уточнил Эдди. Конечно, его группа замыкала список, но они все равно получили прекрасные отзывы в прессе, и из музыкальных кулуаров даже просочились слухи, что их оценил сам Стинг.

Это на всех произвело впечатление. Вдобавок, похоже, им всем нравились одни и те же группы, так что Эдди раздал копии своей пробной записи, и они договорились встретиться на следующей неделе на джем-сешн — как сказал Брайан, посмотреть, что получится. Джинджер сказала, что

все решения в группе надо принимать демократически, и хотя Клинт возразил, что искусство и демократия не очень-то гармонируют, Эдди ее поддержал. Брайана Эдди убедил, и в результате Клинт оказался в меньшинстве. Хочешь не хочешь, а придется ему быть демократичным. Потом заговорили о названии группы.

— «Жрицы меда», — сказал Эдди. — Так называлась моя старая группа. Название что надо. Люди его запоминают, понимаете? Должен предупредить: я буду настаивать на этом названии.

Остальные были не в восторге от его идеи, но предложений поступило только два: «Имельда Маркос и ее туфли», от Джинджер, и «Оливер Норт и его бумагорезка» от Брайана, так что партия «Жриц меда» в конце концов победила. По крайней мере, это название утвердили в качестве рабочего. А выбор названия, как известно, самый сложный момент в создании группы.

Некоторое время они болтали о вечеринках с ЛСД, все по очереди ставили выпивку. Пиво в «Де хемс» было крепкое, и веселье било ключом. Эдди смотрел на ребят: как они спорят, смеются, подкалывают друг друга и отстаивают мнения, совершенно противоречащие тому, что сами же говорили пять минут назад. Все нормально.

Похоже, они поладят, хотя Брайан и ведет себя слишком тихо, особенно когда слово берет Джинджер. Эдди рассчитывал, что они притрутся друг к другу, немного погодя. Наверняка притрутся. Ребята правильные, а он лидер группы. Наконец-то наметился просвет. Колеса завертелись, это уж точно. Он осушил свой стакан и попросил у Брайана сигарету.

Как раз перед тем, как во второй раз подошел его черед заказывать выпивку, Эдди хлопнул себя по лбу и, громко чертыхнувшись, припомнил, что ему давно пора быть в совершенно другом месте. Он оставил «Жриц меда» в «Де хемс» — спорить о втором альбоме «Уотербойз» и о том, что *на самом деле* можно услышать, если прокрутить «Сержанта Пеппера» наоборот. На сердце у него было так легко и приятно, что он позволил себе роскошь доехать до дома на такси.

Этим вечером в Вене группа сумасшедших ливийских террористов захватила голландский самолет. Все были в ужасе. Все, кроме Эдди. Со вздохом удовлетворения он вырезал из заголовка «Ивнинг стандард» «HIJ» и «KLM» и очень аккуратно добавил их к буквам, уже наклеенным над кроватью.

Потом улегся на кровать и задумался. Дела

определенно налаживались. Всего-то неделю-другую в Лондоне, а уже обзавелся женщиной и вот-вот создаст первую самостоятельную группу. Да, дела определенно шли на лад.

Именно это Эдди и называл «прогрессом».

Квартира у Джимми и Рут была из тех, о каких говорят: «Это что-то!» Располагалась она в просторной, заново отделанной мансарде мрачного викторианского дома, выходящего на старое еврейское кладбище в Голдерз-Грин. Гладкие лакированные полы, в крышу врезаны витражные окна. Мебель в квартире была черная, и Джимми сказал, что все куплено в «Шабитат»[17]. Ему пришлось растолковывать соль этой шутки Эдди, который был в городе новичком.

На черном кофейном столике в черных мисочках стояло хрустящее печенье, арахис и разные соленые штучки. Из черных стереодинамиков гремел саксофон Чарли Паркера. Рут чмокнула Эдди в обе щеки и повесила его кожаную куртку на черную вешалку.

— Угощайся, — сказала она и, вильнув задом, исчезла на кухне. На ней было черное платье в

---

[17] Примечания: 17

Джимми намекает, что мебель добротная, но подержанная, создав гибрид из англ. shabby (подержанный) и «Хабитат» (название фирмы, торгующей элегантной практичной мебелью).

обтяжку, до того тесное, что, кажется, без мыла не натянешь.

В комнату вплыл Джимми в черном полотенце на бедрах, животик свешивался через край.

— Живей, Рут, — крикнул он, — все уже здесь! — Он взял банку с пивом и поздоровался с Эдди. — Ты всех здесь знаешь? Это Эдди Вираго, ребята, недавно из Дублина, а ныне один из великих мигрантов эпохи «Райанэр». Кстати, он безработный, так что не хвастайте перед ним вашим баснословным богатством.

Эдди посоветовал ему отвалить, дескать, лучше пошел бы и оделся.

Кроме Джимми и Рут, на вечеринке был и еще кое-кто из друзей по колледжу. Строго говоря, не совсем друзей. Просто Эдди знал их в лицо.

Парень со сросшимися бровями, по прозвищу Ползун (настоящего его имени не знал никто) и его подруга Фиона, работавшая в «отраслевой прессе» (она была помощником техреда в ежемесячнике «Мясная торговля»). Эдди смутно помнил этих двоих: они учились на факультете бизнеса. Одна из тех парочек, что на лекциях держатся за ручку и целуются в баре. Ползун торговал мешками для мусора на «северном направлении», как он выражался. Подружка Ползуна все время про-

сила его рассказать какую-то ужасно смешную историю, приключившуюся с ним в Карлайле, но он явно был не в настроении.

— Нужно было там быть, — пояснял он.

Была здесь и еще одна Фиона — девушка в желтой кисейной блузке, из числа «зеленых», вдобавок вегетарианка, так что «Мясную торговлю» при ней тактично не обсуждали. Работала она сборщиком средств для Комитета по прекращению экспериментов над животными. Когда Эдди спросил, что это такое, она улыбнулась и сказала:

— Да ну, не бери в голову!

С второй Фионой был парень, на вид очень тихий и неуклюжий. Говорил он мало и все время чистил ногти зубочисткой. Как выяснилось, поэт. Имени его Эдди не расслышал. Очки в черной оправе, как у Бадди Холли[18], черная водолазка — он выглядел как человек, нарядившийся поэтом для маскарада в Ислингтоне. С той разницей, что он действительно был поэтом.

— В реальной жизни, — прибавил поэт.

В ожидании Джимми и Рут все испытывали некоторую скованность. Одна из Фион разгляды-

---

[18] Примечания: 18

Бадди Холли (1936–1959) — популярный американский певец и гитарист.

вала лицо Эдди, словно старалась припомнить, где она его видела. Эдди поначалу надеялся, что она прекратит глазеть, но через пятнадцать минут все-таки решил вывести ее из затруднения.

— Да, — обреченно сказал он. — Дин Боб.

Девушка прищелкнула пальцами и рассмеялась.

— Да-да, так и есть, — вздохнул Эдди.

— Он просто прелесть. Верно? — Девушка обезоруживающе улыбалась. — А чем он сейчас занимается?

Ползун ни с того ни с сего заговорил о каких-то блокираторах на колеса; поэт присел на корточки и стал перебирать пластинки, время от времени аккуратно счищая пятнышко с глянцевой обложки какого-нибудь альбома. Каждый раз, когда кто-нибудь говорил «Фиона», обе девушки оборачивались, и все прыскали от смеха, будто и впрямь происходило нечто уморительное. Но временами повисала неловкая тишина: все ждали, чтобы кто-нибудь заговорил первым, и когда Джимми наконец вошел в комнату, Эдди почувствовал такое облегчение, что готов был расцеловать его.

— Черт меня побери, — Джимми оглядел собравшихся, — давайте возьмемся за руки и

попробуем вступить в контакт с живыми!

В тесных вареных джинсах он казался еще толще, чем тогда, в пабе.

Джимми извинился, что не припас суррогатного спиртного, якобы иронически намекая на прическу Эдди. Потом хлопнул Эдди по спине и захохотал.

— Отлично, Джим, — сказал Эдди.

— Я просто хотел тебя подзавести, Эд, — сказал Джимми. — Что ты на самом деле будешь?

Эдди сказал, что выпьет джина с тоником.

— Со льдом? — поинтересовался Джимми.

— Нет, — ответил Эдди. — Просто джин с тоником.

Джимми пристально посмотрел ему в глаза.

— Даже и не думай об этом, — сказал Эдди.

Вышедшая из кухни Рут попросила Эдди не стоять на ковре, если его это не затруднит. Ковер они купили во время поездки в Тунис и относились к нему *très*[19] трепетно. Эдди уселся на подоконник, слушая болтовню гостей, которые стояли вокруг ковра, будто вокруг бассейна, полного пираний. Поэт поставил пластинку Нины Симон.

— Корсо не получил работу на Би-би-си, — ска-

---

[19] Примечания: 19
Очень, весьма *(фр.).*

зала Фиона-вегетарианка, а Фиона-плотоядная негодующе покачала головой и заявила, что, если бы ей отказывали столько же раз, сколько Корсо, она бы просто дышать перестала или что-нибудь в этом роде.

— Угу, — поддакнула Фиона-вегетарианка, — он жутко злится и жаждет мести.

Теперь вот он собрался поступать в Королевскую школу киноискусств в Элмерз-Энд. Джимми сказал, что шансы у него нулевые, он, Джимми, хорошо знает это место, без блата нечего и соваться. Ползун рассмеялся, а Эдди поинтересовался, откуда Джимми это известно. Джимми снисходительно подмигнул и щелкнул себя по носу.

— *Vorsprung durch Technik*[20], — сказал он. — Связи, Эд.

Поэт заявил, что все это чепуха.

— Нет, я серьезно, — возразил Джимми, — мы делаем для них всю рекламу.

— Ну что, будем? — спросила Рут, указывая на дверь.

— Что «будем»? — поинтересовался Эдди.

— Есть, — пояснила она. — Все готово.

Некоторых блюд Эдди никогда раньше не

---

[20] Примечания: 20
Преимущество благодаря технике *(нем.)*.

пробовал. Чего только не продают нынче в супермаркетах! — сказал он. Рут послала его на фиг. Он сказал, что она замечательно выглядит. Она опять послала его. Рут нервничала и была явно не в духе.

Джимми понюхал вино.

— Злое винцо, — сказал он. — Не хотел бы я встретить его поздним вечером в темной аллее.

Никто не засмеялся. Джимми явно забыл, что повторял эту шутку с первого курса, когда они иной раз скидывались на бутылку марокканского или «Асти спуманте» и несли ее на квартиру к Дину Бобу.

Джонни Спид, деливший квартиру с Дином Бобом, в то время работал на «Общество Симона». Вечерами он разъезжал по улицам Дублина, силком пичкая оборванных алкашей сандвичами и супом, возвращался в два часа ночи и обнаруживал, что в квартире полно пьяных и невменяемых, вроде тех, с кем он возился весь вечер. Потом, когда у них кончались сигареты, он вскрывал блок «Плейерс», полученный в обществе для раздачи бродягам; сигареты пускали по кругу, с лихорадочной благодарностью, а после затевали жаркий спор о том, кто принадлежит к среднему классу, а кто нет. Прекрасное было

время, говаривал Дин Боб.

Когда Рут внесла огромное блюдо жаркого с орехами, она лучилась от гордости и волнения; ей немедленно сообщили, что жаркое выглядит просто изумительно. Но она почему-то страшно нервничала, кусала ногти, и Эдди заметил, что у нее дрожат руки. Совершенно не похоже на Рут. Может, она неважно себя чувствует? — подумал Эдди. Она то и дело приглаживала волосы и оглядывала стол, словно что-то забыла. Джимми обнял ее за плечи и попросил успокоиться.

Но все пошло наперекосяк. Еще до того, как по тарелкам разложили салат из авокадо, завязался бурный спор насчет социал-демократов. Рут сказала, что будет голосовать за них, потому что она без ума от Дэвида Оуэна[21], — едва ли не самая умная реплика за весь вечер. Обе Фионы объявили, что отдадут свои голоса «зеленым». «Мы разрушили планету, уничтожили мир», — виновато твердили они, словно сами собственными руками разрушали планету и уничтожали мир. Ползун сказал, что это без разницы: все равно в стране заправляют банки. Джимми заявил, что

[21] Примечания: 21

Оуэн Дэвид Энтони (род. 1938) — британский политик, основатель (1993) и лидер социал-демократической партии.

опять поддержит Мэгги[22] и что ему плевать на подушный налог. Лейбористы, конечно, всем хороши, но в отношении профсоюзов на них положиться нельзя. Он сказал, что Скаргилл возьмет Киннока за жабры, и сжал правую руку в кулак, одновременно отправив в рот порцию макарон.

— Мэгги дрянь, я знаю, — воскликнул он, — но работать она умеет, черт возьми, в этом ей не откажешь.

Эдди попробовал жаркое и сказал, что очень вкусно. Ему совершенно не хотелось вести политические споры. Почему-то он все время думал о Марион, надеялся, что у нее все в порядке, размышлял о том, как бы она держалась на этой вечеринке и что бы сказали эти друзья, если б увидели ее — хотя этого, разумеется, никогда не случится. Рут спросила, как его успехи с поисками работы. Эдди ответил, что определенные возможности есть, конечно, в точности еще ничего не известно, но — тьфу-тьфу, чтобы не сглазить!

— А разве «определенные возможности» не оксюморон? — поинтересовался поэт. Джимми в ответ назвал его педантичным засранцем.

---

[22] Примечания: 22
Маргарет Тэтчер.

После ужина плотоядная Фиона вытащила большой пакет травки и свернула косячок. «Торчок-пустячок», как выразился Джимми, рассмешив всех. Травка что надо. Эдди глубоко затянулся — волна приятных ощущений медленно захлестнула его. Он почувствовал себя лучше.

Джимми принес из кухни нарезанные ломтиками киви и бананы, а Рут — большую миску со взбитыми сливками. Фиона-вегетарианка сказала, что без ума от киви и не в силах против него устоять; поэт почему-то засмеялся, причем слишком громко.

Эдди заговорил с поэтом, который, похоже, нарочито весь вечер не обращал на него внимания. Сказал, что и сам пописывает стихи. Поэт воспринял это без особого интереса. Эдди спросил, какие авторы на него повлияли, и он ответил: авторы вроде Гинзберга[23].

— Авторы *вроде* Гинзберга, — повторил Эдди. — Что это значит?

Сложно объяснить, что именно он имел в виду, сказал поэт, по правде, он не большой любитель разъяснять свое творчество. Пусть оно само стоит или падает, как может.

---

[23] Примечания: 23
Гинзберг Аллен (род. 1926) — американский поэт.

— Наподобие Эддиной прически, — ввернул Джимми.

Эдди спросил, есть ли у него публикации.

— Главным образом в разных небольших журналах, вряд ли ты их знаешь, — ответил поэт.

Эдди посоветовал ему принять участие в поэтическом конкурсе, но поэт сказал, что он не поклонник конкурсов и соревнований в искусстве, поскольку они всего лишь отражают иерархический фетишизм, бытующий в буржуазном обществе. На этом он посчитал разговор оконченным.

Ползун завел речь об освобождении «гилдфордской четверки» и о документальном фильме про них, который видел на этой неделе. Просто ужасно, что с ними сделали, сказал он, похоже с искренним возмущением. Джимми предложил:

— Выпьем за них, — и все согласно кивнули, сдвинув бокалы.

Рут объявила, что это настоящий позор. Поэт сказал, что охотно отсидел бы пятнадцать лет в тюрьме, если бы в конце его ожидали такие деньги, а обе Фионы заявили, что это ужасающий цинизм. Поэт ответил, что просто пошутил, его вообще тошнит от любого притворства. Эдди согласился с ним.

— Как насчет Никки Келли? — сказал он. — Против него дело сфабриковали на земле так называемых святых и ученых.

В Ирландии тоже происходят ужасные вещи, сказал он, но никому, абсолютно *никому* до этого нет дела. На миг наступило молчание. Потом Ползун сказал, что это верно, и все же…

— Типично, — заметил Эдди. — Типично.

За камамбером заговорили о Северной Ирландии. На этой неделе несколько человек были застрелены в каком-то баре — строители, работавшие на британскую армию. Вспыхнул обычный спор, является ли основная часть ИРА[24] такой же террористической бандой, как и «временные»[25], или все-таки нет. Ползун твердил, что они террористы и делают то же самое, что и «временные»: убивают, пытают и похищают людей. Фиона сказала, что он не прав, она не знает, как это сформулировать, но они все-таки не такие. Фиона-вегетарианка провозгласила, что она против любого насилия, за исключением Южной

---

[24] Примечания: 24

ИРА — Ирландская республиканская армия.

[25] Примечания: 25

«Временные» — члены и сторонники «временного» крыла партии Шин фейн; выступают за объединение Ирландии путем вооруженной борьбы с применением террористических методов. «Временными» называют и экстремистское крыло ИРА.

Африки, а поэт спросил:

— А что, разве на границе Южной Африки перестают действовать законы морали?

Дискуссия продолжалась — ничего нового, все это Эдди слышал уже сотни раз. Но сосредоточиться на разговоре он все равно не мог. «Улетел» раньше времени и теперь в замешательстве молчал. А рассуждения о Северной Ирландии возвращали его к мыслям о Марион. Удивительно, но это была правда.

Он вспоминал ее лицо, вспоминал, как она смеялась, как держала сигарету, как переворачивала страницу журнала, как помешивала кофе, как смотрела на него, как улыбалась, не разжимая губ, и как посмеивалась, рассказывая что-нибудь грустное. Потом вдруг обнаружил, что сравнивает с Марион трех девушек за столом и снова спрашивает себя, что сказала бы Марион, окажись она здесь. Он снова затянулся косячком и попытался забыть о ней. Но не мог.

Посреди десерта зазвонил телефон. Дребезжащий звук прервал вялую дискуссию. Эдди в своем трансе был уверен, что звонит Марион. Уверен на сто процентов. И собирался подойти к телефону, поговорить с ней.

Но минуту спустя из холла донесся голос Джим-

ми:

— Здорово вляпался… Вот черт!..

Когда Джимми вернулся, на его лице читалась озабоченность. Хьюго Роджерс попал в беду. Он отправился праздновать свое новое назначение в министерстве иностранных дел, а возвращаясь из стрип-клуба на Лисон-стрит, побил отцовский «вольво» и сшиб полицейского, который пытался остановить его на мосту Баггот-стрит. Он был по уши в дерьме и требовал телефон Пола, брата Джимми (Джимми называл его «Пабло»), адвоката.

Все ошеломленно замолчали. Кто-то спросил, сильно ли пострадал полицейский.

— Да вроде копыта не отбросил. — Джимми сделал свой знаменитый жест невидимой сигарой, в духе Граучо Маркса[26].

Эдди сказал, что все еще может случиться и что Хьюго всегда был безответственный идиот.

— Эдди, — предостерегающе сказала Рут.

— Он всегда думал задницей.

— Ты всегда был бессердечным засранцем, Эдди, — вкрадчиво сказал Джимми. — А как же принципы, которые для тебя превыше всего?

---

[26] Примечания: 26
Маркс Граучо (1897–1977) — американский комический актер.

— Принципы? — удивился Эдди. — Господи, да ведь он переехал полицейского!

— Свинью, Эдди, разве ты не так их называл? Фашистскую свинью!

Рут принялась собирать посуду. Эдди сказал, что дело не в этом. Сказал, что они все могут припоминать ему что угодно и сколько угодно.

— Ты изменился, Эд, верно? Теперь ты у нас совесть среднего класса, так, что ли?

Фиона-вегетарианка пошла за Рут на кухню, держа перед собой косячок, словно распятие, которое намеревалась сунуть под нос вампиру.

— Много ты знаешь про средний класс, — сказал Эдди.

— Я-то знаю, а ты нет. Рос в трущобах Ранила.

— Мой отец, — ткнув указательным пальцем куда-то в воздух, заявил Эдди, — принадлежит к рабочему классу.

Джимми захлопал в ладоши и заговорил с преувеличенным акцентом Шона О'Кейси, который пускал в ход в таких случаях:

— Какой момент! Давайте сюда Вираго Старшего, старину Вираго, поступающего по совести. Вот он, дорогие мои леди и джентльмены, в своих пролетарских штанах! Кланяйтесь, сэр, кланяйтесь!

Ползун и его подружка начали играть в ножички. Поэт снял очки, протер их салфеткой и снова надел.

— Н-да, — продолжал Джимми, — ты изменился, Эдди, сынок.

— А ты не изменился, — неприязненно ответил Эдди, — и никогда не изменишься.

Он чувствовал, что пьянеет, нижняя челюсть была как каменная, он с трудом ворочал языком.

— Почему бы тебе не написать об этом песню, а, Эдди? От такой песни народ валом повалит на баррикады, а буржуазия будет трястись от страха.

Эдди покраснел. Джимми повизгивал от смеха, но все остальные молчали. Фиона попробовала заговорить с Эдди о его музыке, но он не поддержал этот разговор.

— Послушай, — обратился он к Джимми, — когда мы с тобой в первый раз встретились, ты подрисовывал члены людям на газетных фотографиях. Ты давно перестал этим заниматься?

Джимми выпустил клуб дыма, медленно поплывший над столом.

— Я-то перестал их рисовать; так, может, и ты, Эд, перестанешь вести себя как паршивый член?

Ползун шумно вздохнул и заметил, что дискус-

сия становится чересчур эмоциональной.

— Возможно, — ответил Эдди, — но он превращается в хреновую карикатуру на самого себя.

— О-о, — томно простонал Джимми, — ты такой сексуальный, когда хамишь, Эдди…

На кухне длинноволосая Фиона плакала, сидя за столом. Эдди постоял в дверях, наблюдая за ней, но она не замечала его. Рассказывала Рут о том, что порой чувствует себя «креветкой в заливном», красивой, нежной, но мало-помалу гниющей. Рут обнимала Фиону за плечи и твердила ей, что все будет хорошо.

В ту самую минуту, когда Эдди уселся за кухонный стол, голова Фионы соскользнула с плеча Рут. Девушка повалилась на пол, да так и осталась лежать там — на боку, во весь рост, вытянув вперед руку, в которой все еще был зажат косячок. Этакая статуя Свободы, поваленная сильным ветром.

Эдди помог Рут вымыть посуду. Он не то чтобы любил это занятие — просто хотел избавиться от Джимми, который теперь одолевал поэта, пытался показать ему, как работает система газового отопления. Убирая тарелки, Рут и Эдди то и дело переступали через спящую Фиону.

Рут поинтересовалась, нет ли известий от Дженнифер. Эдди поморщился:

— А ты как думаешь? Знаешь ведь, какая она.

Рут сказала: да, это верно. Потом спросила, есть ли сейчас у Эдди кто-нибудь; Эдди ответил, что нет. Потом сказал — ну да, в общем, есть кое-что. Рут заметила, что это здорово, но подробнее допытываться не стала, чем слегка удивила и даже разочаровала Эдди. Когда он сказал, что Джимми, по обыкновению, вел себя как последний ублюдок, Рут, похоже, удивилась, что он заговорил об этом.

— Ты же знаешь, какой он. — Она пожала плечами.

Стены кухни пестрели фотографиями Джимми и Рут: на фоне Эйфелевой башни, на залитых солнцем балконах с бокалами в руках, высовывающих физиономии из картонного задника с изображением Моны Лизы, строящих друг другу глазки за столиком в кафе.

Покончив с посудой, Эдди и Рут немного посидели на кухне, прихлебывая джин. Они говорили о прошлом, и Эдди все больше пьянел. Он потянулся через стол и коснулся руки Рут.

— Слушай, я всегда считал тебя очень привлекательной, Рут. Физически привлекательной.

Рут сняла его руку со своего рукава:

— Отвали, Эдди.

И они как ни в чем не бывало вернулись к выпивке. Почему-то разговор у них зашел о шансах Ирландии в конкурсе песни «Евровидения», хотя ни он, ни она практически ничего об этом не знали. После очередного косячка Рут захотелось пожевать. Эдди достал из холодильника хлеб и пачку масла. Минут десять они молча ели, посматривая друг на друга и тут же отводя взгляд, словно чувствовали за собой какую-то вину.

— Надо отдать должное Ирландии, — наконец сказала Рут, — она изобрела масло, которое можно мазать на хлеб, как только достанешь из холодильника.

— Ага, — поддержал ее Эдди, — великая страна.

Когда пришло время уходить, Эдди забрал из спальни свою кожаную куртку. Ползун и Фиона спали, укрывшись пальто. Ползун проснулся и мутными спросонья глазами посмотрел на Эдди.

— А-а, — он зевнул, — это ты…

Он сказал, что, возможно, сумеет найти Эдди работу в своей фирме, если, конечно, Эдди хочет. Эдди сказал: спасибо, нет, вряд ли это дело для него. Тем не менее Ползун всучил ему свою визитку, хоть Эдди и твердил, что это ни к чему. Ползун сказал, что позвонит, если подвернется

еще какая-нибудь работа.

— Мы, ирландцы, должны держаться вместе, — икнув, объявил он. — Должны высоко держать наше знамя, верно, Эдди?

На улице, в палисаднике, к Эдди подошел Джимми, виноватый, расстроенный. Он сказал, что Эдди может переночевать у них, если хочет. Наверху найдется свободный диван. Эдди сказал: спасибо, у него есть крыша над головой.

— Да ладно тебе, Эдди, — попросил Джимми. — Не обижайся.

Эдди засунул руки в карманы, притопывая ногами от холода. Лужи на мостовой подернулись тонким ледком, трава чуть слышно похрустывала под ногами. Джимми сказал, что Эдди должен хотя бы позволить ему вызвать такси, но Эдди отказался — это ему не по средствам.

— Не все так хорошо устроились, как вы, — мрачно заметил он. Джимми сказал, что готов одолжить несколько фунтов, но Эдди метнул на него самый выразительный из своих оскорбленных взглядов.

Над Голдерз-Грин плыла багровая луна. Темно-синий свет словно бы сочился с неба.

— Ты же знаешь меня, Эд, — умоляюще говорил Джимми, — я перебрал огненной воды. Как разо-

злюсь, делаюсь жутким занудой…

— Угу, — ответил Эдди, — это уж точно.

Джимми заключил Эдди в объятия:

— Я люблю тебя, старик, ты же знаешь… кончай обижаться…

Эдди посоветовал ему расслабиться. Сказал, что это все травка — в последнее время он слишком ею увлекся, а от перебора делается агрессивным. Джимми сказал: да, верно, сам-то он не злоупотребляет.

— Я вправду стал занудой, — вздохнул он. — Не думай, что я не понимаю, честно. Я занудлив, как туннель под Ла-Маншем, Эд, так оно и есть…

Они стояли в палисаднике, глядя на освещенные окна квартиры, на тени, скользившие по шторам. Джимми выглядел беспокойным и подавленным. Он сказал, что рад снова повидать Эдди, и Эдди согласился: да-да, это очень здорово. Джимми спросил, правда ли Эдди хочет поехать домой, и Эдди ответил: да, завтра у него дела, надо кое с кем встретиться. Джимми был огорчен чуть не до слез.

— Пошли обратно, старик, — попросил он, — вспомним прежние времена. Примем по рюмашке, поговорим, а?

— Нет, — ответил Эдди. — Слушай, у меня дей-

ствительно нет настроения.

— Тот диван, — вздохнул Джимми, — обошелся нам в три с половиной сотни, а на нем так ни разу и не спали.

Тогда диван нужно продать, сказал Эдди. Прибавил, что не хочет никого обидеть, но ему действительно пора линять. Джимми стоял в подворотне и грустно махал вслед, будто Эдди уходил по меньшей мере на войну. Не успел Эдди пройти и десяти ярдов, как Джимми снова окликнул его. Эдди закатил глаза, но обернулся. Джимми вдруг будто снова опьянел. Он пошатывался и держался рукой за столб ворот, чтобы не упасть.

— Видишь все эти звезды на небе? — тихо пробормотал Джимми. — Знаешь, что они делают там наверху?

Эдди пожал плечами.

— Все эти планеты, старик, такие далекие, сияющие серебром… А знаешь, кто мы? Мы — то дерьмо, которое производят жители этих планет. Они выбрасывают все дерьмо в космос, Эд, и оно падает сюда: это и есть мы. Межпланетное дерьмо — и ты, и я, и все мы. Такова правда, старик. В том смысле, что в конце концов все сводится к этому. Межгалактический навоз — понимаешь, о чем я?

Вдоль улицы за деревьями начали зажигаться окна домов.

— Это круто, Джимми, — сказал Эдди, — действительно круто.

Он зашагал вниз по улице, отыскал телефонную будку и заказал мини-такси.

Когда Марион вернулась, дела пошли странно.

Эдди в это время был на собеседовании: пытался получить работу продавца, торгующего вразнос энциклопедиями в муниципальных домах Южного Лондона. Клерк за столом, бросив взгляд на прическу Эдди, немедля разразился целой тирадой насчет того, какие мерзавцы сидят в бухгалтерии, как они могли устроить ему такое и как узнали, что у него сегодня день рождения? Он расхаживал по кабинету и смеялся, потом звякнул коллеге на пятый этаж, позвал зайти посмотреть. Он просто поверить не мог, что это не шутка и не розыгрыш. Когда Эдди наконец убедил его, что никакого розыгрыша не было и в помине и что ему действительно нужна работа, он страшно смутился и сказал, что не имел в виду обидеть Эдди, но, судя по всему, решил, что Эдди сейчас набьет ему морду. Он признал, что молодым людям, конечно же, необходимо выразить свою индивидуальность, однако заметил, что в

его время это происходило иначе.

Когда Эдди открыл дверь номера, Марион сидела на кровати, обхватив колени руками, глядя в зеркало над столом. Увидев ее, Эдди вздрогнул от неожиданности.

— Привет, — сказала она, — я вернулась.

Судя по всему, она была рада видеть Эдди. Он вошел, и Марион в первый раз увидела его костюм.

— Боже всемогущий, — сказала она, — на свет родилась страшная красота.

Эдди бросилось в глаза, что на самом деле она выше ростом, чем ему помнилось, хоть и сидит сейчас скорчившись на кровати. На ней была белая блузка из плотной хлопчатобумажной ткани и черная юбка, черные шерстяные колготки и потрепанные ботинки. На шее все тот же крестик. В комнате пахло дождем. Выглядела Марион хорошо, но глаза казались чуточку влажными — похоже, она уже успела выкурить косячок. Распахнутое настежь окно также говорило в пользу этого предположения. А когда она переменила позу, Эдди увидел на подушке пачку папиросной бумаги для самокруток. Куртка Марион висела на окне. Из петлицы торчала помятая желтая роза. Совершенно неуместная.

— Ну как, получил работу? — спросила она.

— Не-а, — ответил он, — это было не то, чего мне хотелось.

Эдди распустил узел красного галстука с турецким узором, бросил его в платяной шкаф. На полу шкафа аккуратным рядком стояли ее туфли. На плечиках висела ее одежда. Он снял рубашку и запихнул в рюкзак. Марион встала с кровати, вытащила рубашку и снова накинула ее Эдди на плечи.

— Пожалуйста, — сказала она, — там есть корзина для грязного белья.

Она прибрала в комнате, сложила стопками книги, отнесла Эддино грязное белье в ванную. В ванной резко пахло нашатырем и хлоркой. Возле раковины лежала косметичка Марион, из нее выглядывали зубная щетка и паста. На полочке расположились пуховки для пудры, пилки для ногтей и земляничный шампунь. В шкафчике стояла упаковка «Тампакс» и бутылочка витаминов. Эдди закрыл дверцу, посмотрел в зеркало — что-то уж очень бледный. Оттянул пальцами веки и целых десять минут разглядывал собственную физиономию.

Потом выбрил голову и вымыл под мышками; жужжание электробритвы некоторое время отдавалось в голове так, что ныли зубы.

В номере было чертовски чисто. Почему-то, когда уборкой занимался Эдди, все выглядело по-другому. Несколько прибранных уголков, собранных вместе. А когда убирала Марион, все становилось новым, свежим, чистым — прямо-таки жалко мять простыни или мочиться в туалете. Господи боже, она даже под кроватью подметала! Вправду домовитая девушка.

Когда Эдди вышел из ванной, Марион курила очередной косячок и читала какую-то статью в журнале с цветными иллюстрациями.

— Тебе незачем здесь убирать, — сказал он.

— Но кто-то ведь должен это делать, — сказала Марион и, не отрывая взгляда от журнала, предложила ему затяжку.

Он взял сигарету. Марион сказала, что он может докурить.

— Видал? — спросила она, показывая Эдди первую страницу.

Крупный заголовок мрачно возвещал о том, что за эту неделю положение лейбористской партии на выборах серьезно улучшилось. Эдди сказал, что это просто великолепно.

— Правда? — радостно сказала Марион. — А нам как раз пригодятся и эти вот буковки.

Она выпрямилась, прислонившись к стене,

вытащила ножницы и вырезала нужные буквы четырьмя ловкими движениями.

— Ну, — сказал Эдди, когда она прикрепила буквы к стене, — как там Донегол?

Марион закурила, выбросила спичку в окно.

— Как всегда. — Она пожала плечами. — Ты же понимаешь.

Она подперла щеку рукой, внимательно наблюдая за Эдди, который ходил по комнате, переставлял вещи, передвигал, притворяясь, будто ищет что-то. От этого взгляда он почему-то почувствовал себя виноватым, словно ей было известно что-то уличающее его, хотя уличить его было не в чем. Она спросила, скучал ли он по ней, и так на него посмотрела, что Эдди опять невольно подумал: она знает больше, чем говорит. Он ответил, что не скучал, что они еще не женаты, и Марион рассмеялась нервным пронзительным смехом, как будто он сказал какую-то нелепость.

— Ты ездил к своей маме? — спросила она.

— Угу, — кивнул он, глядя в окно, — но ее не было дома.

От Марион пахло мылом и потом. Они поцеловались. Уши у нее были холодные. А ногти коротко подстрижены. Ведь она их грызла. Что-то между ними было не так. Эдди чувствовал. Ему

казалось, она уезжала очень надолго, хотя прошла всего-то неделя. В самой глубине души он рассчитывал, что никогда больше ее не увидит. Может, даже надеялся. А может, и нет. При ней он смущался, мысли путались. По крайней мере, это он знал наверняка.

Она поинтересовалась, что он делал в ее отсутствие и почему она ни разу не застала его, когда звонила.

— У тебя есть другая женщина, Эдди Вирого? — спросила она, ущипнув его за руку, да так сильно, что он поморщился от боли и хлопнул ее по пальцам.

Он рассказал о новой группе, об ужасной вечеринке, вообще обо всем. И, рассказывая о вечеринке, смеялся, хотя она, похоже, не понимала над чем. Он чувствовал себя каким-то образом причастным к этому безобразию, а потому говорил о своих друзьях язвительно и резко, стараясь отмежеваться от них. Но что бы он ни говорил, на ее лице по-прежнему играла недоверчивая усмешка. Она сказала, что друзья у него — придурки, и, к удивлению Эдди, его это задело. Он вроде и сам знал, что они придурки, но как-никак друзья есть друзья.

Когда она ушла в ванную, Эдди сел на кровать

и принялся листать ее журнал. На внутреннем развороте была черно-белая фотография, лицо на фотографии показалось ему знакомым. Господи! Значит, на сей раз Джимми был прав.

«Как важно быть Саломеей Уайлд» — возвещал заголовок. С минуту Эдди смотрел на фотографию. Она и правда очень красивая, теперь он сам видел — гладкая кожа, прелестный рот. «Правильно это или нет, — гласила подпись под заголовком, — но мне нравится быть собой». Эдди бросил журнал в корзину.

— Воображала чертова, — буркнул он.

Мистер Патель был, как он сам выразился, на седьмом небе от счастья. Он так обрадовался возвращению Марион, что даже принес в комнату букет пышных зеленых гвоздик и сказал ей, что очень ее ждал и что с огромным удовольствием говорил с ее родителями. Потом они уселись на кровать и начали просматривать список ее обязанностей, выяснять, где мистер Патель держит принадлежности для уборки, обсуждать часы работы Марион и прочие детали. Мистер Патель говорил взволнованно, точно опасался, что Марион передумает и снова уедет. Он все время приглаживал свою блестящую черную шевелюру и твердил: «Вы уверены, вас это устраивает? Вы

уверены, что все понимаете?» — касаясь при этом запястья Марион.

Эдди взял гитару и пошел к двери. Он вдруг почувствовал прилив вдохновения. После бесплодных собеседований на него всегда накатывало вдохновение. Марион спросила, не намерен ли он снять костюмные брюки и надеть что-нибудь другое. Он ответил, что нет.

— Испортишь хороший костюм, — с упреком сказала она. Эдди пообещал переодеться позже. Мистер Патель сказал, что если, бог даст, разбогатеет, то сможет покупать костюмы каждый день. Марион сардонически фыркнула. Такие смешки получались у нее мастерски. Лучше, чем у Эдди, а это кое-что значит.

— В случае чего, — сказал Эдди, — я на крыше.

Эдди так и не овладел по-настоящему искусством игры на гитаре. Знал только аккорды, да и то не все. А из сольных партий мог исполнить всего лишь три-четыре, которые слизнул у «Клаш», причем даже тут ему приходилось жульничать, чтобы добиться твердости руки. Его кумиром среди гитаристов был Джо Страммер. Если не удавалось играть на всех шести струнах, тот просто не обращал на это внимания. Виртуозом Эдди отнюдь не назовешь, да он и не метил в мастера,

в этом не было необходимости.

Он сидел на крыше, пытаясь разучить секвенции позаковыристей, пока не заболели подушечки пальцев и не устало запястье. Тогда он остановился и принялся покусывать мозоли на кончиках пальцев — профессиональные мозоли гитариста, — ощущая на языке кисловатый привкус пота и стали.

Эдди уже давным-давно не писал песен. По правде сказать, что бы он ни рассказывал другим, песен он не писал никогда. Эдди был генератором идей. Идеи прямо-таки роились у него в голове — идеи сольных партий, аккордов, аранжировок, обрывки строк, которые могли бы лечь в основу стихов. Но собрать это все воедино, довести до ума у него не хватало пороху. И всякий раз, стоило ему сыграть такт-другой, слушатели говорили, что звучит это вроде как «Щели», или «Проклятые», или «Секта подземки». Поголовно все, кроме Дина Боба, который считал «все это крутым и потрясающим», в том числе и сущую ерунду. В большинстве случаев это и была ерунда. Но Дин Боб был настоящим другом. Всегда говорил то, что тебе хотелось услышать. Эдди это ценил.

Эдди провел суконкой по струнам, и гитара отозвалась мягким свистящим звуком, приятно

щекотавшим ухо. Он провел по струнам еще раз.

Открылся люк — на крышу выбралась Марион. Волосы она заправила за уши, но ветер снова растрепал их, и она досадливо тряхнула головой, но не сказала ни слова.

И в тот миг, когда Эдди взглянул на нее, он понял, что влюблен. Понял внезапно. Глядя, как она двигалась, как искоса смотрела на него, прикрывая рукой зеленые глаза. Ни песни скрипок, ничего. Просто он почувствовал, что надвигается большая беда, но поворачивать назад уже поздно.

Ужасно неловко, но Эдди понимал, что не может отвести от нее взгляда. Эти зеленые глаза были невероятно, невозможно красивы, красивее, чем на самом деле. Эдди узнавал все признаки. Первобытный ужас, словно мир вокруг рушился, словно в голове распахивались настежь какие-то двери, словно он стремительно мчался навстречу неизбежности, — все как обычно. Эдди с трудом сглотнул. Пальцы скользнули по струнам. В лучах заходящего солнца лицо Марион казалось волшебным.

Он физически ощущал связь между собой и ею; Марион шла к нему, словно ее притягивала незримая тонкая нить, и путь ее завершится

прикосновением. Она двигалась как маленький испуганный зверек. Так, будто не имела права находиться здесь, будто она воришка или робкий обитатель зоопарка. Вышла из тени дымовой трубы, опустив голову, протягивая к нему руки.

Они поцеловались — неловко, как плохие актеры в дурацком дневном сериале. Потом Марион прислонилась спиной к Эддиной груди, прижала его руки к своему животу. Он касался подбородком ее волос. И чуть не наступил на гитару.

Они стояли на крыше и смотрели на обшарпанные магазинчики Грейз-Инн-роуд и серую громадину Кингз-Кросса. Чистое небо уже потихоньку темнело, неестественно яркая линия горизонта, казалось, была нарисована аэрографом. С улицы доносился запах чипсов и дизельного топлива.

— Что такого особенного есть в Лондоне? — спросила Марион. — Прачечные самообслуживания на каждом углу. — Она засмеялась. — Ты замечал, Эдди Вираго? Прачечные и таксопарки.

Эдди сказал, что не замечал этого, но она, конечно, права.

— Вот движущая сила всей этой свалки, — сказал он, — чистое белье и места, куда можно пойти.

Они сидели на стене и целовались с новой,

неведомой ранее нежностью. Эдди коснулся щеки Марион, а она погладила его бритую голову и поцеловала в уголок губ. Эдди задержал ее руку в своей. Где-то рядом на лету трещали сороки.

Они долго сидели так — молча, держась за руки, глядя друг другу в глаза, как влюбленные из мультиков на открытке-«валентинке». Потом Эдди вдруг резко встал, сунул гитару в футляр и объявил, что хочет поговорить.

— Я так и думала, — вздохнула Марион.

Он не испытывал к ней большой и серьезной любви и прямо сказал ей об этом. Вот и замечательно, ответила она. Он сказал, что даже не знает смысла слова «любовь» и что «быть влюбленным» — просто смешные слова. Только слова. Она согласилась. Это все химические процессы, сказала она, вроде магнетизма и прочего. Она видела документальный фильм на втором канале Би-би-си.

Он совсем недавно пережил действительно тяжелый роман, сказал Эдди, и не хочет новой боли, по крайней мере сейчас, а лучше вообще никогда. Просто не хочет снова рисковать. Не хочет подставляться.

Марион сказала, что с ней происходит то же самое. Эдди удивился. Ему в голову не приходило,

что Марион могла любить еще кого-то. Конечно, она наверняка любила, но Эдди об этом не задумывался. И сейчас был просто ошеломлен. Вероятно, потому, что она никогда не упоминала никаких имен.

Марион сказала, что хочет до конца прояснить ситуацию. Понять, есть ли смысл в их отношениях. Будут ли они вместе или нет.

Давненько Эдди не слышал этого выражения. Быть вместе. В колледже ты «состоял в близких отношениях» или «встречался» с кем-то. У Дженнифер это называлось «хороводиться». А у Дина Боба — «делать зверя о двух спинах».

Быть вместе. Звучит как-то по-детски. Он вспомнил, что слышал это от своего отца: «Когда мы с твоей матерью решили быть вместе, мужчины еще уважали женщин». Эдди вспомнил, какое у него было тогда лицо: детски счастливое, после его таким почти никогда не видели.

— Посмотрим, что у нас получится, — сказал Эдди. — Я не хочу зарекаться, понимаешь?

Марион сказала, что речь не о любви до гроба, просто она хочет понять свою ситуацию. Эдди закатал рукав.

— Чего ты хочешь? — спросил он. — Расписки кровью?

Она посмотрела на его руку, будто видела ее впервые. Неловко потрогала, тихонько встряхнула, как неживой предмет. Долго разглядывала следы от зубов чокнутой собаки, сохранившиеся с того первого утра их знакомства. Потом улыбнулась.

— А что? Можно и так, — наконец сказала она.

Потом они спустились вниз, разделись и легли в постель. Комната остыла. На коже Марион виднелся розовый след от резинки колготок. Они лежали обнявшись и молчали. И Эдди жалел, что не сменил простыни.

Вскоре после этого «Жрицы меда» собрались на первую репетицию в комнате Клинта, в Хайгейте. Жуткое дело. Сначала Брайан никак не мог запихнуть в такси свои причиндалы. Потом они потратили черт знает сколько времени, пытаясь эти причиндалы собрать. Кончилось тем, что Брайан прицепил струну поверх кофейного столика и лупил по ней, а Клинт мрачно смотрел на это из угла. Усилителей для гитар не было, Эдди и Клинт подключились к музыкальному центру, и динамики прямо-таки взвыли. В довершение всего Джинджер оказалась никудышным бас-гитаристом, ничего хуже Эдди просто не слыхал. Она даже не умела подстроить гитару, а

сама гитара выглядела так, будто куплена только нынче вечером. По признанию Джинджер, так оно и было.

После битых пяти часов тяжкого труда они кое-как одолели полный вариант «Мэдисон-блюза» Элмора Джеймса, единственной песни, знакомой им всем, — по словам Клинта, никто, ну совершенно никто не способен ее испоганить, даже «Стокмаркет» и «Уотерман». Эдди понял, что поработать придется много и долго. Дома он сказал Марион, что все прошло блестяще.

— Конечно, есть некоторые проблемы, — признал он, — но это естественно, вначале всегда так. В любом деле.

Марион улыбнулась, думая, что он иронизирует.

Следующие несколько недель прошли необычайно интересно и весело. Они часами говорили, узнавая все возможное друг о друге; слишком поздно ложились, слишком много пили, еще больше занимались любовью — словом, делали все, что делают люди в чужом городе, когда им некуда податься и они против воли влюбляются друг в друга. Они даже не догадывались, что впоследствии каждый из них будет вспоминать это время как что-то нереальное, как наваждение

или сон, с той странной и смутной иронией, с какой перебирают свои воспоминания любовники, когда ничего уже не исправишь.

Иногда Марион ходила в местный ирландский паб «Гордость Эрина» повидаться с друзьями. Эдди побывал там с нею только один раз. Друзья Марион действовали ему на нервы. Все они были мастера посплетничать, все родом из Донегола, как и сама Марион, и в «Гордости» царила еще более ирландская атмосфера, чем в любом из пабов Ирландии, в которых Эдди успел побывать. В «Гордости» было столько же ирландского, сколько американского в Диснейленде. Эдди это ужасно раздражало, и после первого же вечера он сказал, что больше туда не пойдет. Марион совершенно искренне не возражала. Она даже приветствовала такое решение, по крайней мере так она говорила.

В ночь Гая Фокса[27] они пешком прогулялись до Южного берега, чтобы посмотреть на фейерверк. Рука об руку шли по Чаринг-Кросскому мосту, как настоящая влюбленная пара из песни. Над рекой клубился едкий дым, в небе расцветали

---

[27] Примечания: 27

Гай Фокс возглавил так называемый Пороховой заговор (1605 г.), попытку взорвать английский парламент, за что был казнен. День разоблачения заговора празднуется до сих пор.

разноцветные огни, издалека доносились глухие раскаты выстрелов. Эдди не очень любил фейерверки. В реальной жизни они никогда не бывают во все небо, как на телеэкране.

В обшарпанном баре «Национального дома кино» они пили бакарди и здорово захмелели, и Марион сказала, что Гай Фокс — единственный в истории человек, который правильно относился к британскому парламенту.

В город пришел ноябрь, все вокруг было мокрым и блестящим от дождя. Работники метро объявили забастовку. Эдди пришлось помогать Марион и мистеру П. управляться со злющими бизнесменами из пригородов, наводнившими «Брайтсайд»: они ночевали на раскладушках, на вонючих матрасах, а когда мест в номерах не стало — на подушках в коридоре. Для мистера П. это была сущая золотая жила, он греб деньги лопатой. Гостиница напоминала этакий госпиталь в Сайгоне.

Эдди с большим удовольствием расхаживал по коридорам, отдавая распоряжения, на манер армейского сержанта. Его любимым словом стало «прерогатива».

— Если вам не нравится, можете уходить, — говорил он, — это ваша прерогатива.

Он был в восторге, ведь все эти ожиревшие, самодовольные деляги поневоле должны подчиняться распоряжениям человека, который выглядит как их жуткий коллективный кошмар, как ходячий аргумент в пользу принудительной военной службы. Марион смеялась, наблюдая, как он снует по коридорам, и вид у нее был такой, будто она и гордилась им, и стыдилась за него.

Однажды в воскресенье они гуляли у реки, и какой-то обкуренный малый, сидевший на раскладном табурете возле Галереи Тейт[28], сделал их портрет углем.

— Она очень любит вас, — сказал художник, беженец из России (по крайней мере, так он сказал). — Да-да, — бормотал он себе под нос, — я вижу это в ее глазах. Она очень, очень любит вас, друг мой. Вы чертовски везучий.

Портрет был не слишком похож.

По ночам Эдди понимал, что увяз чересчур глубоко. Частенько он замечал, что погружается в сентиментальные мысли или неотрывно смотрит на Марион — как она ходит по столовой, раскладывая приборы по местам. Он даже пытался написать о ней песню, но, сказать по правде,

[28] Примечания: 28

Галерея Тейт — богатое собрание картин английских мастеров, начиная с XVI в., и зарубежных импрессионистов XIX–XX вв.

что можно срифмовать с «Марион»? «Лион»? «Лимон»?.. Все, что приходило Эдди в голову, не очень-то годилось для песни о любви, даже для постпанковской. Но было здесь нечто необычное, особенное, а понимание, что так не может продолжаться долго, причиняло сладкую боль; Эдди едва ли не наслаждался этим чувством.

Марион по-прежнему вырезала буквы из журналов и газет; в одном из заголовков о профсоюзах она нашла неуловимые буквы «TUV» и начала собирать алфавит по-новой. Как ни странно, эти маленькие алфавиты на стене делали комнату уютной и теплой, совсем домашней, а Эдди и Марион устраивали из поисков нужных букв настоящие соревнования. Одну из игр, в какие играют влюбленные. Мистер Патель достал им через своего брата старенький переносной черно-белый телевизор. Однажды Эдди нашел на задворках Президент-стрит помятый электрокамин, а когда принес его домой, выяснилось, что камин работает. Марион была в восторге. Теперь они занимались любовью при красноватом свете камина. В комнате было удобно, тепло и уютно, и хотя их жилище было невелико, Эдди с удовольствием закрывался там с Марион, оставляя снаружи весь этот безумный мир.

К концу ноября начались ссоры. Как раз когда они поняли, что возврата нет, Марион стала просить помощи. Хотела, чтобы Эдди писал для нее письма, запросы о курсах и ходатайства о приеме на работу. Эдди говорил, что у нее уже есть работа, здесь, в «Брайтсайде», а она твердила, что слишком много болтается без дела и что кто-то из них должен хоть немного поработать. Эдди воспринял это как удар ниже пояса. Если она думает, что ему нравится жить на ее деньги, значит, грядут неприятности.

Она вбила себе в голову идею вечерних курсов, и сперва Эдди показалось, что это здорово. Она говорила, что хочет заняться самообразованием и немножко узнать об окружающем мире. По ее словам, Лондон самое подходящее место для таких занятий.

Но ее манера заниматься на курсах доводила Эдди до белого каления. К примеру, она спрашивала, что ей говорить и как передать мысли словами, а Эдди отвечал: «Говори все, что сама считаешь нужным; не спрашивай меня, что *тебе* думать!» Первые несколько раз он говорил это с добрыми намерениями. Знал, что Марион необходимо почувствовать себя независимой.

Но немного погодя ему стало надоедать. Од-

нажды вечером, после того как Эдди выронил таблетку ЛСД, они крепко повздорили. Эдди обозвал Марион дурой, а она расплакалась — сначала потихоньку, потом навзрыд. В конце концов он попросил прощения, и Марион сказала, что тоже сожалеет, но ведь она знает, он лучше управляется со словами, чем она, и ей просто нужна небольшая помощь. Ведь она же всего-навсего просит (тут Марион снова заплакала) чуточку помочь. Она бы непременно помогла Эдди, если бы знала, чем и как.

Эдди почувствовал себя последним мерзавцем. Сказал, что Марион и так уже помогает ему, каждый день, и что не смог бы жить без нее в Лондоне, совсем не смог бы. Потом он тоже заплакал, а Марион зарыдала в три ручья. Они сидели на кровати обнявшись и плакали как дети. Эдди сказал, что он просто в отчаянии, в полной депрессии. Что бы он ни делал, в этом долбаном городе ни черта у него не выходит. Кошмар. Впереди наверняка сплошные неудачи. Все его друзья как-то устроились — все, кроме него, и, ясное дело, знай себе посмеиваются у него за спиной. Марион крепко обняла его: мол, незачем так переживать. Подумаешь, повздорили. И он никакой не неудачник, и ссоры бывают у всех, а

у них двоих все будет хорошо, она точно знает. Ну а мелкие неурядицы в порядке вещей. Это цена, которую приходится платить, если сильно любишь. Эдди попросил ее не говорить таких слов, и Марион сказала, что не будет, Эдди все равно понимает, что она имеет в виду.

— Главное, не вешать нос, — всхлипнув, сказала она. — Вот и все.

Эдди рассмеялся.

Но с тех пор Марион больше никогда не просила Эдди о помощи. Он делал вид, что не замечает, но замечал, еще как замечал. Теперь она сама писала письма и заполняла анкеты. Тихо сидела у окна, глядя на Кингз-Кросс и посасывая кончик ручки, погруженная в собственные мысли, как в ворох одеял. Как в материнскую утробу. Напрасно Эдди пытался давать ей советы — она никогда им не следовала.

Однажды вечером на стене, завершив вторую строку, заняли свое место буквы «XYZ» — зловещее предзнаменование, как выразился Эдди.

В первую неделю декабря Эдди получил работу в той фирме, производящей мусорные мешки, где работал Ползун, приятель Джимми. Ничего другого найти не удалось. Каждый понедельник он покупал «Гардиан» и рассылал письма как мини-

мум по пятнадцати адресам. (Марион помогала ему печатать письма на компьютере мистера Пателя.) Сперва он рассчитывал найти работу, которая помогла бы его музыкальной карьере. На фирме звукозаписи, поп-видео или что-нибудь в этом духе. Мало-помалу рамки «помощи карьере» расширялись все больше и больше, пока в один прекрасный день не исчезли вовсе. Эдди просто начал писать по всем объявлениям, с яростью министра, обнаружившего утечку информации в прессу.

В основном на его письма не отвечали, а если и отвечали, то настолько покровительственным тоном, что Эдди еще больше впадал в уныние. Разумеется, злым умыслом тут не пахло. Правда, непонятно, почему рассуждения о невероятно высоких требованиях к кандидатам должны утешить отвергнутого. От них становилось только хуже. Дошло до того, что Эдди, не вскрывая конверта, мог угадать, что в письме. Письма с отказами были невесомыми; письма с анкетами — чуть тяжелее, и адрес на них, как правило, был написан от руки.

Когда Ползун позвонил и сказал, что в «Нэшнл бэгз энд сакс» есть работа, Марион уговорила Эдди принять предложение. Эдди и сам понимал,

что выбора у него практически нет.

Эта работа позволит ему продержаться, пока он не сможет всерьез заняться музыкой, так он объяснил отцу. Отец был не слишком в этом уверен. Сказал, что Эдди не затем столько лет учился в колледже. Но Эдди ответил, что сейчас не время привередничать, нужно брать то, что дают.

— И сколько платят? — спросил отец.

— Не знаю, — ответил Эдди. — Десять в год плюс комиссионные или вроде того.

Отец сказал: негусто.

— Ладно, отец, спасибо за звонок и за поддержку.

Отец ответил, что просто старается помочь.

Начальника Эдди звали Майлз Дэвис, «не родственник». Внешне он походил на молодого парламентария от партии тори: светлые волосы, тонкие губы и костюмы, заказанные по каталогу «Некст»[29]. Майлз был из Ромфорда в Эссексе — из того же города, что и Стив Дэвис, его кумир и однофамилец. На столе у него стояла уродливая сувенирная табличка, гласящая: «ВСЕ ДОЛЖНО ПРОДАВАТЬСЯ!»; Майлз сообщил, что заплатил за нее 145 фунтов, не считая НДС, на воскресных

---

[29] Примечания: 29

«Некст» — компания по пошиву и продаже одежды.

курсах «Как продать людям то, что им на самом деле не нужно».

Контора «Нэшнл» занимала две секции в продуваемом всеми ветрами комплексе под названием «Бизнес-парк Голубая луна», где-то между Слау и окружным шоссе М-25. Других контор здесь не было, потому что комплекс постепенно приходил в упадок; архитектор, создавший этот «шедевр», удрал в Южную Америку с кучей долгов и женой своего бывшего партнера. Так говорил Майлз.

Майлз называл секретаршу «это существо», а свою «БМВ» — «моя девочка». Посреди собеседования с Эдди он без тени иронии заявил: «На прошлой неделе я позволил этому существу прокатить мою девочку вокруг квартала». Фирму он называл «Б-энд-С». Он сказал, что «Б-энд-С» всегда относилась к нему хорошо, что «Б-энд-С» — широкое поле деятельности, и если ты уважаешь «Б-энд-С», то «Б-энд-С» будет уважать тебя. Конечно, старые консерваторы есть везде, но здесь, в «Нэшнл», им не разгуляться. «Нэшнл» — передовая, отличная, прочно стоящая на ногах и надежная компания. Майлз намерен провести кой-какие реформы, чтобы встряхнуть «Б-энд-С». Он уже начал переговоры с советом директоров об изменении названия на более краткое и брос-

кое. И очень серьезно относится к рекламе своей продукции.

— Нынче все твердят, что от рекламы нет никакого толку. Знаешь, что на это ответить, Эд?

Эдди сказал, что не знает. Майлз подмигнул и расплылся в широкой улыбке:

— Скажи им, мы знаем, что почем, Эд, так им и скажи.

При разговоре Майлз нависал над столом, черкая ручкой промокашку. Он сказал, что много слышал об Эдди и что Ползун очень высоко о нем отзывался. Но для начала не мешает кое-что прояснить. Он поинтересовался, откуда Эдди и каковы его взгляды на карьеру. Эдди ответил, что живет в Ратмайнзе, с заездом на Кингз-Кросс, но Майлз сказал, что имеет в виду происхождение. Анкетные данные.

Эдди внутренне содрогнулся. Он понял, что собеседование будет очень тяжелое. Этакий допрос с пристрастием.

Волосы Майлза были так густо намазаны гелем, что казалось, зажги спичку — и они вспыхнут. На стене за его спиной красовалась надпись: «Чтобы работать здесь, не нужно быть сумасшедшим, но это помогает». Рядом с надписью висела фотография Саманты Фокс с автографом: «Май-

лзу, с любовью от Сэмми XXX». А рядом с *этим* висел плакат фигуристой молодой женщины на теннисном корте; женщина стояла спиной к фотоаппарату, короткая белая юбка развевалась от ветра, открывая ягодицы. Майлз называл этот плакат «Сумасшедшая».

«Сумасшедший» было у Майлза одним из любимых словечек, так же как и «данные». Рассказывая о своей команде продавцов, которых именовал просто «парни», Майлз сказал, что они слегка сумасшедшие, но *в целом* вполне приличные ребята. «В целом», как выяснилось, тоже было из числа его любимых словечек. Маржинальный доход, прогнозы, таблицы — все это было «в целом сумасшедшим».

Эдди спросил о заработке. Майлз ответил, что начать придется с четырех косых плюс комиссионные и обеденные талоны на семь фунтов в месяц. Эдди сказал, что это прекрасно.

— Заметано, — сказал Майлз, — ты принят. Я покажу тебе, что у нас тут где.

Эдди предстояло работать в «Аквариуме» — комнате с четырьмя стеклянными стенами и пятнадцатью красными телефонами. Одни столы, без стульев. На знаменитых воскресных курсах Майлзу сказали, что стоя сотрудники продают

больше.

— Держи парней в форме, Эдди, — сказал он, — и все будет в норме! Такой у меня девиз.

Работа Эдди заключалась в том, чтобы обзванивать людей по списку, полученному от какой-то ипотечной фирмы. Ему платили 1,71 фунта комиссионных (до вычета налога), если он уговаривал клиента согласиться на визит агента, который предоставит ему на выбор образцы пакетов для всех случаев жизни. Майлз говорил, что это на удивление сложно. Многие попросту сразу бросают трубку. Другие думают, что выиграли в каком-нибудь конкурсе упаковок от кукурузных хлопьев, и приходится тратить минут по десять, объясняя им, что к чему. Почти все спрашивали, откуда вы взяли номер их телефона. А один-два человека непременно посылали вас к черту.

Прическа Эдди Майлзу не нравилась. Он сказал, что нужно уважать себя и тогда тебя будут уважать другие. Эдди заметил, что если он кого-нибудь на свете и уважает, так это себя, вдобавок по телефону его все равно никто не видит. Однако Майлз стоял на своем. Объяснил, что у них очень жесткие правила: костюмы, галстуки и все прочее. Респектабельный бизнес. Это вопрос отношения. Когда Эдди наотрез отказался стричься,

лицо Майлза на миг приняло озадаченное выражение, как нельзя более подходящее для него. Потом он сказал:

— Может, я сумасшедший, но я сделаю для тебя исключение, Эд. Ты мне нравишься. Я что имею в виду: пусть меня даже запрут в желтый дом, но ради тебя я нарушу правила.

«Парни» — Кит, Рассел и Джонни К. — были «лидерами команд» и одевались так же, как Майлз, только все трое носили белые носки. Джонни К. держался потише, чем остальные двое, но по-своему был таким же раздолбаем. Каждый из «парней» возглавлял группу из десяти местных агентов (к их числу принадлежал и Ползун), разъезжавших по всей стране.

«Парни» вместо «твою мать» говорили «ешь твою мышь» или «едрен батон» и порядком этим злоупотребляли. Они постоянно подкалывали Эдди по поводу его прически: «Лачишься, ешь твою мышь, разрушаешь озоновый слой». Эдди отвечал, что использует только лак, безвредный для озонового слоя, и «парни» хором орали: «Не заливай, едрен батон». Потом принимались дразнить Кита, что тот, видать, бережет озоновый слой, поскольку давным-давно не прыскается «хренотой от пота». Иной раз, когда становилось

скучно, кто-нибудь из них быстро вскакивал и хватал другого между ног, а третий при этом хохотал как ненормальный. Секретарша Мария твердила, что они ведут себя как последние сукины дети. «Парни» помирали со смеху.

— Лесбиянка, ешь твою мышь, — покраснев, буркнул Кит. — Шуток не понимает, едрен батон.

Как бы там ни было, Эдди зарабатывал достаточно, чтобы нищета не стучалась в двери «Брайтсайда»; он не только не голодал, но сумел оплатить копии своей демонстрационной записи. Она состояла из двух песен, написанных другом Эдди, Джонси, который сейчас работал инженером в Саудовской Аравии, и двух инструментальных композиций, в большей или меньшей степени творений самого Эдди. Скорее в меньшей. По вечерам они с Марион паковали кассеты, составляли короткие письма, представлявшие собой тонкую смесь хвастовства и мольбы, а утром все это рассылали. Иногда записи возвращались, как раз когда Эдди приходил с работы; доставляли их курьеры компаний звукозаписи, с извещением, что это не вполне то, что им требуется. В конце концов поток возвратов стал настолько неудержим, что Эдди просто боялся идти домой. Мистер Патель говорил, что люди

творческие всегда сталкиваются с подобными проблемами.

— Посмотрите на Джеффри Арчера, — говорил он, — бедняга едва не обанкротился, прежде чем его начали печатать. И посмотрите на него сейчас!

«Парни» были слюнтяями, и как только Эдди понял, что они *полные* слюнтяи, он научился с ними справляться.

Они все время рассказывали бесконечные истории о своих поездках по стране, придумывали байки об отчаявшихся домохозяйках и автостопщицах-нимфоманках, явно заимствованные со страниц столь любимых «парнями» порнографических журнальчиков. Стены «Аквариума» были увешаны картинками из этих журналов, зачастую столь откровенными, что они могли бы служить пособием для гинеколога. Одна такая фотография была прикреплена к доске для игры в дартс, и каждое утро «парни» развлекались тем, что в ожидании очередного списка адресов пытались попасть в соски изображенной там девицы.

— Просто душки, — сказал Эдди, когда Марион спросила, какие они.

Как и Майлз, они называли всех женщин «существами». Даже своих жен. А детей — «щенками».

Утро понедельника начиналось особым ритуалом. «Парни» вваливались в комнату, зевая, потягиваясь, морщась и разминая спины. Это все от «работы по дому» — таким эвфемизмом они обозначали любовные игры с женами. «Пришлось повкалывать, ешь твою мышь, — говорили они, — а то еще подумает, что я на стороне кайф ловлю». Так они неизменно говорили каждый понедельник.

Газеты, которые они читали, состояли словно бы всего из десятка слов: марсианин, сиськи, чокнутый, гомик, трахать, штаны, немчура, бредовый, влажный и Тэтчер, или чаще — Тэтчи.

Эдди от всего этого тошнило, но ему нужна была работа, и, как выяснилось, он неплохо в ней преуспел. Он разработал свои приемы. Если считать явную чушь видом искусства, то Эдди достиг в нем виртуозного мастерства. По крайней мере, так утверждал Майлз, а уж он-то в этом разбирался.

— Ты самый лучший трепач, какого я когда-либо встречал, Эдди, — заметил он, — и знаешь, что я тебе скажу? Это комплимент.

Секрет заключался в том, чтобы как можно скорее упомянуть: образцы раздаются бесплатно. Эдди обнаружил, что больше, по сути, делать

ничего и не надо. Он называл себя Эдди Смит, потому что «Вираго» было слишком длинно и необычно и слишком много драгоценных секунд уходило на то, чтоб повторять это имя удивленным жертвам на другом конце провода. Майлз помогал ему оттачивать технику. Он изложил Эдди все теории, все хитрости и мнемонические приемы, которые изучил на курсах. Рассказывал он все это в пабе за обедом, непременно шепотом и с видом агента КГБ, передающего связному секретную информацию.

Похоже, Эдди нравился Майлзу. Он сказал, что как-нибудь вечерком пригласит Эдди и его подружку в свой вигвам, но Эдди ответил, что у него нет подружки и по вечерам он слишком занят своей музыкой, так что в любом случае из этого ничего не получится. Майлз особо не переживал.

— Как-нибудь в другой раз. Понимаешь, ты и я, Эд, — мы разные, — сказал он, и Эдди признал несомненную справедливость этого утверждения. — Но в некоторых вещах мы одинаковы, Эд. И знаешь что? Мне это нравится.

Тем не менее одна проблема все-таки существовала. Чем дальше, тем труднее Эдди становилось выносить общество «парней». Он даже с Марион не мог это обсудить, ведь узнай Марион хотя бы

половину того, что говорят «парни», она немедленно объявит, что Эдди безмозглый болван, раз до сих пор не ушел оттуда.

Близилось Рождество; Эдди решил, что дотянет здесь до Нового года — глядишь, тем временем подвернется место получше. Непременно подвернется. Эдди позвонил отцу и попросил купить ему авиабилет: он, мол, хочет провести Рождество дома. Отец недовольно заворчал. Спросил, почему бы Эдди не купить билет на свои деньги. Эдди ответил, что сейчас он в несколько стесненных обстоятельствах.

— Небольшая проблема с финансами, па, — сказал он. — Временные трудности, понимаешь?

После настоящей бури вздохов отец согласился прислать билет. Но это будет подарком для Эдди на Рождество. Другого подарка он не получит и пусть не жалуется. Так-то вот. Он деньги не кует. Эдди сказал, что согласен, все в порядке.

Потом, всего через три недели после того, как Эдди приступил к работе, случилось нечто неожиданное.

Они все отправились в «Грязную утку» — выпить с Фитци, младшим сотрудником, который, к немалому удивлению «парней», решил после Рождества покинуть уже официально переимено-

ванную в «Натти Сакс-эн-Бэгз» фирму и поступать в колледж. Майлз был в хорошем настроении. Он только что сумел продать пятьдесят семь тысяч больших мусорных мешков чилийскому министерству безопасности, и дела компании выглядели весьма неплохо. Сегодня он ставил выпивку. Вечер начался хорошо, даровой закуски было достаточно, и, по словам Майлза, «она того стоила, поскольку всему племени хорошо».

Но потом вернулся Джонни К., очередной раз безуспешно пытавшийся обольстить официантку; он восторженно потирал руки и что-то нечленораздельно бормотал себе под нос. Джонни немедленно подхватил Кита и Эдди и увлек их к стойке бара.

— Посмотрите, — сказал он благоговейно, — только посмотрите на это. Здорово, да?

Через секунду-другую они сообразили, что Джонни К. указывает на большие круглые часы на зеркальной стене за стойкой; вокруг циферблата были написаны названия всех коктейлей, какие Эдди знал, и нескольких ему неизвестных.

— Ешь твою мышь, — ахнул Кит. — Я понял, что ты имеешь в виду!

Джонни К. придумал классную штуку, и «парни» загорелись. Они решили пить всё подряд

до полуночи. Смерть или Слава. Вырубон или балдеж.

После того как умолк хор, распевавший «Давай, давай, давай!», усталый хозяин заведения попытался призвать их к осторожности. Сказал, что эти коктейли — верная смерть и что он за последствия не отвечает. Однако Майлз настаивал. Извлек из бумажника две пятидесятифунтовые бумажки и демонстративно запихнул их хозяину в нагрудный карман, заявив, что здесь гуляет лучшая на всем свете команда продавцов и что он не намерен их разочаровывать. «Парни» орали и колотили кулаками по столам, ожидая официантку, которая испуганно семенила к ним, сгибаясь под тяжестью полного подноса. Нетерпеливые руки расхватали стаканы, в которых плескалась жидкость невероятных цветов и экзотического состава. Эдди рассмеялся. Он знал: все кончится тем, что в «Брайтсайде» его вывернет наизнанку, но сейчас это не имело значения. Он был счастлив. У него хватало денег. А проглотив первые же приторные коктейли с заковыристыми названиями, он так опьянел, что все стало ему безразлично.

— Класс! — возвестил раскрасневшийся Майлз, размахивая своими часами. — Последним на

циферблате стоит «Либеральный демократ». Ты как, Эд?

— Майлз, — невнятно пролепетал Эдди, — я пьян в стельку, я устал, я голоден, но мне уже все равно.

Джонни К. сказал Эдди, что это самый кайф. И что неплохо иногда побыть голодным. Дескать, ирландцы едят слишком много картошки и это отражается на их мозгах. Эдди ответил, что англичане слопают все, что угодно, лишь бы оно было в консервной банке.

— Если бы генерал Гальтьери вправду хотел оттрахать англичан[30], — сказал он, встряхивая свой «Оттяжной удар», — ему нужно было попросту снять со всех банок аргентинского мяса маленькие ключики-открывалки, только и всего.

Медленно потягивая «Громилу Харви», Кит хихикнул.

— Это слишком жестоко, Эдди, не по-христиански.

— Ну а я и не какой-нибудь паршивый христианин.

---

[30] Примечания: 30

Намек на англо-аргентинский вооруженный конфликт из-за Фолклендских (Мальвинских) островов, закончившийся в 1982 г. поражением аргентинской военной хунты.

— Но ты ведь и не какой-нибудь чертов иудаист, а? — с ужасом спросил Кит.

— По правде, я агностик, — объявил Эдди, в три глотка приканчивая «Дрожь в коленях».

— Ну и ну, — протянул Кит, — неужто? А я — Телец, ешь твою мышь.

— Откуда в женском туалете сигаретный автомат? — проворчал Джонни К., ни к кому конкретно не обращаясь.

— Это машинка для тампонов, идиот, — вздохнула Мария.

— Религия — опиум для народа, Кит, — вежливо буркнул Эдди, сдувая пену с «Множественного оргазма», — как говорил Маркс.

— Граучо, да? — истерически хихикнул Майлз.

— Я серьезно, Эд, приятель, — сурово возгласил Кит, ковыряя в носу. — Как насчет природы и всего такого? Я серьезно… нет, кончай ржать, Джонни, отморозок… Как ты все это объяснишь, а?

— О чем ты? — промямлил Эдди.

Мутным взглядом Кит уставился куда-то вдаль и задумчиво почесал в паху. Отхлебнул коктейля «Раздвинь ляжки» и недовольно фыркнул, пролив несколько капель на галстук.

— Ну, представь себе маленький цветок, ну да, я

имею в виду такой маленький цветочек, сечешь, едрен батон? Ладно, я хочу сказать — заткнись, Мария, — я хочу сказать, почему, ешь твою мышь, он вообще должен существовать? Маленький дурацкий паршивый цветочек, от которого никакой пользы? В этом же нет смысла, верно?

— Оч' просто. — Эдди отхлебнул из стакана. — Эволюция.

— Какая, к чертовой матери, эволюция? — фыркнул Кит. — Засунь ее себе в задницу, Эдди. Это потому, что Бог его создал и посадил, сечешь? Всё для чего-то нужно, едрен батон.

— Парни, парни, парни, парни, парни, парни, — сказал Майлз, — парни, пожалуйста…

— Отвянь ты, — оборвал его Кит, — и дай мне еще один такой, с бумажными зонтиками.

У Эдди возникло ощущение, что в мозгах потихоньку назревает взрыв.

— Нет, Кит, послушай, — возразил он, залпом опрокинув «Костолома Рэмбо», — ты должен понять, парень, понимаешь…

Он вытер губы тыльной стороной руки. Ему было тепло и весело, он чувствовал глубокое удовлетворение; вдобавок он только что заметил, какие замечательные у Кита глаза — голубые, до странности добрые, честные, просто замеча-

тельные глаза.

— Я хочу сказать, парень, я люблю тебя и хочу, чтобы ты понял правду.

Ошеломленный, покрасневший Кит заметил, что рука Эдди вцепилась в лацкан его пиджака.

— Ты должен понять, Кит, должен освободиться, черт возьми. Я имею в виду — настроиться на реальность, понимаешь, о чем я? Слушай, ты когда-нибудь читал Китса? Или Уильяма Блейка?

— Он прав, — вздохнул Джонни К., поджав губы, скорбно кивая и безрадостно прихлебывая «Космическое оружие». — Он чертовски прав…

Эдди обнял Кита за плечи.

— Отвали, придурок, — предостерегающе буркнул Кит. Эдди рассмеялся и ткнул его кулаком в грудь. Потом высыпал на мокрый стол содержимое спичечного коробка и принялся рассказывать о жизни и деятельности Дарвина, меж тем как Кит с искренним рвением расправлялся с большой порцией «Ручной смеси».

Три «Французских письма», один «Свали меня» и половина «Ради бога, выпори меня» не помогли — Эдди ничего не добился. Кит начал злиться. Мрачно приканчивая большими глотками «Смесь Боллока», он принялся стучать кулаком по столу.

— Бог есть, ешь твою мышь, и мне начхать на то, что ты там несешь про каких-то биглей[31], придурок.

— Знаешь, — сказал Эдди, — Иисус был хороший человек, но всего лишь пророк.

— Что вы там про оброк? — встрепенулся Майлз.

— Не трогай Иисуса, — предупредил Кит, погрозив Эдди пальцем. — Я серьезно, Эдди, шутки шутками, но не трогай.

— На земле мир, и в человеках благоволение, — икнул, Джонни К., из носа у него потекла розовая жидкость.

— Бога нет! — рявкнул Эдди, глотая горький двойной «Раздразни его». — Все это полная хренотень, пропаганда для крестьян, и ты это знаешь, Кит. Ты чего крутишь, парень? А ну давай, колись. Может, рекламу делаешь Папе Римскому, черт подери, а?

Кит допил «Уныние пивовара», скрестил руки на груди, громко рыгнул, закрыл глаза и усердно закивал:

— Ну да, конечно, для всех это хорошо, только не для наших вонючих интеллигентов… я вот что

---

[31] Примечания: 31

«Бигль» — корабль, на котором путешествовал Чарлз Дарвин; но бигль — порода собак.

хочу сказать, Эдди Вираго, или как тебя там, я — рабочий класс и горжусь этим, ешь твою мышь!

— Но, Кит, — пробормотал Джонни К., — разве последний раз ты голосовал не за тори?

— Ха! — выдохнул Эдди, чуть громче, чем следовало бы, и в горле у него булькнуло.

Майлз нервно покосился на него.

— Тебя тошнит, что ли? — поинтересовался он, прикрывая рукой свой стакан.

— И не думал даже, ты, недоносок, — пролаял Кит. — И дело не в этом. Тут речь о другом.

— Господи, — вздохнула Мария, — ты что, вправду бестолочь, Кит?

— По крайней мере, я не какая-нибудь там вонючая лесбиянка, — рявкнул Кит, — в отличие от некоторых.

Эдди обнаружил, что с трудом двигает челюстью. В животе было такое ощущение, словно он проглотил стиральную машину. Каждое слово, произносимое Китом, свистело у него в ушах, будто все они начинались на «с». Это действовало на нервы. Как и до странности *неприятные,* хитрые и слишком близко посаженные голубые глазки Кита. Да. Он никогда раньше этого не замечал, но так оно и было, без сомнения. Теперь Эдди видел это отчетливо. И нос у него слишком большой.

Господи Иисусе, какой же мерзкий *ублюдок.* Таких, как Кит, думал Эдди, нужно просто ставить к стенке и расстреливать. Или забивать дубинкой.

Уши Эдди горели от ярости; он глотнул «Сведи меня с ума».

— Да, такие засранцы, как ты, и начали эту поганую гражданскую войну в Испании. Ты лично, ты, паршивый фашист. И нечего вертеть башкой. Я с тобой говорю, Адольф.

— Почему мы не можем просто любить друг друга, — всхлипнул Джонни К., — почему мы не можем…

— Какие у тебя планы на Рождество, Эд? — жизнерадостно поинтересовался Майлз.

— Отвали, реакционер, — ответил Эдди.

Внезапно уронив слезу в стакан с коктейлем «Утопи мою тоску». Кит пробормотал:

— Я же говорю о бедном маленьком младенце Иисусе, он совсем один в своих маленьких яслях, только он, да паршивые коровы, да дерьмо, да солома… Совсем один на свете. Некому о нем позаботиться. Бедный малютка.

Он шумно высморкался прямо в свой галстук, зеленый в красноватую полоску.

— Ах, как мило, — оскалился Эдди, — просто чудесная рождественская проповедь! Представь,

что, если деревенский викарий назовет мнимого сыночка всемогущего божества «плодом незаконной любви»? Просто очаровательно.

— Вот из-за чего вся эта хреновина в Ирландии, у вас там вообще нет никакой религии. Солнцепоклонники чертовы.

— Перебор с религией, — загремел Эдди, — вот в чем проблема! Что нам на самом деле нужно, так это организованные массы рабочего класса, — тут он вдруг осознал, что поднимается на ноги и сжимает кулак, — которые объединятся, сбросят цепи рабства и низвергнут своих подлых капиталистических угнетателей. — При этом ему отчетливо послышался шквал аплодисментов героического пролетариата.

— Это кто же тут подлый, ты, придурок? — прошипел Кит.

— Кто-то говорил про «Цепи рабства»? — спросил Майлз. — По-моему, я их уже пил.

— Рабочий класс, черт меня побери, — объявил Джонни К.

— О господи, пора по домам, — простонала Мария и потянулась за своим пальто.

Внезапно все умолкли. Только музыкальный автомат тарахтел поодаль. Майлз допил свой «Дж. Данфорт Куэйл» и закурил сигарету. Каза-

лось, все смотрели на него — все, кроме Кита и Эдди, которые таращились друг на друга. Потом Кит качнулся вперед и закрыл руками глаза. Заплакал. Плечи его дрожали, и Джонни К. успокаивающе похлопал его по ляжке.

— Я, пожалуй, пойду, парни, — сказал Фитци, — большое спасибо за проводы.

— Ты ублюдок, — рыдал Кит, — бессердечный ублюдок, Эдди.

— А ты, — взвизгнул Эдди, — дерьмовый монотеист.

Хозяин за стойкой бара глубоко вздохнул и щелкнул пальцами. В дверях вырос чернокожий вышибала, тяжелой походкой протопал к Эдди, опустил ручищи ему на плечи и аккуратно усадил на место.

— Все в порядке, старина, — сказал ему Эдди, — Нельсон Мандела и все такое, точно? Одна пуля, один переселенец, верно?

— Не говори так, Пэдди, — сказал Кит, улыбаясь с внезапной самоуверенностью, — ты не в Белфасте, едрен батон.

Эдди снова встал, чувствуя себя до странности трезвым, абсолютно трезвым, безнадежно трезвым — более трезвым, чем если бы вовсе не пил, более трезвым, чем когда-либо в жизни,

если хотите знать, но это не ваше собачье дело. В его жилах струилась чистая дистиллированная ненависть. Презрение жгло его мозг. Он открыл рот, но не мог произнести ни слова. Перед глазами все плыло, словно в жарком тумане. Каждая пора источала жар. Казалось, все в пабе смотрят на него. Он уставился на Кита и, раскачиваясь из стороны в сторону, вдруг осознал, что хочет укокошить его каким-нибудь изощренным и непременно мучительным способом.

— Спокойно, Эд, — сказал Майлз, — не сходи с ума. Вот, выпей-ка «Множественный оргазм».

Эдди запрокинул голову и заголосил, обращаясь к фальшивым дубовым балкам:

Мэгги, Мэгги, Мэгги — прочь, прочь, прочь,
Мэгги, прочь,
Мэгги, прочь,
Мэгги, Мэгги, Мэгги…

— Прочь, прочь, прочь, — рассеянно повторил Майлз.

— Не удивительно, верно, ешь твою мышь? — сказали оба Кита, качая ужасными оскаленными головами.

— Что «не удивительно»? — выплюнул Эдди.

— Не удивительно, что у них там творится, в Стране лепреконов.

Четыре Джонни К. захихикали в стаканы.

— Заткните пасти, — гаркнул Эдди армии Китов, вертевшихся перед ним, как стекляшки в калейдоскопе. — Я вас предупреждаю.

— Валяй, Пэдди, — оскалились они.

Майлз допил «Миссионерскую позу» и попытался что-то сказать.

Но опоздал. Бар словно взорвался. Стаканы, пепельницы, оливки, ломтики лимона и маленькие розовые бумажные зонтики полетели в разные стороны. Кто-то взвизгнул. Музыкальный автомат подпрыгнул. Эдди обнаружил, что прижат к стене, а прямо перед ним маячит улыбающееся лицо Кита. Услышал треск ткани, когда Кит рванул его за воротник рубашки. Увидел кровь. Увидел, как Джонни К. и Рассел держат Майлза под руки. Услышал звук бьющегося стекла. Увидел, как кто-то незнакомый улыбается ему.

Губы Кита шевелились. Прикрыв глаза, он тяжело пыхтел, по щекам ходили желваки. Он плюнул Эдди в лицо.

Широкий веснушчатый лоб Кита врезался Эдди в нос. Потом Кит расправил плечи, стиснул зубы и снова ударил Эдди головой. Эдди не противился

боли. Почувствовал, как непонятная сила закручивает его тело. Врезался щекой в стену. Кто-то заломил ему руку за спину. Кровь из разбитого носа мерно капала на кафельный пол. Потом его ударили под колено, и он рухнул на пол, словно собрался молиться. Брюки сзади стали мокрыми и теплыми. Где-то гудело пламя.

Эдди лежал на спине, глядя в потолок, не в силах говорить. Он попытался шевельнуть руками, но спину пронзила боль, разлилась по всему телу, так что в конце концов он уже не мог понять, откуда она взялась. Сверху на него глядели какие-то лица. Комната закружилась, сперва медленно, потом замерла, а потом опять начала набирать обороты, как карусель в огнях и грохоте музыки. Потом все вдруг стало черно-белым. Эдди сглотнул и ощутил во рту металлический соленый привкус крови. Лицо было клейкое. Словно в меду. Он подумал о Марион. В глубине своего истерзанного сознания он желал только одного: чтобы она оказалась здесь. В огне он видел ее тонкое личико, видел, как она кричит от боли, видел ее потемневшие глаза и пылающие волосы, ее руки, тянувшиеся к нему из языков пламени.

Когда Эдди проснулся, голова у него раскалывалась, мозг словно буравила пневматическая

дрель. Он лежал на спине, в комнате, облицованной белой плиткой, а над ним склонялся Майлз — без галстука, ворот расстегнут, белая рубашка перепачкана кровью. У дальней стены стояли двое полицейских — один чернокожий, другой белый, на вид очень усталый.

— Ну, слава тебе господи, — простонал Майлз.

Он велел Эдди молчать. Сказал, что Эдди прокусил себе язык и едва не захлебнулся кровью.

Сиделка была из Ирландии. Она наложила швы на его голову и приложила лед к лицу. Еще она сказала, что «Ю-ту», по ее мнению, делают для Ирландии большое дело.

— Если вы скажете что-нибудь о Дине Бобе, — предупредил ее Эдди, — я закричу.

— Бедняга, — вздохнула она, — до белой горячки допился.

Майлзу сообщили, что Джонни К. и Рассел, скорее всего, будут в порядке, но еще один из его работников проведет ночь за решеткой. Эдди толком не мог ничего сказать.

— Вы хотите, чтобы ему предъявили обвинение? — вздохнул чернокожий полицейский. Эдди яростно закивал. Майлз положил руку ему на плечо.

— Послушай, Эд, приятель, — сказал он, — это

безумие, мы ведь не хотим наделать глупостей, верно?

— Посади этого подонка, — выдавил Эдди, — и убери от меня руки, Майлз.

Через час, когда стало полегче, Эдди добрел до телефонной будки в холле и позвонил Марион. Она до смерти испугалась. Его голос, сказала она, звучит так, словно у него полон рот каши. Сперва она не поверила, что он звонит из больницы. Но когда он ввалился в двери «Брайтсайда», весь в синяках и ссадинах, она поверила.

Он сказал Марион, что пришел на помощь маленькой старушке, которую хотели ограбить двое бритоголовых на улице Олл-Сейнтс-роуд.

Марион сказала, что в этой стране полно сволочных типов. Да, согласился Эдди, и хуже всего, что у него вдобавок сперли бумажник с месячным жалованьем и теперь он на мели. Ничего страшного, сказала Марион. Она одолжит ему несколько фунтов.

Пока Эдди лежал на кровати, дрожа от холода, в одних трусах, с мокрым полотенцем на лице, в комнату зашел мистер Патель. Он спросил, не может ли Эдди сесть на минутку, и, сияя от гордости, вручил ему конверт. Эдди передал его Марион. В конверте оказались акции «Темз

уотер» на двести фунтов. Он приберегал их как подарок на Рождество, сказал мистер Патель, за то, что они помогли ему во время забастовки, но в нынешних обстоятельствах лучше забрать акции сейчас. Он надеется, для них это хорошее начало и они найдут деньгам правильное применение. По его словам, он очень расстроился из-за происшествия с Эдди и не хочет, чтобы они плохо думали об этой стране.

— Здесь не все такие, — печально заметил мистер Патель, — эти животные — просто гнилое яблоко, Эдди, ложка дегтя, понимаете?

В понедельник Майлз вызвал Кита и Эдди на ковер.

— Вы оба славные парни, — начал он. — Весь мир перед вами. В этой игре вам обоим светит хорошее будущее, но я не могу допустить, чтобы вы вели себя как какие-нибудь апачи, черт подери.

Он велел им поцеловаться и помириться, выкурить, так сказать, трубку мира. Кит уставился в пол и сказал, что очень сожалеет. Он ничего не имеет против ирландцев или против евреев, если на то пошло. Это все выпивка, ешь твою мышь. Майлз твердо заявил, что больше такого быть не должно. Кит сказал, что цепь и ядро заставили его посмотреть на вещи по-другому,

особенно когда он вернулся домой, проведя ночь за решеткой, если это способно утешить. Эдди покачал головой и сказал, что не держит зла. Кит выглядел искренне расстроенным и твердил, что просит прощения, что ему очень жаль и что он ни на кого не в обиде; в конце концов это стало утомительно. Майлз сидел с гордым видом отца, чей сын выиграл соревнования. Он сказал, что к Рождеству оба они получат премию.

— Только не тратьте все на вино, женщин и песни, — прибавил он. — Деньги, истраченные на песни, часто оказываются выброшены на ветер.

Потом он сказал, что они могут вернуться к работе и больше разговоров об этом происшествии не будет.

— Мы все здесь одна команда, — сказал он. — Помните об этом.

Через несколько дней, когда в Лондоне началась шумная рождественская неделя, Эдди получил по почте свой авиабилет. Когда Марион вечером вернулась домой, он сказал ей, что у него наконец есть хорошие новости. Менеджер «Тепличных цветов» в Дублине прослушал его запись и оплатил билет на самолет, чтобы вместе с Эдди поработать на Рождество над новым альбомом. Марион не поверила своим ушам. Обняла

его и принялась целовать лицо, с которого еще не сошли синяки. Эдди спросил: ничего, если ей придется отправиться в Донегол на пароходе одной? Она сказала: конечно нет. Потом снова поцеловала его и объявила, что теперь у нее настоящее Рождество. Эдди сказал, что ни на что особенно не рассчитывает, но это здорово добавит ему опыта. Марион ответила, что это просто великолепно и что она купила бутылку шампанского. Даже мистер Патель выпил глоточек. И миссис Патель тоже.

Мистер Патель сказал, что у них есть хороший повод для праздника. Слезы навернулись на его прекрасные карие глаза. Миссис Патель опять в положении. Он с поклоном указал на свою жену, словно фокусник, только что распиливший женщину надвое и снова воссоединивший половинки.

— Я очень горжусь ею! — воскликнул он, сжав маленькую ручку миссис Патель. — И желаю вам, чтобы вы двое были так же счастливы, как мы.

Эдди хотел пойти с Марион в клуб, но ей нужно было собирать вещи. Она уезжала рано утром.

— Не все мы такие великие рок-звезды, как ты, Эдди Вираго, — поддразнила она его, — не все могут так хорошо устроиться.

Затем она повторила, что гордится им.

— Ага, — пожал плечами Эдди, — я знаю.

— Счастливого Рождества, Эдди, — ласково сказала она. — Я буду думать о тебе.

Они занимались любовью в темноте, и белые отблески рекламы плясали на стене, украшенной двумя строчками алфавита.

О'Коннел-стрит была покрыта серой слякотью, под которой снег был спрессован в твердокаменный монолит. Из пабов и диско-баров то и дело вываливались шумные толпы дублинских выпивох, отмечавших сочельник. По улицам разъезжали полицейские машины, выстраиваясь в ряд на обледенелых поворотах, красные габаритные огни отражались в мокрых стеклах витрин, освещали манекены с печальными глазами. Вода в фонтане памятника Анне Ливии замерзла, сквозь лед просвечивали, словно доисторические окаменелости, пакеты от чипсов, баночки из-под кока-колы, упаковки от презервативов и обертки от гамбургеров. Бледно-желтые окна Главного почтамта украшены зелеными лентами и надписями золотом «Добро пожаловать домой на Рождество!». На Генри-стрит сквозь пурпурный туман призывно горели лампочки-звезды. И на Толбот-стрит тоже. Эдди видел, как

подвыпивший человек в костюме Санта-Клауса остановил такси и нырнул внутрь, задержавшись всего на секунду, чтобы достать из нагрудного кармана пачку сигарет. На автобусной остановке стояли двое солдат, рядом примостились объемистые рюкзаки. От дверей закусочных тянулись длинные очереди. Бильярдные залы и игровые ряды были полны молодых ребят в джинсах, бранящихся, загоняющих в лузы бильярдные шары. И вся улица, казалось, вибрировала от гудения и звона игровых автоматов, радостных воплей счастливчиков, сорвавших джек-пот, и грохота тяжелого рока. По тротуару прогуливались влюбленные, в глазах у них сверкали рождественские огни — они смеялись, ссорились, целовались. Под статуей Дэниела О'Коннела[32] устроилась группа торговок, закутанных в клетчатые пледы; прихлебывая из фляжки какое-то горячее питье, они пересчитывали дневную выручку и складывали ее в маленькую старую корзинку. На черной воде Лиффи плясали огни, серебром поблескивал мост Хафпенни, а в Феникс-парке над огромным католическим крестом сияла неоновая радуга.

---

[32] Примечания: 32

О'Коннел Дэниел (1745–1847) — ирландский политик, лидер либерального крыла ирландского национального движения, выступавший за разрыв англо-ирландской унии 1801 г.

Эдди шагал мимо темного здания Тринити-колледжа к Уэстланд-роу со смешанным чувством робости и радостного возбуждения. На Рождество Дублин — город опасный. Слишком много знакомых, которые так и норовят выскочить из темноты и бросить тебе прямо в лицо все, что думают.

У «Кеннеди» было шумно и многолюдно. Когда Эдди толкнул дверь и вошел, замерзшее лицо обожгло жарким воздухом, насыщенным запахом пота и парами «Гиннесса». Из динамиков гремела народная музыка, парочка студентов в пальто с капюшоном подпевала и размахивала руками, когда вступал хор. В тепле у Эдди заболели замерзшие нос и уши. Вдобавок болела и голова. Под потолком висела густая сизая туча сигаретного дыма, временами она покачивалась, но сохраняла форму. Из рук в руки над головами посетителей передавались кружки пенного пива; пена капала на пол и на спины людей. Эдди боком проталкивался к стойке, видя вокруг знакомые лица, впитывая атмосферу флирта, сплетен и болтовни, которая так характерна для кануна Рождества.

— Привет, сосунок, — послышалось за спиной, — как дела?

Эдди обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть возле своей щеки розовые губы.

— Дин Боб, — рассмеялся он, — что происходит?

— Да ничего, если не считать грабительской квартплаты, — тоже засмеялся Боб, крепко пожимая руку Эдди. — А у тебя что стряслось?

— У меня все отлично, — ответил Эдди, — просто отлично.

— Господи Иисусе, старичок, — воскликнул Боб, — что у тебя с лицом?

Эдди ответил, что это долгая история.

Дин Боб жевал резинку и, по обыкновению, выглядел нарочито спокойным и уравновешенным. Сквозь дырявые джинсы виднелись костлявые колени, а терракотовый джемпер в мелкую клетку явно нуждался в основательной чистке. Боб схватил Эдди за локоть и потащил в туалет, где достал из заднего кармана джинсов маленькую табакерку. Заговорщицки оглядевшись по сторонам, он втолкнул Эдди в кабинку и отвинтил крышку. В табакерке был тонкий белый порошок.

— Я мечтаю о белом Рождестве, — хрипло пропел Боб и свернул трубочкой синий двадцатифунтовый банкнот. — Рад снова видеть тебя,

приятель!

Он дружески хлопнул Эдди по спине, сунул коробочку в его дрожащие руки. Эдди вдохнул белый, кисловато пахнущий порошок. С банкнота на него мрачно смотрел У.-Б.Йейтс.

— Герой вернулся домой, — сказал Боб, прикрыв глаза, и тоже вдохнул порошок. Эдди шмыгнул носом, глаза заслезились.

Боб сказал, что их компания заняла пару столов в задней комнате, но Эдди сперва выяснил, кто там собрался. В Дублине было несколько человек, которых ему вовсе не хотелось видеть. И его совершенно не радовала перспектива снова окунуться в атмосферу добрых старых дней.

— В атмосферу? — переспросил Дин Боб. — *В атмосферу?* Ты где жил все это время, приятель? На планете Вудсток?

К своему удивлению, Эдди почувствовал, что краснеет.

Боб велел ему остыть и не таращить глаза. Он поволок Эдди в заднюю комнату, к столу, вокруг которого Эдди увидел множество давно знакомых лиц, включая Рут и Джимми, сидевших в дальнем конце. Боб снова хлопнул Эдди по плечу и гаркнул:

— Эй, глядите! Нашего полку прибыло!

Лица повернулись в сторону Эдди. Кривые улыбки. Рут махнула рукой, приглашая Эдди сесть рядом. Она и на сей раз выглядела взвинченной. Джимми казался пьяным, потным и каким-то постаревшим.

— Позднее, — одними губами ответил Эдди. Рут явно была разочарована.

Эдди уселся рядом с Дином Бобом и Ронни Кавана; кто-то сунул ему стакан.

— Ну, как тебе там? — внезапно спросил Ронни.

— Нормально, — ответил Эдди.

— А мне тошно. Я там был несколько раз. Пиво у них на вкус как моча.

Боб громко расхохотался:

— Ничего удивительного, парень!

— Мне там нравится, — сказал Эдди.

— Да пожалуйста! — Ронни слизнул с верхней губы пивную пену. — А пиво там все равно как моча.

Боб сказал, что он слишком много пьет, не мешало бы последить за собой.

— Такой у меня характер: если уж я чего решил, то не отстану, — сказал он. Ронни ответил, что никогда этого за Бобом не замечал.

— Я с собой сам разберусь, и мне наплевать, —

заявил он. — На твой характер, я имею в виду.

Боб ответил ему непристойным жестом.

— Как дела с рок-н-роллом? — поинтересовался он у Эдди.

— Да все в порядке, — скромно ответил Эдди. — Наклевывается парочка записей. Пока был там, маленько поработал за неплохие деньги.

— Быть того не может! — каркнул Боб. — Здорово!

— Ну? — заинтересовался Ронни. — И на кого работал?

— На «Иисуса и Марию Чейн», — ответил Эдди, закуривая сигарету.

— Везунок, — сказал Боб. — Сколько платили?

— Два пятьдесят в день, — небрежно пожав плечами, ответил Эдди. Ронни отхлебнул пива.

— А до трех фунтов не добавили? — спросил он.

Дин Боб опять хохотнул и сказал, что Ронни трепло. С его арканзасским акцентом слово прозвучало как-то странно.

— Молодчина, Рон, — улыбнулся Эдди. — А ты как устроился?

Ронни работал печатником у своего отца, ожидая, когда снова начнется набор на государственную службу. Он по-прежнему кое-что писал,

но немного. Воскресные рассказы, стихи и прочие пустяки.

— Совершеннейшие пустяки, — сказал Боб, но Ронни не обратил на него внимания.

Он встречался с какой-то девушкой из Германии, которая изучала местный фольклор.

— Ты знаешь, о чем речь, — говорил он. — Волшебные лепреконы и все такое.

Похоже, его девушка тоже была из «зеленых», в последнее время «позеленели» буквально все.

Боб спросил, не завел ли себе Эдди любовь в Лондоне. Слово «любовь» он произносил со смаком, протяжно, нараспев.

— Давай, Эдди, колись, — сказал он, — кто тебе взбивает сливки?

Ронни сдавленно хихикнул.

— Нет у меня ничего такого, — ответил Эдди. — Неохота. Особенно после последнего раза.

— Пуганая ворона, а? — сказал Боб.

На дальнем конце стола кто-то опрокинул пинту «Гиннесса». Высокая девушка, которую Эдди не узнал, стремительно вскочила и разразилась руганью. На белом платье расплывались темные пятна.

— Дважды пуганая, — ответил Эдди, и Ронни фыркнул в кружку. Боб внезапно потерял интерес

к разговору.

— Господи Иисусе, — потрясенно выдохнул он, — ты только посмотри, кто пришел. Я хочу сказать, об черте речь…

Эдди замер. Он понял, что сейчас произойдет.

Кто-то протиснулся к ним и руками закрыл Эдди глаза. Он сразу смекнул, кто это. По аромату духов. Сладкому, дорогому и претенциозному. Всегда вызывавшему у него отвращение. Он коснулся пальцев девушки и почувствовал, как они сжимают его руки.

— Неужели это ты? — спросила она. У Дженнифер была привычка время от времени говорить о себе в третьем лице. Она считала, что это круто. Иногда так оно и было. Но чаще — нет.

Выглядела Дженнифер прекрасно. Она чуточку похудела, но ее восхитительные глаза были яркими и чистыми, а кожа приобрела цвет кофе с молоком. Они немного поговорили, но тут Ронни и Боб громко заспорили о Декарте, будто за столом и без того было мало шума. Дженнифер придвинулась к Эдди, чтобы он мог ее слышать, и он почувствовал на лице ее пахнущее мятой дыхание. Потом кто-то еще встрял в философскую дискуссию на стороне антикартезианцев, и Эдди больше не слышал Дженнифер, сколько ни

напрягал слух, а потому предложил ей выйти на несколько минут.

Очутившись в узком переулке, они забыли обо всем — обнялись, целуясь и дрожа от холода. Рука Эдди скользнула под юбку Дженнифер, лаская ее и гладя. Казалось, они говорят друг с другом на полузабытом языке. Их дыхание превращалось в пар на морозном воздухе; каблуки Эдди скользили по льду. В конце концов он пошатнулся и упал навзничь, прямо в лужу, порезав руку о крышку жестяной банки. Дженнифер не засмеялась. Эдди поднялся, и они опять обнялись под ритмичные звуки «Нью-Йоркской сказки», доносившейся с черного хода.

Когда Эдди кончил, Дженнифер сказала что-то по-испански. Когда кончила она, Эдди не сказал ничего.

— Возможно, это была не лучшая мысль, — проговорила Дженнифер.

Эдди заметил, что говорить об этом уже поздновато.

— Ты, наверно, думаешь, что я просто шлюшка, — заключила она.

Эдди заявил, что это смешно и что он, разумеется, ничего такого не думает.

— Как бы то ни было, — он пожал плечами, —

сейчас Рождество.

Застегивая блузку, Дженнифер поинтересовалась, при чем тут это.

— Доброе старое время, — сказал он. — Мир и благоволение. Ты понимаешь.

— Потом они обошли квартал, беседуя о Никарагуа, — томно проговорила Дженнифер, расправляя одежду. Она сказала, что это прекрасная страна и все политики там — поэты. А Эдди рассказал ей, как блестяще идут у него дела в Лондоне и что он правильно сделал, уехав из этого Богом забытого захолустья. Дженнифер спросила, не скучает ли он по друзьям.

— Друзья? — рассмеялся Эдди. — О да, прекрасные друзья, просто охренеть можно — сборище паршивых неудачников и бездельников, готовых в любую минуту воткнуть друг другу нож в спину!

Дженнифер сказала, что это уж слишком. Эдди объяснил, что все дело в Рождестве. Оно всегда пробуждает в нем подонка.

— Ты никогда не изменишься, Эдди, ты такой актер.

Эдди не понял, что она имеет в виду. Да не очень-то и хотел это знать, так что уточнять не стал.

Когда они вернулись в паб, у стола, подперев голову рукой, сидел красивый парень в черном блейзере: потягивал апельсиновый сок и рассматривал Дина Боба с выражением насмешливого удивления на лице. У него была модная стрижка под иезуита и чуть вздернутый нос. Боб был в своей стихии. Спиртное и кокаин оказали на него свое обычное воздействие — речь у него стала почти бессвязной. Он размахивал руками и толковал о потерянном поколении. В который раз. Глаза сверкали, он прикуривал одну сигарету за другой, ронял их на пол и безуспешно пытался поднять.

— *Социализм!* — кричал он. — Лейбористская партия Ирландии понятия не имеет, что такое социализм, даже вцепись он ей в задницу. Они просто стояли и смотрели на потерянное поколение — стояли и смотрели…

— Господи, — вздохнула Дженнифер, — разве не прекрасно — быть частью потерянного поколения? В самом деле, я просто не представляю, о чем бы говорил Боб, не будь этого поколения.

Она познакомила Эдди с молодым человеком. Его звали Леппо, он играл центровым в ирландской сборной по регби. Рукопожатие у него было крепкое и теплое, но изо рта пахло какой-то кис-

лятиной. Эдди узнал его: он видел фотографии Леппо в газетах, но не хотел сознаться. Просто очередной «партнер» Дженнифер, и только. А она из него веревки вьет. Дженнифер заикнулась было о том, чтобы взять автограф для Эдди на отца, но Эдди сказал, что это ни к чему, отец больше не интересуется регби, его спорт — велосипедные гонки, с тех пор как Стивен Роуч выиграл «Тур де Франс».

Леппо засмеялся.

— А как насчет этой хреновой Южной Африки? — разорялся Боб. — Как насчет Нельсона Манделы, а?

Леппо сказал: а что, он в нападении играл или в полузащите? Потом рассмеялся и сказал, что, если говорить серьезно, регби — игра не для черных. Боб ответил, что, может, и так, но ирландским игрокам незачем ездить туда и поддерживать апартеид. Леппо возразил, что, будь у него шанс поехать в ЮАР на хороший контракт, он бы вцепился в эту возможность руками и ногами. Нельзя судить о ситуации со стороны, он так считает.

— Я хочу сказать, — смеясь, продолжил он, — не спрашивать же у этого старого дурака, Папы Римского, как мне трахаться, а?

Эдди приуныл. Леппо принялся рассказывать

о лондонском банке, где он работал, — о займах, процентных ставках и тому подобном. Под воздействием кокаина все чувства у Эдди обострились. Он хотел было включиться в разговор, но ощутил внезапный острый приступ страха. Он смотрел на Дженнифер — как она смеется, как касается руки Леппо, когда хочет прервать его и вставить словечко, как его пальцы сжимают ее ладонь. Все краски стали яркими и резкими, музыка пронизывала все тело словно током. Когда Эдди переводил взгляд на Дженнифер, ее лицо подергивалось рябью, будто отражение в воде. А к столу то и дело кто-нибудь подходил с салфеткой или подставкой под кружку и просил у Леппо автограф. И каждого просителя Леппо встречал одной и той же шуткой:

— Только не подсовывайте мне чек, ладно?

Эдди извинился и побрел в туалет, где тут же сунул два пальца в рот, и его вырвало в унитаз. Нет, Леппо тут ни при чем. Во всем виноват скверный кокаин, Эдди понимал и вовсе не хотел вести себя как параноик, тем более в сочельник, когда и без того хватает буйства. Ответ на холодную индейку. От Дина Боба именно этого и следовало ожидать, черт подери! Что касается наркотиков, ему совершенно нельзя доверять. Ни черта он в

этом не смыслит. В случае чего и от «Доместоса» кайф словит. Однажды Эдди видел, как после какой-то вечеринки в Фоксроке поздно ночью Дин Боб пытался сворачивать и курить листья аспидистры.

Когда Эдди выбрался из туалета, Дженнифер и Леппо были уже на ногах. Он держал ее пальто, как этакий занюханный герцог, а она старалась влезть в рукава. При этом грудь ее выдавалась вперед, натягивая блузку. Боб, закрыв глаза, раскачивался на стуле и напевал себе под нос «Уходи, Рене». Лицо его при этом жалобно кривилось. Леппо курил сигарету, держа ее на манер Ноэла Кауарда[33] и делая вид, будто не замечает, что на него смотрит половина паба.

И тут случилось нечто странное. Внезапно на Эдди нахлынула усталость. Воспаленным глазам почудилось, что в этом безумном пабе все замерло. Все остановилось. Он слышал шум волн, разбивающихся о камни. Все эти люди вокруг казались застывшими блеклыми фигурами на старой выцветшей фотографии — ни света, ни движения. Эдди чувствовал, что стоит на грани чего-то опасного, и он глубоко вздохнул, чтобы

[33] Примечания: 33

Кауард Ноэл Пирс (1899–1973) — английский писатель, актер и драматург.

вернуться в реальность. Ему хотелось лечь, свернуться дрожащим клубком, но он не мог даже пошевелиться.

В конце концов до него донесся смех Дженнифер.

Она приглашала его пойти с ними на вечеринку, но Леппо возразил, что это будет проблематично, потому что это вечеринка по приглашению.

Эдди сказал, что ему все равно. Его и так пригласили уже на две вечеринки, а на такой он был в прошлом году. Мура, сказал он. Позеры, дилетанты и раскормленные бездарные уроды. Дженнифер опять рассмеялась.

— Она сказала: «До свиданья!» — прощебетала она и поцеловала Эдди в щеку. Леппо сказал, чтобы Эдди как-нибудь позвонил ему в Лондоне.

— Посидим вдвоем, — сказал он, — прикончим пару бутылочек.

После того как Дженнифер ушла, Эдди некоторое время сидел неподвижно, вспоминая все хорошее, что когда-то было между ними. Теперь ее было не узнать. Совсем другой человек. Чужой. Ее самоуверенность раздражала Эдди. Самоуверенная, собранная, сексуальная, умная — она прекрасно обходится без Эдди. Господи. Действительно впору с ума сойти.

Дин Боб наклонился к Эдди, высунув серый язык.

— Кто доведен, тот сокрушен, — объявил он.

— Ага, — сказал Эдди, — что-то в этом роде.

Опустив взгляд на стол, он заметил конверт, на котором было написано его имя и красовался влажный коричневый круг — след от стакана. Никто не знал, откуда тут взялся этот конверт. Эдди с любопытством вскрыл его. Внутри оказалась сложенная вчетверо страница из «Фейс»[34]. «Искреннее очарование Саломеи Уайлд» — гласил заголовок над бледным строгим лицом. Эдди взял в руки открытку. «Разве тебя от нее не тошнит?» — вопрошала открытка. «Счастливого Рождества от Джимми и Рути». Эдди огляделся, но они уже ушли. Он смял открытку и фотографию, скатал их в шар и принялся за пиво Дина Боба.

До самого дома он шел пешком, поскольку таксисты отказывались его везти. Мимо полузасыпанной снегом Национальной галереи, по Меррион-роу, вдоль черной ограды Грин, по Эрлсфорт-Террас и Харкорт-стрит, мимо разрушенного здания ТВ-клуба с зияющими глазницами выбитых окон, через мост, по безлюдному

---

[34] Примечания: 34

«Фейс» — модный журнал.

сейчас пространству Ранила, где они столько раз устраивали свои сборища и где у него было так много друзей. Кое-кто теперь в Австралии, кое-кто в Штатах. Один, не то двое сидели в тюрьме. Он вспомнил тот вечер, когда они с Ричи Малкахи сидели в гостинице «Харкорт» и рассуждали о поэзии. И как Дин Боб плакал у него на плече возле Онион-Филд и уверял, что Эдди — его самый лучший в мире друг. И другие вечера и ночи припомнились ему — смутная череда безумных гулянок и чужих девушек…

В круглосуточном магазине сменившийся с дежурства охранник пытался болтать с жеманной девицей за прилавком. Сзади за пояс у него был заткнут пистолет, а из-под кожаной куртки выглядывал бронежилет. Глаза были грустные. Холодная красная луна висела в небе над огромным зеленым куполом церкви Ратмайнз, словно дурацкий рождественский шар.

К тому времени, как Эдди пересек старые железнодорожные пути и добрался до Беккет-роуд, ему стало получше. В голове прояснилось, желудок уже не болел, и хотя слюна была по-прежнему вязкой и клейкой, он чувствовал, что больше его не вырвет.

Задумавшись о Марион, Эдди отогнал мысль

о том, что ему гораздо легче, когда ее нет рядом. Она казалась такой далекой, словно он никогда и не встречал ее. Кроме того, после рандеву с Дженнифер на морозе ощущения остались не слишком приятные, и Эдди хотелось помочиться. Чувствовал он себя донельзя паршиво.

Возле дома стоял дорогой автомобиль; стекла были подняты, но в салоне горел свет. Подойдя ближе, Эдди разглядел на заднем сиденье парочку — свою сестру Патришию и ее приятеля. Они ели гамбургеры и о чем-то болтали. Эдди решил не тревожить их, но, когда он проходил мимо, Патриция опустила стекло. Из машины донеслась мелодия Клиффа Ричарда. Пат поинтересовалась, не хочет ли Эдди познакомиться с новой любовью всей ее жизни, но Эдди сказал «нет, спасибо» и свернул к дому.

— Очаровательно, — протянула Патриция. — Вот такой у меня старший братец, господа.

В гостиной еще горел свет; с улицы Эдди увидел отца, воюющего с рождественской елкой. В руке у него была отвертка, и он ожесточенно тыкал куда-то, словно ожидая, что елка его укусит. Он наступал и отступал, как фехтовальщик в кино. Эдди стоял в саду и смотрел в окно. Снежинки таяли у него на губах.

Когда он вошел в дом, отец являл собой воплощение ярости — этакая грузная фурия в красной рождественской куртке. Злился он из-за елки. Гирлянда лампочек барахлила — так бывало каждый год.

— Я же говорил ей, тысячу раз говорил: купи новую гирлянду, — восклицал отец. — Господи Иисусе! Можно подумать, мы нищие и не можем себе этого позволить!

Эдди сел на подлокотник дивана, наблюдая, как отец сражается с гирляндой.

— Когда-нибудь, — ворчал отец, — мы просто поджаримся в своих постелях!

Эдди невольно хихикнул. Отец повернулся к нему и заявил, что это, черт побери, вовсе не смешно.

И тут в тишине вдруг оглушительно бабахнуло. Комнату осветила багровая вспышка. Отец взвыл и отскочил от елки. Выронив отвертку, он зарычал от боли и засунул руку под мышку. Огоньки на елке вспыхнули ярче, потом один за другим начали гаснуть — снизу вверх, по спирали; следом погасли бра, потом лампы в холле, и наконец весь первый этаж погрузился в темноту.

Елка завалилась набок, верхушкой сбив со стены картину; на ковер посыпались пластмассо-

вые колокольчики и шарики. По хвое побежали язычки пламени. Эдди ринулся на кухню, набрал кастрюлю воды. Из темной комнаты доносился неразборчивый рык отца.

Эдди выплеснул воду на елку.

— Господи Иисусе, совсем одурел! — рявкнул отец. — Знаешь, во что мне обошлись эти обои? О, господи!

В конце концов они зажгли свечи, промокнули губкой обои и уселись рядом, прихлебывая шотландское виски из бутылки, которую Эдди в последнюю минуту купил в беспошлинном магазинчике на аэродроме Хитроу. Отец уже пришел в себя. Его всего-навсего немножечко тряхнуло током.

Сперва отец сидел насупившись, и оба молчали. Время от времени отец поднимался и щелкал выключателем, словно в надежде, что каким-то чудом свет зажжется. Но чуда не происходило. Эдди предложил проверить пробки, но отец сказал, что лучше дождаться утра и вызвать специалиста.

— Наверняка фунтов сорок сдерут, — сказал отец. — Рождество ведь, а может, и все пятьдесят, если не больше. Опять полсотни тютю.

Эдди подливал виски, и мало-помалу отец по-

веселел. Он глубоко вздохнул и извинился, что обругал Эдди.

— Второе Рождество без ма, — сказал он, — это и выбило меня из колеи.

Эдди сказал: забудь. Нужно смотреть на вещи с другой стороны, искать во всем свои плюсы.

Отец спросил, виделся ли Эдди с матерью в Лондоне.

— Нет, — сказал Эдди, — не особенно.

Отец кивнул, не поднимая глаз от стакана и барабаня пальцами по столу.

— Знаешь, я очень ее любил, — вдруг сказал он в порыве обезоруживающей откровенности.

Эдди усмехнулся и ответил, что, конечно, знает.

— Сам не знаю почему, — сказал отец, — но для меня это сейчас важно, очень важно, особенно в последние дни.

Эдди сказал, что переживать не стоит. Он все понимает.

— Просто все иногда идет наперекосяк, — сказал он.

Отец ответил, что невозможно угадать, чем все кончится. Все повороты жизни предвидеть нельзя. Они выпили еще. Отец наконец-то расслабился.

— Скажи, о чем ты думаешь, па, — сказал Эдди. — Я ведь вижу, у тебя что-то на уме.

Отец тихо рассмеялся и стал рассказывать историю о некоем Паскале, который когда-то работал вместе с ним в отделении банка на Баггот-стрит. Паскаль был одинок. Жил в Ратмайнзе, в какой-то берлоге, которую снимал у еврейской семьи. Друзей у него не было, с девушками он никогда не встречался. И вот однажды коллеги сказали ему: «Слушай, Паскаль, неужели ты и это Рождество проведешь один? Лучше бы съездил куда-нибудь на праздники». Сперва он не хотел, но потом все же решил уехать. Взял отпуск на две недели и двинул в Испанию, каждый вечер ходил по ресторанам, напивался, завел роман с немкой. В канун Нового года он позвонил родителям Эдди, чтобы пожелать им счастья, и сказал, что наконец-то живет настоящей жизнью и благодарит их за то, что они уговорили его на эту поездку. Он даже передал трубку той немке, Грете, чтобы она сказала им несколько слов.

— Но она плохо владела английским, — сообщил отец, — а ты знаешь, что мы с ма не сильны в других языках.

— Да, — кивнул Эдди, — знаю.

— Когда он вернулся из Испании, знаешь, что

он сделал?

Эдди помотал головой: дескать, не знаю. Отец глотнул виски. Эдди приготовился услышать ядреную шуточку.

— Он покончил с собой, Эдди. Однажды вечером принял слишком большую дозу снотворного. Он был мертв, когда его нашли. И ни записки, ничего.

Секунду-другую в комнате царила тишина. С улицы доносились пронзительные вопли пьяных юнцов, возвращавшихся от полуночной мессы. Мерно тикали часы. Казалось, оба молчали целую вечность.

— Господи Иисусе, — наконец сказал Эдди, — это ужасно, па.

— Да, думаю, он просто понял, что пропустил в жизни, верно? Думаю, он просто увидел, как живут люди, увидел все то, о чем раньше только слышал. — Отец помолчал. — Бывает, — добавил он через некоторое время. В комнате стоял кисловатый печальный запах хвои. — И почему-то в это время года я всегда думаю о нем.

— Да, па. Господи, конечно, я понимаю.

— Всегда думаю о нем, — повторил отец и опять замолчал. И казалось, в этой бесконечно долгой тишине витает призрак печального банковского

клерка, который одиноко умер в своей комнатушке, мечтая о настоящей жизни.

Молчание длилось так долго, что стало невыносимым; Эдди уже был готов зевнуть и сказать, что ему пора на боковую, потому что чувствовал: отец хочет остаться один. Он как раз собирался это сказать, когда отец снова заговорил, будто внезапно что-то вспомнил:

— Послушай, Эдди, сколько тебе сейчас лет?

Эдди сказал, что ему двадцать четыре.

— Я хотел сказать тебе об этом, еще когда тебе исполнился двадцать один. — Он смущенно улыбнулся. — Мелочь, конечно, но мне не нравится, когда меня называют «па». Правда не нравится. И никогда не нравилось, честно говоря. Думаю, теперь ты вполне можешь звать меня по имени. Я хочу сказать, если будешь знакомить меня со своим другом, мне не хотелось бы, чтобы ты говорил: «Это мой па», понимаешь? Это такой пустяк…

— И что же, — спросил Эдди, — мне называть тебя Фрэнсисом?

— Фрэнком. Это мое имя, так меня все зовут.

— Ладно, — неуверенно проговорил Эдди, — чудно, конечно, но если ты хочешь…

— Да, — решительно заявил отец, — хочу. От-

ныне я буду честным Фрэнком[35].

— Я тоже буду честным, — сказал Эдди.

Отец рассмеялся и налил еще виски себе и ему.

— Да, — сказал он, — вот это будет день, Эдди; вот это будет день так день!

Часы в холле пробили два. Они пили виски и говорили о *перестройке.*

В четыре утра отец попросил Эдди сходить на улицу и сказать Патриции, что пора бы и в дом. Но когда Эдди вышел, на улице было пусто и тихо. Машина приятеля Патриции куда-то укатила. Снег падал на мостовую, ложился на крыши машин, на тротуары. Белая пыль.

— Иногда их не бывает всю ночь, — вздохнул отец, печально качая головой. — Всю ночь.

Эдди плеснул себе еще и вдруг понял, что размышляет о матери: чем она сейчас занята и вспоминает ли о том печальном маленьком призраке, о котором рассказывал отец.

Фрэнк, уже возле лестницы, сказал, что Патриции не мешало бы побольше уважать себя.

— Всю ночь, — сказал он, — ведь это же не дело! Заработает скверную репутацию, а потом будет жалеть.

---

[35] Примечания: 35

Имя «Фрэнк» созвучно прилагательному frank — «честный, откровенный» *(англ.).*

Он постоял немного, пригладил волосы и начал медленно подниматься наверх, но на середине лестницы остановился, держась за перила, потом пошел дальше, но опять остановился, опять схватился было за перила, убрал руку. Эдди смотрел на него снизу, из холла.

— Я люблю тебя, сын, — не оборачиваясь, проговорил отец, — ты ведь это знаешь, верно?

— Да, Фрэнк, — тихо ответил Эдди, — знаю.

— В этой стране такое нечасто говорят, — сказал Фрэнк. — Особенно мужчина мужчине.

— Верно, — согласился Эдди, — нечасто.

Когда Фрэнк скрылся наверху, Эдди вернулся в гостиную, решив прикончить виски. Он неподвижно сидел в мягком сиянии свечей, стараясь отогнать воспоминания о давних рождественских праздниках. И бессовестно пил, пока бутылка не опустела. Пил, пока не разболелся желудок; комната кружилась перед глазами, в голове гудел ветер. Когда он закуривал последнюю сигарету, пальцы дрожали.

В тишине Эдди пытался представить себе одиночество отцов, бездонную глубину их любви, их силу и невероятную уязвимость. Дым попал ему в глаза, по лицу покатились горячие слезы. Эдди опустил голову и заплакал как ребенок. Тот

ребенок, каким — он это знал — ему суждено остаться навсегда.

Рождественские праздники прошли, как обычно, бессмысленно и сентиментально. О матери больше не было сказано ни слова. Рождественским утром Патриция за пять минут починила электричество и разогрела в микроволновке индейку, а Эдди перемыл посуду. Потом они перебрались в комнату с телевизором, где Фрэнк смотрел «Двадцать один год двух Ронни», и принялись за джин с тоником.

Единственный неловкий момент возник за десертом, когда Фрэнк решил произнести тост.

— За отсутствующих друзей, — сказал он, потом вдруг заморгал, громко закашлялся и поспешно скрылся в ванной. Патриция сказала Эдди, что ничего страшного, все дело в выпивке. Эдди ответил, что так и понял.

За этот день Патриция звонила Роду, наверное, раз пятнадцать. Называла его «смешным кроликом» и говорила с ним детским голоском. Эдди сказал, что быть молодым и влюбленным наверняка здорово; Патриция сказала, чтобы он не корчил из себя старого циничного брюзгу.

— Восхитительный диалог, — заметил Фрэнк, с усталой обреченностью вытиравший пыльную

доску «Монополии». — Музыка для слуха.

Следующие несколько вечеров Эдди раз-другой ходил на вечеринки с Патрицией и Родом — владельцем «форда-сьерра» и любителем «трэш хэви метал». Род учился на аукционщика, но был вполне ничего. Больше всего он мечтал эмигрировать в Австралию. Похоже, Эдди ему нравился, хотя самому Эдди Род нравился не слишком и он недвусмысленно это показывал. Однако Род был из тех, над кем можно откровенно издеваться, а они примут издевку за невинную шутку. За легкую иронию.

Едва появившись на вечеринках, Род и Патриция куда-то исчезали на всю ночь, и Эдди развлекался сам по себе. Не жалея сил, поглощал даровую выпивку, заигрывал с женщинами и напропалую врал о своих успехах в Лондоне. Иногда представлялся администратором Теренса Трента Дарби, иногда — учеником дизайнера, работающего на Катрин Хамнет[36], иногда — журналистом, ведущим расследования для «Нью стейтсмен энд сосайети». Но какой бы линии Эдди ни придерживался, домой он вечно тащился в одиночестве. Мог, конечно, задержаться по-

---

[36] Примечания: 36
Хамнет Катрин — английский модельер.

дольше, чтобы какой-нибудь «смешной кролик» подбросил его до дому, но это был вопрос гордости. Лучше прошагать под дождем шесть миль до дому и наутро сказать Патриции, что он закадрил девчонку и ушел пораньше, пока они с Родом целовались наверху.

Можно подумать, для нее это имело хоть какое-то значение.

— Эдди Вираго, — насмехалась она, — парень, который спит со всеми подряд.

Марион позвонила ему один раз. Разговор вышел нескладный. Им нечего было сказать друг другу. Она была очень далекой и очень печальной. В Донеголе уже который день шел снег. Эдди сказал, что это, наверное, очень живописно, но Марион ответила: нет, просто очень холодно и вода в цистерне замерзла, а в том, чтобы не мыться четыре дня, ничего живописного нет. Телефонная трубка рождала легкое эхо, и Эдди слышал этот отзвук, словно говорил в железную банку. В Баллибраккене нет крэка[37], сказала она. Тоска зеленая. К тому же фабрика, выпускавшая сетки для волос, только что объявила о закрытии и переводе производства в Португалию, так что

---

[37] Примечания: 37

Крэк — кристаллический кокаин, применяемый для курения.

весь город пал духом.

Она сказала, что скучает по Эдди, но он вряд ли очень скучает по ней. И обиженно заметила, что он пытается говорить о пустяках. Почему-то Эдди не стал ей возражать. Когда они оба умолкали, Марион говорила: «Алло? Алло?» — словно думала, что связь прервалась. Эдди это раздражало. Он сказал, что она чересчур впадает в зависимость. Она бросила трубку; Эдди перезвонил, но никто ему не ответил. Он представил себе, как она идет в город, проклиная его, а за ней в снегу цепочкой тянутся следы.

День выдался скверный. Эдди, мрачный как туча, бродил по дому, временами усаживался где-нибудь, закинув ноги на подлокотник дивана или на стол, и ждал звонка. Но никто не звонил, по крайней мере ему.

Да, скверный день. Следующие дни, когда Марион так и не перезвонила, тоже были скверные. И, судя по всему, ситуация грозила стать еще хуже. А тридцатого декабря все пошло из рук вон плохо.

В одиннадцать утра раздался звонок в дверь. Патриция устало поднялась из-за кухонного стола и побрела открывать, пока Эдди жевал сандвич с жареной индейкой, лелея свое похмелье и пы-

таясь разобраться в бесконечных «Обзорах года» в разных газетах. Фрэнк отправился к дядюшке Джо смотреть по спутниковому телевидению американские бега. В кухне пахло мандаринами — Фрэнк купил их накануне Рождества, и они так и стояли нетронутые в большой белой вазе на столе.

Из холла донесся голос, спросивший, дома ли Эдди. Сперва Эдди не обратил внимания, увлекшись статьей о планах Боно[38] на девяностые годы. Потом голос послышался вновь, и Эдди подумал, что у него начались слуховые галлюцинации.

Он сложил газету, тяжело сглотнул, быстро встал и взглянул в окно, мечтая как-нибудь исчезнуть из дому. Зачем-то взял остатки сандвича и бросил их в мусорное ведро, потом опять сел за стол и скрестил руки на груди, изо всех сил изображая спокойствие и безразличие.

Он услышал, как Патриция зовет его по имени, потом вверх по лестнице быстро застучали ее каблуки. По спине у него пробежал холодок. Входная дверь снова закрылась — свист ветра утих. И вновь кто-то окликнул его, тихо, почти шепотом.

---

[38] Примечания: 38
Боно (Пол Хьюсон, род. 1960) — участник группы «Ю-ту».

Он опять глянул в окно, туда, где над черной стеной вдалеке плыли тяжелые облака. Голос, звавший его, на сей раз прозвучал чуть громче и смелее. Эдди протер глаза, посмотрел на свое отражение в чайнике. Потом спустился в холл.

— Господи, — сказал он, — как я рад тебя видеть! Это просто невероятно!

У самой двери, опустив рюкзак на пол перед собой, стояла Марион.

Сначала она стояла неподвижно, только машинально теребила волосы и озиралась по сторонам, словно в музее или в церкви. На лице улыбка, вид здоровый и довольный, щеки порозовели от холода. Под желтым непромокаемым пальто, похоже, было надето несколько свитеров; на голове шерстяная шапочка, на руках черные митенки. Когда она шевелилась, пальто шуршало. Она опять улыбнулась; зубы у нее были белее, чем запомнилось Эдди. От нее пахло сигаретами.

— Удивлен? — спросила она, расстегивая пальто.

— Ага, — ответил Эдди, — просто ошарашен.

Наверху хлопнула дверь ванной, сквозь шум льющейся воды донеслись звуки радио.

— Сказано чисто по-английски, — заметила Марион.

Они поцеловались под веткой омелы, которую Фрэнк на прошлой неделе в приступе оптимизма прикрепил к абажуру в холле. Эдди снова и снова повторял, что это потрясающе, а Марион просила прощения, что не предупредила его заранее о своем приезде.

— Не бери в голову, — заверил он, — это пустяки, честно.

Марион сказала, что кухня у них больше, чем весь первый этаж ее дома.

— Да ну? — рассмеялся Эдди. — Правда, что ли?

Он огляделся, будто ожидал, что стены сдвинутся. Потом опять рассмеялся и согласился: да, кухня и правда довольно большая, он просто не обращал на это внимания, пока Марион не сказала. Но Марион не засмеялась. Она пристально рассматривала листки счетов, прикрепленные к дверце холодильника магнитиками в форме бананов. Потом взглянула в сад, словно вдруг заметила что-то странное в пожухлой траве. Она сняла пальто, повесила его на спинку стула.

— Правильно, — сказал Эдди, — брось его куда-нибудь.

Они сидели на кухне, курили и пили кофе. Эдди был в тихой панике. Пальцы выбивали дробь по столешнице. Марион твердила, что у них просто

невероятный дом.

— Ну, — перебил Эдди, — что же у тебя произошло? Черт, я страшно рад тебя видеть.

— Ничего, — ответила Марион.

— Правда? Значит, все тихо?

Некоторое время они обсуждали обои в гостиной. Марион спросила, сколько стоит стереоцентр.

— Я знала, что ты не захочешь меня видеть, — сказала она, допивая вторую чашку кофе.

— Не сходи с ума, — рассмеялся Эдди, — я просто слегка обалдел от неожиданности, вот и все.

Он чувствовал, что у него начинает болеть голова. Марион сказала, что дома ее просто достали семейные сцены, братцы, заваливающиеся домой пьяными, сестры, пытающиеся силком накормить орущих младенцев…

— Да? — Эдди захихикал. — Не очень-то ты любишь детей, а?

— Нет, — Марион сдвинула брови, — действительно не люблю. Как хочешь, так и понимай.

В общем, она кое-как перекантовалась до сегодняшнего утра, а сегодня стало вовсе невмоготу, и на первом же автобусе она уехала. Эдди сказал, что провел Рождество вполне нормально, конечно, было много всякой суеты с праздничными

вечеринками, куда его приглашали все кому не лень, но тем не менее он не жалуется. Марион вручила ему сверток в синей бумаге, который извлекла из рюкзака. В свертке оказалась желтая спортивная рубашка с маленьким крокодильчиком над нагрудным карманом. Это ее подарок для Эдди. Купила на новогодней распродаже. Эдди сказал, что подарок замечательный, хотя сам бы он такую вещь вряд ли выбрал. Он не приготовил подарка для Марион, но непременно что-нибудь найдет. Марион сказала, что это совершенно необязательно, ей просто в последнюю минуту пришла в голову мысль о подарке.

— Не беспокойся, — сказала она. — Рубашка очень дешевая.

Она подошла, села к Эдди на колени и поцеловала его с очень серьезным видом. Секундой позже они уже ласкали друг друга сквозь одежду.

— Мы можем куда-нибудь пойти? — спросила Марион через несколько минут.

— Тут требуется осторожность, — сказал он. — Скоро придет Глория.

Марион спросила, кто такая Глория.

— Да никто. Просто женщина, которая приходит гладить отцовские вещи, понимаешь?

Марион громко рассмеялась. Подумала, что

Эдди шутит.

— Как во «Вверх по лестнице, ведущей вниз», — сказала она.

— Брось, Марион, — ответил Эдди, покусывая ноготь, — просто отцу необходима помощь по хозяйству.

Марион ущипнула его за руку.

— После того, как твоя мать уехала? — тоном обвинителя поинтересовалась она. Эдди сказал: честно говоря, да.

Они поднялись в комнату для гостей и заперли дверь. Когда они начали заниматься любовью, Эдди услышал, что приемник в ванной включили на полную громкость. «Женщина из аптеки». Джон Ли Хукер. Кровать была скрипучая, поэтому они перебрались на ковер и продолжили там. Эдди стер о ковер колени. От завываний гитары Джона Ли сотрясались стены.

После Марион прямо в нижнем белье села на подоконник и закурила неизменный косячок. Эдди сказал, что это не лучшая мысль, надо одеться, потому что в любую минуту явится Глория.

— Ладно, — вдохнула Марион, надевая юбку, — не будем расстраивать Глорию. Теперь так трудно найти хорошую прислугу.

Она спросила, как дела с «Тепличными цвета-

ми». Эдди ответил, что все прошло великолепно, гораздо лучше, чем он ожидал. Натягивая джинсы, он поморщился — задел стертые коленки.

— Дело в том, — сказал он, — что это все делается тайком, по договоренности, понимаешь? Вообще-то им нельзя использовать «левых» музыкантов — из-за налогов и прочего, так что держи язык за зубами, и я буду тебе очень благодарен.

Патриция сидела на кухне, сушила волосы. Эдди познакомил ее с Марион.

— Да, — просияла Патриция, не отрывая глаз от зеркала, — а мы уже знакомы, правда, Марион?

Марион сказала: да, знакомы. Патриция объявила, что ей пора бежать.

— Да? — сказал Эдди. — Смешной кролик ждет, верно?

Патриция не ответила.

— Это семейная шутка, — пояснил Эдди для Марион. Она тряхнула головой: дескать, ее это не касается. Они выпили еще кофе. Эдди вытащил ручку и листок бумаги и попросил Марион записать ее дублинский телефон — он ей позвонит, и они встретятся попозже.

— Так здорово, что ты в городе, — сказал он. — Мы славно повеселимся. Тут полно людей, с которыми я мечтаю тебя познакомить.

— Дело в том, — сказала Марион, — что вообще-то мне негде остановиться в Дублине.

— Абзац, — сказал Эдди и почесал в затылке.

— Ну да, я надеялась, что смогу на пару дней остаться у вас.

— Что? — рассмеялся Эдди. — Ты хочешь сказать, здесь? В доме?

— Нет, — ответила она, — в саду, под навесом.

Эдди принялся отрывать от газетной страницы мелкие кусочки и рассеянно их жевать. Потом предложил еще по чашечке кофе.

Раз Эдди явно не хочет, чтобы она оставалась, сказала Марион, она поедет к подружке брата в Кабру. Эдди рассмеялся визгливым фальцетом, так его насмешила мысль о том, что он против ее пребывания здесь. Конечно, он хочет, чтобы она осталась. Черт побери, это же ясно! Просто, сказать по правде, ему это не приходило в голову. Не приходило, и все тут!

— Я сегодня медленно соображаю, — пробормотал он, — но идея и вправду крутая.

Он взял у Марион сигарету и позвонил отцу к дядюшке Джо.

— Что стряслось, Эдди, почему ты звонишь?

— Просто поздороваться, — ответил Эдди.

Отец вздохнул:

— Ладно, ладно, Эдди, что нужно?

— Тут вроде как кое-кто приехал, Фрэнк, — сказал Эдди.

— Не ма, нет? — с тревогой спросил Фрэнк. Эдди сказал, нет, не ма. Просто подружка из Лондона.

Фрэнк начал выяснять, что Эдди имеет в виду, какая такая подружка, и Эдди пояснил, мол, действительно просто подружка, девушка, которая живет там же, где и он. Фрэнк спросил, есть ли между ними романтическая связь, и Эдди ответил: ничего подобного. А немного погодя признал, что, пожалуй, все-таки есть, пожалуй, можно и так сказать.

Он снова помолчал и повторил:

— Да, есть.

Сперва Фрэнк воспринял новость с большим сомнением. Ему эта идея вовсе не казалась блестящей. Но Эдди сказал, что нельзя вот так просто выставить девушку на улицу, а единственный вариант у нее — какие-то знакомые в Кабре. Похоже, довод подействовал. Фрэнк уступил, но при условии, что спать они будут в разных комнатах и девушка будет ходить по дому в пристойном виде. Он совершенно не желает, чтобы дом превращался в «Фоли-Бержер» — «даже если твоя мать здесь больше не живет». Это будет плохо

влиять на Патрицию. Эдди заметил, что Фрэнк чересчур беспокоится о Патриции.

— Ей уже двадцать один, — сказал он.

Фрэнк ответил, что для Эдди двадцать один, возможно, и серьезный возраст, но ему лично так не кажется.

— Слушай, Фрэнк, — сказал Эдди, — когда тебе было двадцать один, ты был женат и имел ребенка.

— То-то и оно, — вздохнул Фрэнк. — Нужен комментарий?

Встречаясь с Марион за столом, Фрэнк, похоже, испытывал неловкость. Она называла его «мистер Вираго», и он сказал:

— Прошу вас, Марион, зовите меня Фрэнк. Чувствуйте себя как дома.

Но когда она стала называть его Фрэнком, ему, кажется, тоже не понравилось. Как и ей. Как и Эдди, хотя он сам не понимал почему.

Фрэнк говорил мало. За едой он обычно читал газету, прислонив ее к кувшину с молоком, прищелкивал языком или качал головой, поражаясь невероятной тупости политиков. А если все-таки открывал рот, вечно ляпал что-нибудь невпопад, чем ужасно смущал Эдди. Однажды он спросил Марион, не чувствует ли она себя в Лондоне «эта-

кой ложкой дегтя в бочке меда». В другой раз речь зашла о литературе, и отец Эдди спросил у Марион, кто ее любимые писатели. Марион ответила, что ничего не читает. Не любит книги, и все. Эдди возразил, что это не так, а Марион оборвала его и, закрыв глаза, стиснув зубы, повторила: нет, она не любит читать. Патриция заметила, что Марион сама может говорить за себя, и Марион покраснела как рак. Потом отец сказал:

— Там, откуда вы родом, вы наверняка слышали много народных сказок, про фей и прочее.

На лице Марион отразилось изумление.

— Я имею в виду, в сельской местности, — сказал Фрэнк. И тем окончательно все испортил.

Когда Марион сообщила, что ее отец работал на колбасной фабрике, Фрэнк сказал: что ж такого, его собственный дед был бродягой. По крайней мере, так он слышал от своего брата Джо, который некогда интересовался историей их семьи.

— У нас в шкафу тоже хватает скелетов, Марион, — широко улыбнулся он и долго смеялся потом над собственной шуткой.

Эдди понимал, что Марион не питает к Фрэнку симпатии. Когда его не было рядом, она почти не вспоминала о нем. Эдди рассказал ей массу забавных историй об отце, но Марион не видела

в них ничего смешного. Патриция, видимо, тоже не вызывала у нее симпатии. Она сказала, что Патриция слишком сильно осветляет волосы и постоянно говорит «на самом деле». Эдди сказал, что никогда этого не замечал. На самом деле.

В свою очередь Патриции не нравилась Марион. Она не распространялась на эту тему, но Эдди и так видел. Роду Патриция сказала, что Марион чудачка и «совершенно уникальное существо» и что она «абсолютно не похожа на девушек, с которыми Эдди встречался раньше». В устах Патриции это был убийственный приговор.

Словом, присутствие Марион обернулось большим напрягом, и Эдди понимал, что долго так продолжаться не может. Что-то назревает — это даже ему очевидно. Но в конце концов ссора произошла не между Эдди и Марион и даже не между Патрицией и Марион. В конце концов Марион сцепилась с Фрэнком. Да как!

Новый год встретили вполне нормально — даже лучше, чем Эдди ожидал.

Дин Боб и Марион спелись так, что лучше не бывает. Боб твердил, что Марион — полный улет и может свести с ума кого угодно. Каждый раз, когда она открывала рот, он громко хохотал, обнимал ее за плечи и принимался трясти, как

щенок, играющий с куклой.

— Ну ты даешь! — громыхал он. — Классно завернула! Господи Иисусе, ну полный отпад!

Марион тоже смеялась над Бобом. Он рассказал ей, почему сменил имя, а она ответила, что он круглый дурак и у него никогда не было настоящих проблем.

— Ага, — кивнул он, — ты права, Марион, ты совершенно права, подружка.

Но Эдди чувствовал себя неловко, поскольку на вечеринку пришла и Дженнифер. Регбист получил отставку, сообщила она. Сегодня с ней был какой-то чистоплюй, подвизавшийся в издательском деле и явно прижимистый. Познакомившись с Марион, Дженнифер заявила:

— Я слышала, ты имела несчастье всерьез связаться с Эдди.

Интересно, подумал Эдди, кто ей натрепал. Когда она отвернулась, Эдди заметил, что Марион с Бобом хихикают над ее походкой.

Рут и Джимми тоже пришли на вечеринку, но, по счастью, ненадолго. Эдди исхитрился продержать их в холле, рассуждая о том, что им не мешало бы как-нибудь в новом году заглянуть на обед. Он очень не хотел, чтобы они встретились с Марион. Знал, что это будет катастрофа. Да что

там — чернобыльская авария! Выйдя из туалета, Рут сообщила, что видела в танцзале жутко занудливую девицу, которая всем действовала на нервы.

— Ну, ты же знаешь, как бывает на таких вечеринках, — пожал плечами Эдди, — всегда найдется одна такая, верно?

Когда Дженнифер собралась уходить, Эдди проводил ее до дверей.

— По-моему, она очень милая, Эдди, — сказала Дженнифер, — жаль, что ты ничего не сказал мне. — Она вытащила из сумочки зеркальце и принялась поправлять прическу.

— Я думал, ты будешь ревновать, — сказал Эдди.

Дженнифер рассмеялась, достала помаду, подкрасила губы и весело спросила:

— Ревновать? К ней?..

Она поцеловала Эдди в щеку и сказала, что на следующее Рождество они непременно увидятся. Эдди пообещал, что, может, выберется в Никарагуа, навестит ее.

— Да, — вздохнула она, — конечно, Эдди, приезжай.

Эдди заверил, что обязательно приедет, ему уже давно хочется своими глазами увидеть, что

там творится.

— *Hasta luego!*[39] — крикнул он на прощание; Дженнифер помахала ему ключами от материной машины и зашагала прочь по дорожке, ошарашенный издатель побежал следом.

Когда Эдди вернулся, Марион танцевала под «Накачай эту штуковину» Элвиса Костелло, с какой-то длинноволосой девушкой в длинном джемпере, Дином Бобом, Фредой и еще одной девицей, которую Эдди не узнал. Они прыгали и скакали, взявшись за руки, а Боб, как всегда на взводе, изображал соло на невидимой гитаре, притопывал ногами и яростно мотал головой в такт ударным.

Эдди стоял в дверях кухни, глядя на танцующих и прихлебывая из банки «Ред страйп». Музыка гремела так, что пол под ногами дрожал. Оказываясь возле него, Марион каждый раз как бы его не замечала или громко смеялась, так что в конце концов Эдди решил, что она это нарочно. Знала, что ему это чертовски неприятно.

В полночь она по очереди обнялась с каждым из присутствующих. Кроме Эдди.

Еще через несколько часов Боб подсыпал им в

---

[39] Примечания: 39
До свидания *(исп.).*

текилу «ангельской пыли»[40] — в его представлении, это была отличная новогодняя шутка. Марион понравилось, она тяжело дышала, размахивая руками как ветряная мельница, но Эдди раздражало даже не это. Она словно бы чувствовала себя здесь вполне уютно и была так счастлива, как никогда с ним. Когда Эдди критически отозвался о Бобе, Марион сказала:

— Слушай, кончай вешать на меня собак и читать мораль! — Они просто веселятся, и нечего сидеть с унылой физиономией.

По дороге домой в такси обоим стало плохо. Марион сказала, что хочет быть счастливой с Эдди и в новом году, и всегда, и таксист коротко буркнул: «Аминь». Когда они проскользнули к ней в комнату и рухнули на постель, Марион продолжала повторять это даже во сне, вперемежку со всякими россказнями о своей семье, которых Эдди никогда раньше не слышал и не слишком-то хотел слышать сейчас.

Наутро за кухонным столом она кусала ногти и курила. Дым плавал вокруг, и Эдди казалось, что его вот-вот вывернет наизнанку. Он вообще чувствовал себя отвратительно. У него расстроился

---

[40] Примечания: 40
Опасный наркотик.

желудок, и при каждой попытке пошевелиться болела задница. Он закрыл глаза, веки горели, и лучше не стало. Когда он открыл глаза, совсем поплохело. Сколько он ни пил воды, во рту было сухо, как в пустыне.

Фрэнк отправился на утреннюю пробежку, а Патришия пошла к мессе. С чего это вдруг, спросил Эдди. Но она ответила, что там хорошо поют, вдобавок все равно больше нечего делать, а после они с ребятами всей компанией двинут в бар. Она сказала, что Эдди и Марион тоже могут присоединиться к ним, но Эдди простонал, что его мутит при одной мысли о выпивке. Патришия заявила, что это позор, хотя ей стоило большого труда скрыть облегчение. Потому-то Эдди и Марион сидели сейчас одни в холодной кухне, слушали по радио Гая Берна и делали вид, что все в полном порядке.

Вернулся Фрэнк, пыхтящий, порозовевший, потный, в старом черном тренировочном костюме. Утвердившись посреди кухни — ноги на ширине плеч, руки на бедрах, — он наклонился вперед, втягивая в легкие воздух.

— Здоровье, — провозгласил он, подняв большой палец. — Здоровье прежде всего.

Он начал бег на месте, молотя кулаками воз-

дух, как боксер. Вид у него был такой, словно он вот-вот рухнет с сердечным приступом. Эдди посоветовал ему расслабиться, проще смотреть на вещи, но Фрэнк только рассмеялся, выпил стакан воды и сплюнул в раковину.

— А как нынче самочувствие у наших влюбленных пташек? — хихикнул он, потирая руки. Потом хлопнул себя по груди.

— Отлично, Фрэнк, — сказал Эдди.

— Отлично, — сказала Марион, — Фрэнк.

Фрэнк выключил лампы, заметив, что света тут хватит на целый Бродвей. Эдди понял, что день будет тяжелым.

Из приготовления яичницы Фрэнк устроил целое шоу: высекал аккуратные комочки из монолита застывшего сала, очищая лопаточку о жирный край шипящей сковороды. Вытаскивал из упаковки тонкие ломтики бекона и бросал их на сковородку, как ведьма в пантомиме бросает в котел лягушачьи лапки. Кидая что-нибудь на сковородку, он всякий раз отступал назад, заслоняя левой рукой лицо, словно ожидал, что все это немедленно вспыхнет ярким пламенем. Разбивая яйца, подолгу вытряхивал из скорлупок последние капли белка. Насвистывал какой-то мотивчик. Он был в прекрасном настроении. И

разыгрывал спектакль.

Спор возник по поводу абортов. В газете напечатали идиотскую статейку об огромном количестве ирландских женщин, делавших в этом году аборты в Англии; Гай Берн тоже говорил об этом по радио. «И разумеется, у нас в Ирландии нет абортов — так нам хочется думать. О да, святая католическая Ирландия, друзья мои», — возвестил он как раз перед рекламной паузой.

Марион сказала, что все это отвратительно.

— Да. Но что им делать? — отозвался Фрэнк. — У них, бедняжек, нет денег. Надо бы легализовать это и здесь.

— Я не о том, — возразила Марион. — Дело не в деньгах. Это просто неправильно. Ведь это значит — отнять жизнь.

— Ох уж эти *священники,* — поморщился Фрэнк с набитым ртом. — Деньги здорово помогают, с деньгами что угодно можно уладить. И тот, кто утверждает обратное, — ну, вы понимаете… Поверьте мне на слово, дорогая, — рассмеялся он, коснувшись плеча Марион.

Марион уставилась на пальцы Фрэнка, лежавшие на рукаве ее свитера. Он посмотрел ей в глаза и перестал смеяться. Лицо девушки потемнело от гнева. Глаза Фрэнка увлажнились. Марион слегка

шевельнула плечом, и Фрэнк поспешно отдернул руку. Поднес пальцы к губам, кашлянул. Марион, похоже, рассердилась еще больше. Поджала губы и перевернула страницу газеты. Эдди глянул на Фрэнка. Тот пожал плечами.

— Послушай, Марион, остынь, — сказал Эдди. — По-моему, людям нужно разрешить аборты, если они этого хотят. Я имею в виду, никто ведь не говорит, что нужно вменить их в обязанность.

— Мне все равно, что там говорят, — объявила Марион. — Я считаю, это неправильно.

— А по-моему, не права *ты*, — сказал Эдди. — Женщина вправе выбирать и решать сама. — Он коротко взмахнул кулаком.

— Типично мужская позиция. — Она прямо-таки выплюнула эти слова. — Пусть женщины сами все решают.

— Но послушайте, милая… — начал Фрэнк.

— Никакая я вам не «милая», — отрезала Марион. — Я против, вот и все. Иногда нужно занять твердую позицию.

— Но я хочу сказать: что, если бы вы сами попали в такое положение?

— Вы это обо мне? — Марион прижала руки к губам.

— Нет, конечно, — ответил Фрэнк, — это я так,

для примера, так сказать, для иллюстрации. Что, если бы вы… ну, в общем… попали в беду?

— Я не из таких, и вы не смеете говорить мне подобные вещи.

— Слушайте, — сказал Фрэнк, — я же вовсе не имею в виду вас лично. Просто мне казалось, что люди образованные способны объективно взглянуть на проблему как таковую, вот и все.

— А я недостаточно образованна, да?

— Господи, милая, ну при чем тут это! Я хотел сказать, что вы, по всей видимости, смотрите на эту проблему с другой точки зрения, видите ее по-иному.

— Что ж, *от вас* я ничего другого и не ожидала. — Марион резко встала, едва не опрокинув кувшин с молоком, содержимое которого плеснуло Эдди на колени. — Ничего удивительного, что ваш брак развалился, — прошипела она.

Она вышла из кухни, так грохнув дверью, что перепуганные вороны в саду закружились в воздухе. Эдди обхватил руками голову, в висках пульсировала боль.

Фрэнк задумчиво посмотрел в сад и рассмеялся. Потом опять изменился в лице — кажется, сейчас что-нибудь разобьет или сломает. За окном покачивались на ветру качели, черная цепь звякала

об опору. Фрэнк аккуратно положил на тарелку вилку и нож. Крест-накрест.

— Я хочу, чтобы она ушла, — тихо сказал он, не глядя на Эдди. Потом с преувеличенным спокойствием встал, прошел к раковине и вымыл свою чашку. Покончив с чашкой, он открыл воду посильнее и маленькой красной пластиковой щеткой принялся отмывать раковину, свободной рукой потирая шею и дергая себя за волосы на затылке. Потом повернулся в намерении выйти в сад. Ткнул пальцем в Эдди, поднял брови. Лицо у него побагровело. Под глазами набрякли мешки.

— Я хочу, чтобы она ушла, — повторил он. — Немедленно. — Голос у него дрожал.

Марион стояла на дорожке и плакала, и Эдди ничего не мог с этим поделать. А соседям, будь они неладны, именно сейчас приспичило гулять с детьми или с собаками, и каждый из них понимающе усмехался, но, не говоря ни слова, проходил мимо.

Эдди сказал, что Марион вела себя отвратительно.

— Господи Иисусе, — сказал он, — как ты только могла так с ним говорить? Господи! Он ведь мой отец!

Марион расплакалась еще сильнее. Сказала,

что Эдди из тех, кто постоянно рассуждает о необходимости отстаивать свои принципы, но только на словах. Да, сказал Эдди, но ведь ему прекрасно известно, что она не против абортов.

— Откуда тебе знать? Мы никогда об этом не говорили.

— Не морочь мне голову, Марион, я достаточно хорошо знаю тебя.

— Ничего ты обо мне не знаешь, Эдди Вирого, — сказала она, — в тебе столько брехни, того и гляди, из ушей польется.

Эдди старался говорить как можно спокойнее:

— Ты нарочно так сказала. Понятия не имею, какая муха тебя укусила. Может, ревнуешь или еще что? Что с тобой такое?

— К чему ревную?

— К моим отношениям с Фрэнком. Тебе завидно.

— О, — рассмеялась она, — *Фрэнк*...

— Да, Фрэнк.

— Да, уж я-то могла бы кое-что рассказать *Фрэнку* о его дорогом мальчике. О некоторых твоих связях. Он вообще ничегошеньки о тебе не знает. А ты его боишься.

Он понимает, сказал Эдди, она не хотела так говорить. Понимает, что ей очень трудно, что,

приехав сюда, она, наверное, отчетливо увидела, в каких разных условиях они выросли.

— Но дело не в деньгах, — сказал он, — ты должна это уразуметь. И мой отец тоже из рабочего класса…

Марион влепила Эдди пощечину. С размаху.

— Мерзавец, паршивый выскочка и сноб, Эдди Вираго, меня тошнит от тебя! Плевала я на тебя и на всю твою семью!

Эдди повернулся на каблуках и пошел прочь. Щека горела. Прекрасно! Просто прекрасно! Она ненормальная, сомневаться не приходится. Наркоманка хренова! Чем он виноват, что родился в буржуазной семье? Он ей покажет, этой дурехе! Господи! У нее крыша съехала, это ясно. Глючит ее. Ну и пускай катится к чертовой матери. Он позвонит мистеру Пателю, прямо сейчас, и скажет, что больше не приедет, попросит мистера П. переслать куда-нибудь его вещи — ну хоть на квартиру к матери. Да, так ей и надо, чертовке. Между ними все кончено, раз и навсегда. Он ей покажет, пропади она пропадом!

Полчаса спустя Эдди догнал ее в Ратмайнзе. Она пыталась убежать, но он схватил ее за плечи и не отпускал. Она сказала, что закричит, но почему-то не стала. По крайней мере, сперва. Только

когда он сказал, что она не посмеет, Марион действительно заорала как ненормальная. Какая-то старушка глазела на них, пока они орали друг на друга посреди улицы.

— Ты круглый дурак, Эдди, все твои друзья говорят так у тебя за спиной, они тебя давно раскусили!

Эдди сказал, что она может орать сколько угодно, но им надо выяснить отношения.

— Что с тобой? — повторял он. — Может, ты заболела? Может, что-то стряслось?

Марион опять заплакала, рыдала как ребенок, глотая слезы.

— Я люблю тебя, — сказал он, — ты же знаешь, ну, перестань, я люблю тебя.

Марион сказала, что она вроде бы сходит с ума.

— Я так ужасно себя чувствую, — всхлипывала она, дергая себя за волосы, — у меня, наверное, что-то с головой. — Надо сходить к врачу. Она действительно плохо себя чувствует, а не притворяется.

Эдди часа два просидел в приемном покое больницы Св. Винсента, размышляя о том, как, черт побери, он умудрился во все это влипнуть и как ему теперь выпутаться. Когда Марион вышла, ей было получше. Она очень хорошо поговорила с

одной из медсестер.

— Чисто женские проблемы, — объяснила она. — Гормоны. Я не хочу об этом говорить. Пустяки, ты и слушать не захочешь.

Эдди сказал, что, если ей нужно выписать лекарства, он все сделает, но она ответила: нет, ей просто хочется погулять на свежем воздухе.

Они сели на автобус и поехали в город, в парке Стивенз-Грин расположились прямо на жухлой заиндевелой траве и стали смотреть на открытую сцену, где выступал огромный духовой оркестр. Потом на подмостки выпорхнула стайка маленьких девочек в нарядных зеленых платьях, украшенных кельтским орнаментом и крошечными арфами из блесток и стекляруса, они исполнили несколько ирландских танцев. Семейные пары прогуливались по влажным тропинкам, таща за собой упиравшихся детей и заставляя их кормить уток.

Эдди сказал, что не очень-то представляет себе, как им быть дальше. Иногда он сомневается, знает ли она сама, кто она, и вправду ли они ждут от своих отношений одного и того же.

— Ты что же, намерен порвать со мной? — спросила Марион.

Да нет, ответил Эдди, он вообще не об этом,

просто размышлял вслух об их проблемах, и почему все, что бы он ни сказал, она воспринимает только так?

— У тебя просто не хватает духу выйти из игры, — сказала она, — вот в чем твоя проблема.

Эдди посмотрел ей прямо в глаза.

— Наши отношения очень много для меня значат, — веско проговорил он. — Я не хочу рвать их сейчас.

Но он знал, что лжет. Они сидели в укромном уголке паба «Киу», где Марион набросилась на джин с тоником так, словно он вот-вот кончится. Эдди чувствовал, что устал как собака. И с ужасом думал: вдруг в паб зайдет кто-нибудь из его знакомых? Хоть он и побрился с утра, его не оставляло ощущение, что лицо покрыто жесткой щетиной, глаза болели, голова зудела.

Он смотрел на Марион — до чего же красивая и вместе с тем хрупкая, щеки порозовели, она смеется, что-то тихонько говорит, сжимает его руку в своих ладонях.

— Счастливого Нового года, — с горечью сказала она.

Эдди отхлебнул изрядный глоток «Гиннесса». Пиво показалось ему кислым и каким-то ядовитым на вкус. Его передернуло.

День, когда она уехала, выдался солнечный и холодный — морозный зимний день, когда иней серебрит Дублинские холмы. Ветви деревьев на Беккет-роуд сплетались на фоне неба в черное кружево. Дети с веселым визгом крушили снеговиков на газонах. Эдди было на удивление хорошо, он был чуть ли не готов поверить, что теперь все наладится.

Утром он поехал в Доннибрук, чтобы забрать Марион из берлоги Дина Боба; она уже стояла на пороге, прижимая к груди рюкзак. Боб ушел, сказала она. В город. Ему нужно кого-то повидать, но он обещал позже перехватить Эдди в «Кромби-Инне» и выпить с ним по стаканчику.

— Он просто прелесть, — сказала Марион, — правда?

Эдди сказал, да, правда, таких один на миллион.

— В самом деле, — продолжала она, — он замечательный.

Они отправились в Дан-Лэре, прошли по торговому центру, заглянули в один из ужасных открытых ресторанчиков, выпили кофе и съели по мороженому, пошатались по лавчонкам, где кишели нагруженные сумками домохозяйки, забрели в несколько книжных магазинов. Пока

Эдди что-то рассматривал, Марион купила ему томик стихов Сэмюэла Беккета[41]. Она сказала, что ее дед выглядел точь-в-точь как Сэмюэл Беккет. Эдди сказал, что все деды похожи на Сэмюэла Беккета, такая у них особенность.

Вообще-то Марион не очень нравился Беккет, но она читала одно стихотворение, в котором он желал, чтобы его возлюбленная умерла, и размышлял, как будет бродить по улицам и думать о ней — под дождем, в длинном плаще, совсем один.

— Это было прекрасно, — сказала она, — и так печально…

Они не нашли в книжке этого стихотворения, но Эдди сказал, что позже они посмотрят повнимательнее.

Потом они шли через Народный парк, разглядывая пенсионеров, играющих в шары на площадке, загаженной собаками. Некоторые пенсионеры тоже походили на Сэмюэла Беккета, но не все. Марион кивком указала Эдди на пожилую чету — женщина в ситцевом платье, с перебинтованными щиколотками, мужчина в яркой рубашке, желтых клешах и летней шляпе.

---

[41] Примечания: 41

Беккет Сэмюэл (1906–1989) — ирландский писатель, драматург, лауреат Нобелевской премии (1969 г.).

Может, и они с Эдди когда-нибудь будут такими, сказала Марион. Эдди возразил, что не наденет желтые клеши — хоть убей!

Они пешком прошли по Восточной пристани и уселись в самом конце, глядя вдаль на остров Доки-айленд. Поодаль на волнах виднелась зеленая лодочка, молодой парнишка сидел на веслах, один-одинешенек, и плыл без определенной цели, то к берегу, то от берега. Ближе к пляжу отважные яппи в прорезиненных костюмах занимались виндсерфингом, вопя и визжа от восторга. На Сандикоув прогуливалась вдоль пляжа стайка монахинь — ветер развевал их широкие белые апостольники, завывал вокруг темной, строгой башни Джойса и дома архитектора. Эдди рассказал Марион о Стивене Дедалусе — как он ушел из университета, чтобы стать неподкупной совестью своего народа.

— Господи, — сказала Марион, — должно быть, в студенческом баре над этим здорово посмеялись.

Марион была счастлива. Напевала своим ужасным голосом обрывки песен, широко открыв глаза, в такт взмахивая рукой. На верхушке башни она прошлась вдоль парапета, ведя рукой по камню, и объявила, что здесь самое подходящее

место для занятий любовью, а Эдди заметил, что это сказано в духе Джойса.

— Типично по-ирландски. У вас все непременно должно быть в духе Джойса, — вздохнула она, — и не может быть просто непристойностью.

— «Типично по-ирландски» — самая что ни на есть типичная ирландская фраза. Особенно когда ты произносишь ее таким тоном.

Когда они уже стояли на пристани, Марион взяла с Эдди слово, что он не уйдет сразу. Заставила его пообещать, что он останется у причала и будет махать ей рукой, пока корабль не выйдет из гавани и не скроется из виду. Эдди ответил, что он не любитель подобных сантиментов, но ради нее сделает исключение.

Она сказала, что очень сожалеет о случившемся, просто неважно чувствовала себя последнее время. Эдди ответил, что все нормально, не о чем говорить.

— Все уладится, — сказал он.

Марион спросила о Фрэнке, простит ли он ее когда-нибудь. Вряд ли у них сложатся благостные отношения, ответил Эдди, скорее всего, нет. Она поджала губы и кивнула.

— Это все нервы, — заметила она. — Моя мать постоянно жаловалась на нервы, а я никогда

не понимала, что она имеет в виду. Теперь понимаю.

Его мать тоже вечно жаловалась на нервы, сказал Эдди. Наверно, это свойственно всем матерям. Да, наверное, так и есть, согласилась Марион, хотя она точно не знает.

— В доме у твоего отца, — сказала она, — фотографий твоей матери не было нигде.

Эдди ответил, что у него где-то есть одна; он ее отыщет и как-нибудь покажет.

— Говорят, она была похожа на Одри Хепберн, — сказал он, а Марион заметила, что ему в самом деле нужно повидаться с матерью, когда он вернется домой в Лондон.

— Ага, — ответил Эдди, — ты мне напомнишь.

— Ты ко мне вернешься, — спросила Марион, — правда, Эдди Вираго?

— Ясное дело, вернусь. — Он поцеловал ее в холодную щеку. — Завтра увидимся. У меня самолет в семь утра. Я буду дома раньше, чем ты успеешь вылезти из постели.

— Не забудь помахать мне, — напомнила она, — ты обещал. Я буду смотреть. А если корабль потонет и я вместе с ним, только подумай, как тебе будет скверно!

Эдди заверил, что будет махать, но не стал. Как

только Марион скользнула за барьер, он поднял воротник и крадучись двинулся к остановке автобуса. Он знал, что она все равно ничего не разглядит с другого конца пристани. Просто не сумеет.

Он сидел в «Кромби-Инне», в зале Норы Барнакл[42], на верхнем этаже торгового центра, и, глядя на Дублинский залив, писал Марион письмо. Решил, что на бумаге сможет яснее изложить свои мысли. Но каждая страница, каждая строчка оказывалась настолько невнятной и шаблонной, что он либо все вычеркивал, либо рвал бумагу. Он следил взглядом за почтовым пароходом, плывшим мимо Хоута, уходившим в туман, пока тот не превратился в маленькое черное пятнышко, за которым по воде тянулся серебряный след. Все-таки интересно, удастся ли ему когда-нибудь оставить Марион.

Наконец явился Дин Боб, конечно с опозданием. Но первым заказал выпивку он, так что Эдди жаловаться не стал.

Боб попросил не сердиться на него за новогоднюю ночь — за «ангельскую пыль» и все такое.

— Я, конечно, сволочь, — покаянно сказал

---

[42] Примечания: 42
Зал назван по имени жены Дж. Джойса.

он. — Сам знаю, я полный придурок, старичок, и правильно ты на меня наорал.

Они молча выпили по кружке пива. Но закадычных друзей молчание не напрягает. Эдди заказал еще.

— Марион, — сказал Боб, потягивая темное пиво, прямо сквозь пену. — Господи, она же замечательная девчонка, лучше не найти. Так и знай.

Все правильно, согласился Эдди.

— Эдди, старичок, — продолжал Боб, — с этой девушкой ты попал в самое яблочко.

Эдди извинился, что пришлось пристроить Марион у Боба: ей просто больше некуда было деться. Пустяки, сказал Боб, не о чем говорить. Они с Марион нашли общий язык, а потом, черт возьми, это ведь было всего на несколько дней. К тому же познакомиться с такой девушкой, как Марион, — полный улёт.

— Знаешь, — сказал он, — когда постоянно тусуешься в студенческих компашках, вот как я, то в конце концов начинаешь думать, что все ирландские девушки одинаковы, что все они — разрушительницы традиций, или феминистки, или еще что-нибудь в этом духе. Но Марион — совершенно другое дело; тут сразу понимаешь, что где-то есть совсем иная Ирландия.

Эдди рассмеялся.

— Ага, — сказал он, — в том-то и дело.

Они выпили еще по нескольку кружек пива и по стаканчику виски, а потом направились в ресторан «Макгонаглз». Эдди хотел было пойти домой; он сказал Бобу, что в семь утра у него самолет, но Боб ответил: да ладно, последнюю ночь в Дублине нужно провести как следует.

— В память о старых добрых временах.

Эдди рассмеялся:

— Боб, тебе всего двадцать пять, рановато еще рассуждать о «старых добрых временах».

Боб сказал, что это верно, но, черт возьми, он молодой и одинокий и хочет общения. Ладно, сказал Эдди, только у него не осталось ирландских денег. Боб ответил, что это не проблема. Он заплатит.

В пещерной темноте «Макгонаглз» Боб встретил знакомую блондиночку с наигранным дублинским акцентом. Они столкнулись нос к носу, когда диджей поставил какой-то тяжелый хит середины семидесятых и Эдди пытался сбацать танец. Девчонка была либо очень пьяна, либо «нагружена» под завязку, и они с Бобом сквозь грохот музыки что-то орали друг другу в самые уши и хохотали.

Потом все трое уселись за столик в холодной нише и принялись за бутылку польского божоле, которое пили из пластиковых стаканчиков. Под вращающимся зеркальным шаром танцевали в обнимку парочки. Какой-то болван разгуливал по залу, с «дымовой машинкой» в руках, и от сухой углекислоты глаза у всех слезились. Боб пошел потолковать с этим парнем, начал было с ним ругаться, но закончилось все рукопожатием, и Боб вышел на улицу. Эдди, допивая свой стакан, поморщился. Он знал, что за этим последует. Боб отправился за дозой.

Девица принялась рассказывать Эдди о своем парне, от которого только что избавилась.

— Думаю, мой рост угрожал равновесию наших отношений, — сказала она, — понимаешь?

Эдди посочувствовал, что она все еще растет, и выразил надежду, что это не больно.

Девица заказала еще одну бутылку вина; Эдди остался за столиком, помогая ей расправляться с выпивкой. Она пила все больше и больше, потом заплакала и сказала, что уже не знает, кто она такая, и хочет войти в контакт с глубинной частью своего «я». Как раз в это время вернулся Боб.

— Ну да, — сказал он, — а кто не хочет?

С полчаса они танцевали — Эдди, девица, Дин

Боб и какой-то парень с длинными грязными волосами, в армейской камуфляжной куртке, который все время норовил устроить хоровод.

В конце концов девица ушла вместе с хипарем, а Боб и Эдди немного постояли в дверях «Макдональдса» на Графтон-стрит. Бобу явно не хотелось идти домой. Он был в каком-то странном состоянии: то и дело хлопал в ладоши и твердил, что именно сейчас как следует проснулся.

— Как насчет кофе? — рассмеялся он. — Зададим нашим артериям работенку, а? Что скажешь, Эдди? Время еще детское. Как насчет этого? А?

Повсюду уже было закрыто, а потому Боб оплатил Эдди такси до дому. Только на полчаса, предупредил Эдди, и ни минутой больше.

Фрэнк уже лег, а Патриция, как всегда, где-то шлялась. Эдди провел Боба в гостиную и велел сидеть тихо. Вправду тихо.

Боб хихикал как заведенный. Свернул сигарету, но когда поднес ее ко рту, чтобы лизнуть край бумажки, забыл высунуть язык. Мазнул бумажкой по губам, а когда табак, смешанный с марихуаной, просыпался ему на рубашку, выругался и рассмеялся.

Боб закатал рукава. Эдди увидел на предплечьях следы от уколов — маленькие сине-черные

точки, некоторые с корочкой запекшейся крови. Боб снова начал ширяться, но Эдди промолчал. Не хотел портить вечер. Завтра в эту пору он будет уже в Лондоне, а Боб пускай сам о себе позаботится. Все, что мог, Эдди уже ему говорил, и не раз. Боб прекрасно знает, чем рискует. А если не знает, то узнает.

Боб впал в сентиментальность. Так бывало всякий раз, когда он принимал наркотики. Ему хотелось говорить о своих ошибках. Обо всех ошибках, какие он совершил с девушками. Вот на первом курсе, когда они с Эдди пошли купаться на озеро после объявления результатов экзаменов, господи боже, *какая* это была ошибка! — твердил Боб. Что та девчонка, как ее там звали, говорила про него. Что он пытался и чего не пытался сделать. Пытался расстегнуть ей блузку. Она же всем рассказывала, что он насильник.

— Представляешь, Эд, — фыркал он, — я — насильник! Врубаешься? Ну полный бред, верно?

Они поговорили об общих друзьях. Фергус мечтал стать режиссером, а сейчас сидел без работы. Кейси хотел стать писателем-романистом. Сейчас он нелегально жил в Нью-Йорке, работал администратором в больнице. Стерн, будущий великий адвокат по уголовным делам и защит-

ник бедных, работал в мастерской по ремонту телевизоров в Окленде. Пол О'Брайен, первый анархист Ирландии, держал диско-бар в Каррикмакроссе. Тим Стоукер, тот самый, что в свое время в Белфилде сделал ставку на «Бумтаунских крыс», теперь работал продавцом в порнографическом видеосалоне своего дяди. Женщинам повезло больше. Мишель Граттон служила в Корке на крупной фирме, производившей шарикоподшипники, и зашибала неплохие башли. Шинед и Морин разъезжали по свету, добывая тут и там гранты на учебу — год в Женеве, год в Риме, год в Будапеште. Сьюзан Ливер читала новости на «Сенчури радио». Эймер работала в «Аэртел». Дженнифер уехала в Никарагуа. Кейти Росс издавала в Лондоне какой-то женский журнал. Ну а эта чертовка Саломея Уайлд, эта дуреха, просто сорвала джек-пот со своим шоу на четвертом канале. Да. Все девчонки хорошо устроились. Но парни, бог ты мой, парни! Ничего себе контраст: преуспевающие деловые леди и «бывшие», «не ставшие», неудачники.

— Если б превратить никчемную трепотню в электричество, — вздохнул Боб, — электростанции бы не понадобились. — Он рассмеялся и отхлебнул пива. — Самое смешное, Эдди, что все

мы в это верили. Мы были наихудшими. Будущие лидеры… Дерьмо.

Эдди сказал, что никогда в это не верил. У него, во всяком случае, все в порядке, неудачником его не назовешь. У него все складывается прекрасно, и новый год наверняка принесет успех. Сейчас он пишет больше, чем когда-либо, материала набирается уже на целый альбом, и вещи на самом деле добротные. И на гитаре он играет с каждым днем все лучше, это каждый признаёт. Он сказал, что у Боба тоже все будет тип-топ, главное, чтоб он решил, как быть дальше. В наши дни на это нужно время. Это надо понимать. Но Дин Боб — парень талантливый. Он запросто может подняться на самый верх.

— Черта лысого, — ответил Боб.

— Брось, дружище, — рассмеялся Эдди, — берись за перо. Боб, ты же настоящий мастер слова.

Боб сказал, что почти ничего не пишет.

— Писать может любой, — фыркнул он. — Ну да, великий ирландский роман! Господи Иисусе, да такое любой компьютер напишет. Немного материнской любви, капелька подавленной похоти, чуток мазохистского католического чувства вины, частичка традиционной вражды к Брита-

нии, уйма сияющих глаз, трепещущих ноздрей и потных кельтских ляжек, приправленных соусом из джойсовских размышлений…

Эдди опять засмеялся.

— Вот я и говорю, — подытожил Боб, — такое любой сляпает.

Эдди заметил, что нет ничего хуже амбиций без таланта.

— Зануды, — сказал он, сочувственно качая головой.

Они вскрыли бар Фрэнка и налили себе по большому бокалу портвейна. Бутылку Эдди долил «Райбиной»[43] и аккуратно поставил на место.

— Кстати, Эд, — сказал Боб. — Я ведь давно тебя знаю, верно?

— Угу, — с опаской подтвердил Эдди. Подобное начало не сулит ничего хорошего.

— Хочу сказать тебе одну вещь, старичок. Я, конечно, не хочу тебя сейчас напрягать, само собой, но, по-моему, когда попадаешь в переделку, лучше сразу выложить все как есть, по-честному. Верно, Эдди?

Эдди спросил, о чем это он. Да так, ни о чем, ответил Боб. Просто с друзьями нужно по-честному.

---

[43] Примечания: 43
Черносмородиновый напиток.

А кое-кто говорит, что Эдди как раз этого не хватает. Наверно, ему не мешает быть откровеннее с людьми, ничего особенного, просто быть честнее, откровеннее, вот и все.

— В том числе с Марион, — добавил он. — Конечно, это не мое дело, Эд, но ты ведь не будешь гнать ей туфту, а?

Конечно нет, ответил Эдди, но хотелось бы знать, что Марион наговорила Бобу.

— У нас очень честные отношения, — сказал он.

Бобу Марион вообще ничего не рассказывала. Просто она казалась очень хрупкой, очень ранимой. Эдди сказал, что это ему известно, это он и сам заметил; Боб сказал, чтоб Эдди не лез в бутылку, он, мол, и это знает.

— Никто не знает этого лучше, чем ты, Эд, — улыбнулся он. — Я просто думаю вслух, понимаешь? Из-за травки. — Он предложил Эдди косячок, но тот отказался. Боб подался к Эдди и хлопнул его по ляжке. — Брось, Эдди, встряхнись, ладно?

Эдди уверял, что с ним все в ажуре, кроме шуток. Боб свернул новый косячок и объявил, что ужасно рад повидать Эдди и что Эдди в самом деле хороший друг. Эдди сказал, что это взаимно. Но атмосфера в комнате изменилась, и оба это

чувствовали.

Боб ушел в половине пятого, когда уже запели птицы и по Беккет-роуд проехал фургончик молочника. На прощание Эдди сказал:

— Да, кстати, я и забыл: у меня есть для тебя рождественский подарок.

Он слазил в карман и, не глядя Бобу в глаза, вручил ему бумажный пакет.

— Что ты, дружище, — сказал Боб, — зачем.

— Ну, — сказал Эдди, — я знал, что тебе нравится Сэм Беккет, и просто не мог устоять.

Боб был сражен наповал. Он перелистал книгу, с каким-то пристыженным видом. И сказал, что Эдди классный парень и он ужасно сожалеет, если наболтал лишнего.

— Господи, — воскликнул он, — я чувствую себя таким виноватым!.. Если бы я знал, что ты что-то мне приготовил, я бы тоже сделал тебе подарок.

Эдди сказал, что это пустяки.

— Ты щедрый парень, Эдди, — сказал Боб, — честное слово!

Спотыкаясь, он зашагал по дороге, потом остановился и помахал книгой.

— Я это ценю, Эдди! — крикнул он. — Удачи тебе, старина!

Эдди тоже помахал рукой и закрыл входную

дверь. Потом выключил весь свет и немного прибрал. Ложиться не стоит, ведь если он ляжет в постель, то наверняка проспит самолет. Он прошелся по дому, расставляя вещи по местам, против воли вспоминая, как тут было при матери.

Выбросить ее из головы не удавалось. На память приходили какие-то картины, связанные с ней, излюбленные ее словечки — и он никак не мог сообразить, в чем дело. И вдруг понял: все дело в этом проклятом запахе. Рождественский запах, запах увядающей хвои, толстым слоем устилающей ковер, сладковатый, таинственный запах. Пробуждающий столько воспоминаний. Но чем больше Эдди думал о матери, тем более далекой она казалась. Он взглянул на часы. Звонить ей слишком рано. Но он так тосковал по ней, что почти забыл, как она выглядит. Не мог вспомнить ее лицо, как ни старался. Поэтому бросил попытки и написал записку отцу.

Начинала болеть голова, руки дрожали. Мысли переключились на отца, Эдди надеялся, что с ним все будет нормально. Он хотел написать: «Фрэнк, я люблю тебя», действительно хотел. Но почему-то не смог.

В пять тридцать пришло такси, а в шесть

пятнадцать Эдди уже сидел в зале отлета, облокотившись на стол, в окружении аккуратно подстриженных бизнесменов в дорогих костюмах и женщин в элегантных красных платьях и ярко-зеленых пальто.

Когда он дрожащей рукой взял чашечку кофе, официант сочувственно посмотрел на него.

На летном поле в лицо пахнуло запахом моря. Он взглянул на приземистое, круглое, черно-желтое здание Дублинского аэропорта, самого любимого его места во всей Ирландии. Как бы ему хотелось, чтоб сейчас здесь толпились репортеры и фотографы, снимающие его отлет. Хотелось торжествующе, победным жестом вскинуть вверх руку.

— Хорошо провели Рождество? — спросила стюардесса.

— Да, — ответил Эдди, — а вы?

— Тихо-спокойно, — сказала она, — но хорошо.

Она пошла дальше по проходу, предлагая пассажирам конфеты, и спрашивала у каждого: «Хорошо провели Рождество?» Голос ее звучал почти искренне. «Хорошо провели Рождество? Тихо? О да, и я тоже».

Самолет набирал высоту, небо было по-прежнему белым, и там, где пыталось пробиться

солнце, облака чуть заметно золотились. От крыльев самолета валил пар. Эдди пытался читать «Айриш таймс», но глаза слипались. Он заснул воробьиным сном, то и дело просыпаясь, словно от толчка, с ощущением легкой дурноты, когда самолет нырял в воздушную яму и снова выравнивался. Один раз он проснулся, когда самолет лег на крыло, и некоторое время ошеломленно таращился в иллюминатор на пенно-серую гладь воды.

Он попробовал молиться про себя, чтобы его не стошнило, но понял, что забыл слова «Богородицы». Да, подумал он, ну и денек.

За отсутствием гигиенических пакетов, он блеванул в предусмотрительно свернутый кульком номер «Дейли телеграф». Потом снова забылся беспокойным сном. Кто-то укрыл его одеялом.

Эдди проснулся, когда самолет сел в Лутоне. Он быстро спустился по трапу и прошел в зал прилета.

Красивый негр в небесно-голубом пиджаке задал ему несколько вопросов. Безопасности ради, сказал он. Эдди не мог отвести глаз от его пиджака. На нагрудном кармане красовались вышитые золотом буквы «ЛА». Эдди едва не рассмеялся вслух.

Разумеется, «ЛА» означало «Лутонский аэропорт». Не Латинская Америка и не Лос-Анджелес. Лутонский аэропорт находился невероятно далеко от любого из этих мест. Вне всякого сомнения.

Однако шутка вышла забавная, и собственная наблюдательность доставила Эдди удовольствие. Приземлиться в ЛА. Господи Иисусе. Интересно, что скажет об этом Марион.

В «Брайтсайд» Эдди вошел в три часа пополудни. Марион уехала в банк на другом конце города, но оставила Эдди записку у мистера Пателя.

— Она надеялась, у вас не будет особенных проблем с транспортом, — сказал мистер Патель.

Потом заверил Эдди, что очень рад его возвращению и что ему не хватало их разговоров. Эдди поинтересовался, как дела у миссис Патель. Мистер Патель ответил, что все хорошо, правда, ее немного тошнит по утрам, но это в порядке вещей. Он скрестил пальцы на обеих руках — дескать, чур, не сглазить. Эдди спросил, не найдется ли случайно стакана воды; мистер Патель достал два стакана, обнюхал, потом наполнил водой из-под крана.

— Н-да, — сказал он, — я каждый день молюсь за нее.

— Замечательно! — воскликнул Эдди. — Очень за вас рад.

— Да, — кивнул мистер Патель, — это замечательно.

Эдди чокнулся с ним.

— *Она* замечательная, — сказал мистер Патель.

— Да, — ответил Эдди, — точно.

— Нет, — мистер Патель поднял вверх указательный палец, — она замечательная, потому что у нее ребенок. — Он обрисовал руками круглый живот и рассмеялся. — Верно?

— Верно, — кивнул Эдди, — а теперь извините меня, мне надо поспать.

В комнате наверху царила теснота — ступить некуда, сплошь бумаги, счета и прочий мусор. На балконе сушились рубашки и полотенца. Гитара Эдди лежала на столе, а на ней стояла ваза с поникшей геранью. На стуле громоздилась куча раздерганных журналов, рядом валялись ножницы. На стенах появилось еще несколько букв, но комната казалась слишком маленькой и захламленной, так что алфавит не помогал. Теперь даже обоев почти не видно — так, небольшие полоски там и тут. Застывшие жесткие буквы словно высасывали из комнаты воздух и делали ее меньше размером.

Внезапно Эдди охватило странное ощущение. Ни с того ни с сего. Ему было разом и жарко, и холодно. Он вздрогнул. День выдался холодный, но когда он пощупал под мышкой, то почувствовал, что хлопковая ткань рубашки промокла от пота.

Несколько минут он лежал на кровати, надеясь, что не подцепил грипп. Расстегнул рубашку. Потом снова с досадой застегнул.

Он встал и прошелся взад-вперед по ковру, пиная попадавшиеся под ноги вещи. Оглянулся через плечо, шагнул к двери и повернул ключ в замке.

Он расстегнул и снял влажную рубашку. Стянул джинсы вместе с трусами. Скинул ботинки и носки, зашвырнул их в дальний угол комнаты.

Потом потрогал рукой лоб, лизнул кончики пальцев и почему-то ощутил привкус спиртного.

Затем присел на корточки и стал медленно выдвигать ящики платяного шкафа — тихо, словно скрип мог его выдать. Вытаскивая из ящика ее футболки и блузки, он чувствовал себя вором. Прижал к груди ее лифчик и рассмеялся. Среди кружевного нижнего белья, которое она никогда не носила, он обнаружил несколько писем. Одно от управляющего банком, сообщавшего о довольно значительном превышении кредита.

Другое — от ее матери: та выражала надежду, что дела у Марион наладились, и писала, что всем нам приходится превозмогать прошлое и что не все в жизни так ужасно, в ней есть место и для радости.

Почерк у матери и у самой Марион был почти одинаковый.

Эдди перечитал это письмо, пытаясь понять, о чем речь. Долго сидел на кровати, снова и снова пробегая строчки, ища ключ к разгадке. Потом сложил письма и вещи в ящик, не сомневаясь, что Марион все заметит.

Эдди и сам не знал, что ищет.

Он раздраженно поднимал подушки, заглядывал под кровать, шарил рукой по верху шкафа и за батареями. Чего только люди не оставляют в гостиничных номерах, особенно в такой дешевой гостинице, как «Брайтсайд».

Он приподнял матрас. Скопление букв на стене, казалось, наблюдало за ним.

Эдди вытащил из-под матраса папку. Голубую пластиковую папку с надписью «Дорз», накорябанной печатными буквами. Политические заметки Марион. Он рассеянно просмотрел фотокопии каких-то неразборчивых записей, потом взялся за блокнот. На полях неоднократно разны-

ми шрифтами было написано его имя — «Эдди Вираго», затем «Марион Мэнган», затем «Марион Вираго», затем «Эдди Мэнган». Эдди улыбнулся.

В прозрачном карманчике на обложке блокнота лежали еще несколько сложенных страниц. Эдди вытащил их и развернул.

Похоже, какой-то список или указатель, но не алфавитный. Каждая строка, каждый пункт окаймлены неровными черными линиями, словно их вырезали из газеты и приклеили к листку. Имена судей, политиков, полицейских, под именами записаны адреса. Одно или два имени обведены красной ручкой. Против других на полях что-то написано, но так мелко, что Эдди не сумел разобрать. Одно из имен было аккуратно крест-накрест перечеркнуто красным.

Эдди снова улегся на кровать. Прочитал весь документ от начала до конца. Он не впервые видел подобные вещи. Серьезная хреновина.

Луна за окном уже клонилась к закату, утопая в облаках, — красный шрам на плоти неба; облака напоминали багровые кровоподтеки. Буквы на стенах жили своей жизнью, маршировали как безмолвные солдаты. Или выстраивались в ряд как хорошенькие девочки. Эдди лежал на спине, и, когда закрыл глаза, ему померещилось, будто

он видит языки пламени.

Он очнулся, осознав, что кричит и хватается за воздух скрюченными пальцами. Марион была в комнате — сидела у окна, пробуя взять на Эддиной гитаре открытый аккорд. Она мгновенно оказалась рядом с ним. Эдди откинулся на подушку, сердце в груди стучало как бешеное — он прямо воочию видел, как оно пульсирует там внутри, грозит проломить клетку ребер.

— Все в порядке, — сказала Марион, — тебе просто приснился кошмар.

Эдди поднял голову, оглядел комнату. На шкафу стояло ведро, в которое капала вода. Эдди облизнул губы, ощутил на них соленый привкус.

— Должно быть, совесть у тебя нечиста, — улыбнулась Марион.

Эдди снова откинулся назад и закрыл лицо ладонями.

— Нет у меня совести, — сказал он. — Ее удалили хирургическим путем.

— Уже восемь часов, — заметила Марион.

— Ты похудела. Это специально?

— Материалы для моего проекта. — Марион взяла с покрывала папку. — Что ты ожидал найти? Любовные письма?

— Зачем тебе все эти адреса? — спросил Эдди.

— Для моего проекта на вечерних курсах, — ответила Марион, запихивая папку в ящик комода. — Я должна написать всем этим типам и разослать им анкеты.

— И только? — хрипло воскликнул он.

— Эдди, — рассмеялась Марион, — да что с тобой такое?

Она сказала, что рада видеть его дома и по этому поводу приглашает на праздничный ужин. Она нашла новый ресторанчик в конце Монтгомери-стрит; судя по всему, цены там невысокие. Эдди был не в настроении, но она настаивала. Пришлось идти бриться.

— Марион, — сказал он, выйдя из ванной и все еще дрожа, — можно у тебя кое-что спросить?

— Конечно, — с подозрением в голосе ответила она.

Ветер бросал в стекло пыль. Подхваченная сквозняком, какая-то бумажка повисла в воздухе, как на веревочке.

— Извини, что я спрашиваю, — продолжал Эдди, — но думаю, ты должна сказать мне правду.

Марион поднялась, вид у нее был испуганный. Она подошла к столу, вытащила из пачки сигарету.

— Ты можешь спрашивать меня о чем угодно,

Эдди, ты же знаешь. Если ты действительно готов услышать ответ, можешь спрашивать о чем угодно.

Эдди поймал бумажку, положил ее на кровать. Интересно, что именно она имела в виду?

— Я насчет Боба, — сказал он, — знаю, это глупо, но между вами ничего не было, а?

Лицо Марион смягчилось, она улыбнулась.

— Ты правда псих, — рассмеялась она. — Дин Боб для меня слишком хорош. — Она коснулась своей шеи, потом кивнула на Эдди. — У тебя вот тут кровь. Ты порезался.

Десять минут спустя, когда Эдди, лежа на кровати, пересчитывал свои деньги, Марион схватила подушку и прижала к его лицу, хихикая, как ненормальная. Такие у нее были шуточки.

В январе Марион устроилась на полставки контролером в супермаркет «Наварон» на Сайпресс-авеню.

Если ей что и нравилось на новой работе, так это ловить магазинных воров. Не потому, что у нее были садистские наклонности, нет, зачастую она даже их жалела. Но Эдди удивляло, что она считает день удачным, только если ей удается поймать какого-нибудь воришку и заставить его сознаться на глазах у других покупателей.

Поначалу Эдди спорил с ней. Твердил, что любой человек, которого нужда довела до воровства в магазине, заслуживает снисхождения. В том-то и дело, ответила Марион. Если их поймают, то арестуют и посадят в тюрьму. Поэтому так важно остановить их, пока они не совершили преступления. Эдди поневоле признал, что здесь есть резон.

— Беда с вами, с кофейными либералами, — фыркнула она, — вы слишком заняты спасением мира, где уж вам тщательно что-нибудь продумать.

После это стало у них привычной шуткой. Марион приходила вечером домой, и Эдди спрашивал: «Ну как, поймала сегодня кого-нибудь?» Он говорил, что ей нужно рисовать на своей кассе пойманных воришек — маленьких растерянных дамочек с раздутыми сумками в руках, — по одной картинке на каждого задержанного. Со временем шутка привилась, и даже мистер Патель начал говорить:

— Здравствуйте, дорогая; ну как, поймали сегодня кого-нибудь?

В конце концов даже миссис Патель подхватила это словцо, а миссис Патель была отнюдь не говорлива. Марион сказала, что они все завидуют

ей, потому что работа у нее интереснее, чем у них. С этим Эдди не мог поспорить.

В «Б-эн-С» царила полная тоска. В феврале трубы в офисе замерзли, и Эдди сидел в «Аквариуме», дрожа от холода и пытаясь согреть пальцы дыханием. Майлз ходил мрачный. Холод — это кара Господня, говорил он, по крайней мере в отношении «Б-эн-С». Муниципальные работники наверняка начнут забастовку, и повсюду будет полно мусора, но половина автодорог закрыта или вообще стала непроезжей, товар потребителям не доставишь. Майлз целыми днями торчал в офисе и только и делал, что ругался по телефону с чиновниками да кричал на секретаршу.

— Не мир, а сборище идиотов, — говорил он. — Таково мое убеждение.

«Парни» больше не шокировали Эдди. Зато их грубые шутки, костюмы из каталога «Некст» и чудовищные прыщи так его раздражали и утомляли, что ему частенько хотелось просто послать все к черту и уйти домой. Весь день они сидели в офисе, сооружали из скрепок фаллосы, ждали телефонных звонков и состязались, кто громче пукнет. От одного этого на стенку полезешь. Но если на «парней» находил философский стих, жизнь становилась вообще невыносимой.

Однажды, особенно холодным утром, в «Аквариуме» завязался спор о том, была ли принцесса Диана девственницей, когда вышла замуж. Джонни К. утверждал, что не была.

— Послушай, — сказал Кит, — откуда, черт возьми, тебе это известно? Она что, с тобой тусуется или ты успел ее пару раз трахнуть, а?

Джонни К. постучал себя по носу и объявил, что он просто знает это, и всё, из достоверного источника. Кит сказал, что это все туфта.

— Скажешь, к тебе так вот запросто явился какой-то малый и сказал: «Я поимел королеву», а, Джонни? Да «Сан» мигом бы все пропечатала, едрен батон. Пошли бы запросы в парламенте, и все такое.

Эдди сидел в углу, скрестив руки на груди, молча слушал и мечтал поскорее свалить отсюда.

Временами Марион становилась задумчивой и грустной, особенно вечерами, но мало-помалу Эдди научился правильно это воспринимать. Он понял, что, когда она выскакивает из комнаты, крича, чтобы ее оставили в покое, она вправду хочет остаться одна. Марион не отличалась дипломатичностью, и Эдди долго не мог к этому привыкнуть. Девушки, которых он знавал раньше… ну, словом, он не привык, чтобы человек

действительно говорил то, что думает. Получасовая прогулка по Президент-стрит — и Марион совершенно успокаивалась. Эдди сидел на кровати, бренчал на гитаре и ждал ее возвращения. Как только он научился держать язык за зубами, не упоминать ни о чем сказанном во время ссоры, все пришло в норму. Или почти в норму.

Утром в День святого Валентина у них вышел жуткий скандал — из-за того, как лучше варить яйца; в результате Марион ушла на работу, даже не попрощавшись. Днем, в конторе, Эдди хотел было позвонить ей, да гордость не позволила. Домой Марион вернулась поздно, и Эдди уже волновался. Полчаса он вскрывал конверты с анонимными «валентинками», которые послал сам себе, и расставлял открытки на подоконнике. В девять спустился вниз и спросил мистера Пателя, не знает ли тот, где Марион. По выражению лица мистера Пателя он понял, что тому известно об их ссоре. Они уселись в задней комнате и стали смотреть новости, уверяя друг друга, что с Марион все наверняка будет в порядке. Мистер Патель сказал, что женщины — существа эмоциональные и сильно подвержены сменам настроения.

— Их нужно держать на длинном поводке, — сказал он. — Возможно, она пошла повидаться

с подругой.

В одиннадцать вечера Марион все еще не было. Эдди начал расхаживать по коридору, как будущий отец в роддоме, куря одну сигарету за другой. В половине первого она позвонила; мистер Патель поднялся к Эдди и сказал, что у него плохие новости. Марион в больнице.

Они вместе поехали в больницу, опасаясь самого худшего. В такси мистер Патель выглядел куда более испуганным, чем сам Эдди. Он сказал, что, если ей нужно лечение в частной клинике, он может это устроить по своей страховке.

— Я разберусь с этим, Эдди, — твердил он, — не волнуйтесь.

Эдди словно окаменел, не мог вымолвить ни слова. Но в больнице выяснилось, что с Марион все в порядке; она встретила их на лестнице — лицо испуганное, руки забинтованы. Ее одежда почернела от копоти и обгорела, волосы на лбу слиплись от пота. Едва увидев Эдди и мистера Пателя, она бросилась к машине и разрыдалась. Она крепко обняла Эдди, а мистер Патель обнял их обоих, похлопывая по плечам. Он сказал, что все будет хорошо.

А случилось вот что: во время обеда Марион пошла купить себе сандвич. Ее коллега Мьюриел

задремала в комнате для обслуживающего персонала, и тут начался пожар. Поскольку же был обеденный перерыв, никто ничего не заметил. Должно быть, виной всему непотушенная сигарета. Так предположил мистер Патель.

— Когда я вернулась, она была в огне, — хихикнула Марион. — У нее одежда горела на спине, и я стала ее тушить.

Она все еще была в легкой истерике и, беспричинно смеясь, рассказывала:

— Мьюриел сказала: «Я горю», прямо так и сказала, и все повторяла и повторяла эти слова.

Марион не должна думать об этом, сказал Эдди. С Мьюриел наверняка все обойдется.

— Нет, — возразила Марион, — вряд ли. Они сказали, что ей придется провести в больнице несколько недель.

Когда Эдди сказал, что Марион не должна себя винить, она посмотрела на него как-то странно.

— А я себя и не виню. Мьюриел погибла бы, если б не я.

Мистер Патель сказал, что это правда и что Марион может собой гордиться. Она опять засмеялась, а потом вдруг притихла.

Той ночью Марион так и не уснула. Сидела у окна, читала при свете уличного фонаря, смотрела

на улицу. Когда в семь утра Эдди проснулся, она по-прежнему сидела там, обнаженная, а рядом на подоконнике стояли чашка кофе и пепельница, полная окурков. Глаза у нее были темные-темные. На столе высилась дюймовая стопка вырезанных букв. Марион казалась ужасно худой.

Эдди взял несколько дней отпуска, чтобы ухаживать за Марион. Ведь она явно испытала сильное потрясение. Два дня она пролежала в постели при задернутых шторах — без конца курила и пила дешевое вино. Эдди сказал, что вообще-то стоило бы поберечь себя.

— Это тебе отнюдь не на пользу, правда, — говорил он.

Но Марион не слушала. Твердила, чтобы Эдди прекратил свои нравоучения, что он ее достал. Если ему охота читать лекции, пускай убирается в паршивый университет, а ее оставит в покое. Когда Эдди пытался ее обнять, она недовольно морщилась. Он приносил ей сандвичи, но она к ним даже не притрагивалась.

В скором времени Эдди написал две песни. Одна называлась «Старина Раз-Два», вторая — «Восковой человек». Он сыграл обе песни Марион, чтобы немного взбодрить ее, и она сказала, что ей нравится. Эдди попросил ее быть совершенно

честной. Она повторила, что песни вправду хорошие. Он настаивал: мол, пусть она скажет все как есть, он поймет.

— Хорошо, — сдалась она, — они мне нравятся, но не слишком.

В результате они опять поругались.

Эдди сказал, что по горло сыт ее манерой внушать ему неуверенность в себе. Интересно получается: он все время должен ей помогать, а когда сам нуждается в капельке утешения и успокоения, она ему отказывает. Марион неподвижно сидела в постели, положив забинтованные руки перед собой на подушку, закрыв глаза.

— Неужели ты не понимаешь, почему я с тобой не откровенна? — очень спокойно проговорила она. — Неужели не понимаешь?

Позже они простили друг друга. Впервые за несколько недель занялись любовью, но что-то было *иначе,* и не потому, что Марион берегла больные руки. Потом она встала и пошла вниз, на кухню. Дескать, хочет проверить, выключена ли духовка. Ей показалось, что пахнет гарью. Она просто уверена. Эдди сказал, что сам пойдет проверит, но она воспротивилась; накинула его рубашку и спустилась вниз. В пятый раз с тех пор, как случился пожар. Вернулась она со стаканом

молока.

— Никогда не знаешь, что может случиться, — шептала она во сне. — Нас так мало разделяет…

Для репетиций «Жриц меда» Клинт нашел гараж — холодный, с бетонным полом. В гараже пахло заплесневелым ковром и аккумуляторной кислотой, а на дверях красовались расистские граффити. Располагался гараж в переулке на задах Грейз-Инн-роуд, а принадлежал он глухому дядюшке Клинта. Сыро, акустика как в водолазном колоколе, но по крайней мере не надо платить за помещение и репетировать можно сколько угодно. Ударные всегда звучали слишком громко, усилитель был плохонький, поэтому звук дребезжал и временами истошно фонил. Микрофон тоже отсутствовал — он был им не по карману, — и чтобы перекрыть грохот сопровождения, Эдди надрывал глотку до хрипоты.

Все Рождество Джинджер репетировала как сумасшедшая. Она позаимствовала несколько басовых пассажей из записей «Баззкокс», но до виртуоза ей по-прежнему было далеко. Правая рука у нее ни к черту, дергает струны так, будто скребет ногтями зудящее место. Левая — неуклюжая, пальцы обхватывают гриф будто шею животного, которого она вознамерилась при-

душить.

За это время все кое-что написали и теперь демонстрировали свои опусы с гордостью скульпторов Возрождения, открывающих великие монументы. Один Эдди не спешил показывать другим свои творения.

— Я пока не готов, — сказал он, — в искусстве торопиться нельзя.

Брайан объявил, что не терпит Джинджер, так как музыкант из нее никудышный. На самом деле он не терпел ее потому, что кто-то ему сказал, будто она лесбиянка. Клинт заметил, что ничего против лесбиянок не имеет.

— Если уж на то пошло, — сказал он, — это моя любимая фантазия: две женщины вместе.

По его мнению, сказал Эдди, это все-таки не самое лучшее.

Игра «Жриц меда» напоминала попытку выразить их общее представление о музыке. Делали они все вроде бы правильно, но выходило что-то не то. Не клеилось, и все тут — как туманно выражался Клинт: «Если не клеится, студня не будет». Начать с того, что с ритмом у них всегда был легкий разброд. Из-за Брайана. Музыкальный слух у Брайана точь-в-точь как у Ван Гога. Когда Клинт сказал об этом, Брайан радостно ответил: «Вот

здорово, спасибо, Клинт», словно комплимент услышал. Иногда Эдди приходилось откладывать свою гитару, становиться возле Брайана и с видом средневекового мученика отбивать щеткой ритм по его высокой шляпе, считая при этом вслух.

Марион обещала организовать им выступление в «Гордости Эрина». Конечно, если они хотят. Одна из ее кошмарных подруг встречалась с Шеймусом Маллиганом, помощником управляющего. «Славный Шеймус», как он себя называл, занимался наймом музыкальных групп. Обычно в пабе играли традиционный джаз или кантри, но для разнообразия могут выступить и «Жрицы».

— Они всегда ищут таких, кто берет недорого, — сказала Марион.

Эдди послал Славному Шеймусу свою запись. Однажды вечером тот позвонил ему и сказал, что, честно говоря, музычка хреновая, совершенно не в его вкусе, слишком заковыристая, но в принципе он может устроить им выступление перед «Ольстерскими псами» через две недели. Эдди согласился, дескать, мы люди не гордые.

— Само собой, — рассмеялся Шеймус, — на безрыбье и рак рыба. Все по-честному.

Когда Эдди рассказал об этом своим ребятам, мнения немедленно разошлись. Брайан считал,

что они совершенно не готовы выступать на публике. Эдди доказывал, что «Гордость Эрина» не Медисон-Сквер-Гарден[44] и что нужно с чего-то начинать. Клинт сказал, что ему нечего надеть. Из всей компании только Джинджер считала, что выступить стоит.

— Черт побери, — воскликнула она, — почему бы нет!?

Доводов против было предостаточно, но Эдди гнул свою линию с упорством твердолобого сталиниста.

— Пришло время, — говорил он, — пнуть кое-кого под зад.

На день выступления Эдди отпросился с работы. Майлза это не особо обрадовало. Он посетовал, что уровень работы Эдди падает быстрее, чем штаны у комика, не мешало бы призадуматься. Эдди пообещал, что так и сделает.

— Дай мне передышку, Майлз, — сказал он. — У меня в последнее время была куча личных проблем.

Майлз покачал головой и раздраженно кивнул на дверь.

— Видишь ее, Эдди? — спросил он. — Вот

---

[44] Примечания: 44

Медисон-Сквер-Гарден — большой спортивно-концертный комплекс в Нью-Йорке.

там надлежит оставлять личную жизнь, когда входишь сюда. — Работа, добавил он, это не какие-нибудь ковбойские похождения. Эдди сказал, что все понимает и больше такое не повторится.

Он встретился с Клинтом на автостоянке у «Гордости» в четыре часа, ведь надо собрать аппаратуру. Ради такого случая Клинт взял у приятеля своей соседки почтовый грузовичок. Увидев динамики, Славный Шеймус встревожился.

— Вам правда никак нельзя без этого? — спросил он. — Мы обязаны соблюдать ограничения, установленные городским советом, местным советом и так далее и тому подобное, понимаете?

Эдди обещал, что децибелы будут на разумном уровне.

— Да уж, — сказал Шеймус. — Имейте в виду, если бы мы хотели, чтобы у нас тут выступали «Роллинг стоунз», мы бы им и позвонили.

Похоже, он счел это удачной шуткой.

Сцена состояла из множества перевернутых вверх дном пластиковых ящиков от пива, под огромным зеленым пластмассовым трилистником, который засветился, когда Славный Шеймус повернул выключатель. Эдди и Клинт целый час подключали аппаратуру, время от времени говоря друг другу: «Дай мне уровень!» — и изо

всех сил стараясь создать впечатление, что оба знают, что делают. На стене красовалось большое объявление, кельтским шрифтом: «НИКАКИХ НАРКОТИКОВ!»

Марион пришла в паб прямо с работы и села в углу, потягивая апельсиновый сок и наблюдая, как Эдди и Клинт проверяют звук. Она опять была в каком-то странном настроении. Эдди то и дело спрашивал ее, не добавить ли низких или высоких частот, пока она не заявила, что вообще не понимает, о чем он говорит. Клинт спросил: а что, она — девушка Эдди? Да, вроде того, ответил Эдди. Клинт, похоже, хотел сказать какую-то гадость, но передумал.

— Ничего себе. — Он пожал плечами.

Постепенно начали подходить друзья Марион. Вернее, подруги. Все из Донегола. Она знакомила их с Эдди, хотя он почти всех видел раз-другой, только имен не помнил. Они таращились на его прическу.

— Значит, ты и есть знаменитый Эдди Вирого? — поинтересовалась Анджела.

— Да, — сказал Эдди, — он самый.

Анджела сказала, что как-то раз видела фотографию Эдди.

— На ней ты выглядел фальшивым, как ино-

странец, — хихикнула она и повторила, — фальшивым, как иностранец. — Потом заговорила о собственной прическе. Наверно, стоит высветлить некоторые пряди.

Джинджер и Брайан явились в семь, оба сильно нервничали. Брайан вытащил из такси свои инструменты и, потея, поволок в «Гордость».

— Почему, черт подери, я не выбрал флейту? — пробурчал он.

Джинджер бродила по танцевальной площадке, словно что-то разыскивала. Потом Славный Шеймус проводил их в гримерную — небольшую пристройку на заднем дворе, стены которой были сплошь в лозунгах ИРА.

Эдди немного выпил с Марион и ее подругами, но они все время говорили о том, что делается «там, дома», и ему было нечего сказать. Он попытался поговорить об их работе, узнать, чем они занимаются. Мэй Роуз постоянного места не имела. Анджела была страховым агентом, Бриджет работала ассистентом в единственной на весь Лондон аптеке, не торговавшей презервативами. Все они обсуждали баллибраккенского учителя по имени Максуэлл, от которого забеременела очередная шестиклассница.

— У тебя с ним тоже кое-что было, — сказала

Анджела, глядя на Марион.

— Да не было ничего, врешь ты все! — Марион покраснела и украдкой покосилась на Эдди.

— А вот и было, — ответила Анжела, — в тот вечер, на свадьбе у Мэри О'Коннор. У меня есть фотографии, я могу доказать.

В гримерной Клинт втиснулся в узкие кожаные брюки. Джинджер, одетая в тонкое коктейльное платье, дрожала в углу, сжимая пальцами виски: «настраивалась». Брайан был в бермудах и белой футболке; за отворот рукава он запихнул пачку «Мальборо», явно подражая Джеймсу Дину.

— Брайан, — сказал Эдди, — ты же не куришь.

Брайан сказал, что это ради имиджа.

Они составили программу и выкурили несколько косячков. Клинт все время настаивал, чтобы они спели его последнюю песню — «Чей ты пес?». Он упорно не отступался от этой идеи, как бы ни возражал Эдди.

— Давайте? — твердил он. — Ну правда, ребята, давайте?

Беда в том, что «Пес» не всем им нравился. Эдди сказал, что песня не слишком оригинальна и что он не понимает слов. Брайан считал, что она точь-в-точь как все песни, какие поют мелкие начинающие группы, но, если остальные согла-

сятся, он возражать не будет.

— Ну ладно, ребята, — умолял Клинт, — я знаю, вещица не такая уж классная, но давайте все-таки сыграем, а? Просто так?

Джинджер пожала плечами.

— Ладно, — сказал Эдди, — давайте. — И внес «Пса» последним в список.

— Только не очень громко, — умолял Славный Шеймус, перед тем как они вышли на сцену. — Серьезно, парни, я за это башкой отвечаю!

Они стояли возле сцены, и Клинт беззвучно, словно молитву, повторял: «Рок-н-ролл, рок-н-ролл…» Шеймус предупредил, что «Ольстерские псы» начнут в восемь тридцать, так что к восьми пятнадцати «Жрицы меда» непременно должны убраться со сцены. «Псы» — настоящие профессионалы и весьма щепетильно относятся к таким вещам.

Славный Шеймус в пиджаке из серебристого ламе стоял на сцене, перебрасывая микрофон из одной руки в другую, и слегка нервничал. Он пощелкал по микрофону, а когда дунул в него, звук был такой, словно в паб ворвался ураган.

— Господа, леди и джентльмены, — начал он, — как вы все знаете, здесь, в «Гордости», мы постоянно ищем молодые таланты, за которыми

будущее, и многие из них впервые выступали именно здесь — целая галактика новых звезд, включая Большого Боба и его «Бродяжек». — Шеймус зажал микрофон под мышкой и несколько раз хлопнул в ладоши; зал зааплодировал. — Однако сегодня вы услышите кое-что новое, из области поп-музыки, новую талантливую группу, которая обещала быть не слишком громкой, хи-хи-хи, поприветствуем их… — Шеймус глянул в бумажку, которую держал в руке. — Эдди Вираго и «Жрицы меда»! — Он сунул два пальца в рот и пронзительно свистнул.

Клинт посмотрел на Эдди.

— *Эдди Вираго* и «Жрицы меда»? — спросил он. — С каких это пор?

Эдди пожал плечами.

— Ошибка, — прошептал он. — Не обращай внимания, пошли скорее.

Когда они начали, в пабе было человек пятнадцать. Семерых Эдди знал лично. Кроме них, тут были босс Брайана, брат Клинта и кузен Джинджер. И еще пятеро незнакомцев.

Брайан отстучал палочками приветствие. Они начали с «Отбросов разума» — написанной Джинджер псевдохипповой композиции, которая изобиловала басовыми аккордами, странными

гитарными шумами и минорными квинтами. В идеале композиция должна была заканчиваться тем, что в стене пробивали дыру гидравлической дрелью, однако управляющий «Гордости» и слышать об этом не пожелал. Джинджер настояла, чтобы Славный Шеймус лично обсудил с ним этот вопрос, на всякий случай. Но в пабе только что сделали ремонт, и управляющий остался непреклонен. Композицию сопровождала запись заголовков теленовостей и фрагментов рекламы. Иронический обзор опасностей западной цивилизации — по крайней мере, так объясняла Джинджер. Поскольку же в бар постоянно заходили новые люди, аудитория вряд ли осознала глубокий смысл происходящего.

— А из «Погиз» что-нибудь знаете? — крикнул кто-то из зала.

— «Кристи»! — раздался другой голос. — «Спансил-Хилл», «Винтовки ИРА»!

Во время брайановского «Экстренного выпуска» послышались первые редкие хлопки — это была единственная песня, стилистикой напоминающая кантри. Джинджер пела на удивление хорошо, закрыв глаза, сжимая стойку микрофона так, словно могла упасть, если б отпустила ее.

Экстренный выпуск —

Новости в свет.
Ты покинул город,
Сомнений нет.

Эдди и Клинт, зажав уши пальцами, попытались подпеть на два голоса, но в конце концов сбились, и Джинджер взглядом попросила их замолчать. Соло Клинта пошло чуть в разлад с основной мелодией, но каким-то чудом в конце он вернулся в соль-минор, как раз в тот момент, когда вступил хор.

Колонки сплетен
Все больше и больше.
Мы проданы, детка.
Мы — старая новость.

Когда Джинджер закончила, Брайан исполнил короткую коду на ударных. Подружки Марион разразились приветственными криками. Джинджер поклонилась — слишком неловко, подумалось Эдди.

— Добрый вечер, — сказал Эдди. — Мы — «Жрицы меда».

Удивленный звуками собственного голоса в микрофоне, он отступил назад и рассмеялся.

Зал мало-помалу наполнялся. «Медисон-блюз»

вышел неплохо. Но «Плач по любви» Игги Попа они запороли, пришлось даже остановиться и начать заново; на сей раз даже подружки Марион не аплодировали. Эдди сыграл соло песню Брайана «Страх свободы» — получилось немножко лучше. Слушатели, по всей видимости, решили, что это песня протеста. Троица каких-то крутых парней в заднем ряду хлопала, явно потешаясь над Эдди, который яростно выкрикивал текст. Потом подключилась остальная группа, и Клинт тут же с энтузиазмом начал вступление к «Чей ты пес?».

— Давай, Эдди, — крикнул он, прыгая по хрупкой сцене, — покажи им!

Эдди шагнул к микрофону, чувствуя, что нервы натянуты как гитарные струны, и запел:

Иногда. Иногда. Иногда.
Я хотел бы стать террористом —
Там, далеко за морем,
С нейтронной бомбой
И пушкой калибра сорок семь,
Чтобы видели все.

Я проехал бы берегом рек,
По долинам прошел бы мой путь,
Под солнцем в зной.

По утрам весной,

Сквозь метели, снег и дожди…

Клинт был в экстазе. Он беззвучно произносил слова и лупил по струнам, морщась от боли, когда они резали ему пальцы. Джинджер покачивалась из стороны в сторону, на вид спокойная и равнодушная. Брайан бил в барабаны, так что содрогалась вся сцена. И внезапно, посреди песни, произошло что-то странное. Эдди увидел, что слушатели смотрят на него. Шум голосов стал затихать. Эдди словно бы только что проснулся. Он слышал, по-настоящему слышал гул барабанов за спиной и лязг тарелок, эхом отдающийся в зале. Басы Джинджер дрожью пронизывали его позвоночник. Краем глаза он видел Клинта, шаманствующего с гитарой. Похоже, клеится! Музыка подняла Эдди, захватила. Он видел Марион, которая чуть покачивалась из стороны в сторону. Сглотнул, запрокинул голову, закрыл глаза. «Вот оно, черт подери, — думал он, — вот!..» Он выталкивал слова из горла сквозь стиснутые оскаленные зубы, будто и впрямь понимая, что они означают:

Я не стану псом для порядочных граждан,

Не стану псом ЦРУ,
Фальшивым камнем,
Славным болваном.
Создающим героев времен героина.
Я не стану псом для хозяев пентхауза,
Не стану псом Пентагона,
Откапывающим из грязи
Любовные связи, —
Не стану псом микроволновых банд…

Высокие ноты брызгами сыпались из-под пальцев, низкие звучали грозным, мрачным рыком. Пальцы скользили по ладам вверх-вниз, струны гудели, трепетали, высокие ноты срывались на визг. Он чувствовал, как кровь пульсирует в жилах. Гремели барабаны Брайана, в финальном хоре сплетались голоса Клинта и Джинджер:

Пес отыщет иглу в стоге сена,
Пес с победной улыбкой героя.
Ложь таится в правдивых лицах:
Позвони Иуде, записывай номер.

Неужто можно только молчать? —
Я себе задаю вопрос.

Я только одно хочу узнать:
А ты чей пес?

Концовка в стиле «хэви метал» захлестнула зал дробью барабанов и воем гитар. Когда все кончилось, слушатели будто обезумели: они аплодировали, кричали, требовали петь еще. Марион вскочила на ноги и пронзительно свистела, сунув пальцы в рот. Многие топали ногами в такт. За стойкой бара Славный Шеймус поднял стакан, приветствуя музыкантов. Эдди стоял не шевелясь и чувствовал, что вот-вот расплачется.

Они еще раз проиграли весь репертуар; потом Клинт выдернул шнур из сети и сказал, что останавливаться надо, пока они «на гребне». Брайан бросил в зал барабанные палочки. В гримерной все четверо обнялись.

— Потрясно! — гудел Брайан. — Полный улёт!

Джинджер и Клинт откупорили бутылку текилы. Эдди сидел, обхватив голову руками, улыбался и думал только об одном: если б здесь были Дин Боб и Дженнифер. Если б они видели все это.

Потом они вышли в зал и сели за столик к Марион и ее подругам. Джинджер выглядела, как никогда, спокойной и умиротворенной. Анджела сказала ей, что она выступила классно.

— Мне эта песня больше всех понравилась, — сказала Анджела, — та, которую пела ты.

Джинджер сказала, что песню сочинил Брайан, так что хвалить надо его. Нет, главное, как Джинджер это спела, ответил Брайан. Клинт, уже под градусом, объявил, что они все выступили клево.

Марион стиснула руку Эдди и сказала, что он был выше похвал.

— Я просто ушам своим не верила, — сказала она. — Ты вправду был очень хорош.

Эдди ответил, что ничего удивительного здесь нет. Марион протянула ему кассету. Мэй Роуз все записала. Эдди пустил вокман по кругу, и они все по очереди прослушали запись, завороженно улыбаясь. Брайан щелкал пальцами в такт. Клинт выглядел так, будто вот-вот умрет от счастья.

Через полчаса паб загремел приветственными криками, свет погас.

— Господа, леди и джентльмены, — объявил Славный Шеймус, — настало время главного события. Приветствуйте в «Гордости Эрина», — тут Славный Шеймус вильнул бедрами, — знаменитых «Ольстерских псов»!

Зажглись огни, трилистник вспыхнул зеленым, по периметру сцены засветились оранжевые и белые неоновые лампы. Громыхнули аплодис-

менты. Прямо как взрыв.

«Ольстерские псы» оказались двумя мужчинами средних лет, с усами, в одинаковых аранских свитерах. Ударник выглядел как персонаж ролика о вреде курения — серое, худое и печальное лицо, кожа маской обтягивает череп. У него была изрядная лысина, но с одного боку он отрастил длинные рыжеватые волосы и прикрывал ими лысину. Жуткое зрелище. А когда он встряхивал головой и волосы спадали на ухо, вид был вообще страшный. Каждый раз, когда такое случалось, он прерывал игру, поправлял прическу.

Второй парень играл на электрооргане со встроенным «шагающим басом». Этот толстяк носил белые туфли из искусственной кожи и облегающие белые брюки, из которых свешивался живот.

— Добрый вечер, Килбурн, — рявкнул он после первого номера программы, — рад вас всех видеть снова.

На сцену принесли кружки с пивом.

— Отлично, — сказал клавишник, — брось еще монетку в музыкальный автомат. — После каждой шутки следовала короткая барабанная дробь и звон тарелок.

— Хотите хорошую штучку? — осведомился

толстяк. — Про то, как Пэдди идет в Донеголе по дороге, а? — Марион и ее подруги весело завопили. — Так вот, догоняет его на машине англичанин…

Снова крики и шиканье.

— Англичанин притормаживает и говорит: привет, Пэдди, как проехать в Донахади? А Пэдди отвечает: господи Иисусе, откуда вы знаете мое имя, сэр? Англичанин на это: я угадал, Пэдди, угадал. Тогда, говорит Пэдди, думаю, вы и дорогу в Донахади угадаете.

Снова барабанная дробь и хохот.

Группа сыграла вступление, которое толпа встретила радостным ревом.

Теперь зал был набит до отказа, гудел ирландским акцентом. Жаркий воздух насыщен запахом пота и табачным дымом. Джинджер с трудом протолкалась к бару. Небритые мужчины в джинсовых куртках ходили между столами, продавая «Республиканские новости» и «Ирландскую борьбу». Назойливые девицы в кожаных жакетах собирали деньги «для движения». «Ольстерские псы» пели:

Англия, твои грехи преследуют тебя,
Зерна ненависти посеяны,

Отважные сыны Ирландии с оружием в руках

Отправят тебя домой.

Голоса раскатывались по залу, отбивались от стен. За стойкой Славный Шеймус размахивал сжатым кулаком и подпевал, закрыв глаза, прижав ладонь к груди, к сердцу.

Когда девушки, собиравшие пожертвования, подошли к их столику, Эдди был единственным, кто не внес свою лепту. Клинт с Брайаном и те что-то дали. Все промолчали, но Эдди чувствовал их взгляды.

— Разве ты не один из нас, Эдди? — наконец спросила Анджела. — Разве ты не гордишься борьбой своей страны?

Марион велела ей заткнуться.

— Не сегодня, — устало обронила она, — пожалуйста.

Конец ее фразы утонул в оглушительных аплодисментах. Эдди сказал, что об этом они поговорят позже.

— Просьбы есть? — донеслось со сцены.

— Отвали! — крикнул кто-то из темноты, и зал грянул хохотом.

— Сиди на месте, а я включу в сеть аппара-

туру, — сказал клавишник. Снова лязгнули тарелки.

Мэй Роуз спросила, не хочет ли Эдди выпить. Он ответил, что не отказался бы от текилы, и девушка взглянула на него с явным презрением.

«Ольстерские псы» сыграли «Брусничный холм», «Дэнни-бой», а затем — «Одна ночь с тобой» Элвиса Пресли. Потом на электрооргане случайно включился регистр румбы, и румба звучала все время, пока «Псы» играли «Молли Малоун».

Посреди песни Эдди почувствовал, как кто-то хлопнул его по спине, и, обернувшись, увидел очень толстого человека со вздернутым носом, невыразительными унылыми глазами и дряблым лицом. Волосы, подстриженные коротким военным ежиком и осветленные до белизны, странно контрастировали с черными бровями. На нем был черный пиджак из грубой ворсистой ткани, ярко-красный жилет и узкие брюки под леопарда. В ушах красовались сережки в форме попугаев.

— Ты — Эдди? — спросил человек высоким, бабьим голосом, заметно окрашенным лондонским просторечием.

— Возможно, — ответил Эдди. Клинт и Брайан

закатили глаза. Анджела и Мэй Роуз захихикали.

— Та-ак, — сказал толстяк, — что ж, тогда, возможно, я сделаю тебе одолжение, Эдди.

— Да? — сказал Эдди. — Я всегда готов.

— Меня зовут Джейк, — сказал тот, усаживаясь на стул, который был явно маловат для его туши, — так и говори. Джейк. Лайам? — Он щелкнул пальцами, подзывая официанта. — Напитки на этот столик.

Джейк заказал выпивку всей компании. Он слышал их выступление и пришел в восторг.

— Полный отпад, — сказал он. — Охренеть можно. «Иисус и Мария Чейн», плюс Дилан, плюс я не знаю кто… Стравинский, черт подери, или еще кто из классиков.

Когда Марион вернулась из туалетной комнаты, Джейк представился ей.

— Джейк Маллан, — просиял он, — «Моторватин менеджмент продакшнз». Уверен, вы будете просто великолепны.

— Это точно, — сказал Эдди, — мы такие и есть.

У Джейка был обширный опыт работы с ирландскими музыкантами, начиная с бедолаги Фила Лайнотта и «Тин Лиззи» и даже еще раньше. Он ездил вместе с «Лиззи» в Штаты во время его первого турне.

— Боже мой, — вздохнул он, — я мог бы столько порассказать вам об этом парне, о его комнатах в мотелях — кровать от стены до стены…

Потом он работал с «Радиаторами», «Бумтаунскими крысами», «Человеком-грузовиком», «Бензином», Крисом де Бургом и прочими ирландскими ребятами. Он прекрасно знал ирландскую сцену и постоянно разъезжал по стране в поисках новых групп.

— Мистер Шам Рок — это я, — говорил он. — Знаете Хеджа? Ну, который из «Ю-ту»?

Эдди сказал, что знает, но не очень хорошо. Джейк кивнул и расплылся в ухмылке.

— Обожаю этого парня! Красавец, я серьезно, и дети у него чудесные. А что до его супруги… — Тут Джейк прикрыл глаза и покачал головой, словно у него не было слов описать ее прелести. — Живая куколка, — наконец сказал он, — и настоящая леди. Трижды леди — вы понимаете, о чем я? Высший класс!

Джейк был до того жирен, что задыхался чуть не на каждом слове, и потому постоянно делал паузы. Руки его все время двигались — сжимались, указывали, что-то подсчитывали на пальцах, барабанили по столу. Чтобы перекрыть «Ольстерских псов», он поневоле кричал и сказал, что

хочет поработать с Эдди и другими парнями.

— И с вами тоже. — Он кивнул в сторону Джинджер. — По-моему, у вас действительно стоящие вещи, понимаете? Серьезный потенциал, я все время об этом говорю. Но вам нужна помощь.

Джинджер и Брайан о чем-то ожесточенно заспорили в углу.

— Как в этой последней вещи, — продолжал Джейк, — вам нужно нечто большее, понимаете? Тогда все будет тип-топ…

Эдди попросил его перейти к делу. Брайан положил ладонь на руку Джинджер и что-то шепнул ей на ухо. Она засмеялась.

В основном Джейк хотел денег. Он сказал, что за сотню может в конце следующей недели устроить им встречу с одной крупной компанией. Сотня на стол, а если не выгорит, деньги назад. Никаких вопросов, никакого вранья.

— У меня тоже есть расходы, понимаете? Как в песне поется — «Если хочешь иметь со мной дело…».

Эдди посмотрел на остальных:

— Давайте решать, ребята, не тяните кота за хвост.

Джинджер высказалась скептически:

— Почем нам знать, что вы нас не кинете?

Джейк ответил, что Джинджер сама может кинуть его в любой момент, потом засмеялся и добавил, что пошутил.

— Честно говоря, дорогуша, я тебя понимаю.

Он дал им свою визитку и сказал, что они могут позвонить ему в офис когда угодно, и он сразу же вернет деньги. Честнее уже некуда, верно?

— Кладите сюда капусту, — сказал он, протягивая листок бумаги, потом виновато посмотрел на Джинджер. — Я прошу прощения, — добавил он, — не слушайте меня, хорошо? Я ничего такого не имел в виду…

— Капусту? — переспросил Клинт.

— Капусту и патиссон, — сказал Джейк. — В смысле ваш телефон.

— Что думаете, народ? — спросил Эдди.

— Не знаю, Эд, — с сомнением проговорил Брайан, — правда не знаю.

— У меня все по-честному, ребята, — сказал Джейк, — кого угодно спросите. Джейк Маллан — человек слова, это чистая правда.

— Хрен с ним, — заявил Клинт, — давайте рискнем.

— Никакого риска, парень, — сказал Джейк, — вам светят хорошие времена.

У Клинта нашлось двадцать фунтов. Эдди занял

двадцатку у Марион. Это было все, что они могли набрать. Анджела сказала, что сбегает снять деньги с кредитной карточки. Марион велела ей не глупить, но Эдди возразил, что это было бы прекрасно, если, конечно, сама Анджела не против.

— Не против, — ответила та, — даже если ты стопроцентный британец.

Джинджер сказала, что она не в восторге от этой идеи, но подчинится демократическому решению.

— Тссс, — шикнула Мэй Роуз.

«Псы» собирались исполнить ирландский гимн. Джейк встал вместе с остальными, склонив голову и заложив руки за спину. Текст был ирландский, так что Эдди его не знал. Мэй Роуз пела высоким визгливым голосом. Анджела вернулась с деньгами.

На автостоянке Эдди помог Джинджер и Брайану погрузить инструменты в фургончик. Джейк наклонился завязать шнурки своих фиолетовых башмаков и сунул в них деньги. Потом еще раз извинился перед Джинджер за свою шутку.

— Ничего не могу с собой поделать, — сказал он, — я пошляк. Такой уродился.

Джинджер сказала, что на первый раз прощает.

— Ладно, ребята, — бросил он перед тем, как уйти, — скоро увидимся.

— Все в порядке, Джейк, не пропадай — попрощался Брайан. Прозвучало это фальшиво.

— Хорошо. — Джейк изобразил, как набирает номер телефона и снимает трубку. — Не пропадайте, ждите звонка.

Перед тем как сесть в машину, он одернул штаны, застрявшие между внушительными ягодицами.

— Странный парень, — сказала Джинджер.

Славный Шеймус, уже без серебристого пиджака, выбежал из паба, как раз когда «кортина» Джейка выруливала со стоянки. Речь шла о выпивке. Тринадцать порций, которые заказал их приятель со смешной стрижкой. Шеймус держал счет двумя пальцами. Надо заплатить, сказал он. Лично он простил бы им долг, но босс в таких вопросах тверд как кремень. Бумажка в его руке хлопала на ветру. В своем джемпере он был похож на Невилла Чемберлена.

Эдди с тяжелым сердцем проводил взглядом исчезнувший за оградой автомобиль.

Марион сказала, что сегодня они видели Джейка в последний раз. И свои деньги тоже. Эдди проигнорировал ее слова.

— Будем должны, — сказал он.

Джинджер и Брайан на заднем сиденье фургончика засмеялись и обнялись. Славный Шеймус принялся закатывать рукава. Ничего смешного тут нет, сказал он.

Прошла долгая неделя, Джейк не позвонил. Дважды в день Эдди справлялся у мистера Пателя о звонках: вечером после работы и утром перед работой. Марион откровенно насмехалась и твердила, что Эдди не мешало бы почаще слушать ее.

— Этот парень мошенник, — смеялась она, — каждому понятно. Только не тебе.

Эдди отвечал, что Марион недостает веры в человека; да, говорила она, в особенности когда речь идет о чужих деньгах. Тем паче о деньгах ее подруги.

Но когда Эдди уже почти отчаялся и, забыв о гордости, готов был свалить всю вину на Клинта и Брайана, Джейк наконец позвонил. А спустя несколько дней заехал в «Брайтсайд» кое-что обсудить.

О сотне фунтов поначалу не упоминали, когда же Эдди собрался с духом и спросил, Джейк сказал, что он совершенно справедливо вспомнил о деньгах, но бояться нечего, дела уже идут, и неплохо. Ничего определенного, правда, пока нет,

но шестеренки уже завертелись. Все это долгий процесс, сказал он. Не стоит опережать события. Но Эдди ждет блестящее будущее, действительно блестящее, он вполне уверен.

— Знаешь, старик, — сказал он, — как в песне поется: блеск впереди слепит глаза, нужны очки от солнца. Верно?

Джейк сказал, что дал прослушать запись кой-каким очень влиятельным людям, своим близким друзьям, и они в целом одобрили. Такова хорошая новость. Но эта ситуация — как «инь — ян». Есть и плохая новость. Эдди не миновать некоторых жестких решений.

— Рок-н-ролл, — с философской улыбкой заметил Джейк, — это не только девчонки и «кадиллаки», понимаешь? Не только мечты, Эд, но и бизнес.

Эдди ответил, что ему это известно.

Джейк заявил, что окружающий мир — джунгли, где кишат алкоголики, развратники, неврастеники, психопаты и примадонны, и что Эдди необходима такая акула, как он, Джейк, чтобы держать барракуд на расстоянии. Вот он и хочет спросить Эдди кое о чем. Напрямик, без обиняков.

— Ты верный человек, Эдди? Ты верен людям?

Эдди ответил «да», и Джейк одобрительно кивнул:

— *Moi aussi*[45]. Неверность и предательство не для меня, Эдди, но нужно посмотреть правде в глаза…

Эдди спросил, что Джейк имеет в виду. Собственно, он потратил целых полчаса, пытаясь выяснить у Джейка, к чему тот клонит, и толком ничего не добился. Джейк жонглировал словами не хуже иного политика.

— Понимаешь, — наконец произнес он, — верность — мое второе имя, Эд, так-то вот. — Он поднял два пальца в знаке победы. — Джейк Верность Маллан — это я. Спроси кого угодно в нашем бизнесе.

Эдди ответил, что это он знает. Улыбка застыла на дряблом лице Джейка, как приклеенная.

— Все дело в Джинджер и остальных, — сказал он. — Я имею в виду, они отличные ребята, не пойми меня превратно…

Эдди вставил, что и не собирался понимать его превратно. А Джейк опять заталдычил, что намерен говорить только правду, всю правду и ничего, кроме правды.

---

[45] Примечания: 45
Я тоже *(фр.)*.

— Давай устроим тут немножко долбаной гласности, Эд, договорились? Давай будем говорить начистоту.

— Да пожалуйста, — ответил Эдди.

— Отлично, — сказал Джейк, — скажу все как на духу, Эд, ладно?

Тут вошел мистер Патель и сообщил, что по телефону спрашивают Марион. На Джейка он посмотрел так, словно не слишком его одобрял; такие взгляды в арсенале хозяина гостиницы — вещь очень полезная. Эдди сказал, что Марион наверху в комнате. Джейк снова заговорил тоном конспиратора:

— Как бы то ни было, Эд, я вот о чем: возьмем, к примеру, Брайана, мы ведь не можем тут говорить об Ударнике с большой буквы, верно? Я имею в виду, у моей чокнутой бабки чувство ритма было получше, чем у Брайана, хотя последние четыре года она мучилась с колостомией[46], Эд, понимаешь?

Эдди сказал, что в общем и целом понимает.

Никаких конкретных выводов он пока не делает, сказал Джейк, просто делится некоторыми соображениями. Но Эдди необходим перво-

---

[46] Примечания: 46

Колостомия — наложение свища на ободочную кишку *(мед.)*.

классный ударник. Позарез необходим. Ведь хорошая рок-н-ролльная команда вроде корабля, а ударные в ней вроде как машинное отделение. Очень хорошо, конечно, когда капитан выдает на ведущей гитаре, а остальные наяривают аккомпанемент, но, если в машинном отделении непорядок, корабль пойдет ко дну, как «Титаник», не успеешь сказать: «Привет, милашка».

— Кстати, о Джинджер, — сказал Джейк. — Опять же, она умница и выглядит классно, но я хочу сказать…

Марион прошла через холл к телефонной будке.

— …она не готова к тому, чтобы малость измениться, верно? Я имею в виду имидж. — Джейк покачал головой, поерзал на стуле. — Джинджер вряд ли согласится, как ты думаешь? Добавить сексапила, показать грудь, и вообще?

Эдди сказал, да, вряд ли, но и ему, между прочим, не хотелось бы играть в такой группе. Правильно, сказал Джейк, он так и думал.

— Ты человек принципа, Эдди. Совсем как я. Женщина — все равно что негр, верно?.. Вот с Клинтом все нормально. С Клинтом я управлюсь. Я почти готов за него поручиться. Ужасно, что его зовут Клинт, но тут уж ничего не поделаешь, а?

Хотя, может, он сменит имя. Так или иначе, он владеет гитарой, а в нашем бизнесе это по-прежнему кой-чего стоит, Эд. Ха-ха-ха — я хочу сказать, не всё деньги, не всё фунты, шиллинги, пенсы…

Джейк вел речь к тому, что иногда в этом бизнесе приходится принимать жесткие решения и, как ему кажется, сейчас именно такое время. Если Эдди согласится проявить гибкость в отношении состава группы, добавил он, то, возможно, удастся начать серьезные переговоры. У него есть на примете парочка музыкантов, специально для Эдди, замечательные ребята, он с ними уже лет сто работает.

— Короче, когда ты говоришь, что я должен быть гибким, ты хочешь, чтобы я от них избавился? — спросил Эдди. — От Брайана и Джинджер?

Джейк сказал, что дело, собственно, не в том, чего хочет *он.* Дело в профессионализме. Материально он в этом никак не заинтересован. Просто хочет, чтобы Эдди немного подумал, а потом сделал нужный шаг.

— Считай, их уже нет, — без колебаний заявил Эдди, — для меня это вполне нормально, по-честному.

Джейк снова понизил голос, увидев, что Марион вышла из телефонной будки и направляется

к лестнице:

— Ладно, но только если ты сам этого хочешь, Эдди. Лично я считаю, что ты прав, но решать тебе.

— Да, да, — подтвердил Эдди, — их уже нет.

Джейк театральным жестом красной ручкой вычеркнул из своей записной книжки два имени. Кивнул, медленно, раздумчиво, высунув от усердия кончик языка. Да, вот теперь другое дело. Теперь ему, Джейку, все видится гораздо яснее. Все начинает клеиться.

— Кстати, очаровательная девушка. — Он кивнул в сторону лестницы. — Мэри-Энн, кажется?

— Марион. Как в «Верных».

— Ну-ну, — засмеялся Джейк.

Эдди спросил, есть ли еще вопросы, ведь у него масса дел.

— Еще один, последний, Эд, совсем пустяковый… Название.

Джейк сказал, что, честно говоря, «Жрицы меда» — название кошмарное. Напоминает какую-то дурацкую женскую группу. Чушь, полная ерунда. Эдди согласился. «Жриц меда» придумала Джинджер, сказал он.

— Так я и думал, — хихикнул Джейк и сказал, что нужно другое название, более агрессивное,

броское, крутое — «в жилу», как он выразился.

— «Твердокаменные», — он закрыл записную книжку, — прикинь, парень. «Твердокаменные». Настоящее название для крутой группы! — Джейк запрокинул свою толстую физиономию к потолку, выводя рукой в воздухе невидимые буквы. — Эдди Вираго, — медленно произнес он, — и «Твердокаменные». Тут есть некое *cherchez la femme*[47], а? Как тебе? Нравится? Я так и думал.

Эдди согласился, что такое название имеет свои плюсы. Джейк сказал, что устроит Эдди встречу и что нужно записать новую демонстрационную кассету, причем как можно быстрее.

Он вдруг заторопился. Дескать, ждет звонка, а потом должен ехать на пятидесятилетие Джона Пила. «Андертоунз» специально собираются снова, чтобы там играть. Вечер не из тех, которые можно пропустить. Эдди сказал, что с удовольствием составил бы ему компанию, но Джейк покачал головой:

— Извини, Эд, ничего не могу поделать, там все по личным приглашениям. Увидимся. Не пропадай, парень!

Мистер Патель пристально смотрел на Эдди,

---

[47] Примечания: 47
Ищите женщину *(фр.), здесь*: изюминка.

пока тот шел через холл. Мистер П. разговаривал в задней комнате по телефону, прижав трубку к плечу.

Эдди постучал в дверь ванной и сказал Марион, что у него хорошие новости.

Она выключила душ, но дверь не открыла. Отрадно слышать, что Джейк оказался надежным человеком. Эдди прошел к окну, голова у него кружилась от счастья.

— Я же говорил, что ты ошибаешься насчет Джейка, — сказал он.

— Да, — ответила Марион, — ты был прав.

— Дела идут на лад, малышка! — крикнул Эдди. — Всё путем! Я на коне! — Он взмахнул кулаком.

— Кстати, Эдди, — сказала Марион, и голос ее эхом отдался в ванной. — Этот телефонный звонок…

— Что — телефонный звонок? — рассмеялся Эдди, сворачивая себе косячок пополнее.

— Моя мать умерла, — сказала Марион.

Эдди не горел желанием ехать в Белфаст, но что ему оставалось? На работе эту весть тоже встретили без восторга. Майлз сказал, что тут вопрос обязательств. «Б-эн-С» — это обязательства, халатное отношение здесь не пройдет. И ему лично

осточертело твердить Эдди об этом.

Ну пожалуйста, сказал Эдди. Майлз вздохнул, наклонил голову, поднес пальцы к вискам. Эдди заметил, что волосы у него на макушке начинают редеть, но сейчас, понятно, не время говорить об этом. Майлз сказал, что Эдди на него давит. Эдди возразил, что речь идет о важных личных обстоятельствах.

— Слушай, Эдди, — простонал Майлз, — кончай вешать мне лапшу на уши.

Эдди заметил, что не собирается вешать Майлзу лапшу ни на уши, ни на иные части тела.

— Черт побери, Эдди, ты совершенно не умеешь разговаривать с людьми!

— Да ладно, Майлз. Дай мне передышку.

— Ну хорошо, — отрубил Майлз, — ты, конечно, можешь ехать, но сделай нам обоим одолжение — не возвращайся.

Майлз что же, выгоняет его? — спросил Эдди. Майлз ответил: да, он *отпускает* Эдди. Выплатит ему, что причитается, плюс жалованье за месяц вперед, и пусть Эдди выметается к чертовой матери.

— У тебя паршивый подход к делу, Эдди, — резко заявил он. — Такие люди, как ты, попросту кидают других. На тебя нельзя положиться.

Эдди сказал, что Майлз поступает неразумно. Кто бы говорил, только не Эдди! — фыркнул Майлз. Хорошо, сказал Эдди, он не поедет, если Майлзу так охота, чтобы он остался. Все, отрезал Майлз, больше неохота.

— Ты прозевал свой шанс, Эдди, — рявкнул он. — У тебя был шанс, а ты его профукал. Так что катись отсюда ко всем чертям.

Марион Эдди сказал, что Майлз не отпускал его на похороны, поэтому он, Эдди, послал его в задницу, вместе с этой работой. На Марион это не произвело впечатления. На самом деле она не хотела, чтобы он ехал с ней, во всяком случае, так она говорила. Но Эдди понимал, что это просто слова. И стоял на своем.

Долетели нормально. Кроме нескольких унылых солдат, затаившихся в кустах возле аэропорта, да двух-трех броневиков, припаркованных в центре Белфаста, ничто не говорило о каких-либо волнениях. Тут и там бровка была раскрашена зелено-бело-оранжевым или красно-бело-синим[48], но Эдди это не трогало. Он не раз видел все это по телевизору. Куда больше его раздражала атмосфера нарочитой нормальности.

---

[48] Примечания: 48
Цвета национальных флагов Ирландии и Великобритании.

Усталые женщины с покупками, старшие сестры, катившие детские коляски, уличные зеваки с окурками в зубах, слоняющиеся возле полицейских участков.

Когда автобус сделал остановку, чтобы пассажиры могли воспользоваться туалетом, Эдди расчесал и пригладил свой «ирокез», вытащил черный спрей и перекрасил волосы. Потом надел черную шапочку, похожую на чехол для чайника. Он выглядел забавно, но не так вызывающе, как раньше, и хотя Марион ни слова не сказала, он знал, что она благодарна ему за это. Эдди не мог заявиться на похороны ее матери, как этакий гибрид Джоуи Рамона и Гайаваты. Ежу понятно.

На ирландской стороне границы в автобус вошли двое охранников; они проверили паспорта, изо всех сил стараясь выглядеть внушительно. Потом мимо окон потянулись холмы Антрима, сланцево-серые и желтые, и к тому времени, когда автобус дополз до Баллибраккена, этот пейзаж успел Эдди изрядно надоесть.

Марион сидела тихо. Получив печальное известие, она, конечно, поплакала, но затем пришла в философское настроение. Сказала, что очень рада за мать: та умерла молодой.

— Она никогда бы не смогла жить без папы, —

сказала она, — если б папа ушел первым.

Ее брат Марио встретил их на маленькой станции. Он неловко поцеловал Марион и молча пожал руку Эдди, оглядев его с ног до головы. У Эдди создалось впечатление, что Марио от него не в восторге. Вообще, Марио был очень тихий парень; единственная примечательная его черта — слишком близко посаженные глаза. Одет он был в клетчатую рубашку и зеленые брюки. Он предложил по дороге зайти в гостиницу и пропустить по стаканчику, но Марион отказалась.

— *Марио?* — прошептал Эдди, когда они устроились на заднем сиденье машины.

— Ланца[49], — объяснила Марион, — он очень нравился моему отцу.

Впервые она дала волю слезам, когда вошла в дом на Фактори-стрит. Там было накурено, соседи поднимались по лестнице в спальню, чтобы увидеть миссис Мэнган в гробу. Кто-то толкнул Эдди локтем и кивнул на его шапочку, но Эдди ее не снял.

В спальне со стены самодовольно улыбалась картина с изображением Святого Сердца, в комнате пахло ладаном. На ночных столиках,

---

[49] Примечания: 49

Ланца Марио (1921–1959) — известный американский певец (тенор), по происхождению итальянец.

на пожелтевших кружевных салфетках, были разложены карточки с траурной окантовкой и черными крестами. На подоконнике стоял стакан воды. Дверцу платяного шкафа украшали плечики с бледно-голубой сорочкой.

Руки миссис Мэнган были сложены на животе, в желтых от никотина пальцах зажаты четки. Восковое лицо выглядело спокойным и задумчивым. Казалось, она вот-вот откроет глаза. Странное чувство. Эдди смотрел на эту мертвую женщину и видел отчетливое сходство с Марион — особенно в выступающих скулах, в рисунке бледных губ. Странно вот так встретиться с нею в первый раз.

Эдди пришло в голову, что постель, скорее всего, та самая, на которой была зачата Марион. Странная мысль, но она прочно засела в голове, и он никак не мог ее отогнать.

В комнате первого этажа отец Марион, закрыв лицо руками, сидел в низком кресле, в углу возле печки.

— Папа, — тихо сказала Марион, — это Эдди, я тебе о нем говорила.

Мистер Мэнган даже не взглянул на Эдди. С тыльной стороны руки у него были красные и морщинистые. Он беззвучно плакал, вздрагивая

всем телом; то и дело кто-нибудь подходил к нему, пытался успокоить, но безуспешно.

Эдди сказал, что, наверно, ему не стоило приезжать. Он чувствовал себя так, словно без позволения вторгся в чужую жизнь. Марион объявила, что он говорит глупости, но попросила его прогуляться по городу. Ей надо потолковать с отцом.

Эдди прошелся по главной улице мимо дешевых магазинчиков и пабов. Встречные таращились на него. И все они выглядели как жертвы родовой травмы. Эдди чувствовал себя чужаком — будто вдруг очутился где-то на Диком Западе. Это впечатление еще усиливалось оттого, что главная улица сплошь пестрела американскими названиями. Здесь была пиццерия «Звезды и полосы», бар «Янки Дудл», закусочная «Жареные куры», «Бостонская чайная», «Голливудские стрижки», гриль-бар «66-е шоссе», бургер-бар «Луна прерий» и ателье «Моды Майами», в витрине которого, для полноты картины, красовался огромный флаг Конфедерации, а на тротуаре стояла фигура Дяди Сэма в полный человеческий рост.

Старики при встрече с Эдди приподнимали шляпы и желали ему приятного дня. Когда он зашел купить сигареты, парень за прилавком ми-

нут пятнадцать рассуждал о правительственном проекте транспортного лицензирования и о том, как это повредит туристской индустрии.

— Вы сами турист? — спросил он.

— Нет, — сказал Эдди, — я из Дублина.

Парень сказал, что именно это он и имел в виду.

Мимо бетонных микрорайонов Эдди дошел до самой окраины городка, где кончались электрические ограды и начинались каменные стены. У старинной разрушенной церквушки приютилось протестантское кладбище — почти сплошь могилы женщин, умерших «во время родов». Камни позеленели и заросли мхом. Ни одна из этих женщин не дожила до сорока.

Эдди смотрел в поля, пытаясь понять, что такого находили поэты и восторженные натуры в этих пустынных унылых местах. В туманной дали чернели армейские наблюдательные вышки, они как бы вырастали из земли, будто диковинные растения, и Эдди невольно подумал о сказочных великанах и бобовых стеблях. Все казалось неподвижным, даже пасущиеся коровы. Эдди пришло в голову, что это — одно из немногих мест, где завораживает не зримый пейзаж, а что-то незримое, недоступное глазу.

В половине пятого Эдди вернулся на Факто-ри-стрит, немного постоял в холле, пил чай и болтал с Катрин, одной из старших сестер Марион. Катрин была сиделкой. Пухлое приятное лицо и оранжевая помада на губах. Эдди высказал ей свои соболезнования, а Катрин ответила, что мать прожила тяжелую жизнь и для нее к лучшему, что все это кончилось. Она была сама не своя с тех пор, как отец оставил работу. Нервы вконец расшатались.

— Ведь это вы живете в Лондоне? — спросил Эдди.

Катрин смутилась.

— Нет, — ответила она, — из всех нас в Лондоне живет только Марион.

Эдди сказал, Марион уверяла его, что в Лондоне у нее есть сестра. Нет, ответила Катрин, разве что папа в свое время подгулял, и засмеялась.

— Господи, прости меня, — она опять хихикнула и перекрестилась, — за то, что я смеюсь. А бедная мама лежит там, наверху…

Оставшись в одиночестве, Эдди задумчиво курил, прислушивался к далекому рокоту грома, — как вдруг открылась дверь, и Марион позвала его в гостиную. Она выглядела сильной и решительной. Готовой ко всему.

Ее отец сидел возле печки, спиной к двери, помешивая кочергой угли. Конец кочерги раскалился докрасна.

— Папа, — сказала она, — Эдди пришел.

Мистер Мэнган что-то проворчал, положил кочергу, вытер руки о твидовые штаны и, повернувшись к Эдди, протянул ему руку. Эдди едва не рассмеялся, рука у него дрогнула, и чай пролился на блюдечко.

У отца Марион не было носа. Вместо носа под темными глазами краснел шелушащийся рубец и виднелись две черные дыры — ноздри. Эдди разглядывал это лицо, забыв о приличиях, настолько он был ошарашен. Он и представить себе не мог человека без носа. Искал взглядом нос, хоть какой-то нос, но не находил. Потом перевел взгляд на неподвижные глаза отца Марион. Хотел сказать: «У вас нет носа», но не сказал. Хотел повернуться к Марион и попросить о помощи.

Голова у Эдди кружилась. Он машинально пожал горячую влажную руку. Старался не смотреть, но не мог отвести глаз, а отец Марион все время глядел в сторону, смущаясь Эддина смущения.

— Ты хороший парень, если приехал, — гнусаво проговорил он, глядя на кухню, смежную с

маленькой комнаткой. От него пахло торфом.

— Это самое малое, что я мог сделать, мистер Мэнган, — хрипло сказал Эдди, покраснев до кончиков ушей.

— Джеймс, — поправил отец Марион, снова отворачиваясь, на этот раз к окну, — незачем звать меня «мистер».

Отец Марион предложил им сесть и опять уставился в печку. Эдди принес ему свои соболезнования; мистер Мэнган коротко кивнул и поблагодарил.

— Это трагедия, Эдди, — вздохнул он, — но на все воля Божия.

Он спросил, как Эдди добрался, поинтересовался перелетом на «Бритиш эруэйз», учебой Эдди в колледже, его музыкальной карьерой. Он и сам любит музыку, так он сказал. Казалось, об Эдди ему известно все. Марион явно рассказала о нем, что заставило Эдди покраснеть от гордости, к собственному удивлению.

В восемь часов мистер Мэнган послал своего младшего сына Паскаля в магазин. Марион с сестрами суетились вокруг, накрывая на стол; братья курили и молча смотрели телевизор. Через пятнадцать минут Паскаль вернулся с бутылкой дешевого вина в пластиковом пакете.

Мистер Мэнган откупорил вино и первый бокал протянул через стол Эдди.

— Как оно тебе, Эдди? — спросил он. Эдди неуверенно рассмеялся. Все в комнате смотрели на него. Он сказал мистеру Мэнгану, что не очень-то разбирается в винах.

— Просто пригубь, — сказал мистер Мэнган, — и скажи нам, дрянь это или нет.

Марион под столом пнула Эдди в лодыжку. Он взял бокал, понюхал, отпил глоток и сказал, что вино вполне хорошее.

— Вот и отлично, — ответил мистер Мэнган, сдабривая картошку маслом.

— А вы сами не выпьете? — спросил у него Эдди.

— Нет, Эдди, — ответил мистер Мэнган. — Я пью только молоко. Это для тебя…

Эдди почувствовал, что краснеет.

— …и конечно, для всех остальных, — с неопределенным жестом закончил мистер Мэнган, — если им охота.

Кроме Марион, вино никто пить не стал.

Позже Эдди и Марион поехали прокатиться на «фиате» Катрин. Они припарковались за Окружным судом и занялись любовью прямо в машине; смесь эластичной мягкости и страсти. Потом они

долго сидели обнявшись, слушая по радио Ван Моррисона в исполнении Дейва Фаннинга. Рычаг сцепления упирался Эдди в бедро. По ветровому стеклу текли дождевые струйки, размывали весь мир. Эдди коснулся щеки Марион. Она знала, о чем он думает.

— Господи, — сказал Эдди, — ты должна была мне сказать.

— А я и говорила, разве ты не помнишь?

— Я думал, ты шутишь.

— Нет. Я не шутила. У него нет носа. — Она рассмеялась и пожала плечами. Потом отодвинулась от Эдди и стала застегивать блузку. — Всякое случается. Это не его вина.

Эдди выключил радио.

— Он попал лицом в автомат на фабрике, — продолжала Марион. — В ту машину, которая разделывает свиные желудки, а потом набивает ими сосиски. Отец был в галстуке, галстук зацепился за что-то, и голову затянуло в машину.

— Господи, — ахнул Эдди.

— Да, а самое ужасное, что он никак не избавится от мысли, что его нос попал в чьи-то сосиски. Ему говорили, что машину вычистили, но он не поверил. Теперь он не может есть сосиски.

— Еще бы, я очень хорошо его понимаю, — ска-

зал Эдди.

— Мама ругала его за это, — сказала Марион, — потому что все, кто работает на фабрике, получают сосиски бесплатно в течение всей жизни. Но отец вообще не позволяет держать дома сосиски. И галстук не носит. После того случая — никогда. Мама говорила, что он выглядит точь-в-точь как бродяга, когда приходит на заседания совета в рубашке с открытым воротом.

— Да брось ты, — сказал Эдди, и Марион вдруг улыбнулась. Совсем по-детски.

— Жаль, ты не был с ней знаком, — сказала она. — Вы бы поладили.

Она добавила, что, конечно, и раньше так говорила, но все равно, это лишний раз подтверждает, что никогда не знаешь, как оно обернется в жизни.

— Ну и что? — сказал Эдди.

Она нежно поцеловала его в щеку:

— А вот что: пожалуйста, ради бога, позвони своей матери, Эдди. Ведь вправду же никогда не знаешь, что случится. Невозможно угадать, что ждет тебя за углом.

Само собой, сказал Эдди, Марион права. Он непременно позвонит.

Окна машины запотели. Наверно, пора ехать

домой, сказала Марион. Эдди протер стекло тыльной стороной руки, потом включил «дворники».

— Боже милостивый, — ахнул он. — Ну надо же…

На крыльце дома, ярдах в десяти от машины, стоял под дождем какой-то человек и смотрел на них сквозь ветровое стекло. Эдди включил фары и вздрогнул, узнав эту фигуру.

Марио неподвижно стоял в потоках дождя, уставившись на машину. Он явно злился, но молчал. Потом улыбнулся. Зубы у него были кривые и желтые. Он резко повернулся, сунул руки в карманы брюк и медленно зашагал прочь.

Дождь барабанил по крыше машины. Марион сказала, что не стоит обращать внимание на Марио. Ничего не поделаешь, он немного простоват. Сердце у Эдди колотилось как безумное. Нелюдим он — вот в чем штука, сказала Марион.

Внезапно Эдди почувствовал дурноту. Он проводил взглядом Марио: ссутулив широкие плечи, тот свернул за угол. Эдди открыл окно, чтобы глотнуть свежего воздуха. Темнота словно подступала ближе, чем всегда.

Ночь перед похоронами Марион вместе с отцом и сестрами провела у старшей сестры и ее мужа.

Эдди ночевал в доме родителей Марион, с пя-

тью ее братьями, на полу маленькой верхней спальни. Ему не спалось. В душной комнате пахло гнилью и потом. Эдди тосковал по Марион. И почти физически ощущал, что за тонкой стеной в соседней комнате лежит покойница.

В три часа ночи Лео, один из младших братьев, разбудил его и прошептал:

— Эдди, да?

— Угу, — буркнул Эдди.

— Слушайте, Эдди, вы вообще пьете?

Эдди сказал, что это как будто бы уже всем известно.

— Как насчет пропустить стаканчик? — просипел Лео.

— Господи, — сказал Эдди, — ведь только половина четвертого.

Парень взглянул на Эдди как на психа.

— Но вы не против, если я выпью? — нервно спросил он.

— Мне все равно, — ответил Эдди.

Он опять улегся и ощутил прилив раскаяния. Зря он так говорил с парнем. Когда взошло солнце, Эдди увидел, как дергаются руки Лео под одеялом.

Наутро вся семья безмолвно ждала прибытия катафалка. Когда мужчины несли гроб по

лестнице, мистер Мэнган посмотрел на часы и отвернулся.

— Папа, — сказала Марион, — ты разве не наденешь галстук?

Он жестко ответил «нет», потом снова разрыдался. Сыновья растерянно переглянулись.

— Не стойте тут, — сказала Марион, — достаньте ему галстук, ради бога.

Паскаль снял с себя галстук и передал Марион. Мистер Мэнган плакал, низко склонив голову; Марион подняла жесткий воротничок его рубашки и медленно повязала галстук. Слезы текли по желтым морщинистым щекам мистера Мэнгана. Он уткнулся в плечо Марион и заплакал навзрыд, как ребенок, а она гладила его лысую голову.

— Ну-ну-ну, дорогой, — повторяла она, — ну, успокойся…

Эдди заметил, что из-под ее черного платья виднеется краешек белой комбинации.

Во время похорон не переставая шел дождь. В церкви мужчины сидели по одну сторону прохода, женщины и дети — по другую. Холодные капли дождя постукивали в стекла. То и дело кто-нибудь приглушенно кашлял.

Из церкви все прошли на маленькое кладбище неподалеку от новой электростанции. Идти

было всего около полумили — на дальний конец городка, дальше по горбатому мостику и мимо кемпинга. Полицейский, стоявший в карауле возле барака, где размещался участок, отсалютовал гробу. На кладбище кто-то попытался накрыть гроб трехцветным флагом, но отец Марион сказал: нет, ей бы это не понравилось.

— Она не интересовалась политикой.

Это был один из шинфейнеров, шепнула Марион на ухо Эдди. На вид вполне приятный человек, который явно не знал, куда деть флаг, мешавший ему перебирать четки. Молился он с закрытыми глазами.

Священник читал погребальные молитвы по-ирландски, остальные невнятно откликались, тоже по-ирландски. Все, кроме Эдди, который не помнил по-ирландски ни слова, даже молитвы; впрочем, ему вообще не хотелось молиться, ни на каком языке. Священник жестом фокусника простер руку над могилой, призывая святого Петра и благословенного Мэтта Толбота низойти сюда и провести сию грешную душу мимо врат ада в райские кущи. Дождь усилился, стучал по листьям, словно хлопая в ладоши, громко молотил по черным фетровым шляпам молодых парней, так что в конце концов почти все сняли шляпы

и стояли с непокрытой головой, как и мужчины постарше. Почти все, но не Эдди.

Деревья еще спали крепким сном, их ветви жесткими изломами расчерчивали белое небо. Над полями теплился зыбкий туманный свет. Пахло по-деревенски — коровьим навозом, баллонным газом и жареным беконом. Овцы тоскливо блеяли, глядя на тучи.

Промокшие рукава холодным пластырем облепили Эдди запястья. Когда отец бросил в могилу горсть земли, лицо Марион дрогнуло, и она поспешно отвернулась.

Потом все пошли в городскую гостиницу и медленно, но верно напились. Народу на похоронах было столько, что в гостинице им предложили пройти из бара в танцевальный зал. То и дело к Марион подходили плачущие люди и говорили, что «скорбят вместе с нею». В большинстве она видела их впервые. Какие-то знакомые матери. Дальние родственники из Манчестера.

Немного погодя в дальнем конце зала запели, начали священник и местный лидер Фианна файл[50]. С каждой минутой к хору присоединялись все новые голоса, все больше людей

---

[50] Примечания: 50

Фианна файл («Солдат судьбы») — ирландская политическая партия.

собиралось возле расставленных кругом пластиковых стульев. Положив руки на плечи друг другу, они раскачивались в такт песне.

Потом запел отец Марион — медленную и печальную ирландскую песню-плач, старательно выводя срывающимся тенором каждый слог. В зале воцарилась тишина. Если чей-то бокал ненароком звякал, люди виновато переглядывались. Недовольных детей утихомиривали шлепками и подзатыльниками.

Хочу, хочу, но нет, увы, все тщетно,

Вновь юным стать хочу я в мире смертном.

Да только юным раньше мне не быть,

Чем плющ сумеет яблоки родить.

У сладких яблок жизнь всегда короче,

Любовь чем жарче, тем быстрей проходит,

Терпи в любви, коль не любить нет мочи,

И счастлив тот, кто брег златой находит.

Любовь и дразнит, и влечет, и манит,

Вся радость — в ней, пока она юна.

Но с возрастом любовь холодной станет,

Истает, как с утра роса, она[51].

В конце песни Марион расплакалась. Эдди взял ее за руку: дескать, не надо так горевать, — но и у него самого на глаза навернулись слезы. Она сказала, что плачет не от горя. Просто день был такой прекрасный, и песни, и заря. Старомодный день. Матери он бы понравился.

В самом конце поминок Эдди пошел в туалет. Он многовато выпил, не мешает ополоснуть лицо холодной водой, чтобы протрезветь. Надо держаться ради Марион. Уж на такую-то малость он способен.

В холле вот-вот должны были начаться танцы. Билли Джо Боланд и «Бронко Кингз». Ритмичные звуки кантри летели во тьму, смешиваясь со скорбным стоном гитары.

Мимо проходили люди, все в костюмах и нарядных новых платьях; как вдруг Эдди заметил симпатичного молодого незнакомца: тот разговаривал с Марион возле сигаретного авто-

---

[51] Примечания: 51
Перевод Е.Пучковой.

мата. Что-то нашептывал ей на ухо, улыбаясь, с заботливым выражением на лице. Марион равнодушно кивала. Незнакомец говорил очень настойчиво, покачиваясь взад-вперед на каблуках. Он был в черной кожаной куртке, а в руках держал зонтик, которым легонько помахивал, разбрызгивая вокруг дождевые капли. Марион подняла взгляд, о чем-то спросила. Парень резко тряхнул головой и, оглядевшись вокруг, снова наклонился к ней и что-то зашептал, сжав руку в кулак. Эдди ощутил укол ревности. Алкоголь обострил все его чувства. Вожделение перелилось в зависть. Незнакомый молодой человек вышел под дождь; Эдди с минуту наблюдал за Марион, которая пробиралась сквозь толпу.

Он спросил, кто это был; Том Кланси, ответила она, старый друг семьи, он сейчас учится на священника.

— Его родители — владельцы бара «Луна прерий», — пояснила она, — там, в городе.

— Если этот парень будущий священник, — Эдди покачнулся, — то я, черт побери, далай-лама.

— Кто? — переспросила она.

— Далай-лама, — повторил Эдди.

— Да нет, правда, — рассмеялась Марион, — он учится на священника. Нельзя, что ли?

Эдди чувствовал, что от гнева у него мутится в голове, как от наркотика. Он смотрел на обращенное к нему растерянное и бледное лицо Марион — смотрел, как ему показалось, очень долго. Он понимал, что испытывает к ней сейчас не любовь, а ненависть и что слишком пьян, чтобы сдержать себя.

— Послушай, Марион, — рявкнул он, — кончай трахать мне мозги, ладно?

Зеленые глаза Марион наполнились слезами, губы задрожали. Она зажала уши руками, словно от непомерно громкого шума.

— Эдди, пожалуйста, не надо, не начинай — только не сегодня.

— Во-во, давай, вали все на меня. Давай.

— Оставь меня в покое, — сказала она.

По пути из гостиницы они разругались вдрызг. Эдди твердил, что она ему врет. Оба изрядно выпили и расхрабрились. Она объявила, что он собственник, а он обозвал ее маленькой вшивой кокеткой, у которой не хватает мозгов даже на то, чтобы это признать.

— Один из ваших фермеров, да? — Он передразнивал ее акцент. — Один из здешних резвых жеребчиков, да?

— Ты все не так понял, Эдди! — Она заплака-

ла. — Том просто друг, у нас тут так бывает.

— Ах, значит, тут так бывает? И что же у вас тут по-другому, Марион? Давай, скажи мне, я ведь просто парень с юга, честный деревенский простак, я всему поверю, да? А он только скрашивал твое одиночество на ваших деревенских праздниках?

— Пожалуйста, Эдди, остановись.

— «Пожалуйста, Эдди, остановись», — передразнил он. — Спорим, ему ты такого не говорила! А, Марион?

Марион замерла как вкопанная и, сверкая глазами, повернулась к Эдди.

— А если и не говорила, — крикнула она, — твое-то какое дело?

Эдди сказал, что дело самое что ни на есть *его* и что в эту игру играют двое. О да! Он чувствовал, как на него волной накатывает холодная рассудочная ярость, убийственное спокойствие, и знал, что в таком состоянии может сказать что угодно — *что угодно,* только бы уязвить ее.

Он сказал, что если она в свое время поразвлеклась с этим парнем, то он не в обиде.

— Я имею в виду, — усмехнулся он, — нам всем нужно перебеситься. Все мы с кем-то развлекаемся, не ты одна.

Улица была тихой и темной, только что-то шуршало в мокрых кустах живой изгороди.

— Просто будь честной. Мне все равно. Правда все равно, но думаю, я, по крайней мере, заслужил, чтоб все было без вранья. — Он слышал собственное яростное дыхание, слышал, как колотится сердце. — Просто скажи мне правду, больше я ничего не прошу. — Он позволил себе горький сардонический смешок. — Каждый через это прошел.

Марион прибавила шагу, оставила его позади. Эдди догнал ее, сгреб за плечи, повернул лицом к себе. Она плакала, с ресниц текла тушь, прочерчивая на щеках черные дорожки.

— Мерзавец, — всхлипнула она и закрыла лицо руками, — убирайся к черту, убирайся куда хочешь!

Она вырвалась из рук Эдди, ее каблучки застучали по мостовой. Эдди слышал, как она всхлипывает, уходя прочь, тень ее в желтом свете фонарей становилась все длиннее. За углом она наклонилась, сняла туфли и пошла дальше босиком — плача, держа туфли в руках, спотыкаясь о брусчатку. Потом оглянулась на Эдди и пронзительно крикнула:

— Эдди Вираго, я проклинаю тот день, когда

встретила тебя!..

Казалось, ее голос доносится от каждой изгороди, из каждого уголка маленького, темного, пропахшего торфом городишка.

Потом все сидели в гостиной маленького дома на Фактори-стрит. Марион не разговаривала с Эдди весь вечер. Телевизор был включен, и все смотрели «Рокфордские материалы». Марио разбирал на части и снова собирал штепсель — без особой цели, просто чтобы занять руки.

И пока Эдди сидел, вдыхая запах угольной пыли и капусты, пытаясь подавить в душе ярость, ему в голову пришла странная мысль.

Поразительно, до чего ярко проступает у этих людей семейное сходство. Дети, их матери, их дед… Невозможно не заметить. Эдди не мог взять в толк, почему это так его раздражает. По крайней мере, вначале не мог. Он смотрел на отца Марион, сидевшего в крохотной кухне, — как он касался ее, как обнял за плечи, когда она отошла от раковины, как Марион медленно вытерла руки фартуком, прежде чем сняла с него галстук. Мысли кружились у Эдди в голове. Внезапно Марион перехватила его взгляд и нахмурила брови. Отвернулась и ногой захлопнула кухонную дверь. Все в комнате при этом посмотрели на

Эдди — все, кроме Марио, который по-прежнему сосредоточенно возился со штепселем, разбирал его и снова собирал, словно в доме ничего не случилось. Но даже это уже не раздражало Эдди. Он целиком ушел в свои мысли.

В этой семье все крепко держались друг за друга, вне всякого сомнения. Настоящая традиционная ирландская семья. Из тех, о каких пишут в книгах. Эдди обвел взглядом младенцев — их злые мертвые глаза, широко разинутые орущие рты. Он пытался вспомнить, где раньше видел такие глаза, пустые, странные, зеленые, как море у Сандимаунта, казалось смотревшие на него с яростной издевкой. И внезапно с болезненной дрожью сообразил.

— Что случилось, Эдди? — ухмыльнулся Марио. — Что у вас такое на уме?

— Оставь ты его в покое, — оборвала Катрин.

— Это секрет, — хрипло ответил Эдди, заливаясь краской.

Марио рассмеялся — чуть громче, чем следовало.

— У всех свои секреты, — сказал он и опять принялся разбирать штепсель.

Эдди закрыл глаза. Ему стало холодно. Он слышал возню Марио, плач младенцев, приглу-

шенные шепотки. И думал о том, как сегодня утром Марион прикасалась к лицу своего отца. Как отец притянул к себе ее нежное тело. Как его узловатые красные руки гладили ее волосы и губы.

Когда Эдди снова поднял веки, свет показался ему слишком ярким — до рези в глазах. Катрин смотрела на него. В ее взгляде читалось волнение. Секунду спустя она поднесла руку к щеке, так что Эдди больше не видел ее лица. Эдди уставился на закрытую дверь кухни и отхлебнул большой глоток виски. Пожалуй, он пьян даже сильнее, чем думал.

По дороге домой они не разговаривали. Марион сидела, надев наушники, с вызывающим видом; когда Эдди налил ей в кофе молока, она подозвала стюардессу, улыбнулась с очаровательной враждебностью и попросила другую чашку. Она сидела неподвижно, сложив руки на коленях, плотно стиснув губы. Когда Эдди коснулся ее запястья, Марион отдернула руку и так резко перевернула страницу журнала, что разорвала ее.

Потом она достала из сумочки маникюрные ножницы и принялась вырезать из заголовков черные буквы. С преувеличенным усердием и сосредоточенностью. Эдди смотрел на желтого

человечка на листовке авиакомпании: человечек надевал маленький красный спасательный жилет, улыбался маленькой желтой улыбкой и обнимал маленькую улыбающуюся желтую жену. Потом Эдди перевел взгляд на ножницы. И вдруг подумал, что погибнуть в авиакатастрофе — не самое страшное в жизни.

В «Брайтсайде» Марион переоделась и сразу куда-то ушла, так и не сказав ни слова. Дверь она захлопнула с такой силой, что висевший у окна на плечиках выходной костюм Эдди рухнул на пол, как мертвое тело. Эдди не стал его поднимать.

Он сидел в комнате один, бренчал на гитаре и ждал. Надо же, на обоях уже почти не осталось свободного места: алфавиты занимали всю стену у кровати и противоположную стену до самых плинтусов, обрамляли окно и покрывали почти всю поверхность двери с внутренней стороны — густой лес букв. Минуло полчаса, а Марион не возвращалась.

— Ну и хрен с ней, — вслух сказал Эдди. Он открыл бутылку виски, которую дала им с собой Катрин, и налил себе изрядную порцию. Но стакан отдавал зубной пастой, и Эдди вылил виски в раковину, как «завязавший» алкоголик в мыльной опере. Еще через час он спустился вниз

поговорить с мистером Пателем о похоронах.

Мистер Патель сокрушенно сказал, что должен идти к оптовикам. Выглядел он встревоженным и был явно в плохом настроении. Он попросил Эдди подежурить на регистрации, пока его не будет. Эдди ответил, что вообще-то ему это не с руки; прекрасно, сказал мистер Патель, если кому-нибудь захочется ограбить гостиницу, пусть грабят, ему все равно. Потом взял ключи от фургончика и вышел.

Сидя за регистрационной стойкой, Эдди позвонил нескольким людям, но, как выяснилось, все были заняты. Рут и Джимми обставляли комнату для гостей. Клинта не было дома, а Джинджер и Брайан не желали с ним разговаривать. Он набрал номер Джейка, но и его не застал: автоответчик сообщил, что Джейк ушел на вечеринку и не вернется до утра. Было четыре часа, и Эдди не очень понял, когда было записано сообщение — сегодня или вчера. «Вечеринки, — говорил Джейк, явно подражая Бадди Холли, — это круто!»

Он выдвинул ящики, заглянул внутрь, но не обнаружил ничего интересного. Потом зарегистрировал двух австралиек с рюкзаками, в остальном все было тихо.

— Когда угодно выписаться можно, — с улыбкой заявил Эдди, — а вот уйти нельзя.

Девицы недоуменно переглянулись.

— Цитата. «Отель „Калифорния“», — объяснил Эдди. — «Иглз».

Похоже, девицы шутку не поняли, но все равно засмеялись. Потом принялись рассказывать Эдди обо всех странах, где побывали. Такое впечатление, что этот рассказ они вызубрили наизусть. Когда Эдди спросил, где им понравилось больше всего, они сказали, что дешевле всего было в Сальвадоре. До Никарагуа они не добрались.

— Жаль, — сказал Эдди. — Насколько я знаю, это замечательная страна. Там все политики — артисты.

Девицы сказали, что это скорее относится к Австралии.

— Хреновые артисты. — Обе засмеялись.

— Эй, девчонки, — окликнул их Эдди, когда они направились к лестнице, — знаете анекдот про австралийского студента? Поехал в Европу и два года слонялся вокруг колледжа.

Мистер Патель вернулся по-прежнему в дурном настроении. Возле оптовки он неправильно припарковался, и полиция поставила ему на колеса блокиратор, а на обратном пути у него

спустила шина.

— Ну как нарочно! — твердил он. — Пропади все пропадом!

Давненько Эдди не слыхал, чтобы мистер Патель ругался. Мистер Патель просмотрел регистрационную книгу с таким видом, будто ожидал за время своей отлучки огромного наплыва клиентов.

— Иногда, — вздохнул он, — я сам не могу понять, на кой черт мне все это.

Он сказал, что Марион слишком много времени проводит на своей второй работе. А это против уговора. И, выразив надежду, что Марион не злоупотребляет его хорошим отношением, попросил Эдди поговорить с ней.

— Нетушки, мистер П., — ответил Эдди. — Сами с ней разбирайтесь.

Стиральная машина мистера Пателя была сломана, поэтому Эдди пошел в прачечную на Маркем-стрит. Там он и сидел, жуя гамбургер и глядя, как вращается в барабане стиральной машины белье. Время от времени в прачечную забредали молодые люди, оглядывались по сторонам и снова исчезали на улице. Приходили старухи, позвонить по телефону-автомату. Людей, которые вправду стирали белье, было совсем

немного. Удивительно, как владельцам прачечной удается сводить концы с концами.

У женщины за стойкой сверкала во рту золотая коронка со звездообразной дыркой. Пальцы потемнели от никотина. Она предложила Эдди чашку чая, но он отказался. Женщина бродила по прачечной, шлепая тапками и рассуждая сама с собой. В помещении пахло потом и табачным дымом, ко всему этому примешивался запах мыла. Впрочем, если не считать мыла, тут пахло так же, как повсюду в Лондоне. Старостью.

— Вы не поверите, в каком виде сюда приносят одежду, — бормотала женщина. — Совсем люди стыд потеряли.

Эдди сказал, что это сущая правда.

Вернувшись в «Брайтсайд», Эдди немного посидел в холле, надеясь, что кто-нибудь позвонит. На вопрос мистера Пателя, где его подруга, Эдди ответил, что понятия не имеет. Мистер Патель заметил, что это нехорошо; Эдди пожал плечами.

— Разлад в отношениях, — назидательно сказал мистер Патель, — скверная штука и для мужчины, и для женщины.

Иногда мистер Патель говорил ужасные вещи. Эдди встал и вышел на улицу, оставив сумку с бельем на кресле в холле. Даже куртку не накинул.

Некоторое время он бесцельно бродил по городу, пытаясь во всем разобраться.

На Пикадилли-Серкус он понял, что по уши влюблен. Точно, влюблен. А ее нелепое поведение опять-таки свидетельствовало только об одном: она тоже вправду влюблена. Эдди и это знал. Господи, да ведь она действительно любит его! Так любит, что не может совладать со своими чувствами, и он тоже, хоть и не понимает отчего. Наверно, и не поймет никогда. У Марион обостренная чуткость ко всему, как у человека, лишенного верхнего слоя кожи. Черт побери, скорее даже как у человека вовсе без кожи — обнаженная плоть, нервы и кости. Все, от боли до наслаждения, она воспринимала намного острее и глубже, чем любой из знакомых Эдди людей. Тут-то и кроется главная причина всех сложностей. Марион — это сплошная эмоция.

Он зашел во французский бар, выпил три стакана пива и купил пачку «Голуаз». Но потом к нему подсела какая-то полусумасшедшая оборванка и принялась талдычить про генерала Де Голля, Эдди не выдержал и ушел. Послонялся по Чайнатауну, глядя на разделанных уток в витринах ресторанчиков, — птицы выглядели так, словно по ним проехался паровой каток. Воздух полнил-

ся запахом чеснока и имбиря, из открытых окон верхних этажей доносились сердитые голоса и звон посуды. Неподалеку от Ковент-Гардена Эдди купил у знакомого дилера пару «колес». Потом вернулся в Чайнатаун и попробовал зайти в «Крюгерз», немецкую пивную, где вечно толклись ирландские яппи.

Швейцар его не пропустил. Из-за прически.

— Вид у тебя, парень, слишком вызывающий, — пояснил швейцар.

Ему-то лично все равно. Таково распоряжение хозяев. Пусть Эдди поверит ему на слово. Он говорит правду, спорить бессмысленно. Тем не менее Эдди начал спорить. Сказал, что здешний менеджер — его близкий друг. Вышибала ответил, что внутрь его не пропустит, будь он хоть президент США. Эдди спросил имя швейцара и записал его в блокнот.

— Отлично, — сказал он. — Посмотрим, как ты запоешь, когда останешься без лицензии.

Вышибала устало вздохнул.

— Жди, — улыбнулся он, — может, дождешься!

Эдди уже собрался уходить, когда дверь пивной распахнулась. Мимо прошли двое респектабельных яппи, обсуждавших какую-то девчонку, а из прокуренного бара, перекрывая лязг и вой музы-

ки, до Эдди донесся знакомый смех. Он подошел к окну, протер рукавом грязное стекло и заглянул внутрь.

У стойки сидели Джимми и Рут и болтали с двумя парнями в двубортных костюмах. Эдди видел их со спины, но тем не менее узнал. Вруны проклятые. Он постучал по стеклу, но они не услышали. На голове у Джимми была розовая бумажная корона, он что-то взахлеб рассказывал, руки в боки, раскачиваясь из стороны в сторону и виляя задницей, — явно кого-то изображал. Рут положила руку на ляжку парня, который стоял рядом с ней, от смеха она была красная как рак.

Эдди решил пойти домой пешком. Ехать на метро не было настроения.

Никому нельзя верить, думал он. Этот город полон лжецов и кретинов.

На Президент-стрит Эдди обнаружил, что Марион уже дома. Он сел на тротуар, подперев голову руками и глядя на освещенное окно их комнаты.

Потом проскользнул в кухню и приготовил чашку кофе. Чувствовал он себя прескверно. Будто погружался в сумрак, в глубокую воду. Он не мог ни на чем сосредоточиться, внутри росла тревога: словно гигантский ленточный червь разворачивал кольца у него в животе.

Когда Эдди лег в постель, Марион отодвинулась от него. Она не спала. Он понял по ее дыханию.

В комнате было жарко и душно. От движения воздуха буквы на стенах еле слышно шелестели. Под окном полночи выли сирены, и Эдди не мог заснуть.

Утром, когда Эдди проснулся, Марион в комнате уже не было. Он огляделся в поисках записки, но ничего не нашел. Внезапно что-то привлекло его внимание — на потолке красовались черные буквы «ABC». Буквы словно бы насмехались над ним. Бросали ему вызов. Эдди снова лег на кровать и уставился на эти буквы прямо над головой. Долгое время он даже не мигал. Потом все же моргнул. И в этот самый миг понял, что дальше так продолжаться не может.

Эдди пришлось искать новую работу. Он наведался на биржу труда, но обнаружил, что это название звучит как насмешка. Тогда он стал просматривать газеты. Требовались рекламные агенты и программисты; других вакансий не было. С этим ему не справиться. Даже и пробовать нечего. Он решил попытать счастья в ресторанах — может, удастся устроиться официантом, но все упиралось в одно и то же. В его прическу. Он спросил у мистера Пателя, не нужны ли ему

помощники в столярке, но мистер Патель усомнился, что Эдди вообще представляет себе, с какой стороны браться за долото. К тому же дело раскручивалось медленно, новых работников нанимать рановато. Они и так еле-еле сводят концы с концами. Все этот Найджел Лосон. С тех пор как повысили процентные ставки по закладным, никто не хотел тратиться на ремонт.

В конце концов Эдди обратился в закусочную на вокзале Юстон, где видел объявление, что требуются работники в ночную смену. Управляющий (его звали Джейсон) сказал: ладно, но работы много, а оплата стандартная, без надбавок. Выбирать не приходится, сказал Эдди. А Джейсон объявил, что это лучшая новость за последние десять лет. Зубоскал хренов.

Для начала Эдди приставили к грилю. По пять часов кряду он торчал возле раскаленной решетки, с идиотской картонной шапкой на голове, переворачивая лопаточкой мясо для бургеров. Он то и дело обжигал пальцы, а руки до локтя были покрыты мелкими красными пятнышками от брызг кипящего жира. Пот ручьем катился по лицу, капая на шипящий металл. Каждые пять часов работникам давали пятнадцатиминутный перерыв, чтобы перекусить (на 1,37 фунта).

Количество еды зависело от того, сколько ты проработал в закусочной. Эдди вообще ничего не ел. В первый же день у него на глазах какой-то рыжеволосый веснушчатый толстяк высморкался над грилем — сопли разлетелись по куриному мясу.

Но это бы еще полбеды. Хуже всего была сама еда, окружавшая его со всех сторон. Огромные, разъезжающиеся по швам картонные коробки с бургерами, тяжеленные пластиковые мешки с чипсами, бочонки с густым тягучим сиропом, гигантские банки корнишонов в зеленом рассоле, бесконечные бутылки томатного кетчупа и кошмарные мусорные баки, переполненные гниющими объедками. Подумать страшно. В первую ночь, придя домой после смены, Эдди боялся, что его стошнит. На следующую ночь его действительно стошнило. Он стоял, склонившись над унитазом, и его выворачивало, пока желудок не опустел.

Он попросил, чтобы его перевели за стойку, но Джейсон отрезал: ни в коем случае.

— Избавься от этой прически, — сказал он, — тогда и поговорим. А до тех пор лучше тебе не быть на виду.

Ночью Эдди снова вырвало.

Должно быть, Марион его пожалела. Утром,

когда он встал, в ванной было чисто. Эдди счел это знаком грядущего примирения. Он позвонил ей в супермаркет, но какой-то тупица ответил, что девушка с таким именем в супермаркете не работает, а если б и работала — по телефону болтать запрещено. Эдди сказал, что точно знает: Марион работает у них.

— Нет, — твердил парень, — у меня в списке ее нет.

Он сказал, что Эдди не понимает: будь она здесь, ее имя стояло бы в списке. Эдди посоветовал парню проверить список, но, перезвонив через некоторое время, получил тот же ответ.

Когда вечером Марион вернулась, Эдди уже ушел на работу. Когда он вернулся, она крепко спала. А когда проснулся утром, ее снова не было.

Так продолжалось несколько дней: они толком не виделись. Через неделю практически перестали видеться вообще. Казалось, время потекло быстрее. Эдди видел Марион только спящей, в остальном же единственным знаком ее присутствия был запах духов, который Эдди неизменно ощущал по ночам. И еще — треклятая цепочка черных букв, упорно ползущая через потолок к окну.

Эдди пытался перейти в дневную смену, но Джейсон отказывал. Дневные вакансии были заняты. Днем на работу выходили пенсионеры и студенты. Если Эдди хочет работать днем, пусть ищет другое место. Эдди начал впадать в отчаяние.

Насчет «лампа», то бишь найма гуртом, Эдди узнал от Джейка. Происходило это на территории одного из криквулдских автопарков: придешь к восьми утра — имеешь шанс оказаться одним из трех сотен человек, кому посчастливится денек «полевачить» на строительстве. Тридцать пять фунтов в день, никаких вопросов, никакой страховки — и пой сколько хошь старый добрый рок-н-ролл. Эдди этот вариант не слишком улыбался, но деньги были на исходе, а обратиться больше некуда.

И однажды утром он отправился в Криклвуд, но в число везунчиков не попал. Автопарк здорово смахивал на задворки Чикаго времен Великой депрессии: шеренги молчаливых мужчин с красными ирландскими лицами, в грязных комбинезонах и майках с эмблемой Кубка мира, все кашляют, сплевывают мокроту, курят дешевые сигареты. Боссы приезжали на «мерсах» и «ягуарах» — жирные толстые ублюдки

в дорогих, обсыпанных перхотью пиджаках с Савил-роу. Видом они напоминали ирландских муниципальных чиновников. Тех, что покупают итальянские кожаные туфли ручной работы, но никогда не меняют носков. По их мнению, Эдди выглядел как пай-мальчик, который в жизни не занимался тяжелой работой. Проницательные, сволочи. Поинтересовались, знает ли он, чем шифер отличается от толя, и он ответил, что тем же, чем Шиллер от Бёлля. Они не оценили юмора.

Эдди все время старался понять, когда именно все пошло наперекосяк. Он был одержим мыслью о провале, не о любви. Иногда подумывал уехать. Иногда считал, что им нужно только серьезно поговорить и разобраться в своих проблемах. Но каждый раз, когда он посреди ночи затевал разговор, Марион холодно молчала. Он сказал об этом Джейку. Джейк воспринял ситуацию философски.

— Если хочешь холодного пива, — провозгласил он, — держи его у сердца моей бывшей жены.

Так называлась любимая песня Джейка, в стиле кантри. Он словно и не понимал, что ситуация с Марион угнетает Эдди, мешает ему сосредоточиться на музыке. Говорил, что Эдди слишком

эгоистичен. Эдди возражал, что он вовсе не эгоист, а просто впечатлительная натура. Джейк сказал, что, как свидетельствует жизненный опыт, грань между тем и другим очень тонка.

— Любовь ранит, Эдди, — грустно улыбнулся он, — пора это понять. Не все в ней лунный свет и шоколад.

— Господи, Джейк, — сказал Эдди, — вот спасибо! А то я без тебя этого не знал!

В свободные дни Эдди играл с «Твердокаменными». А свободных дней у него сейчас было полным-полно. Джейк сидел в уголке, сворачивал бесконечные косячки, которые, казалось, толком и не курил, и хлопал себя по ляжке в такт музыке.

Новым ударником был Паук Симмс — крутой малый и жуткий модник. Он одевался как модель из «Фейс», а на его губах вечно блуждала недовольная гримаса. И походка у него была странная — точь-в-точь заводной манекен. Но на ударных он творил чудеса. Не зря года два служил в военном оркестре. Все у него подчинялось четкому военному ритму, и на репетиции он всегда приходил первым. Эдди не сразу привык к нему. Поначалу, ожидая перед репетиционным залом Клинта, Анди и Джейка, оба держались несколь-

ко скованно и не находили тем для разговора.

Паук принимал ЛСД. Все выходные он разъезжал по дорогам в поисках амбаров, где гуляли сквозняки, и заброшенных складов, где можно было заправиться «кислотой». Он обожал эти психоделические тусовки и твердил Эдди, что тот даже не представляет себе, сколько теряет. Эдди отвечал, что верит ему на слово.

Бас-гитарист Анди, красивый парень из Эдинбурга, с короткой стрижкой, ездил на подержанном «шевроле» с плоским верхом. Он был самым опытным музыкантом в группе и работал уже много лет. Джейк называл его Анди «ЛА» Маккрори, так как Анди довелось работать в Лос-Анджелесе и теперь он вечно хвастался, что видел в ночном клубе Принца.

Анди и Паук были профессионалами — компетентными, умелыми, но немного бездушными. Если Эдди импровизировал какую-нибудь секвенцию — они точно повторяли ее, иногда *слишком* уж точно.

— Добавьте души, — говорил Эдди, прижимая руку к сердцу, — ну, хоть чуточку! Нутром почувствуйте!

В ответ Анди говорил, что Эдди учился на записях Кайли Миноуг.

— Нутро там вообще-то ни при чем, — говорил он, почесывая затылок.

А Паук решал проблему «нутра» на свой лад: играл громче, хотя Эдди хотелось вовсе не этого.

— Старайтесь почувствовать, — твердил Эдди, — сердцем, нутром!

Иногда Джейк приводил парней из «Сакс машин», второй своей группы, чтобы уплотнить звук в некоторых местах. Эдди недолюбливал духовые инструменты, но не мог не признать, что эти парни играют классно, однако его до крайности раздражали их дурацкие приплясы и прищелкиванье пальцами в паузах.

В перерывах между композициями Анди и Паук исполняли импровизации в стиле жесткого рока — обычно «Лестницу в небо» и «Лейлу», которые никогда не получались у них нормально, а ребята из «Сакс машин» играли Джона Колтрейна, доводя Эдди чуть не до исступления.

Домой он приходил охрипший, с сорванным голосом — больше не от пения, а от крика. Джейк говорил, что этого надо было ожидать. Ведь музыка — огромный плавильный котел, и Эдди должен впитывать чужие идеи и влияние. Эдди отвечал, что у плавильных котлов есть одна проблема: при нагревании на поверхность всегда

всплывает пена. Джейк отвечал, что Эдди не в меру циничен.

— Не понимаешь ты людей, Эдди, — вздыхал он. — Иногда я просто не знаю, что с тобой делать.

Однажды вечером в мае ситуация достигла критической точки.

После крайне неудачной репетиции Эдди тогда вернулся домой поздно и прошел прямиком на кухню. Он опять принял дозу и уже почти решил порвать с «Твердокаменными» и начать все сначала. Джейк его доконал. Вечно сидит, смотрит на часы, ждет конца репетиции и сразу уходит, ни на минуту не задержится. Клинта все это тоже достало. Он считал, что им было куда лучше в старом гараже, с «Жрицами меда».

А тот факт, что «Жрицы» с новым гитаристом и певцом выехали в европейское турне «Каменных роз» в качестве группы поддержки, опять-таки бодрости не прибавлял. Когда Эдди прочел об этом в газете, он чуть не умер от зависти. Джейк воспринял новость с презрительным смешком. Все эти группы поддержки — сущая могила, сказал он.

— Когда я с вами закончу, парни, — пообещал он, — «Розы» будут у вас в ногах валяться, умоляя

взять *их* в качестве группы поддержки.

Может быть, сказал Эдди, но пока что «Жрицы меда» катаются по Европе, а хреновые «Твердокаменные» сидят в полном дерьме. Джейк ответил, что это вопрос времени.

— Терпение — добродетель, Эдди, — успокоил он, — как говаривал Билли Брагг.

Может, оно и так, сказал Эдди, но у него запас этой добродетели на исходе.

Сидя в холле «Брайтсайда» с чашкой кофе, Эдди чувствовал, как все плывет у него перед глазами. Он сидел неподвижно, потому что был не в силах пошевелиться. В мозгу вертелась одна-единственная четкая мысль: теперь понятно, почему такое состояние называют «обсадиться». Потому что садишься и больше ничего делать не можешь — сидишь, и все. Расширил сознание, черт подери! Полные кранты. Группа у него дерьмовая. Марион с ним не разговаривает. Денег нету. Потолок кружился волчком. Когда Эдди глянул в окно, то увидел только размытые неоновые полосы. А в довершение всех бед из кухни доносилась вонь подгоревшего карри и прокисших бобов.

Поднимаясь по лестнице, Эдди заметил, что ковер мокрый. Сперва он решил, что ему показалось. Секунду-другую он стоял на ступеньках,

переступая с ноги на ногу, тихонько хихикая и рассуждая про себя, что, наверное, дурь и вправду была хороша. Но ковер промок насквозь, ошибки быть не могло. Чем выше он поднимался, тем больше хлюпало под ногами. В темноте зеленым огнем горела надпись «ВЫХОД». Когда Эдди добрался до пятого этажа, у него даже брюки промокли до щиколоток. Тут уж не до смеху. Откуда-то разило жуткой вонью. Эдди снова остановился. Краешком своего истерзанного усталого сознания он уловил какой-то шум. Тяжелый, назойливый механический звук. Притом *неправильный.* Точно неправильный, даже думать нечего. Что-то явно не так.

Эдди свернул за угол, цепляясь рукой за перила.

Впереди, на площадке перед дверью их номера, он увидел стиральную машину мистера Пателя. Она раскачивалась из стороны в сторону, а из-под ее загрузочной дверцы бежала мыльная вода.

Эдди замер, тупо наблюдая, как вода ритмично, волнами выплескивается из машины. Потом крепко зажмурился, снова открыл глаза и шагнул к машине, в глубине души отчаянно желая только одного: очутиться за миллион миль отсюда.

Он попробовал закрыть дверцу, но обжег руку, а

когда дотронулся до машины, она тихо зарычала, как живая, будто ей это не нравится.

— Ч-черт! — взвыл Эдди, сунув в рот обожженный палец. Из-под машины пахнуло дымом, в нос Эдди ударил едкий химический смрад.

Эдди сбегал в ванную за полотенцем и плотно обмотал им руку. Присел на корточки и снова попытался закрыть дверцу. Похоже, запор сломался. Он подпер дверцу стулом — вода начала выплескиваться через верх. Брызги летели ему в лицо. Стиральная машина громко запыхтела.

Эдди встал, провел рукой по «ирокезу». Теперь вода стекала по лестнице ручьем, капала со ступенек. Эдди вдруг почувствовал, что в голове прояснилось.

Что же делать? — растерянно думал он. Часов у него не было, но и так ясно, что время позднее. Он попробовал разбудить Марион, но она крепко спала. На двери висело наглаженное форменное платье. Эдди тряхнул Марион за плечо, позвал по имени, но она не проснулась. А когда тряхнул еще раз, она пробормотала что-то, жалобно и неразборчиво. Эдди постоял в комнате, глядя на нее.

Он перевел взгляд на алфавиты, заполонившие все стены и прямой линией разделившие потолок надвое. Потом опять посмотрел на Марион.

Она казалась такой невинной, что Эдди, хоть и был уверен в обратном, не стал разрушать иллюзию. Ее рука сжимала край простыни. На миг ему ужасно захотелось юркнуть к ней под одеяло, а утром прикинуться, что ничего не видел и не знал. Он снова выглянул на площадку. Ковер целиком скрылся под густой серой пеной.

Стиральная машина начала вибрировать, мотор глухо и грозно застучал. Эдди опять пошел в ванную, ополоснул лицо водой. На стене ванной кто-то накорябал номер телефона. Эдди глянул в зеркало. Чертовски типично.

Он на цыпочках прошел по мокрому коридору и постучал в дверь мистера Пателя. Сперва никто не ответил. Он постучал еще раз.

— Уходите, — недовольно рявкнули за дверью. — Я сплю.

Эдди прочистил горло и собрался с мыслями. Прижался лбом к двери.

— Мистер П., — громко прошептал он, — это я, Эдди Вираго, вы не можете… э-э… выйти на минутку?

Ответа не последовало, он постучал громче, повторил свою просьбу.

Щелчок выключателя, непонятные ругательства. Потом в дверях появился мистер Патель,

моргая от света и завязывая пояс ярко-красного халата. Вид у него был злющий, но он молчал, по крайней мере вначале. Просто смотрел через плечо Эдди в коридор, на подвывающую стиральную машину.

А потом он начал браниться:

— Ах ты, сволочь! Чертова дрянь, гадюка…

Эдди даже не успел сказать ему, что произошло. Мистер Патель сам увидел.

— Ах ты, черт! — твердил он.

— Да, — сказал Эдди, — я тоже так думаю.

Они подошли к машине, потыкали в кнопки. Эдди сказал, что в отношении машин он немного луддит[52], но мистер Патель не понял, что он имеет в виду. На Эдди снова накатывал «приход». Как только он начинал думать о том, что обсадился, это ощущение возвращалось. Он чувствовал себя как персонаж мультфильма, который бежит по кромке обрыва и не падает, пока не глянет вниз. Он глаз не мог отвести от рук мистера Пателя. Они были такие красивые, тонкие и изящные, как у скульптора, — прекрасный маникюр, резко очерченные костяшки. У Эдди мелькнула мысль, что мистер Патель мог бы стать прекрасным

[52] Примечания: 52

Луддиты — участники стихийных выступлений против применения машин в Англии в конце XVIII — начале XIX в.

гитаристом и играть блюзы; он даже хихикнул. Мистер Патель потихоньку свирепел. Он с размаху наподдал машину ногой, потом пнул ее еще раз, но тотчас взвыл от боли и запрыгал на одной ноге, обхватив руками ступню другой. Потом треснул кулаком по крышке. Горячая вода плеснула фонтаном, прямо ему на халат. Он зажмурился и заскулил от боли.

Внезапно Эдди осенило:

— Слушайте, мистер П., может, выдернем шнур из розетки, а?

— Чем стоять тут и молоть языком, — бросил мистер Патель, — возьмите и выдерните!

Клок белой пены на верхней губе сделал его похожим на Санта-Клауса. Эдди провел рукой по волосам, потом наклонился к розетке, но тут мистер Патель прямо взбесился.

— Что ты делаешь, мать твою? — гаркнул он, хлопнув Эдди по руке. — Ты что, идиот, хочешь, чтобы нас шарахнуло током?!

Эдди недоуменно воззрился на него.

— Вода и электричество, — прошипел мистер Патель, фыркнув в преувеличенном изумлении, — им нельзя соприкасаться, идиот, ты что, не знаешь? Неужто тебя в колледже не учили?

Секунду они смотрели друг на друга. Эдди

сказал, что специализировался по английской литературе.

— Если вы хотите, чтобы я рассказал о семиотике, — пожалуйста.

Мистер Патель подбоченился.

— Мне что, на пальцах объяснять? — завопил он, делая рукой рывок. — Дерни за провод. Вот так. — Он повторил свое движение. — Вытащи эту сволочь.

— По-вашему, я вправду должен это сделать? — спросил Эдди.

Машина взревела, исторгнув из-под верхней крышки поток вонючей жижи, которая стекла по белой эмали, оставив на ней грязные полосы.

Мистер Патель принялся рвать на себе волосы.

— Убирайся отсюда! — орал он. — Я сам все сделаю!

В дверях возникла миссис Патель, закутанная в розовое одеяло, которое при каждом движении выставляло напоказ ее бедра. Распущенные волосы, черные и блестящие, падали ей на спину, и когда она качала головой, то выглядела очень красивой. Мистер Патель что-то сказал ей, но она даже не думала уходить. Взглянула на Эдди, плотнее завернулась в одеяло и откинула волосы за уши. Ее лиловые глаза спросонья были совсем

темными.

Мистер Патель уперся ногой в стену и потянул за провод. Он тяжело дышал, пот градом катился по лицу, на руках проступили жгуты вен. Миссис Патель жестом попросила Эдди помочь ее мужу, но мистер Патель объявил, что помощь ему не нужна. Эдди пожал плечами. Миссис Патель поморщилась.

От стены полетели искры.

— Вот ч-черт! — Эдди попятился.

Яркая голубая вспышка осветила площадку. Шнур оторвался из вилки; мистер Патель пошатнулся и чуть не упал, ударившись головой о перила. Половина вилки осталась в розетке, и оттуда хлестали искры — они были повсюду, трещали на перилах, бились о стены, метались в воздухе. Стиральная машина еще несколько минут вибрировала и рычала, потом с омерзительным треском содрогнулась и затихла. Только таймер продолжал угрожающе тикать.

Именно в этот момент из комнаты появилась Марион, в трикотажной майке и голубых штанишках. Глаза у нее были мутные, лицо бледное. Эдди посмотрел на нее; она отвела взгляд. Вода плескалась вокруг ее босых ног, текла в комнату, но Марион будто и не замечала. Хриплым голо-

сом спросила у мистера Пателя, что случилось. Ответить он не успел, только крикнул:

— Отойдите!

Стиральная машина взвыла и с оглушительным треском взорвалась.

Крышка перелетела через перила, сшибла бра и упала в холл. Вода хлынула вниз по лестнице, сквозь дверцу вынесло мокрую одежду. Мистер Патель вцепился в балясину перил, словно боялся, что его смоет наводнением. Он был весь в пене и яростно чертыхался.

И тут миссис Патель начала смеяться. Мистер Патель выпрямился и свирепо уставился на нее — будто вот-вот кинется с кулаками. Миссис Патель показала на мужа пальцем и изобразила на лице ярость, явно передразнивая супруга; потом опять засмеялась и закрыла дверь.

Потом засмеялся и мистер Патель. Запрокинув голову, он громко хохотал, кашляя, вытирая глаза, и Эдди тоже неуверенно засмеялся. В коридор вышли другие постояльцы и опять-таки засмеялись. Смеялись все, кроме Марион. Она стояла неподвижно, обхватив себя руками, словно пыталась согреться. Лицо у нее было совершенно белое. Она глянула вниз на свои ноги, и взгляд ее потемнел от испуга, словно под ногами была

не грязная вода, а кровь. Она ничего не сказала, только сжала руками виски и ушла в комнату, закрыв за собой дверь. Двигалась она как деревянная фигурка на старинных часах.

Часом позже, когда последствия катастрофы кое-как устранили, Эдди пошел спать. Марион не спала. Ковер в комнате насквозь промок и был непоправимо испорчен. Сладковатый запах стирального порошка словно бы сочился отовсюду.

Эдди снял рубашку, повесил ее на спинку стула. Извинился за позднее возвращение. Марион молчала, но Эдди это ничуть не удивило.

— Три часа ночи, — наконец сказала она, — я волновалась.

Первые слова, какие он услышал от нее за целый месяц.

— Где ты был? — спросила она.

— Послушай, — взмолился Эдди, — я устал, давай погасим свет и вздремнем.

Он щелкнул выключателем, и все погрузилось во тьму, только за окном лиловело облачное небо да вспыхивали неоновые огни рекламы. Марион отодвинулась к стене, как можно дальше от Эдди.

Она была рядом, и от этого стало еще хуже. Эдди замерз и промок. Лежал на спине, заложив

руки за голову.

— Марион, — осторожно начал он, — это безумие. Так продолжаться не может.

Она не ответила.

— Я беспокоюсь о тебе, я не знаю, что делать…

Он придвинулся к ней, скользнул рукой по майке, коснулся ее груди.

— Давай помиримся, а? — попросил он.

Крик прорезал темноту. Марион села в постели и наотмашь ударила его по лицу.

— Ты не беспокоишься обо мне, — крикнула она, — совершенно не беспокоишься! Все, что тебе нужно, — это трахаться со мной, а в остальном ты меня ни в грош не ставишь!

Эдди схватил ее за руки, но она плюнула ему в лицо; в ее голосе звенели слезы.

— Ты только сбиваешь меня с толку! А сам-то, сам ты вон какой сдержанный и невозмутимый, а, Эдди? А все происходящее — просто мелкая ссора, помиримся, и дело с концом!

Из-под двери пробивался желтый свет, и Эдди мог разглядеть лицо Марион — искаженное яростью. Она отчаянно пыталась вырваться. Эдди не на шутку перепугался. Марион упала на пол, он рухнул на нее, чувствуя под коленом мягкий живот. Она вскрикнула от боли, задышала часто

и тяжело, как загнанный зверь. Они катались по мокрому ковру, рыча и задыхаясь; она норовила оцарапать его своими короткими ногтями. Села ему на грудь и колотила по лицу.

Мерзкий шум борьбы, фальшивая какофоническая пародия на любовную схватку, абсурдная симфония умирающей любви — Эдди знал, где слышал ее раньше.

Он поднялся и включил свет.

Марион стояла посреди комнаты, сжимая в руках ножницы. Щека в крови, в глазах бешенство. Ее била дрожь. Сбоку на майке виднелась дыра. Она что же, и раньше была там или это его работа? Он шагнул к Марион, с изумлением обнаружив, что смеется. Она попятилась.

— Я это сделаю, — предупредила она, — рано или поздно, но сделаю. Ты ведь этого хочешь, верно, Эдди Вираго? Этого? — Свободной рукой она отбросила волосы за спину. Ножницы она держала так, как ребенок держит карандаш. Лицо пылало ненавистью. — Отвечай! — взвизгнула она. — Отвечай, затраханный ублюдок!

— Пожалуйста, — хрипло выговорил Эдди, — Марион, пожалуйста, успокойся! — Он был мокрый от воды и пота, трусы промокли насквозь, ткань липла к телу. — Расслабься! Перестань

психовать!

Марион снова взвизгнула.

— Не говори со мной так! — Она внезапно бросилась на кровать. Ножницы вонзились в подушку, в воздухе замельтешили белые перья. Она кромсала наволочку, размеренно повторяя: — Не говори. Со мной. Так.

Она терзала подушку, пока не впала в истерику. Эдди чувствовал себя так, словно каждый удар ножниц метил в него. Он прижал руку к груди и попятился к двери.

— Ты свихнулась, черт побери! — судорожно рассмеялся он.

Марион схватила растерзанную подушку и выкинула ее в окно. Потом швырнула ножницы на пол и, не говоря ни слова, бросилась в ванную. К ее мокрой майке и голым ногам прилипли перья. Хлопнула дверь. Перья порхали за окном, влетали в комнату, оседали на полу, как хлопья снега.

Эдди заплакал. Всхлипывал, закрыв лицо руками. До его слуха донесся стук в дверь; потом он услышал собственный голос, который велел мистеру Пателю убираться. Мысленно он видел, как Марион вскрывает себе вены, лежа в ванне, наполненной красной от крови водой. Но ему было все равно. Он видел, как ее красивая рука

свешивается через край ванны — будто она, катаясь на лодке в летний день, уронила руку в воду. Слезы шли откуда-то из глубины души, из горькой и искренней ее части, которую Эдди всегда старался не замечать. Совершенно обессиленный, он рухнул на кровать, как пустая смятая оболочка.

Марион до утра сидела в ванной, а Эдди лежал на кровати. Раз или два он вставал и стучал в дверь, но Марион не отвечала, и ему стало страшно стучать. С первыми лучами солнца Эдди провалился в тревожный сон. Проснулся он с жуткой головной болью, где-то по радио пел «Смоки» Робинсон, а рядом лежала Марион и хотела заняться любовью.

В итоге он так и не сказал ей, что собирается уйти. Просто начал понемножку, день за днем, уносить на работу свою одежду, книги и кассеты и складывал их в ячейки камеры хранения на вокзале Юстон. Иногда его беспокоила мысль, что Марион заметит исчезновение его имущества. Но даже если она и замечала, то ничего не говорила. Они вообще почти не разговаривали. Когда Эдди входил в комнату, она подхватывала свои вещи, молча проходила мимо него и спускалась в холл или в столовую, где и сидела часами: писала

письма и беспрерывно курила.

Теперь Эдди выскальзывал из «Брайтсайда», надевая по нескольку рубашек и свитеров. Брюки от костюма он надел под свои кожаные штаны и так, контрабандой, вынес из дома и их. Книги и ботинки запихивал в футляр с гитарой. В последнее утро он оделся, взял футляр с гитарой и вышел из гостиницы, сказав мистеру Пателю, что, скорей всего, вернется поздно. Мистер Патель даже не поднял на него глаз.

— Хорошо, Эдди, — пробормотал он, продолжая писать, — хорошо, счастливо.

В это утро Эдди взял в баре расчет и сказал Джейсону, что если его будут спрашивать, то он уехал в Южную Америку.

На репетиции он спросил у Джейка, нельзя ли пожить несколько дней у него в доме, в Блекхит. Сказал, что дома возникли некоторые сложности и ему нужно залечь на дно и немного собраться с силами. Джейк покачал головой. Момент неудачный, сказал он. К сожалению. У него дома как раз сейчас живет человек двенадцать французов, играющих регги, и места не хватит даже котенка приютить. Он их всех привез из Парижа, чтобы сделать демонстрационные записи вместе с «Сакс машин».

— У меня ведь самая обычная квартира, — жалобно проговорил он, — а не Медисон-Сквер-Гарден, Эд. В любое другое время — пожалуйста, но не сейчас.

— Черт возьми, Джейк, — сказал Эдди, — мне правда некуда податься. Я готов спать в ванной или в прихожей — где скажешь.

— Господи, Эдди, у меня в ванне уже ночуют два человека, и еще один — аж в биде, понимаешь? Говорю же, народу как сельдей в бочке, Эд. Кроме шуток.

— Джейк, пойми, я бы тебя не попросил, если б дела у меня не шли так хреново…

— Эдди, ты меня знаешь, ради тебя я последнюю рубашку готов снять, но сейчас ничем помочь не могу.

— Разве у тебя нет друзей, Эдди? — спросил Анди.

— Конечно есть, — ответил Эдди. — Господи, конечно есть, просто сейчас я хочу смыться от всех, чтоб никого не видеть.

Паук перестал упражняться с большим барабаном и посмотрел на Эдди.

— Можешь немного пожить у меня, — сказал он. — Раз у тебя и вправду все так хреново, перебирайся ко мне.

— Паук, — сказал Эдди, — ты замечательный парень.

— Точно, — поддержал Джейк, — его кровь нужно разливать по бутылочкам и продавать как реликвию.

Эдди перебрался в берлогу Паука на Электрик-авеню в Брикстоне. В первый вечер они засиделись допоздна, и Эдди напился до отупения. Он сказал Пауку, что застал Марион, когда она крутила любовь с его лучшим другом, вот и пришлось на время с ней расстаться. Паук понимающе кивнул. Он согласился, что измена — скверная штука, но прибавил, что совершенно не хочет, чтобы Марион явилась сюда и закатила скандал. Эдди обещал, что такого не случится.

— Я не хочу, чтобы вы тут у меня устраивали свои разборки, — предупредил Паук. — Я серьезно, Эдди.

— Паук, — невнятно пробурчал Эдди, — вот те крест, Богом клянусь, дружище…

— Я имею в виду, ты можешь сказать ей, что живешь здесь, но мириться будете на нейтральной территории, понятно?

— Послушай, я вообще не собираюсь ей говорить, что я тут. Иначе она мигом притопает за мной.

Паук сказал, что это не больно-то честно.

— Ты ее не знаешь, Паук, — сказал Эдди. — Поверь, эта девица на все способна.

Два дня и две ночи Эдди просидел в гостевой комнате квартиры Паука, притворяясь, будто подхватил какой-то непонятный летний грипп. Скрип ступенек или стук футбольного мяча на лестничной площадке напрочь выбивали его из колеи. Он спал целыми днями, а проснувшись, чувствовал себя разбитым и отупевшим, зато по ночам, лежа без сна, думал о Марион и о том, как вероломно оставил ее. Иногда ему снились сны: он видел себя на лестнице «Брайтсайда», и на каждой лестничной площадке стояла она — стояла неподвижно, в тени, скрестив руки на груди и широко раскрыв глаза, а ее тонкое лицо покрывали бумажные буквы. Он явно хватал через край с наркотиками.

Примерно неделю спустя Паук спросил, не угнетает ли Эдди, что он ушел от Марион вот так, даже не попрощавшись. Эдди сказал, что это натуральный сексизм и вообще-то Марион не развалится на части от того, что рядом с ней нет мужчины. Он, Эдди, действует правильно. И совесть у него абсолютно чиста. Только по-настоящему сильный человек способен уйти вот так и

взять всю вину на себя. Паук рассмеялся.

— Я думал, твоей вины тут нет, — сказал он.

Эдди никак не мог объяснить ему, что он хотел сказать, но Паук махнул рукой: дескать, все нормально, пусть Эдди не напрягается. Ему совершенно наплевать, в чем там у них дело. Это Эддины проблемы, и ему, Пауку, незачем в них соваться. Для себя он давно все решил. У него самого сейчас период, который он витиевато именовал «периодом целибата». С точки зрения Паука моногамные отношения ничего хорошего не сулили. Встречаешь девушку, влюбляешься, а заканчивается все скандалами и нервотрепкой. Черт возьми! Нет, Пауку такие «радости жизни» на фиг не нужны.

— Счастливые любящие пары, — фыркал он. — Нет уж, увольте!

Жилище Паука выглядело непривычно; Эдди никогда не видел ничего подобного — разве что в документальных фильмах, которые крутят ночью по четвертому каналу. Вся мебель была из стальных трубок и черной кожи — Паук подрабатывал охранником на складе офисного оборудования, — и повсюду стояли диковинные растения в глиняных горшках. Паук обожал растения. Они были повсюду — свисали с потолка,

разрастались в сушильном шкафу, выползали из-под черных пластиковых панелей. В глубине души Паук был хиппи. Да-да, именно хиппи. Он яростно это отрицал, но на окне у него висел замысловатый «мобайл» из белых бумажных лебедей, а под раковиной было припрятано собрание сочинений Джони Митчелл[53]. В подпитии Паук начинал многословно рассуждать о Вудстоке, словно сам бывал там. Кроме того, он писал повесть «о рождении». Какие еще нужны доказательства?

Эдди занимал отдельную комнату, но матрас там был тонкий и бугристый, поэтому днем, когда Паук уходил, Эдди валялся на его кушетке, пытаясь хоть немного поспать. В комнате Паука на черном столе у стены стояла компьютер. В углу находился книжный шкаф с весьма впечатляющим набором книг — биографии художников эпохи Возрождения, романы на французском, тонкие томики стихов, но эти книги явно никогда не читали. Они были расставлены очень аккуратно, по цвету корешков, начиная с красного на нижних полках и заканчивая фиолетовым на верхней.

---

[53] Примечания: 53

Митчелл Джони (род. 1943) — канадская эстрадная певица, композитор и поэт.

Жилье неплохое, только вот очень сыро. Зимой одежда Паука становилась волглой, жесткой, от сырости плесневела; чтобы хоть немного защитить ее, он покрыл внутренние стенки платяных шкафов толстым слоем фольги. Эдди не сразу к этому привык: открывая дверцу шкафа, он порой в испуге отскакивал назад, увидев свое отражение. Паук, похоже, тратил все свои деньги на шмотки. Каждые выходные он притаскивал домой огромные пакеты с новомодной одеждой из Сохо или с Кингз-роуд. В конце концов Эдди примирился с доморощенной системой защиты от влаги.

Брикстон — славное местечко, в особенности летом: множество фруктовых ларьков, лавчонок, больших магазинов, где продавали по сниженным ценам старые аудиозаписи, и прорва людей, пытающихся всучить вам совершенно ненужные вещи. Эдди нравилось гулять по главной улице, заглядывать в окна, смотреть на рокеров, и уличных певцов, и красивых девушек, слушающих хип-хоп, громыхающий из кафе и контор заказа такси. Здесь он увидел таких чернокожих, каких в жизни не встречал, — кожа у них была до того темной, что на ярком солнце казалась не черной, а темно-синей. По-ирландски чернокожих имен-

но так и называют: *fear gorm*, синий человек. Впервые в жизни Эдди уразумел смысл этого выражения.

В Брикстоне всегда играла музыка. В квартирах, на рынке, в парикмахерских — везде звучал регги, соул, бибоп-джаз, блюз. А воскресными утрами к этому разнообразию присоединялись звуки гимнов из церкви пятидесятников.

Паук сводил Эдди в расположенный над прачечной клуб, где всю ночь играли блюз. «Мутные воды» и «Воющий волк». Роберт Джонсон и Элмор Джеймс. Джонни Уинтер, Сонни Терри и Брауни Мак-Ги[54]. Строго говоря, это был клуб только для черных. Однако Паука пускали туда без проблем, поскольку однажды он оказал хозяину какую-то услугу, о которой не любил распространяться. С Эдди проблем тоже не возникло, потому что он был ирландец. В темном и маленьком помещении пахло «травкой». Опилки на полу, банки с пивом, бутылки с ромом. Вместо столов доски, положенные на ящики из-под пива. Музыку включали на полную мощность, выводя уровни на максимум. Иногда играли и «живьем», молодые ребята с расстроенными гитарами пели

---

[54] Примечания: 54
Известные американские исполнители блюза и композиторы.

печальный блюз, злая всклокоченная девица долбила по клавишам старенького пианино и что-то визжала о полиции. Паук сказал, что это и есть настоящий блюз. Он сказал, что главное в этой музыке — чувство и что блюз не имеет ничего общего с суррейскими ребятишками из среднего класса, которые играют на электрогитарах, полученных от мамочек в честь окончания колледжа. Иногда Эдди и Паук сидели здесь всю ночь, не говоря ни слова, потому что музыка была слишком громкой, — единственные белые в клубе. Им не было дела до враждебных взглядов, они смеялись и пили, чувствуя себя почти счастливыми.

Однажды в пятницу вечером они пошли в Академию посмотреть на «Погиз». Но очереди оказались слишком большими, и войти они не сумели. Паук был раздосадован, а Эдди облегченно вздохнул. Здесь кишмя кишели ирландцы, все молодые и все пьяные. Он по-прежнему панически боялся встретить Марион или кого-нибудь из ее подруг. Ему с такой ситуацией не справиться, но Пауку об этом не скажешь. На обратном пути Эдди притворился, что тоже огорчен. Знал, что ведет себя как полный дурак, но ничего не мог с собой поделать.

В эти недели ему иной раз хотелось позвонить

Марион, просто сказать, что с ним все в порядке, и выяснить, как дела у нее. Несколько раз поздним вечером он обнаруживал, что стоит в телефонной будке, с трубкой в руке, и набирает номер «Брайтсайда». Однажды он все-таки позвонил; трубку взял мистер Патель, голос его звучал тепло и дружелюбно. Эдди едва не заговорил с ним, хотел просто поздороваться, попросить Марион, объяснить ей все, сказать, что ему очень жаль и что он хочет, чтобы они остались друзьями. Но все-таки повесил трубку. В следующий раз, когда он позвонил, к телефону подошел кто-то незнакомый — молодой азиат, с мягким шепелявым голосом.

Эдди пытался и письма писать, длинные абзацы самооправданий, тонкие смеси большой откровенности и большой уклончивости. А както ночью, осушив бутылку «Саутерн комфорт»[55], сел и написал все как на духу, ничего не скрывая, не стараясь щадить ни чувства Марион, ни свои собственные. Наутро он все разорвал и выбросил, даже не потрудившись прочесть. В глубине души он знал, что время откровенности миновало. Прошел уже почти месяц после его бегства. Разве сейчас напишешь ей, вот так просто, будто про-

[55] Примечания: 55
Крепкий сладкий алкогольный напиток.

исшедшее между ними еще можно объяснить?

— Давай посмотрим правде в глаза, Эдди, — сказал Паук, — ты вел себя как ублюдок. Это не преступление. Каждый человек хоть раз в жизни так поступает. Но незачем обманывать себя и делать вид, что можешь все исправить.

В Брикстон пришло лето. Люди надели шорты и зеркальные очки. На уличных углах установили водонапорные трубы, расход воды был нормирован. От жары продукты в магазинах портились. Улицы пропахли гнилыми грушами, ананасами, бананами. Несколько сопляков, продававших воду старикам пенсионерам, загремели под арест. Молодые мужчины сидели на ступеньках ратуши, с бутылками холодного «Гиннесса». В Брокуэлл-парке одна женщина сошла от жары с ума и объявила садовнику, что она Иисус Христос. Раскаленный июль перетек в август, а Эдди так и не поговорил с Марион.

Паук ко всему относился спокойно, только сказал, что не может платить за все. Ему претит грубый материализм, но Эдди придется найти работу, или получить пособие по безработице, или торговать собой, или заняться чем-нибудь еще. Эдди устроился в другой бургер-бар, на вокзале Виктория, где, как он считал, почти нет риска

встретить Марион.

С Эдди работал чернокожий парень, который умел выбивать зубами барабанную дробь. Предел восторга! В остальном все было точно так же, как в Юстоне. Правда, Эдди успел накопить кой-какой опыт и вообще привык к этой работе. Его не тошнило, когда он приходил домой по вечерам, и от начальства он никаких поблажек не ждал. Даже начал получать удовольствие. Почти. Народ смеялся над его «ирокезом», торчащим сквозь специальную щель в дурацкой бумажной шапке. Клиенты вроде бы симпатизировали ему. Он закрутил короткий роман с красивой девчонкой из Дублина, первокурсницей из Тринити-колледжа, которая приехала в Лондон на летние каникулы. Через неделю она уехала, но Эдди нисколько не огорчился. Он решил последовать совету Паука. Никаких серьезных связей, по крайней мере пока. Старался выбросить Марион из головы, не думать о ней. К его удивлению, получалось.

Но как-то раз на работе произошел странный случай. Среди дня Эдди показалось, что он видит Марион, она стояла в вокзальной суете и будто ждала кого-то. Эдди спрятался за кассой, украдкой наблюдая за ней. Она немного похудела, но выглядела хорошо в своей белой футболке и обле-

гающих черных шортах. Она неподвижно стояла у билетных автоматов, листала журнал и время от времени посматривала на часы. Глядя на нее, Эдди почувствовал, как кровь отхлынула от лица. На миг ему захотелось подойти к ней, просто поздороваться, сказать, что он очень сожалеет, что все так получилось, что он вел себя по-свински. Он выпрямился, прочистил горло и уставился ей в спину, но потом передумал. Зашел в подсобку к боссу и сказал, что плохо себя чувствует. Потом чуть не целый час прятался в туалете, ходил взад-вперед и курил. Какой-то мужик средних лет предложил ему за тридцать фунтов пойти с ним в гостиницу. Эдди послал его подальше. Когда он вышел в зал, Марион уже исчезла. Он поинтересовался у босса, не спрашивал ли его кто-нибудь за время отсутствия. Нет, ответил тот, никто. Теперь Эдди и правда стало плохо. Он сел за стойкой на пол, обхватил голову руками, потный, дрожащий. Через полчаса босс отправил его домой.

Несколько дней Эдди просидел в квартире, кутаясь в одеяло. Выглядел он ужасно и чувствовал себя по-прежнему паршиво. Вздрагивал от каждого телефонного звонка. В конце концов начал снимать трубку с рычага и класть рядом с

аппаратом, чем доводил Паука до исступления. Сперва его терзала тревога, потом чувство вины. Когда же и чувство вины ушло, он опять начал тревожиться — из-за того, что не чувствовал себя виноватым.

Он пытался бросить курить, бросить наркотики, но ничего не вышло. Когда вечерами возвращался Паук, они подолгу сидели вдвоем, укуривались до умопомрачения и слушали странные мелодии ситара. Иногда они ходили в клуб, но и там Эдди было неспокойно. Он не нравился тамошним завсегдатаям. Читал неприязнь в их глазах. Они фыркали и с кривой ухмылкой называли его «боссом».

Он пытался уйти в музыку. К середине августа репетиции наконец наладились и раз-другой даже прошли вполне прилично. Паук и Клинт прекрасно работали вместе. В итоге они сделали новую демонстрационную запись, и Джейк начал рассылать ее по компаниям звукозаписи, целуя каждый конверт перед тем, как бросить его в почтовый ящик.

Паук пытался познакомить Эдди кое с кем из девиц, что вились вокруг него и Клинта после выступлений. Некоторые были ничего, но Эдди никогда не проявлял к ним особого интереса.

Паук и Клинт стали задумываться, уж не голубой ли он и не в этом ли причина его разрыва с Марион. Однажды вечером, подсев к Эдди, Паук сказал ему, что друзьям надо доверять, что все мы иногда кой-чего стесняемся и что человеческая сексуальность — это спектакль, а не монолог.

— Паук, — простонал Эдди, — ты о чем говоришь, черт подери?

Потом Эдди пришло в голову, что Марион станет просматривать «Сити лимитс» и заявится на одно из выступлений «Твердокаменных». Этого не случилось, но он стал еще более скрытным и боязливым. Выходя на улицу, непременно надевал черный вязаный шлем. Когда Клинт, Паук и Джейк выбирались в клубы Уэст-Энда, Эдди изобретал дурацкие оправдания, только чтобы остаться дома. Он выходил из дому все реже и реже, в магазин или чтобы посидеть одному в Брокуэлл-парке. А в конце концов стал появляться лишь на выступлениях, но и туда приходил последним, а по окончании немедленно уезжал на такси, словно какой-нибудь Элвис Пресли, который спешит в Грейсленд[56] к школьнице-подростку и двойному чизбургеру, — так

[56] Примечания: 56

Грейсленд — поместье в Мемфисе (Теннесси), где жил и похоронен король рок-н-ролла Элвис Пресли.

определил эту его привычку Джейк. Эдди говорил всем, что пение требует от него огромной отдачи и после этого ему необходимо побыть одному. Некоторое время у ребят хватало такта не смеяться над ним.

Но однажды вечером Паук припер его к стенке. Выступление было назначено в «Гордости Эрина», и Эдди наотрез отказался туда идти. Дело в акустике, сказал он, акустика там паршивая. Паук заметил, что все это чушь собачья, «Твердокаменные» играли в таких местах, где акустика была не лучше, чем в железной бочке. Эдди в конце концов пошел на попятный и признался, что дело в Марион. Встречи с ней он не выдержит. Паук рассвирепел и объявил, что Эдди законченный параноик.

— Ну что такого может случиться, — спросил он, — даже если ты где-нибудь и встретишь ее? Она ведь тебя не кастрирует, верно?

Эдди сказал, что вовсе в этом не уверен.

— Знаешь, Эдди, — сказал Паук, — иногда мне кажется, в ваших отношениях есть кое-что, о чем ты не рассказываешь.

— *Et tu*[57], Паук? — сказал Эдди. — Слушай,

---

[57] Примечания: 57
И ты *(фр.).*

отстань от меня, а?

И вот субботним вечером в конце августа Паук поставил Эдди ультиматум. Сказал, что больше так продолжаться не может, что из-за Эдди он сам чувствует себя на сцене виноватым и что все это его достало. Ему кажется, будто он живет в одной квартире с Чарлзом Мэнсоном[58]. Эдди должен либо взять себя в руки, либо убираться к чертовой матери.

— Я сегодня еду на кислотную тусовку, — сказал Паук. — Ты идешь со мной, Эдди, либо катишься отсюда ко всем чертям. Мне очень жаль, старик, но кто-то должен пнуть тебя под зад.

Они заспорили. За кого Паук, черт подери, себя принимает? — спросил Эдди.

— Когда мне понадобится твой совет, — сказал он, — я сам тебя спрошу.

Паук сказал, что у него от Эдди крыша едет.

— Не хочу давить на тебя, парень, — объявил он, — но если так будет продолжаться, Эдди, ты окажешься там, где у дверей нет ручек, и я вместе с тобой.

Кислотную вечеринку устраивали в цирковом шатре где-то возле Волшебной карусели (так Паук

---

[58] Примечания: 58

Мэнсон Чарлз — убийца американской актрисы Шарон Тэйт и еще шести людей в Лос-Анджелесе в 1969 г.

называл окружное шоссе М-25); нужно было позвонить по телефону в одиннадцать и уточнить подробности.

— Ты идешь со мной, Эдди! Либо мы идем вместе, — сказал Паук, — либо ты отсюда сваливаешь.

— Черта с два! — заорал Эдди. — Нечего мной командовать!

В машине Паук извинился, что вел себя как какой-нибудь фашист. Вечеринка Эдди наверняка понравится.

— Брось, старик, — улыбнулся он, — нельзя жить отшельником только потому, что ты боишься своей прежней цыпочки. На ней жизнь не кончается.

Эдди притворился было, что не может разобраться в карте, но это не сработало. Паук дорогу знал.

Первое, что они увидели, добравшись до места, была длинная вереница машин: старенькие «мини», «моррис-майнорз», один или два «ягуара». У шатра их обыскали парни с бычьими затылками, в рубашках с надписями «Фирма Интерсити». С такими шутки шутить не станешь. Башмаки «Док Мартенс», ремни, браслеты, пряжки, сплошные татуировки на предплечьях, а у одного или двух

— даже на лице. Все вооружены бейсбольными битами и велосипедными цепями; двое держали на поводках рычащих ротвейлеров.

Внутри стоял густой запах свежего пота и амилнитрата[59]. Пол был сырой, скользкий и липкий. Такое впечатление, что все вокруг пьют «Лукозейд» или смородиновый сок. Из громадных подвесных динамиков гремела музыка, разноцветные огни освещали колышущееся море тел, двигавшихся в такт музыке. Огромная надпись из зеленых лампочек возвещала; «НЕ ВЕРЬТЕ ШПРИЦАМ!»

На балконе, где обычно играл цирковой оркестр, собралась компания диджеев.

Потрясные ребята. Они что-то выкрикивали в микрофоны, приплясывая и подпрыгивая, причем так быстро, что Эдди не мог разобрать ни слова. Пока один выдавал рэп, остальные стояли за его спиной, подбадривали, похлопывали по спине, прихлебывая из бутылок, в которых, судя по всему, была текила. Небольшого роста чернокожий парень в красной клетчатой шляпе сорвал настоящую бурю аплодисментов. Он выкрикивал слова в микрофон, раскачиваясь из стороны в

---

[59] Примечания: 59
Наркотик, который вдыхают, вскрывая ампулу.

сторону, расставив полусогнутые ноги, одной рукой придерживая шляпу, — голосил как в истерике, но ни на секунду не сбился с такта. Пол и опоры шатра вибрировали от мощных басов, Эдди чувствовал, как эта дрожь пробирает его насквозь. Обрывки «соулов» Джеймса Брауна и Ареты Франклин гулко грохотали из усилителей.

Паук выглядел так, словно умер и попал в кислотный рай. Он закрыл глаза и повторял слова припева, опустив плечи, тихонько покачиваясь из стороны в сторону. В призрачно-фиолетовом свете его белая рубашка казалась лиловой. Посредине композиции «Заплатит сполна» он вытащил откуда-то из трусов крохотную коричневую бутылочку.

— Амилнитрат, — проворковал он, — мы любим тебя.

Эдди никогда раньше не пробовал этот наркотик. Он закрыл глаза, втянул носом воздух и почти в ту же секунду ощутил, как подпрыгнуло сердце. Нюхнул еще раз — и ему почудилось, что в груди бьется какое-то живое существо. Из глаз хлынули слезы. Паук хлопнул его по спине. На Эдди волной накатила дурнота, а затем — ощущение необыкновенной легкости и счастья. Оно зарождалось в кончиках пальцев ног, поднима-

лось вверх, к бедрам. Словно ноги у него слегка затекли, а теперь кровь снова свободно струилась по жилам. Паук показал ему большой палец: мол, все отлично.

— Взбодрись, — посоветовал он, — забудь свои печали.

Как выяснилось, у Паука здесь масса знакомых и все, похоже, были ему рады. Хорошенькие девочки мимоходом целовали его, кое-кто из хорошеньких мальчиков тоже. Паук приветствовал их своей обычной сардонической усмешкой, протягивал руку, а его приятели с размаху хлопали по ней ладонью. Паук и Эдди с многими познакомил.

— Это Эдди Вираго, ребята, — говорил он, — лето он провел в глубокой заморозке, но мы извлекли его на свет Божий.

Впервые за все лето Эдди почувствовал, что может расслабиться.

Одежда делала собравшихся до странности бесполыми. Почти все были в свободных футболках до колен, мешковатых джинсах, дорогих кроссовках. Одна-две девушки в облегающих коктейльных платьях, красных или черных, и один-два парня в шикарных костюмах, но они выглядели тут совершенно неуместно, а кроме

того, им явно было неуютно и жарко. Танцующие двигались с закрытыми глазами, покачивая в воздухе высоко поднятыми руками, словно находились под водой и пытались вынырнуть на поверхность.

Паук танцевать не хотел и куда-то слинял, оставив Эдди в обществе девушки по имени Ровена, у которой была связь с крутым парнем из рекламы «Ливай-501», по крайней мере так она сказала. Работала она вроде как стилистом. По ее словам, такую работу трудно определить в двух словах. Эдди ответил, что охотно верит. Он потягивал из банки пиво и кивал в такт музыке, глядя, как Паук пробирается сквозь толпу. Судя по всему, кого-то разыскивает и блуждает по шатру с голодным видом. Потом Эдди увидел, как Паук встретился посреди зала с каким-то облезлым типом в кожаной куртке, с баками, пожал ему руку и обменялся банкнотами. Ровена сказала, что она встречалась с Роналдом Гифтом из «Файн янг каннибалз», но он теперь в ЛА. Эдди выразил ей сочувствие.

Манерный чернокожий парень на роликах начал продавать лотерейные билеты. На голове у него была японская повязка, белая, с красным кругом на лбу. Эдди хотел отказаться от билета,

но девушка объяснила ему, в чем дело. Лицензий на кислотные вечеринки не дают, поэтому гости должны покупать лотерейные билеты. Призом за каждый билет была банка «Ред страйп».

— Здесь нет проигравших, — сказал парень, — по крайней мере в теории.

Эдди купил два билета и один отдал девушке.

— Настоящий мот, — с ухмылкой съязвил продавец и скрылся в толпе.

Сперва Ровена не хотела брать билет. Сказала, что не пьет, но Эдди ей не поверил. Глаза у нее были влажные, будто она только что плакала. И пахло от нее чем-то сладковатым, похожим на бренди. Эдди сказал, что, по правде говоря, он бы предпочел принять дозу. Девушка показала дилеров, цепочкой стоявших вдоль стен, словно Христианские братья на танцах в ирландской школе. Он-то думал, здесь нет наркотиков, сказал Эдди, потому-то их всех и обыскивали при входе. Ровена ответила, что некоторые дилеры платят за то, чтобы их пустили внутрь. Это вроде как патент, сказала она. Они платят, чтобы снизить конкуренцию.

Эдди и Ровена немного потанцевали, не глядя друг на друга, но вокруг было слишком много народу, вдобавок те, кто уже успел принять дозу,

постоянно толкались и наступали им на ноги, так что они отошли в сторонку, сели на бордюр манежа и завели разговор о Пауке.

— Ты знаешь, что он служил в армии, — спросила Ровена, — в Северной Ирландии?

— Ни фига себе! — изумился Эдди. — Я понятия не имел.

— Да, и ему там крепко досталось. Его лучший друг погиб от бомбы, подложенной в машину. Пауку пришлось вытаскивать его, вернее, то, что от него осталось.

— Ты уверена, Ровена? — спросил Эдди. — Он никогда не говорил мне…

— Еще бы. Он не любит об этом говорить. После той истории он сильно изменился, — печально сказала она, — стал таким странным… Я совершенно его не понимаю.

— Господи боже мой, — воскликнул Эдди, — неудивительно!

— Паук в самом деле сбрендил. По-моему, он здорово не в себе, но он никогда меня не слушает.

Эдди тоже не слушал. Его внимание привлекло происходящее на арене.

Худенькая девушка с длинными темно-рыжими волосами шла сквозь толпу колышущихся тел,

в руке она сжимала микрофон и что-то яростно говорила, глядя в видеокамеру. Ее эскортировали парни в джинсах, с яркими лампами, освещавшими ей волосы. Впереди вышагивала деловитая женщина в красных очках.

— Эй, — сказала Ровена, — это же Саломея, верно? Из «Атаки искусства»?

Эдди, прищурясь, всмотрелся.

— Черт побери, ну да, она самая, — сказал он. — Саломея Уайлд.

— Да, круто, — сказала Ровена.

Эдди вскочил.

— Хочешь, познакомлю? — спросил он Ровену, застегивая верхнюю пуговицу рубашки. — Мы с ней вместе учились.

Ровена отказалась. Зачем докучать знаменитостям? Тем более что ей нужно еще кое-кого разыскать. Может, попозже они с Эдди все-таки потанцуют.

— Да, конечно, увидимся позже, — ответил Эдди.

Он стоял на бордюре, возвышаясь над толпой, и наблюдал за съемкой. Саломея была красивее, чем ему запомнилось, и увереннее в себе, это точно. Она что-то быстро говорила, жестами указывая вокруг себя, проводя рукой по волосам, но

музыка так гремела, что слов Эдди разобрать не мог. Каждый раз, когда режиссер опускал руку, кто-нибудь подходил к Саломее и поправлял ее макияж.

Эдди обратился было к женщине в красных очках.

— Слушай, — сказала она, — мы тут снимаем телепередачу, ясно?

Ежу понятно, что это не операция на сердце, сказал Эдди.

— Она моя давняя знакомая, — добавил он. — Идите спросите у нее самой.

Саломея Уайлд тоже его помнила.

— Мы знакомы, — сказала она, пожимая ему руку. — Я помню твою прическу. — Она уставилась в пространство, пытаясь вспомнить имя Эдди. — Ты дружил с Дином Бобом, верно? Все эти социалисты… — Слово «социалисты» она произнесла так, будто речь шла о туземцах с Сейшельских остовов. Да, это был его первый шаг к славе, подтвердил Эдди.

— Нет, серьезно, я узнаю твою прическу, — повторила Саломея; Эдди сказал, что узнал ее по телевизору.

— Ты очень любезен, — усмехнулась она.

Эдди напомнил, что его зовут Эдди Вираго.

— Верно, — произнесла она, будто это ставилось под сомнение.

— Ты занята? — спросил он.

— Знаешь, Эдди, — коснувшись его запястья, сказала Саломея, — еще и слов таких не придумали, чтоб передать, как я занята.

Она спросила, что он делал после учебы; да ничего особенного, сказал Эдди, так, группу собирал. Замечательно, сказала Саломея, приятно слышать, когда старые знакомые не тратят жизнь понапрасну. Ведь вся проблема Ирландии в том, что каждый только и делает, что без конца сетует на жизнь, но палец о палец не ударит.

— Конечно, звучит банально, — она сделала скучающий жест, — но я вправду думаю, что мы нация бездельников, верно, Эдди?

Каждый раз, когда она произносила его имя, Эдди ощущал приятную дрожь. Глаз не оторвать — до чего она была хороша, в этом синем платье, подчеркивающем фигуру. Блестящие, прекрасно подстриженные волосы, ногти покрыты черным лаком, восхитительная кожа, загорелая и гладкая, как у Дженнифер. С ума сойти. Эдди так ей и сказал, она рассмеялась.

— Если бы! — воскликнула она и опять спросила про Дина Боба.

В эту минуту подошел Паук, он словно чего-то ждал. Эдди сказал, что это один из участников его группы, ударник, Паук Симмс. Паук заметил, что он не только ударник, он занимается и творчеством, кое-что пишет.

— Где? — спросила она. — В рекламном агентстве?

— Нет, — ответил Паук, — у себя в берлоге. Пишу повесть о рождении.

Саломея состроила гримаску.

— Круто, — сказала она. Потом включила ручной переговорник. — Кот, пришли сюда Текса, если он там поблизости, ладно? — Текс ее друг. Вполне возможно, он сумеет дать Эдди и Пауку дельный совет. Он бисексуал, зачем-то сообщила она. Потом рассмеялась. — Не волнуйтесь, сейчас ему больше нравятся девочки. У него это волнами идет. Должно быть, влияние луны…

Текс занимался аудиозаписями в «Ред тейп рекордз» и первым делом попросил Эдди прислать ему пленку. Эдди сказал, что передаст поручение своему менеджеру; Текс уважительно взглянул на него.

— Ну-у, — протянул он, — у вас и менеджер есть? Кто же он?

Эдди сказал. Текс ухохотался до слез.

— Господи, Джейк Маллан! Никакой он не менеджер, обычный жулик. — Потом он сказал, что пошутил, Джейк и правда много лет в музыкальном бизнесе и успел разбить не одно сердце. Эдди сказал, что для него это не новость, но бизнес штука жестокая и без акулы вроде Джейка не обойтись, иначе барракуд не отгонишь. Текс кивнул: верно, можно и так посмотреть. Но дорога на рок-н-ролльные небеса вымощена костями тех, кто поверил посулам Джейка. Саломея сказала, что Текс — настоящий поэт, и ткнула Паука в бок, заметив:

— Вы с ним найдете общий язык.

Паук расплылся в дурацкой ухмылке.

Текс рассказал про Джейка несколько забавных историй. Паук слушал его с растущей тревогой. И с каждой новой историей все больше мрачнел. Как выяснилось, от «Бумтаунских крыс» Джейк отказался. В 1978 году он объявил им, что панк-рок умер. Через полтора месяца они подписали контракт на выступления с миллионным авансом, а Джейк заливал всем и каждому, что сделку устроил он. «Поспособствовал», как он выражается.

— Если Джейк скажет тебе, что он чему-нибудь «поспособствует», беги не задумываясь.

В другой раз, продолжал Текс, одной из групп Джейка предложили выступить в качестве поддержки на турне «Клаш», но Джейк отказался.

— Можете себе представить? Прокатил ребят, и все тут!

Нет, сказал Эдди, он этому не верит. Быть не может!

— Я слышал, — хихикнул Текс, — он сказал этим ребятам, которые сейчас неизвестно где, — так вот, он сказал им, — вы только послушайте! — что, когда он с ними закончит, «Клаш», видите ли, будут в ногах у них валяться, умоляя взять *их* в качестве группы поддержки. — Текс захохотал, прикрывая рот рукой. — Ну, брехло!

Рассказы Текса всполошили Эдди. Саломея Уайлд хихикала и твердила, что Текс — жуткий стервец, но Эдди чувствовал себя наивным идиотом. Паук помрачнел и задумался. Потом сказал, что хочет побыть один, и снова нырнул в толпу.

— Что с ним такое? — спросила Саломея. — Не очень-то веселый парень, а?

Да, сказал Эдди, по крайней мере сейчас, и прибавил:

— Натура у него творческая, вот в чем дело.

— Я не хотел обидеть твоего друга, — виновато сказал Текс. — Язык мой — враг мой.

Саломея велела Эдди оставаться поблизости, съемки почти закончены, а после можно будет выпить по бокальчику пива. И Эдди толкался на арене, наблюдая за съемкой и пытаясь попасть в кадр.

Когда все было закончено, съемочная группа принялась собирать аппаратуру, а Саломея спросила Эдди, не хочет ли он немного размяться. Он в общем-то не хотел, но все-таки согласился.

Саломея танцевала как робот. Не сходя с места, покачивала бедрами, руки ее двигались с угловатой грацией, словно это был не танец, а бой с тенью. То и дело она наклонялась к Эдди и выкрикивала ему в ухо имена знакомых по колледжу; в ответ он кричал, что не знает, о ком она говорит, или выкладывал последние сплетни, которых, впрочем, было не так много.

Все остальные в зале танцевали ламбаду, весьма эротичный латиноамериканский танец, новинку этого лета. Больше всего он напоминал Эдди занятия сексом стоя. Они с Марион проделывали такое — в одну из жарких апрельских ночей, на балконе. Эдди смотрел на извивающиеся тела танцоров, ощущая неизъяснимую неловкость.

Тем не менее Эдди и Саломея нашли общий язык. Она смеялась над его шутками, он — над ее.

Когда, покидая танцплощадку, Эдди взял ее за руку, она не возражала. Текс и женщина в красных очках поджидали ее, всем своим видом выражая нетерпение. Ей надо торопиться.

Саломея сказала Эдди, что неплохо бы как-нибудь встретиться. Например, вместе поужинать. Вспомнить старые времена. Эдди сказал, что идея и правда замечательная, и Саломея дала ему свою визитку, написав на обороте домашний адрес и телефон. Она жила в Сент-Джонз-Вуд.

— Ого, — сказал Эдди, — впечатляет.

— Брось, — рассмеялась она, — я просто снимаю квартиру.

Эдди хотел сказать, что имел в виду ее визитку, но промолчал. Только пообещал, что скоро позвонит.

— Обязательно позвони. — Саломея поцеловала его в щеку и улыбнулась. — Расскажешь про Дина Боба. Мне очень интересно, чем он сейчас занимается.

Прощальное рукопожатие затянулось — женщина в красных очках уже готова была взорваться от нетерпения.

— Идемте, Саломея, — твердила она.

— Все-все, иду. — Саломея вздохнула и опять повернулась к Эдди. — Кстати, не обращай

внимания на то, что Текс говорил про вашего менеджера. Этот сукин сын вечно все преувеличивает.

— Ясное дело, — рассмеялся Эдди, — я так и подумал.

Когда Саломея уехала, Эдди послонялся по шатру, проклиная в душе Дина Боба и пытаясь найти Паука и Ровену. Ему было хорошо, только вот музыка слишком громыхала — настоящий крутой регги, бешеная дробь ударных и вибрация басов. Кое-кто из «кислотников» еще танцевал, они явно приняли не одну дозу и двигались как марионетки на невидимых веревочках. Но в основном народ уже рухнул на пол — кто спал, кто обжимался, кто глазел вверх, на свод шатра, будто на купол планетария. Пожалуй, на этой стадии для многих так оно и было.

Эдди выпил еще пива, теплого и противного, и снова поискал глазами Ровену, но ее не было. Он присел на бордюр, глядя на танцующих, и задумался о Марион. Черт, все у них складывалось не так уж плохо. Попробовал вспомнить самые лучшие минуты. День, когда они бродили по городу. Вечер, когда отправились к ипподрому и нашли на Чаринг-Кросс-роуд двадцатифунтовый банкнот. И даже тот день, когда она поругалась с

Фрэнком. Черт побери, Эдди не мог не признать, что в этом была и смешная сторона. Но теперь все кончено. Обычная история, ничего особенного. Ничьей вины тут нет, вот что надо помнить, сказал он себе. Теперь он это понимает. Каждый день люди встречаются и расстаются. Такова жизнь. Не герои романов, а просто мужчины и женщины. Ничто, сказал себе Эдди, не может длиться вечно.

Что ни говори, без него ей гораздо лучше. Дин Боб прав. Нужно быть честным с самим собой. Теперь ей гораздо лучше. В этом Эдди совершенно уверен. Сейчас он отчетливо это понимает. Черт, он же оказал ей услугу! Встретив его через год-другой, она, возможно, скажет: спасибо тебе, дружище, спасибо большое, ты в самом деле оказал мне тогда услугу. Порой в жизни нужно принимать трудные решения, поступать по-мужски, серьезно относиться к своим обязанностям. Однажды она это осознает. Если уже не осознала. Так и будет. Эдди не сомневался.

Он спрятал разгоряченное лицо в ладонях. Ему очень хотелось, чтобы музыка умолкла.

Чертов кретин, думал он. Идиот, почему ты позволил ей уйти?

Паука Эдди нашел за шатром. Лицо у него было

покрыто коркой засохшей рвоты, но лежал он на боку и все-таки дышал, а это уже обнадеживало. От росы одежда Паука промокла насквозь. Эдди пнул его ногой, но безрезультатно: Паук не просыпался.

Вдалеке за влажными изгородями занимался новый день. В рассветных сумерках Эдди различал высотные здания. На траве, будто фугасы, лежали коровьи лепешки. Холодно. Где-то запели птицы, но Эдди не видел их.

Проснувшись, Паук не понял, где находится. Эдди сказал, что у него на лице блевотина.

— Интересно, чья? — простонал Паук, потом засмеялся, но тотчас схватился за ребра и взвыл от боли. Ему было скверно. Он рассказал Эдди, что пережил жуткую галлюцинацию, в которой был бананом. Эдди начал смеяться. Паук сказал, что ничего смешного тут нет. Ему казалось, что с него пытаются снять шкурку. — Ты представь себе, Эдди. Жутко ведь.

Кто-то снял с их машины зеркало заднего вида, но Паук даже внимания не обратил. Машину вел Эдди. Всю дорогу до Лондона Паук беседовал сам с собой. Его очень тревожил Джейк. По его мнению, тот парень, Текс, действительно знал, о чем говорил. Эдди сказал, что уверен: даже о

Брайане Эпштейне[60] рассказывали такие вещи. Может быть, сказал Паук, но у Эпштейна, по крайней мере, были «Битлз». Он прислонился виском к окну.

— Мы-то не легендарная четверка, Эдди, — вздохнул он.

— Верно, — отозвался Эдди, — но давай смотреть на вещи со светлой стороны. Все может измениться только к лучшему, согласен?

Когда машина остановилась возле берлоги, Паук заплакал, закрыв лицо руками.

— Боже мой, нет, — стонал он, — не может быть, только не это! Впервые за много месяцев квартира осталась пустой, и вот на тебе…

Его лицо стремительно меняло цвет, краснело, белело, синело. Он лупил кулаком по приборной доске. Эдди кусал ногти, глядя на разбитые окна, и курил последнюю сигарету. Денек будет паршивый, *это точно.*

Едва Эдди тронул входную дверь, она качнулась и, сорвавшись с петель, рухнула внутрь, как пьяница в баре. Эдди вошел.

Туалет был залит быстросохнущим цементом, а все трубы разбиты. Ковер усыпан известкой

---

[60] Примечания: 60
Эпштейн Брайан — менеджер «Битлз».

и осколками плитки. Гитара Эдди расколота надвое, части держались только на струнах. Компьютер исчез.

— О, боже, — плакал Паук, — моя повесть, она была там…

— Хрен с ней, с повестью, — рявкнул Эдди. — Ты посмотри, мать твою, что с моей гитарой! Господи, как она отыскала это место?

— Ты о чем, придурок? — оборвал его Паук. — Это все мой долбаный домохозяин. Он уже несколько месяцев пытался сюда пробраться.

Одежда, книги, записи — все исчезло. Двери платяного шкафа, сорванные с петель, валялись на полу. Когда Паук щелкнул выключателем, ничего не произошло. В палисаднике Паук снова заплакал: все его растения были вырваны с корнем и кучей свалены на землю.

Обозрев разгром, Эдди и Паук решили выпить кофе и все обсудить. Чайника не было. Чашек тоже. И кофе исчез. Это окончательно добило Паука.

— Черт, — выдавил он, — ну и сволочь, даже на такую фигню позарился, на кофе! Господи боже мой! — От ярости он готов был все вокруг раскурочить. Только курочить было уже нечего.

Они сидели на ступеньках и пили воду из ме-

таллической миски, которая, непонятно почему, лежала у Паука в багажнике. Паук то и дело хватался за голову и повторял, что этого не может быть. Он сказал, что ему придется искать другое жилье, а на это нужно время. Эдди придется пожить где-нибудь еще.

— Ладно, приятель, — сказал Эдди, — спасибо тебе большое.

Он не виноват в том, что случилось, ответил Паук.

Из-за облака выплыло великолепное золотое солнце. Сделать можно было только одно, и Эдди знал, что действовать нужно быстро. Он мигом прошел до конца Электрик-авеню, где стояла изрисованная граффити телефонная будка, и едва не рассмеялся от облегчения, обнаружив, что аппарат исправен. Выгреб из карманов мелочь и дрожащей рукой набрал номер. В трубке щелкнуло и зажужжало, потом раздались длинные гудки. Эдди вцепился пальцами в свой «ирокез». Голос на том конце линии звучал тихо и сонно. Эдди сглотнул, потер небритый подбородок.

— Алло? — хрипло проговорил он.

— Да? — Женщина зевнула.

— Саломея? Это Эдди. Эдди Вираго. Помнишь? Мы виделись вчера вечером.

— Ах да, привет. Господи, Эдди! Сколько сейчас времени?!

— Я знаю, знаю… Слушай, Саломея, не сердись, мне правда очень нужно с тобой встретиться.

— Что? Что-то случилось? У тебя какой-то странный голос, Эдди.

— Ну, понимаешь, неприятность с квартирой. Вернулся домой, а квартира захвачена.

— Эдди, ты шутишь?

— Если бы, Саломея. Ты наверняка не поверишь, но, пока я был на тусовке, какие-то скваттеры, похоже скинхеды, вломились вчера вечером в мою квартиру и теперь не пускают меня в дом. У меня там все — одежда, бумажник, все вещи. Они забаррикадировали дверь. Я ни души не знаю в Лондоне. Все знакомые разъехались на выходные. У меня ни денег нет, ничего…

Саломея молчала.

— У них ножи, Саломея, и собаки ротвейлеры или кто-то в этом духе, не знаю, в общем, полный кошмар, понимаешь?

— Господи, Эдди. Как это все неприятно. Ты вызвал полицию?

— Они ничего не могут сделать. Все это якобы законно, мать их, прости за грубость. В смысле, это решение совета или вроде того.

— Даже и не знаю, что сказать… Ужас какой!

— Саломея, ты извини, конечно. Мне очень, очень стыдно. Прямо лицо горит, честное слово. Я сквозь землю провалиться готов, но, пожалуйста, мы можем встретиться сегодня?

— Ну, не знаю…

Эдди пошмыгал носом в трубку.

— Саломея… Я просто ума не приложу, как быть, клянусь! Не иначе как придется ночевать где-нибудь на набережной. Мне очень неловко звонить тебе вот так, но у меня с собой был твой номер телефона, а моя записная книжка — она там, в квартире, у тех парней, а сегодня воскресенье, никого не найдешь… — Засим последовали тихие всхлипы и энергичное шмыганье носом.

— Прекрати, Эдди, — сказала Саломея, — не паникуй. Пожалуйста, перестань плакать. Ладно, подъезжай, давай встретимся. Ты знаешь кафе «Дикий Запад»? Да, как раз напротив моего дома. Рядом со старой церковью. Жди меня там, я накормлю тебя завтраком. И ради бога, успокойся. Это не конец света.

— Саломея, — сказал он с искренним облегчением, — я никогда этого не забуду. Ты настоящий ангел.

Церковный колокол пробил двенадцать, когда

Эдди добрался до кафе. В два десять он получил разрешение переночевать у Саломеи. В три они сидели у Саломеи в квартире и за бутылкой вина беседовали о человеческих взаимоотношениях. В начале шестого он закончил рассказ о своей жизни. В шесть тридцать было решено, что он останется на неделю. В семь пятнадцать Саломея уехала на студию, Эдди звонил по телефону, а над улицами и садами Сент-Джонз-Вуд плыл звон колоколов.

Паук привез Эддины вещи. Саломея как раз рассказывала о вчерашней кислотной тусовке. На экране, сказал Паук, все выглядит гораздо красивее, чем в реальной жизни.

— Не уверен, что ты в состоянии об этом судить, — сказал Эдди.

Паук оглядел огромную роскошную квартиру и изумленно присвистнул.

— Неслабо, — сказал он. — Ты, Эдди, всегда приземляешься на все четыре лапы, верно?

— Ну, это только на месяц или около того, в самом крайнем случае на полтора, пока я не разберусь со своими делами.

Эдди дал Пауку с собой бутылку вина, позаимствованного у Саломеи. В благодарность за помощь и за долготерпение. Эдди сказал, что

совершенно уверен: у Паука все будет в порядке. И добавил, что в последнее время ему было очень неловко злоупотреблять гостеприимством Паука и он так или иначе собирался куда-нибудь перекочевать. Не хотел быть обузой.

— Спасибо, Эд, — сказал Паук. — Ты очень совестливый парень.

— Не за что, — сказал Эдди. — Ведь друзья для того и существуют, верно?

Паук пошел к выходу, и тут Эдди кое-что вспомнил.

— Слышь, Паук, — сказал он.

Паук живо обернулся:

— Да?

— Раз мы заговорили о дружбе, я хотел спросить тебя кое о чем. Об Ирландии.

Паук с озадаченным видом поскреб в затылке:

— Что «об Ирландии»?

— Ну… Ты ведь там был, верно?

Паук с минуту молчал, делая вид, что рассматривает комнату.

— Да нет, Эдди, — наконец ответил он.

— А-а, ну ладно. Просто я кое-что слышал, понимаешь, насчет армии и прочего. Я хочу сказать, если ты вдруг захочешь поговорить об этом, я к твоим услугам.

Паук пожал плечами и посмотрел Эдди прямо в глаза.

— Это ошибка, — улыбнулся он. — Я никогда там не бывал, Эдди.

— Ладно, — помолчав, сказал Эдди, — наверное, кто-то напутал.

— Да, Эдди, — согласился Паук, шагнув к двери, — в этом городе полно врунов, черт их подери, что верно, то верно.

Переезд на квартиру Саломеи Уайлд был не просто переменой обстановки.

С первого же дня Саломея установила жесткие правила. Эдди мог остаться у нее на пару месяцев, не больше, пока приятельница, с которой она снимала эту квартиру, была на сафари в Свазиленде. Жить они будут в разных комнатах. Со стороны Саломеи это в чистом виде услуга, учитывая, что Эдди некуда деться и что он друг Дина Боба.

Пока Эдди не работает, днем вся квартира в его распоряжении. Взамен он должен делать часть работы по дому, убирать и проч. У Саломеи не было домашней прислуги. Это помогало ей не отрываться от реальной жизни. Вечерами, если ей понадобится квартира, Эдди должен оставаться в своей комнате, а лучше — уходить куда-нибудь.

В отсутствие Саломеи он может приглашать ребят из своей группы. Но никаких наркотиков! Категорически, раз и навсегда. Саломее нужно заботиться о своей репутации. Эдди сказал, что все это справедливо и он со всем согласен.

— Не волнуйся, — сказал он. — Со мной очень просто жить. Ты и не представляешь, насколько просто.

Через неделю-другую им уже казалось, что они знают друг друга всю жизнь. Или по крайней мере намного дольше, чем на самом деле. После ее возвращения из студии они засиживались допоздна, рассуждая о том, как удивительно, что у них оказалось так много общего. Они решали одни и те же кроссворды, им нравились одни и те же группы, они терпеть не могли одних и тех же людей. Даже якобы читали одни и те же книги. Оба честолюбиво стремились к успеху, что было особенно заметно, когда они играли в «эрудита» и Саломея частенько его побеждала. Она играла беспощадно. Знала множество противных смешных словечек, которые никто не использует — например, «йог», «ли», «тригон», — и выдавала их со злорадным удовлетворением. В тот вечер, когда она вставила слово «аардварк» и получила пятьдесят очков бонуса за слово из

семи букв, Эдди осознал, что живет с настоящим интеллектуалом.

Родители Саломеи тоже разошлись, но случилось это давно. Ее отец сбежал с грудастой контролершей, которая однажды прикрепила штрафную квитанцию на стекло его «БМВ». Это долгая история, сказала Саломея. Она не любит об этом распространяться. Если Эдди хочет узнать подробности, добавила она, то может прочесть интервью, которое она дала «Космополитан» в этом году. Сама она полтора года прожила с одним парнем, но порвала с ним, когда выяснила, что он истратил все ее деньги, выручая своего друга-издателя, выпускавшего легкое порно.

— Отвратительно, — сказала она. Сейчас этот парень ударился в какой-то религиозный культ и жил на острове у берегов Корнуолла. Они там спят в гробах, на этом острове, сказала она. Жуть.

По ее словам, у большинства парней, которых она встречала с тех пор, не хватало ума даже стряхнуть перхоть с пиджака.

Иногда Эдди говорил с ней о Марион. Рассказывал о Марион так, словно она была частью далекого прошлого, — так какой-нибудь вдрызг пьяный бухгалтер жалуется в баре на свою бывшую жену. Саломея сказала, что все это выглядит

очень серьезно, но когда Эдди поведал об их сексуальной жизни и о том, что Марион хотела заниматься этим постоянно, рассмеялась. Она не могла понять, на что, собственно, он жалуется.

Он знал, что Саломея никогда его не поймет, но почему-то для него было очень важно, чтобы она поняла. Он и сам не знал почему, но отрицать бессмысленно.

— Просто секс для меня кое-что значит, — прочувствованно сказал он, — для меня это не просто животное влечение.

Саломея опять рассмеялась.

— Ясное дело, — сказала она, — это очевидно.

Но чем больше Эдди рассказывал о Марион, тем чаще Саломея говорила, что Марион кажется ей отличной девчонкой. Эдди это повергало в отчаяние. Саломея говорила, что пришло время женщинам выйти вперед в вопросах секса. Из ирландских женщин, говорила она, норовят воспитать этакий гибрид Девы Марии и Флоренс Найтингейл[61]. Говорила, что Эдди ничего не понимает в женщинах и под всей этой брехней о равенстве прячет такой же мужской шовинизм, как и все остальные. Эдди возражал, что на самом

[61] Примечания: 61

Найтингейл Флоренс (1820–1910) — английская сестра милосердия; олицетворяет лучшие черты своей профессии.

деле чужд шовинизма; Саломея отвечала, что, увы, здесь они во мнениях расходятся.

— Сексизм мне претит, — сказал Эдди. — Я целиком и полностью за освобождение женщин.

Саломея возразила, что мужской шовинизм — это как брюки клеш. Он никогда полностью не исчезает. Она не верит мужчинам, которые объявляют себя феминистами. Это просто очередной способ совращения. Надо признать, более изощренный, но тем не менее совершенно прозрачный.

— Они все говорят одним голосом, — сказала Саломея, — эти мужчины, такие мягкие, ласковые, политически корректные и совершенно не похожие на хищников. Такое ощущение, что все они учились на одних и тех же курсах.

Они с Марион расстались вовсе не из-за мужского шовинизма, сказал Эдди, если, конечно, Саломее это интересно. Она ответила, что ей это не слишком интересно, но Эдди все равно рассказал, что они расстались потому, что он спал с другими девушками.

— Но она меня неправильно поняла, — вздохнул Эдди. — Я действительно *спал* с ними, и только, но ничего с ними не делал. Я часто сплю с моими друзьями. А ты нет? Мне просто очень

приятно и уютно спать с кем-нибудь рядом. Секс тут совершенно ни при чем.

Саломея сказала, что оправдание красивое, но весьма шаткое. Эдди не может быть одновременно и крутым мачо, трахающим всех подряд, и мистером Недотрогой. Не может менять принципы в зависимости от того, удобны они ему в данной ситуации или нет. Она сказала, что Эдди — сексуальный хамелеон и что в конце концов ему придется выбрать что-то одно. И добавила, что ему предстоит еще очень много узнать о женщинах.

— Дело в том, детка, что самые лучшие из них не так хороши, как тебе кажется, а самые худшие вовсе не так плохи.

Она звала его то деткой, то нибелунгом. На первых порах его это просто бесило.

— Не называй меня так, — говорил он, — я тебе не какая-нибудь немчура!

Но постепенно Эдди привык. Дальше — больше. Саломея придумывала для него новые глупые прозвища, и он вдруг обнаружил, что ему это нравится. Однажды, сидя на кухне, он подумал: господи, я взрослый человек, но, назови она меня хоть Пирожком, я возражать не буду.

Он начал думать о ней среди дня, когда ее не

было, вспоминал ее лицо, изгиб ее тела, ее смех. Порой, когда он смотрел, как она, свернувшись клубочком на диване, разговаривает по телефону и поглаживает щиколотку босой ноги, ему хотелось плакать от желания. То, как она приглаживала волосы, как писала свое имя, как улыбалась своей мимолетной опасной улыбкой, буквально сводило его с ума.

«Боб, — писал он, — мне очень скверно. Я не знаю, что со мной происходит».

Однажды ветреным воскресным вечером они вместе сидели в Хампстед-Хит[62], ели лепешки с сыром и разглядывали прохожих, решая, кого из них им хотелось бы видеть среди присяжных, если бы, совершив убийство, они попали под суд. Саломея обожала эту игру. Эдди предпочитал другой вариант — выбирать, с кем из прохожих хотелось бы трахнуться за десять минут до конца света. Такое занятие здорово скрашивало ожидание поезда в метро. Саломея фыркнула, поперхнулась лепешкой, потом прикрыла рот рукой и громко рассмеялась. Влажные голубые глаза испуганно смотрели на него. Чтобы не упасть от смеха, она невольно оперлась о его

[62] Примечания: 62

Хампстед-Хит — лесопарк на северной окраине Лондона, известный праздничными ярмарками и аттракционами.

колено. Эдди перестал смеяться. Смотрел на Саломею и будто падал куда-то сквозь бездну космоса. Она посерьезнела. Отвела с глаз рассыпавшиеся волосы. Потом наклонилась и поцеловала его в уголок губ — Эдди понял, что пропал.

Есть Бог на свете, подумал он, когда она языком раздвинула его губы. Благодарю Тебя, Господи, благодарю, благодарю…

В этот вечер, вернувшись домой, они занялись любовью. Все началось с возни на диване, когда на экране Мелвин Брэгг беседовал с Гором Видалом[63] в Шоу Южного берега. Саломея уютно устроилась в его объятиях, ласкала его лицо и грудь. Когда пальцы Эдди скользнули по ее бедру, она вздрогнула. Они ласкали друг друга сквозь одежду, тяжело дыша, сгорая от желания, а кот смотрел на них, терся задом о кофейный столик, и желтые его глаза светились насмешкой и хитростью. Когда половина пуговиц на кофточке Саломеи была расстегнута, юбка задралась, а Эдди чувствовал, что готов взорваться от желания, Саломея резко отстранилась от него и сказала:

— Послушай, Эдди, я понимаю, предложение революционное, но, может, нам стоит раздеться?

---

[63] Примечания: 63
Видал Гор (род. 1925) — американский писатель.

— Конечно, — ответил Эдди, — я ведь либерал.

С видом бухгалтерши, раздевающейся в бангкокской сауне, Саломея расстегнула оставшиеся пуговицы, сняла блузку и очень аккуратно повесила на спинку стула. Потом слазила в сумочку, достала пачку презервативов, расстегнула тесные джинсы Эдди и с некоторым трудом стянула их до ботинок.

— Ботинки можешь снять сам, — сказала она, — это тебе не Техас.

Эдди принялся лихорадочно расшнуровывать свои «Док Мартенс».

— Мы просто поразвлечемся, Эдди, верно? — на всякий случай сказала Саломея, снимая туфли.

— Конечно, конечно, — выдохнул Эдди, — послушай, я сразу обо всем забуду, клянусь.

Саломея сняла юбку, и они полураздетые легли на ковер, дрожа от холода, обнявшись, сплетя ноги, и ласкали друг друга с таким жаром, словно пытались добыть огонь. Эдди чувствовал, что буквально тает от ее прикосновений. Она лежала на нем, обхватив его ляжками, длинные ее волосы падали ему на лицо. Она рассмеялась, снимая трусики. От нее пахло вином. Потом она поцеловала Эдди так крепко, что он задохнулся, и стянула с него футболку. А он умудрился расстег-

нуть ее лифчик. Скользил пальцами по ее лицу, груди, плоскому животу, потом укусил за плечо. Она стащила с него трусы и лизнула в пупок. Он целовал ее лоно, в потайной уголок между ног. Она сидела, откинувшись назад, сжимая руками его бритую голову.

Следующие несколько минут Эдди слышал только учащенное дыхание Саломеи, саркастические реплики Гора Видала по адресу Рональда Рейгана и голос Мелвина Брэгга, повторяющего: «Да, я понимаю, да, да…»

Когда она кончила, Эдди взглянул снизу вверх ей в лицо, стараясь смотреть с обожанием. Саломея виновато хихикала, прикрывая ладонью рот.

— Я никогда не делала такого с «ирокезом», — сказала она. — Голова у тебя выглядит ужасно забавно…

— Ха-ха-ха, — сказал Эдди, пытаясь сообразить, хорошо это или плохо. Он поднялся на колени и натянул презерватив.

Саломея слегка отстранилась и сказала, что у нее есть идея. Нужно сделать это в ванной. Они стояли под душем, пока горячая вода не кончилась, а обвисший «ирокез» Эдди не свесился ему на глаза. Потом, мокрые от мыла и пота, они

занялись этим на ковре в холле. Потом на лестнице, потом на столе в кабинете, устроившись между факсом и грозящей рухнуть стопкой оттисков «Правительственного отчета касательно перспектив нерегулируемой вещательной индустрии».

Закончилось все через два часа и три презерватива на кухне у холодильника, к которому Эдди прижал Саломею. Магниты в форме плодов киви впивались ей в спину, она обхватила Эдди ногами и страстно стонала, пока по телевизору играли государственный гимн.

Потом они лежали в темноте на полу и слушали дождь; по радио играл джаз, Эдди пытался прийти в себя.

— Ну и как тебе? — спросил он через несколько минут.

— О, — зевая, ответила она, — по-моему, нормально. — Она бросила на Эдди взгляд, исполненный чего-то, поразительно похожего на сочувствие. — Шучу, все было прекрасно.

— Да? — сказал Эдди. — Тогда здорово.

— Я хочу сказать, Земля вертится… Эдди, что тебе еще нужно — объявление в «Таймс»?

— Саломея, — хрипло проговорил он, — кажется, я в тебя влюбился.

Она печально улыбнулась и коснулась его щеки:

— Не глупи, Эдди, ты все испортишь.

— Господи, что это может испортить? — удивился он. — Разве плохо заниматься этим с человеком, который тебя любит?

— Не всегда, нибелунг, но обычно именно так.

С этими словами она встала, налила стакан воды, включила чайник.

— Господи, — воскликнул Эдди, — не понимаю я женщин!

— Серьезно? — спросила Саломея. — Может, и не стоит понимать?

После той ночи они еще раза три-четыре занимались любовью, всегда в его постели, никогда — в ее. Энергично, умело, даже акробатически, но такой радости больше не испытывали. Когда Эдди просыпался, почти всегда оказывалось, что Саломея уже ушла к себе. Поначалу это не слишком его беспокоило. В глубине души он даже чувствовал облегчение: как-то неловко просыпаться рядом с человеком, которого каждый день видишь на телеэкране. Будто совершаешь святотатство.

Потом у Саломеи появились другие парни. Иногда Эдди встречал их за завтраком и пытался выставить дураками, с видом знатока рассуждая

о Ницше, пока Саломея стояла к ним спиной. Ей явно нравился тип, который она называла «молчаливый сильный мужчина». Судя по всему, это обозначало парней с нулевым интеллектом и выпирающей мускулатурой.

— Не понимаю, что ты в них находишь, — сетовал Эдди. — Совершенно не понимаю.

— У них есть скрытые таланты, Эдди, — многозначительно отвечала она.

Теперь Эдди думал о ней все время. Писал ей длинные страстные письма, которые не решался отправить. Выдумывал причины, чтобы позвонить ей на работу. Посреди ночи лежал без сна с пересохшим ртом, лицо горело, каждая жилка в теле вибрировала от воспоминаний о ее хрупком белом теле. Однажды утром он проснулся и услышал, как по радио стонет Джон Ли Хукер: «О детка, я для тебя — крадущаяся королевская кобра». Эдди закрыл глаза, с трудом сглотнул, угрюмо уставился на свой вздыбленный член и подумал: боже мой, Джон Ли, думаешь, это у *тебя* проблемы?..

Однажды в сентябре Эдди решил, что с него хватит. Всю минувшую ночь он провел, приникнув ухом к стене ее комнаты, а все утро гладил белье какого-то парня. Он прошел в кабинет, снял

фартук и сказал Саломее, что любит ее.

— Я серьезно, Саломея! — воскликнул он. — Я в жизни никогда никому этого не говорил.

Саломея подняла глаза от пишущей машинки, глубоко вздохнула и сняла очки.

— Эдди, ты знаешь меня всего шесть недель. Оставь меня в покое.

— Но как же мы, — сказал он, — как же та воскресная ночь?

— А что — та ночь? По-твоему, если в нас взыграли гормоны, я твоя навек? Ты ошибаешься.

— Гормоны взыграли? — взвился Эдди. — Да я такое с тобой делал — Калигула покраснел бы!

— Что ж, это не моя вина, — ответила она. — Если ты слишком неопытен, чтобы с этим справиться, — ничем не могу помочь, детка.

— А ты слишком уж независима, — огрызнулся он. — Похоже, тебе вовсе никто не нужен.

Саломея скрестила руки на груди, откинулась на спинку стула и принялась насвистывать мелодию из «Одинокого рейнджера». Потом взглянула на Эдди и спросила:

— Ты закончил?

— Вот-вот, — сказал Эдди, — давай, вот это зрело, по-взрослому, давай!

Он ей нравится, сказала Саломея, но она не

желает ничего серьезного, при первых же признаках серьезного романа ей хочется взбрыкнуть. На практике это будет означать, что Эдди придется собрать свои вещички и выметаться из дома, хотя бы и на улицу.

— Ну, если я создаю тебе столько проблем… — фыркнул он.

— Я тебя предупреждаю, — оборвала Саломея, — не корчи передо мной сопливого мученика, Эдди.

Потом она подперла голову руками и заговорила очень медленно, с расстановкой. Сказала, что совершенно не против, чтобы Эдди жил здесь, пока не найдет себе другую квартиру, но ему необходимо уразуметь: они живут не вместе, а всего лишь под одной крышей.

— Вот так обстоят дела, — она дернула плечом, — нравится тебе это или нет.

Эдди уперся. Надо выяснить отношения. Саломея вздохнула.

— Опять ты начинаешь все сначала, — сказала она. — Почему тебе нужно все раскладывать по полочкам?

— А кто раскладывает? — возмутился Эдди. — Господи, я задал тебе простой вопрос, и ты сразу выставляешь меня этаким Пол Потом!

Саломея начала несколько зловеще постукивать ручкой по краю чашки и сказала, что это уже пахнет враждебностью. Эдди наставил ей в лицо указательный палец.

— Нет, — медленно прорычал он, — никакой враждебности тут нет!

Она заглянула ему в глаза и улыбнулась.

— Разве мы оба не видим, что происходит? — терпеливо спросила она.

Нет, сказал Эдди, ему нужен четкий ответ. И изобразил на лице обиду. Саломея сказала, она лично считает, что они — добрые друзья, которые время от времени занимаются сексом. Вот и все.

— *C'est tout*[64], — она улыбнулась, — нибелунг.

Их отношения не подразумевают клятв верности. Оба могут встречаться с кем хотят. Эдди объявил, что она просто боится принимать решения. Нельзя же порхать мотыльком до конца жизни. Саломея возразила, что не понимает, собственно, почему бы и нет.

— Так или иначе, — лучезарно улыбнулась она, — я не намерена спорить с тобой, Эдди. У меня принцип: я никогда не спорю с людьми, с которыми спала.

---

[64] Примечания: 64
Вот и все *(фр.)*.

Эдди вернулся на кухню, мыть пол.

Вскоре после этого на очередной репетиции Клинт выглядел утомленным и раздраженным. Брал неверные аккорды и многозначительно смотрел в окно. Когда репетиция кончилась, он попросил Эдди задержаться. А в пабе сообщил, что должен кое-что сказать. На днях он побывал в «Джордже Роуби», и у него есть новость, которой он хочет поделиться с Эдди.

Он видел Марион. Она сидела за столом со своими приятельницами, причем не в лучшем состоянии: сильно под мухой, взвинченная, какая-то неадекватная. Когда он подошел к ней и попытался заговорить, она попросту его не узнала.

— Она выглядела не очень-то хорошо, Эдди, — сказал Клинт. — Это правда, приятель.

Возле нее ошивались какие-то скользкие типы, добавил он. Эдди отхлебнул пива.

— Она была в депрессии? — спросил он.

Да нет, сказал Клинт, просто пьяная. Эдди спросил, зачем Клинт рассказывает ему все это. Ему до лампочки, а уж Клинту тем более.

— С тех пор много воды утекло, — добавил он.

Да он ничего такого в виду не имел, ответил Клинт, просто подумал, что Эдди это небез-

различно. Эдди сказал, что он уже достаточно нахлебался и больше ему не надо. Ладно, сказал Клинт, забудем.

Остаток вечера они подшучивали над Джейком и издевались над рубашками Анди. Но Эдди загрузился, и чем больше пил, тем хуже ему становилось. Зря Клинт рассказал ему о Марион. Такое лучше забыть, похоронить навсегда, думал он, когда под дождем плелся домой.

Как ни пытался Эдди изменить ситуацию, Саломея по-прежнему ускользала от него. Она ловко держала его на расстоянии — прямо хоть плачь. Как-то раз, когда после безуспешной попытки сделать запись, которая потрясет мир, он мрачно бродил по квартире, она выключила видео с Питером Гринауэем и, вздохнув, сказала:

— Ладно, Эдди, я спрошу, что у тебя стряслось. Ведь ты этого хочешь, да?

— Я не знаю, в чем дело, — пожаловался он, — но хочу, чтобы это прекратилось.

Он закрыл лицо руками и попытался выжать из глаз слезы.

Но Саломея на это не купилась. Причитания о любовной тоске не производили на нее впечатления.

— Все дело в том, Эдди, что ты не умеешь дру-

жить. Тебе нужна не подруга, а нянька, которая будет за тобой убирать, но я для такой роли не гожусь.

Он сказал, что жестокость ей не к лицу. Она ответила, что идет спать.

Эдди знал, что это скоро кончится. Со дня на день вернется подруга Саломеи, и ему придется съехать. По ночам его охватывало ощущение, что все расплывается и тает вдали. Он пробовал написать песню о безответной любви, но ничего не вышло. Брал печальные, таинственные минорные аккорды, в надежде, что они вызовут отклик в потаенных глубинах его разума, но тщетно. Твердил себе, что ничего особенного тут нет, обычная история: не успел встретить девушку, которая тебе действительно по душе, как сразу выясняется, что она не для тебя. Однако все попытки воплотить эти мысли в песне закончились неудачей. Вдобавок и рифму к «Саломея» не подберешь. Разве что дурацкое «балдея». Даже ее имя противилось ему! Безнадежная ситуация.

В начале октября Саломея пришла домой, приняв решение. Когда она сказала об этом, Эдди подумал, что вот сейчас его вышвырнут на улицу. Однако решение было другого рода.

«Атака искусства» собиралась устроить «Битву

групп» — специальную передачу, в которой восемь новых групп будут играть вживую, а зрители смогут потом позвонить и проголосовать. Саломея включила в это шоу и «Твердокаменных». Поначалу Эдди воспринял эту идею без восторга. Чувствовал, что они пока не готовы. Но Саломея настаивала. Сказала, что из кожи вон лезла ради Эддина выступления, а это не больно-то приятно. Когда Эдди сказал, что должен обзвонить остальных и посовещаться с ними, выяснилось, что Саломея уже все сделала.

— Они считают, что это прекрасная возможность, — сообщила она Эдди. Она и Джейку позвонила, он чуть с ума не сошел от счастья, услыхав эту новость. — Давай, Эдди, — улыбнулась Саломея, — представляешь, какой будет классный оттяг.

Они и правда замечательно оттянулись. «Твердокаменные» прибыли в четыре часа дня, крепко заправились текилой, к проверке звука аккурат успели протрезветь и выдали просто блестящее, лучшее в своей жизни исполнение «Чей ты пес?». Под конец Паук пробил палочкой один из своих томтомов, а потом упорно убеждал всех, что сделал это нарочно, потому что его героем был Кит Мун. Джейк весь вечер напарывался копченой

лососиной и заигрывал с ассистенткой, занудной бледной особой в черном, которая говорила так, словно во рту у нее были стеклянные шарики. «Твердокаменные» получили двести голосов и второе место с конца. Первой оказалась группа феминисток, игравшая «хэви метал». Последнее место занял нервный парень с жуткими угрями и ударной установкой.

На следующее утро продюсер позвонил Эдди, чтобы вынести окончательный приговор.

— Панк-рок умер, — сказал он своим пришепетывающим голосом, — почему бы вам не заняться, к примеру, «новым кантри»?

— Потому что у нас нету песен о всяких там вонючих овечках, — ответил Эдди.

Продюсер просил уточнить, о каких таких овечках он говорит. Эдди его послал. Продюсер обиженно хмыкнул и повесил трубку. На секунду Эдди стало понятно, почему разочарованные звезды выбрасывают телевизоры в окно. Он перезвонил продюсеру, хотел извиниться, но секретарша ответила, что он на совещании. Тогда Эдди попробовал дозвониться до Джейка. Джейк уехал на вечеринку. То же самое сообщение, которое крутилось на автоответчике последние шесть месяцев. «Вечеринки, — гласило оно, — это

круто!»

Позвонила Саломея и устроила ему выволочку за то, что он так агрессивно себя вел. Эдди и ее послал подальше.

— Я тебе говорил, что мы не готовы, — заявил он. — Зря я тебя послушал.

Саломея сказала, что об этом они поговорят позже.

— Меня здесь не будет, — сказал Эдди, — когда ты вернешься, я уже уйду.

Она повесила трубку, и последние слова Эдди проговорил уже в пустоту.

Положив трубку на рычаг, Эдди прошел в ее комнату. И стал рыться в ее вещах, толком не понимая, что ищет. Вошел в маленькую гардеробную, где пахло как в парфюмерном магазине. Ему хотелось сорвать с вешалок ее платья, в клочья порвать их, расшвырять по квартире, как конфетти. Хотелось найти лошадь, отрубить ей голову и сунуть эту голову в постель Саломеи. Хотелось позвонить в посольство Ирана и сказать, что он отыскал квартиру Салмана Рушди. Но ничего такого он не сделал.

Час-другой он просидел перед телевизором. Потом пошел на кухню, вытащил из буфетов все стаканы и вымыл их — сначала горячей водой,

потом холодной, потом до блеска протер. Но лучше ему от этого не стало. Гнев когтями впивался в мозг. Когда почти все стаканы были расставлены в ряд на сушилке, влажные пальцы разжались, и последний стакан разбился о кухонный пол на мириады осколков. Эдди открыл рот и заорал. Боднул головой холодильник. Пнул кухонную дверь. Треснул ребром ладони по посудомоечной машине. Потом открыл кухонное окно и принялся швырять чистыми сверкающими стаканами в гуляющую внизу собачку — маленького грустного пуделя, которому его маленькая грустная хозяйка, аристократичная седовласая леди, делавшая подтяжки лица чаще, чем нормальный человек подтягивает штаны, дала кличку Лапша.

Позднее, когда Эдди надписывал конверты для рассылки пробной записи, ему позвонил Фрэнк, поздравил с первым выступлением в шоу. Не важно, что говорят другие, сказал Фрэнк, он лично гордится Эдди, правда-правда. Для него это была хорошая новость.

— Высший класс, — сказал Фрэнк. Эдди немного взбодрился.

Но Фрэнк сообщил и плохую новость. Дина Боба только что отправили в больницу на Джервис-стрит с диагнозом «гепатит В». Кто-то рассказал

об этом Патришии в пабе.

— Сам знаешь, как у нас тут бывает, — сказал Фрэнк. — Городок маленький.

Эдди слушал Фрэнка и не чувствовал ничего. Ни удивления, ни даже безразличия. Продолжал надписывать конверты и слушал Фрэнка — держал трубку плечом и писал.

Он и не подозревал, сказал Фрэнк, что Боб колется. Фрэнк старался говорить сочувственно, но в его голосе явно сквозило разочарование. Должно быть, Боб заразился через грязную иглу.

— Ты бы лучше приехал, — сказал Фрэнк, — с ним правда плохо дело.

Эдди сказал, что не может приехать. Времени нет.

— Он и раньше попадал в переделки, — добавил Эдди, — все обойдется, поверь, этот парень выживет в любых обстоятельствах.

Отец сказал, что только на это и надеется, а Эдди сказал, что сыт всем этим по горло. Очень бы неплохо, чтоб его друзья сами о себе заботились. Боб ему не сын. Если он воображает, что люди могут вот так просто побросать все свои дела и суетиться вокруг него, то его ждет разочарование.

— В этом парне столько дерьма, — сказал Эдди, — того и гляди, из ушей польется.

— Эдди, — сурово прервал его отец, — надеюсь, ты в этом не участвуешь. Я имею в виду наркотики.

Конечно нет, ответил Эдди. Фрэнк сказал, что ничего не имеет против пары затяжек травкой. Это еще куда ни шло, но все остальное уже чересчур. Эдди заверил, что беспокоиться абсолютно не о чем.

— Да? Ну ладно, — недоверчиво обронил Фрэнк.

— Мне наркотики не нужны, Фрэнк, — настаивал Эдди. — Это не для меня. Честно говоря, обидно, что ты так обо мне думаешь.

— Брось, Эдди, — вздохнул Фрэнк, — не на сцене выступаешь, парень.

Вернувшись домой, Саломея не стала напоминать Эдди о ссоре, пока Эдди сам обиняками не заговорил об этом, за лазаньей. Саломея подняла глаза от книги, которую читала за ужином.

— Ну как, мы успокоились, да? — насмешливо спросила она, высоко подняв брови. Эдди сказал, что очень сожалеет, что всему виной нервное напряжение. Она ответила, что нервное напряжение у всех, и вернулась к книге, заметив, что если он не выносит жару, то может посидеть во внутреннем дворе. По милости Эдди, сказала

Саломея, продюсер смотреть на нее не хочет. Их рейтинг здорово упал. Больше Эдди от нее услуг не дождется.

— Тоже мне услуга, — прорычал Эдди, — ерунда на постном масле!

Саломея повторила, что не намерена спорить.

— Я же знаю, ты хочешь втянуть меня в ссору, — проговорила она с тем спокойствием, которое способно привести собеседника в бешенство, — но я этого не сделаю, так что лучше уймись.

— Как это для тебя типично! — взвился Эдди. — Такая сдержанная, такая невозмутимая, да, Саломея?

Она сказала, что впервые встретила человека, который умудряется использовать слова «сдержанный» и «невозмутимый» как ругательства.

— Это о многом говорит, Эдди! — Она улыбнулась.

Пока они спорили, стоит ли им ссориться, зазвонил телефон. Ни он, ни она не пошли снимать трубку. Саломея неподвижно сидела за столом, кончиками пальцев массируя виски. Из холла донесся голос Джейка, надиктовывающего на автоответчик свое сообщение.

— Эдди, — одышливо говорил Джейк, — двигай ко мне, как только получишь это сообщение.

Сразу, как только получишь, понял? У меня важная новость для тебя и для парней. Дело пошло, сынок. Слава богу! Но есть одна мелочь: мне необходимо шесть сотен, Эдди. Мне плевать, как ты их достанешь — займешь, украдешь, продашь свою задницу. Через неделю верну, но без денег не приходи! Господи, ненавижу эти идиотские машинки.

Эдди не сказал Саломее ни слова. Вышел из кухни и закрыл за собой дверь. Когда он перезвонил Джейку, у того по-прежнему работал автоответчик. Эдди повесил трубку и снова набрал номер Джейка. «Вечеринки», — воскликнул автоответчик. Эдди поморщился.

— Джейк, — рявкнул он, — сними трубку, мать твою!

Ничего не произошло.

«Вечеринки! — пролаял автоответчик. — Я уже в пути».

Эдди шваркнул трубку на рычаг, телефон тихо звякнул.

— Черт побери, — пробормотал Эдди, — в один прекрасный день я прикончу этого ублюдка.

Когда он вернулся на кухню, Саломея молола кофе в одной из тех машинок, от воя которых ноют зубы.

Она кивнула на стол, где лежала ее кредитная карточка. А выключив кофемолку, добавила, что Эдди может взять на время ее машину.

Нет уж, спасибо, сказал Эдди, ему одолжений не нужно, и вообще он официально съезжает с квартиры. Саломея сказала, что волноваться незачем, это не одолжение, а заем. А если он решил съехать, что ж, прекрасно, но сначала ему не мешает немного остыть. Она сунула карточку ему в ладонь.

— Я ведь ничего против тебя не имею, — сказала она. — Может, с любовью у нас и проблемы, но я по-прежнему хочу быть твоим другом.

Она взяла его за руку, и Эдди почувствовал, что гнев утихает.

— Ну, Эдди, улыбнись, — сказала она, гладя его разгоряченное лицо, — твое будущее — в твоих руках, перестань обвинять во всем других!

Эдди сказал, что без ее личного кода от карточки толку чуть.

— Любви такой не ведали еще мужи и жены, — фыркнула она, написала код на листочке с клейкой полосой, который аккуратно приклеила к покрытой мурашками, бритой Эддиной голове.

Квартира Джейка в Блекхите находилась в подвальном этаже старого викторианского квартала

неподалеку от Пекема. Дети с любопытством разглядывали желтую машину Саломеи. Маленькие ублюдки. Эдди вошел в дом. Коричневый конверт, прикрепленный под треснувшим колокольчиком, гласил: *«Моторватин продакшнз. Международный дом рок-н-ролла».* Открыл ему Джейк в красном японском халате, испещренном подозрительными пятнами. Он приветственно взмахнул рукой, в которой держал стакан молока.

— Сурово, — сказал Эдди, оглядываясь по сторонам.

— Ага, — ответил Джейк, — но когда привыкнешь, жить тут вполне можно.

— А где твоя машина?

— Сволочи ремонтники, — Джейк сплюнул, — приехали и забрали мою малышку. Не понимают они, Эдди, деньги у меня есть, вся проблема в бухгалтерии. Столько накладных расходов, что я иной раз напрочь забываю оплатить счета.

Эдди рассмеялся. Потом спросил у Джейка, не случится ли чего с машиной Саломеи. Все будет в порядке, ребята его знают, сказал Джейк и выплыл на улицу.

— Эй, ребята, держитесь подальше от этой тачки, ладно? Я тут вроде сказочного Крысоло-

ва. — Он хихикнул. — Точно. Крысолов вонючего Пекема.

Эдди спросил насчет обещанной хорошей новости. А Джейк поинтересовался, привез ли Эдди деньги.

Они прошли в маленькую комнатку, где пахло кислым молоком и уксусом. Джейк схватил с ветхого кофейного столика пару трусов и забросил их на старомодную ширму в углу. Широко открытые глаза горели восторгом. Точь-в-точь маленький толстый мальчишка, только что принятый в баскетбольную команду.

— Эдди, — воскликнул он, — я так за тебя рад! — Он принялся лихорадочно трясти руку Эдди. — «Мелоди мейкер»[65] хочет записать «Чей ты пес?» на гибком диске, в приложение к рождественскому выпуску. Ну как? Здорово, да?

Если принюхаться, сквозь запах уксуса можно было различить запах дешевого лосьона после бритья — сладковатый, как от увядающих цветов. Сырую трещину на стене прикрывал выцветший плакат Литтл Ричарда — рот разинут, нога лупит по фортепиано. У окна приютился обшарпанный телевизор, антенной ему служили плечики для

---

[65] Примечания: 65

Еженедельный лондонский журнал, публикует материалы о джазе, поп-музыке и т. п.

одежды. Обои с цветочным узором поверху отошли, открыв коричневую стену. У стены стояли загадочные черные пластиковые мешки. На полу высилась гора грязного белья. По углам навалены высоченные, перевязанные бечевкой стопки пожелтевших газет. Только один угол оставался свободен.

В этом дальнем от двери углу стояла внушительная стереосистема, гладкая, черная, блестящая, с множеством кнопок, которых тут было больше, чем на панели «Конкорда»; мигали маленькие огоньки. На стенах развешаны огромные, прямо-таки чудовищные динамики. Вся эта техника казалась живым существом, который тихонько урчит в углу и поглядывает на Эдди, излучая опасное спокойствие. И стоила она явно дороже всех остальных вещей, вместе взятых. Возможно, сказал Джейк, но он покупал по оптовой цене.

— Вот эту вещь я бы взял с собой на необитаемый остров, Эдди, — рассмеялся он. — Если меня забросит неведомо куда, пусть она будет со мной.

Джейк, лучась гордостью, положил руку на дымчатую крышку проигрывателя, словно позировал для фотографии. Потом подышал на рукав и протер то место, о которое опирался.

— Так как? — спросил он. — Новость-то классная, а?

Эдди сказал «да», но лицо его выдало. Джейк начал допытываться, в чем дело, и в конце концов Эдди поневоле признался, что рассчитывал на серьезную запись. Джейк обиделся и стал уверять, что это очередная ступенька к успеху.

— А кто еще там будет? — спросил Эдди. — На этом рождественском диске, я имею в виду.

— Еще пара неизвестных… ну, то есть… прости, Эд, но это новые группы, в общем, ерунда.

— Кто? — настаивал Эдди.

— Трэш-метал, «Агонизирующая смерть» или вроде того… — Джейк уставился в потолок, что-то подсчитывая на пальцах. — Потом вы, потом Джимми Молния и «Вправленный вывих», «Сексуальные штучки»… кто еще?., ах да, «Четыре блядника Апокалипсиса», они поют «Поиметь Тэтчер», и еще одна-две группы. Мелкая рыбешка. Вы в этой компании, безусловно, самые крутые.

На кухне печально засвистел чайник.

— Они хотят назвать диск «Молодые претенденты», — продолжал Джейк. — Группы, которые в девяностых, скорее всего, пойдут в гору. — Он опять оживился и хлопнул Эдди по плечу. — Это ты, Эдди, ты, дружище.

Эдди спросил, есть ли что-нибудь на бумаге. Джейк отвечал, что пока нет, но завтра утром привезут контракт. Шесть сотен нужны, чтобы сделать хорошую запись. Он уже договорился со студией в «Раундхаусе». Сам все организует, чтобы уменьшить расходы. Уже позвонил «Сакс машин», они тоже будут участвовать в записи, бесплатно. А когда запись выйдет, «Мелоди мейкер» всем заплатит.

Эдди шлепнул по ладони пачкой банкнотов.

— Надеюсь, деньги не пойдут на ветер, Джейк, — сказал он.

Джейк состроил оскорбленную мину. Поставил чайник и протянул Эдди телефонную трубку:

— Позвони им. Позвони прямо сейчас.

— Да брось ты, Джейк! — Эдди рассмеялся.

— Нет, черт побери, Эдди Вираго! Из кожи вон лезу ради вас — и вот благодарность! Давай звони, проверяй!

Эдди еще раз извинился.

— Знаешь что? — Джейк прямо задохнулся. — Знаешь, что я тебе скажу, Эдди? Засранец ты!

Эдди сказал, что вовсе не хотел быть неблагодарным. Джейк судорожно закурил.

— Благодарность! — фыркнул он. — Да ты понятия не имеешь, что это такое!

Он глубоко затянулся и закашлялся. Эдди положил деньги на стол.

— Убери! — крикнул Джейк. — Давай забирай их назад, гадюка, и сам объясняй остальным, что один из самых крутых музыкальных журналов этой страны, с выходом на Эй-би-си, для мистера Эдди Вираго, мать его, недостаточно хорош!

Эдди в третий раз извинился.

Джейк ушел на кухню, захлопнув за собой дверь. Секунд через пять он вернулся, опустил голову и попросил прощения, закрывая лицо толстыми пальцами.

— «Прости» — самое трудное слово на свете, — сказал он. — Это все от волнения. Волнение в голову ударило.

— Остынь, Джейк, — сказал Эдди. — Я правда в восторге.

Они уселись у Джейка на кухне, болтая и куря один косячок на двоих.

Стены кухни были сплошь увешаны фотографиями рок-звезд с автографами, так что ни клочка свободного места не оставалось. Боб Гелдоф. Сид Вишез. Морриссон. Прямо по центру — фотография Джейка в обнимку с несколько растерянным и ошеломленным Джоном Ленноном. Фотография была датирована 1975 годом. По словам Джейка,

он тогда был обсаженным в дым.

— Да, Леннон, — грустно проговорил он, — какая потеря, старик, какая потеря!

Они заговорили о будущем. Это начало, сказал Джейк. Теперь все пойдет как по маслу. Контракты, турне, интервью, съемки на телевидении. Всё, сказал Джейк, теперь только вперед к вершине. Эдди и его группу ждут большие дела. Ведь строить карьеру в музыкальном бизнесе — это вроде как строить стену. Нужен прочный фундамент, тогда все будет тип-топ.

Когда за окном начало темнеть, Джейк выложил последние несколько таблеток «экстази», которые берег на Рождество. Обычно он не промышляет такими вещами, но сегодня великий день для всех.

— Для кого — для всех? — спросил Эдди.

— Для человечества, — хихикнул Джейк.

Немного погодя он собрался за пивом и сказал, что Эдди пока может осмотреться в квартире.

— Устрой себе экскурсию. Конечно, моя берлога не в лучшем состоянии, но это не важно.

Ванная выглядела как средневековый сарай, грязная полоса на эмали — будто слой старой краски. Постельное белье в спальне до того обветшало, что казалось, расползется от первого же

прикосновения.

В тумбочке возле кровати Эдди нашел толстую тетрадь в голубом переплете. Перелистал наугад.

«Джейку от Элвиса» — было написано на первой странице. Впечатляет, подумал Эдди и перевернул страницу. «Джейку от доброго друга Бадди». Следующая страница. «Джейку от Ала Грина». «Джейку от Филипа Лайнотта». Дальше. «Джейку от Дженис Джоплин с огромной любовью и французскими поцелуями». Дальше. «Джейку, парню номер один, от Принца». На каждой странице — цветистые надписи, и все они сделаны одним и тем же неразборчивым почерком, который Эдди видел слишком часто, чтобы не узнать.

Несколько минут Эдди стоял посреди грязной спальни, прислушиваясь к шуму далеких поездов. Потом вдруг заметил свое отражение в треснувшем грязном окне. Глаза защипало, подступили слезы. Он медленно положил тетрадь назад в тумбочку.

Джейк отсутствовал так долго, что Эдди встревожился. Но в конце концов он явился, прижимая к груди пиво; на плечах его куртки белели снежинки. Джейк сказал, что на улице настоящий снегопад.

— Джейк, — сказал Эдди. — мне давно хочется

кой о чем тебя спросить.

Джейк метался по кухне в поисках стаканов.

— Да, Эдди, — сказал он, — давай спрашивай, и я тебе отвечу.

— Почему, черт подери, — рявкнул Эдди, — ты не сменишь запись на автоответчике?

Потом они напились, и Джейк принялся рассуждать о старых добрых временах, то и дело упоминая некую Мардж. Эдди поинтересовался, кто это.

— Моя бывшая жена, — смущенно вздохнул Джейк и сделал вид, что смахивает что-то с коленей. Надо же, сказал Эдди, ему и в голову не приходило, что Джейк был женат.

Дело прошлое, сказал Джейк, они поженились в Вегасе в начале семидесятых, он точно не помнит когда, в одном из таких мест, куда заезжают на машине. Оба были в фиолетовых бархатных клешах, и все это продлилось только шесть месяцев.

— Занудила меня вконец, — хихикнул он. Потом вытащил бумажник и показал Эдди фотографию женщины с худым лицом, длинными спутанными светлыми волосами и сильно накрашенными ресницами. На ней были туфли на платформе с серебряными звездами и пушистый желтый жилет; она смеялась, держа на вытяну-

тых руках младенца.

— Это она, — улыбнулся Джейк. — Губки розовые, как носки у стиляги. А это мой малыш, Элвис.

Элвис и Мардж до сих пор жили в трейлере где-то в Грейт-Фолс, штат Монтана. Секунду-другую Эдди смотрел на фотографию, пытаясь собраться с мыслями и что-нибудь сказать. Потом спросил, видится ли Джейк с Элвисом, и тот ответил, что не слишком часто.

— Наверстаем, — сказал Джейк, — когда он будет постарше.

Эдди спросил, что между ними произошло. Джейк отвел взгляд и потер нос.

— Думаю, мы утратили чувство любви, Эдди, ты знаешь, как это бывает.

— Да, — сказал Эдди. — Мне очень жаль, Джейк.

Джейк пожал плечами:

— Не о чем жалеть, старина. Я получил хороший урок, но в ту пору, конечно, было тяжеловато. — Он отхлебнул пива. — Непростые были времена, Эдди, жизнь била ключом, понимаешь? Люди делали безумные вещи.

Джейк завел речь о Марион. Сказал, что ему она показалась милой малышкой. Эдди возразил, что

определение вообще-то не самое меткое. Джейк засмеялся.

— Согласен, — признал он, — пожалуй, она резковата, но все равно очень милая.

Саломея Джейку не нравилась. Эдди знал, что у него за спиной Джейк называет ее «Салями».

— Сплошные сиськи и спесь, — фыркал он, — понимаешь, о чем я? Ничего личного тут нет, старик, но скажу тебе напрямик: от курочек вроде нее меня воротит.

Он бы не стал называть Саломею курочкой, сказал Эдди. Да, конечно, кивнул Джейк, но все равно.

— Женщины вроде нее, — вздохнул он, — считают, что все мужчины от них без ума, понимаешь? Они все такие, одержимые.

Эдди спросил, не чувствует ли Джейк себя одиноким. Никогда, ответил Джейк.

— Ты шутишь, старик? — Он засмеялся. — У меня цыпочек навалом, групповушки и все такое. То и дело стучат в двери, иной раз прямо как в «Сатириконе» Феллини, понимаешь? Точь-в-точь крах треклятой Веймарской республики. Чистое безумие, ты только глянь на эту берлогу!.. Самое смешное, я прекрасно знаю, что ты мне не веришь, Эдди, и не упрекаю тебя. Но это правда.

— Я тебе верю, — сказал Эдди.

Джейк вздохнул.

— Да-да, — он кивнул, уставившись в банку с пивом, — тучи цыпочек, старина. Я бы много чего мог порассказать…

— Я тебе верю, — мягко повторил Эдди.

Джейк вроде как задумался, в комнате стояла тишина, нарушаемая только назойливым гудением электрокамина и отдаленным шумом поездов. Оба долго молчали. В конце концов тишину нарушил Джейк:

— Одно тебе скажу, Эд. Эта цыпочка, Мэри-Энн, была очень миленькая. Клевая девчонка. Что у вас случилось?

Эдди сказал, что сам не знает, и добавил:

— Ее зовут *Марион.*

Просто позор, сказал Джейк, что Мэри-Энн нет сейчас рядом, что она не может разделить с Эдди новый его успех. Чертовски печально, но в бизнесе отнюдь не редкость — у людей внезапно, без всякой причины портятся отношения.

— Н-да, людские игры… — печально пробормотал он, обращаясь к своему пиву.

Эдди посетовал, что разговор принимает меланхоличный характер.

— Ты прав, старина, — вздохнул Джейк, —

жизнь продолжается!

Он с улыбкой встал, чуть пошатываясь, подошел к центру, вставил в магнитофон кассету.

— Моя самая любимая группа! — Он включил воспроизведение. Из динамиков хлынули слова песни; Джейк кивал в такт, беззвучно подпевая:

Ты испытаешь мои упования,
Ты повторишь их в минуту прощания,
Палец держа на курке.
Твое «я» вырастет до бесконечности —
Ты повторишь их все от первого до последнего.

Лицо Джейка исказила гримаса, он закрыл глаза, пританцовывая на месте, тряся необъятным задом, делая вид, что играет на гитаре.

Псы на луне,
Псы, что воют на свет.
Я себе задаю вопрос.
Я только одно хочу знать:
Чей ты пес?

Эдди допил пиво и чувствовал себя счастливым. Он вслушивался в слова песни. И все стало ясно, он знал, что нужно делать.

— Джейк, — крикнул он, пытаясь перекрыть собственное соло на гитаре, — ты великий человек, тебе это известно?

— Ну, — отозвался Джейк, — за это мне и платят!

Эдди поднялся, сказал, что ему пора домой, и начал шарить по карманам в поисках ключей. Джейк убавил звук и схватил Эдди за руку:

— Послушай, Эдди, тебе нельзя за руль, ты не в том состоянии. Давай я вызову такси.

Эдди отнекивался, но в глубине души понимал, что Джейк прав, он совершенно пьян и за руль ему садиться нельзя.

— Я все-таки вызову такси, — твердил Джейк. — Я сам его оплачу, Эдди.

Джейк пристроил трубку на подлокотнике кресла и набрал номер. Эдди сидел, уставясь на банкноты, так и лежавшие на кофейном столике.

— Чертов телефон, — вздохнул Джейк, шваркнув трубку на рычаг. Когда подъехало такси, он вытащил из пачки двадцатку и сунул ее в карман Эддиной рубашки. — Это тебе аванс за первый альбом, — торжественно сказал он, потом ущипнул Эдди за плечо и рассмеялся: дескать, шутка. — Скоро увидимся, Эдди. Я присмотрю,

чтобы шестеренки крутились. Пришли кого-нибудь утром.

— Ладно, — еле ворочая языком, буркнул Эдди, — спасибо тебе, старик, спасибо большое.

— Брось, — ответил Джейк. — Ты — мой капитал на старость. Нужно за тобой присматривать.

Он помог Эдди подняться по ступенькам и выйти на улицу.

Шел сильный снег, снежинки таяли на непокрытой голове Эдди. По дорожкам бегала детвора — все кричали, ловили разинутым ртом снежные хлопья, точь-в-точь как рыбы в аквариуме.

Такси еще не успело отъехать, когда запыхавшийся Джейк опять выскочил из дома и застучал по стеклу; Эдди опустил окно. Снег заметал улицу — вьюжные полотнища колыхались в желтом свете фонарей. Таксист торопил, по радио предупредили, что тоннель Блекуолл закрыт, а улицы сплошной каток.

Джейк попросил Эдди оставить ему ключи от Саломеиной машины. Сказал, что, может, прокатится попозже вокруг квартала. Никто не будет возражать. В общем-то никто и знать и не узнает.

— Ну же, Эд, — сказал он, — как насчет ключей? Сделай старому тусовщику одолжение, а?

Эдди посмотрел в детски невинные глаза Джейка, расширенные от выпитого алкоголя и надежды. Вздохнув, слазил в карман, извлек ключи и передал их в окно Джейку. И попросил ради всего святого приглядывать за машиной.

— Малышка, можешь вести мою машину, — запел Джейк, сжимая ключи в пухлой руке, — би-бип, би-бип, би-бип, йе!..

Эдди откинулся на спинку сиденья.

— Джейк, я за нее головой отвечаю, — сказал он.

— До свидания, Эдди, — рассмеялся Джейк.

Когда машина тронулась, он добавил:

— Не волнуйся, мне можно доверять. Держись за меня, старина.

Он закрыл за собой входную дверь и повторил:

— До свидания, Эдди Вираго.

Когда Эдди вернулся домой, Саломея была дома. Насчет машины она сказала, что все правильно, она даже рада. Нельзя рисковать, если выпил, тем более в такую жуткую погоду. Утром кто-нибудь съездит и заберет машину. Если, конечно, найдется энтузиаст, готовый тащиться в Пекем.

— Шутка, — добавила она.

Когда Эдди сообщил ей новость, она откупорила бутылку шабли и сказала, что искренне гордится

Эдди. Они сидели и разговаривали, хотя время было уже очень позднее. Все это, конечно, далось тяжким трудом, сказала Саломея, но зато какой стимул к дальнейшему развитию.

— Ты делаешь карьеру, Эдди, — сказала она, — видишь, как бывает, когда смотришь на вещи с оптимизмом!

Эдди пересказал ей все, что Джейк говорил о Марион. Как он сожалел об их разрыве и о том, что они даже не могут поговорить друг с другом. Эдди сардонически рассмеялся, как бы стараясь отмежеваться от сказанного Джейком. Но Саломея считала, что Джейк прав; впрочем, Эдди так и предполагал.

— Что ни говори, Эдди, она поддерживала тебя, когда ты был один. Верила в тебя. У меня в голове не укладывается, что ты намерен совсем от нее отказаться.

— Как по-твоему, что происходит с любовью? — спросил он. — Думаю, именно это я и хочу узнать. Куда она уходит?

— Будь это мне известно, детка, — ответила Саломея, — я была бы богачкой. И наверное, уже никогда бы никого не полюбила.

В три часа утра Эдди позвонил в службу доставки.

— Какую пиццу ты любишь, — спросил он, — потолще или потоньше?

— Такую же, как и мои мужчины, — проговорила она голосом Мей Уэст[66].

Эдди заказал потоньше, но Саломея не засмеялась. Потом они пошли в его спальню и долго смотрели в окно на заснеженный двор, держась за руки.

Саломея сказала, что Эдди должен непременно позвонить матери. Наверняка она будет очень рада услышать добрую весть, да и вообще он давно с ней не разговаривал.

— Верно, — признал Эдди, — очень давно.

А еще он должен позвонить Марион и повидаться с ней, сказала Саломея.

— Почему бы и нет? — с мягкой настойчивостью говорила она. — Что в этом дурного?

Снежинки бились в черное окно. Саломея крепко сжала Эддины пальцы.

— Ты ведь знаешь, что по-прежнему любишь ее, Эдди. Я имею в виду, даже *ты* сам это понимаешь.

Эдди смотрел на падающий снег, мельтешащий в воздухе как белое конфетти. Минуту-другую

---

[66] Примечания: 66
Уэст Мей (1892–1980) — американская киноактриса.

он молчал, глядя на серебристые звезды, припоминая обрывки давнего разговора и чувствуя в ладони руку Саломеи.

— Такое ощущение, будто я в «Мертвых», — сказал он наконец.

— Что? — тихо засмеялась она. — Как в группе «Благостных мертвых»?

Он прижался лбом к холодному стеклу и вздохнул:

— Нет, как в рассказе Джойса, где в конце идет снег.

Саломея толкнула его в спину:

— Я *понимаю,* что ты хочешь сказать.

Эдди повернулся к ней, ожидая увидеть в лунном свете прекрасное лицо. Но Саломея была из тех женщин, которые лучше всего выглядят при электрическом свете. Он коснулся ее холодных губ, она отпрянула.

— Ты его читала? — спросил Эдди. Нет, ответила Саломея, но видела фильм.

Эдди боялся, что Марион его возненавидела. Но Саломея возразила: ерунда.

— По-моему, тебя невозможно ненавидеть, — сказала она.

Эдди ласково посмотрел на нее и поблагодарил. Саломея пояснила, что совершенно необязатель-

но считать ее слова комплиментом.

— Ты слишком заносчив, чтобы поверить, что женщина способна тебя возненавидеть; ты будешь считать, что это просто подавленное желание.

Он засмеялся и сказал, что у него в жизни не было друга лучше, чем она, а она ответила: да, наверное, так и есть.

— Ты никогда не ревнуешь, — сказал он.

— Почему? Иногда ревную, но с тобой, Эдди, я еще не дошла до этой стадии. Я не говорю, что это невозможно, но пока что до этого не дошло.

Эдди обхватил голову руками.

— Дела пошли на поправку, — сказал он, — и мне пора перестать морочить людей.

Саломея отпила из бокала. Из стереопроигрывателя доносился голос Синатры.

— Надо стараться быть честным с людьми, нибелунг, — сказала она Эдди. — Ты мне нравишься, парень ты хороший, но вечно финтишь, а люди из-за этого попадают в неприятности.

— Господи, — сказал Эдди, — опять то же самое! Все только об этом и талдычат, сам не знаю почему.

Саломея посмотрела ему прямо в глаза.

— Честное индейское? — спросила она.

— Святой истинный крест! — фыркнул Эдди. — Ну скажи, когда я был с тобой нечестен?

Саломея рассмеялась, отпила глоток вина.

— Ну, например, когда ты перебрался сюда, Эдди. Я с самого начала знала, что ты врал насчет этой армии пролетарских скваттеров, которая захватила твою квартиру. Ты все придумал, ты меня использовал.

Она провела пальцами по краю бокала, ее печальные глаза мерцали.

— С чего ты взяла, Саломея? — возмутился Эдди.

Она рассмеялась:

— Да ладно тебе, Эдди! Паук мне давным-давно все рассказал.

Эдди уставился в пол, чувствуя, что краснеет.

— Тогда почему ты это не прекратила? — тихо спросил он.

— Сначала потому, что было забавно, а позднее потому, что жалела тебя и думала, что смогу помочь.

Эдди закурил.

— А еще почему? — спросил он.

Саломея снова рассмеялась:

— Наверное, потому, Эдди, что ты мне понравился. Но говорить об этом мы не будем. Я уже

не в обиде. Давай скажем так: уроки существуют затем, чтобы их усваивать. И это справедливо не только для тебя.

Пиццу так и не доставили. Сообщили по телефону, что из-за сильного снегопада все заказы отменены.

Когда пришло время ложиться спать, Саломея поцеловала Эдди, крепко обняла и сказала, что они увидятся утром, после того как он встретится с Марион.

— Расскажешь мне, как все пройдет, — предупредила она, — во всех кровавых подробностях. Ты бы помирился с ней, Эдди, мне кажется, ты и сам этого хочешь.

Со всей вежливостью, на какую был способен, Эдди спросил, нельзя ли им лечь в постель вместе.

— Пока нет, — прошептала Саломея, поцеловала кончик указательного пальца и коснулась им щеки Эдди. — Когда-нибудь мы начнем все сначала, если у тебя не пропадет охота.

В эту ночь Эдди приснилось, что он стоит один на огромной белой сцене открытого театра и мелкий дождь сыплется на зрителей, пришедших только затем, чтобы увидеть его. Он видел темные лица, многие ряды лиц, уходящие к вер-

шинам ближних холмов. Видел лес протянутых к нему рук. Когда он тронул струны гитары, они зазвучали дивно и печально, с таким глубоким чувством, как никогда прежде. С минуту он стоял в одиночестве, вскинув руки, вслушиваясь в гром аплодисментов. Потом позади него один за другим появились «Твердокаменные». Небо расцветилось причудливой симфонией красок. Он услышал медленную блюзовую дробь барабанов Паука и мощный гул басов, пронизавший его насквозь. Услышал, как летит в ночи звенящее соло гитары Клинта Сайгона. Услышал аплодисменты, похожие на рокот моря. А на вершинах холмов пылали костры, пламя лизало темно-синее небо, и в полях было множество туристских трейлеров, разрисованных цветами…

Когда он проснулся, Саломея уже ушла в спортзал.

В ванной Эдди посмотрел на высокий гребень красных волос, острый, как иглы дикобраза. Смотрел долго, размышляя обо всех странностях своей жизни и о том, какой диковинный оборот она приняла в последнее время. Думал обо всем, что Саломея говорила этой ночью, когда было уже слишком поздно, чтобы лгать.

Он достал из шкафчика несколько бритвенных

лезвий — руки дрожали. Скверно, ведь дело должно быть сделано как следует. Опять посмотрел на свое отражение: лицо бледное, заросшее щетиной и, пожалуй, осунувшееся. Потом глубоко вздохнул и прошел по коридору на кухню.

Там взял из ящика ножницы и снова направился в ванную — очень медленно, чувствуя в руке холод металла и в глубине души надеясь, что на дом упадет ядерная бомба или грянет какая-нибудь другая катастрофа и произойдет это прежде, чем он откроет дверь ванной и повернет кран, наполняя раковину горячей мыльной водой. Прежде, чем он сделает то, что нужно сделать.

В это утро мистер Патель вдруг заметил, что в последнее время Президент-стрит слегка изменилась. Это прямо-таки бросилось ему в глаза — по дороге от газетного киоска. Улица, безусловно, выглядела лучше. Может, все дело в морозе, но сегодня она сверкала в лучах яркого солнца, и все вокруг казалось необыкновенным. Там, где раньше был старый табачный магазинчик, открылась новая закусочная, где подавали кебабы, — современное заведение, сверкающее нержавеющей сталью, украшенное искусственными растениями. Маленькая прачечная закрылась, ее фасад был в лесах и закрыт металлическими листами,

обклеенными афишами рок-концертов и «левых» митингов. Но это временно. Мистер Патель знал, что скоро здесь откроется шикарный вегетарианский ресторан с площадкой для парковки и большим выбором вин. Он читал об этом в местной бесплатной газетенке. Улица была расчерчена новой ярко-желтой разметкой — цвета подсолнухов, а не полустертыми коричневыми линиями, как остальные городские улицы. Из обломков старого автопарка уже поднимался высокий жилой дом из красного кирпича. Воздух гудел от рыка отбойных молотков и пневматических дрелей. Город перестраивался, и «Брайтсайд» вносил в это обновление свой вклад.

Мистер Патель стоял на тротуаре, с удовольствием разглядывая входную дверь «Брайтсайда», покрытую блестящей ярко-синей краской; оконные рамы сверкали белизной, утреннее солнце играло на новой черепичной крыше. Мистер Патель задумчиво потер подбородок, изучая новую вывеску над дверью. «Гостиница „Брайтсайд“, открыта в 1840 г., владельцы Н. и Х. Патель» — возвещали золотые буквы, *возможно* слишком яркие, как говорила его жена, но, с другой стороны, почему бы и нет?

Пройдя сквозь новую дверь-вертушку, мистер

Патель, хозяин всего, на что ни падал его взгляд, устроился в сумраке пахнущей сосной задней комнаты, сел поудобнее, открыл номер «Индепендент», взял ручку, положил рядом курительную трубку и принялся за чтение. В глубине души он был абсолютно счастлив.

Но часом позже, как раз когда он готовил себе вторую чашку чая, случилось кое-что весьма тревожное. Этого человека он заметил еще раньше: весь в черном, даже на голове черный вязаный шлем, тот слонялся возле гостиницы. Сперва мистер Патель решил, что это не в меру робкий курьер, который боится войти, даже хотел выглянуть на улицу и помочь ему, но тут зазвонил телефон, поступил заказ на номер, и мистер Патель отвлекся от странной фигуры. А теперь она опять попалась ему на глаза. Человек в черном стоял на противоположном тротуаре и курил, устремив взгляд на окна верхнего этажа, потом посмотрел на мистера Пателя. Не спеша глянул налево и направо, пересек улицу. Мистера Пателя бросило в пот. Человек в черной коже, черно-оранжевом шлеме, закрывающем пол-лица, и черных перчатках шагнул в дверь. Он двигался неторопливо, будто забрел сюда просто так. Оглядел холл, потом перевел взгляд на регистра-

ционную стойку, откашлялся и сделал несколько быстрых шагов вперед.

— Стойте, где стоите, — предупредил мистер Патель. — Мы тут не держим денег. Что вам нужно?

Секунду-другую пришелец стоял неподвижно, а потом засмеялся. Раскачивался взад-вперед, плечи тряслись от хохота. Вскоре он уже хохотал во все горло. Мистер Патель тоже засмеялся, нащупывая под стойкой палку. Человек в черном медленно поднял руку и, смеясь, осторожно стянул шапочку, обнажив бритую, гладкую как яйцо голову.

— Это я, — сказал он. — Это я, мистер П.

— Боже всемогущий, — ахнул мистер Патель, — Эдди Вираго вернулся домой.

Мистер Патель выбежал из-за стойки и крепко обнял Эдди, хлопая его по спине. Он сказал, что страшно рад возвращению Эдди. Они были уверены, что он вернется. Рано или поздно. Знали, что он не может исчезнуть навсегда, не попрощавшись. Он чуть отстранил Эдди от себя, глядя ему в лицо повлажневшими глазами, и проговорил:

— Ах, Эдди, мы уже и забыли почти ваше лицо. А с этой новой прической я вас вовсе не узнал. Голова голая, как коленка.

Замечательно, что Эдди заглянул, ведь он может полюбоваться их дочуркой, малышкой Ясмин. Эдди начал извиняться, что исчез так неожиданно, но мистер Патель протестующим жестом поднял руку. Понятно, всяко бывает, к тому же им обоим известно, кому нужно приносить извинения.

Разумеется, сказал Эдди, и это вторая причина, по которой он пришел сюда. Он хочет помириться с Марион.

Радостное лицо мистера Пателя окаменело.

— Вы хотите повидать Марион? — сказал он и тихонько рассмеялся, словно решил, что Эдди шутит.

— Да, — улыбнулся Эдди. — Она до сих пор здесь?

— Как вам сказать… — неуверенно промямлил мистер Патель.

Эдди опять засмеялся.

— Вы разве не знаете, что произошло, Эдди?

Нет, сказал Эдди, он не знает. Мистер Патель резко посерьезнел. Поднес к лицу сложенные ладони и задумчиво уставился в пол.

— Господи, — вздохнул он, — я-то думал, вы потому и пришли.

В задней комнате зазвонил телефон, но мистер

Патель не пошел снимать трубку. Только заговорил громче, чтобы перекрыть трезвон:

— Можно спросить вас кое о чем, Эдди?

— Само собой.

— Неужели вы ничего о ней не знали?

— Что вы имеете в виду, мистер П.?

— О ее прошлом?

— Кое-что, совсем немного. Что вы хотите этим сказать?

— Вам известна ее история? — Мистер Патель с досадой посмотрел на телефон, словно взглядом мог его утихомирить. — История ее семьи? Она когда-нибудь рассказывала вам об этом?

Нет, ответил Эдди. Он понятия не имеет о ее семейной истории.

— И вы не знаете, почему она приехала сюда?

Нет, Эдди и этого толком не знает.

Казалось, разговор продолжался уже очень долго, хотя на самом деле прошло всего несколько минут. Оба неподвижно стояли в холле, будто дети, играющие в «замри». Телефон умолк, потом зазвонил снова. Мистер Патель переключил его на автоответчик.

— В своей жизни она видела много горя, Эдди, — сказал он.

— Что случилось? Она не заболела? С ней все

в порядке?

Мистер Патель обернулся к нему.

— Да, конечно, — улыбнулся он. — Не поймите меня превратно. С ней все в порядке. Безусловно. — Красивое лицо мистера Пателя озарилось улыбкой, он схватил Эдди за руки. — С ней все хорошо! — Он снова засмеялся. — Но неужели вы ничего не знаете?!!

Да нет же, повторил Эдди, он вправду ничего не знает.

— Она вышла замуж, Эдди! Наша малышка Марион замужем.

У Эдди перехватило дыхание, будто от резкого удара в живот.

— Она вернулась в Ирландию. Я был уверен, что вы знаете. Она говорила, что пыталась с вами связаться. Том Кланси. Парень из ее родного городка, учился на священника, но бросил учебу. Марион снова встретилась с ним вскоре после вашего исчезновения. Она была так расстроена, когда вы ушли, поэтому мы отправили ее домой, чтобы отдохнула недельку-другую. А потом она позвонила. Теперь она живет там и очень счастлива. Мы с миссис П. ездили на свадьбу. У ее мужа небольшой бизнес там, в городе. Закусочная. Мы познакомились с ее отцом. Какой персонаж!

— Да, — хрипло выговорил Эдди. — У него нет носа.

— Верно, — кивнул мистер Патель, — так и есть. Он очень хорошо отзывался о вас, Эдди. И вообще, все очень сожалели, что вы не смогли приехать на церемонию.

— Вы правда встречались с ее отцом? — спросил Эдди.

— Да, — подтвердил мистер Патель. — Конечно, в прошлом у них с Марион были кой-какие трения, печально, но факт, однако ж в принципе он человек хороший, и сейчас отношения у них налаживаются. Оба стараются понять друг друга. Марион живет на той же улице, и скоро у нее будет ребенок.

Ноги у Эдди стали вдруг как ватные.

— До чего же красивая страна, Эдди. Я никогда в жизни не видел таких закатов. Никогда. А эти величественные горы…

На Эдди накатила дурнота. Он оперся о стойку растопыренными пальцами, стараясь удержаться на ногах.

Мистер Патель перестал рассказывать о низеньких каменных стенках, об уютных домиках, о глубоких синих озерах и об огромном дружелюбии простых людей. Он заметил, что Эдди

неважно выглядит, и предложил ему выпить. Эдди не мог вымолвить ни слова. Одним глотком осушил стакан — виски обожгло горло, из глаз брызнули слезы. Мистер Патель вызвался спеть ирландскую песню, чтобы взбодрить его, и затянул, дирижируя сам себе:

Любовь и портер старость приближают,
Любовь и виски к седине приводят,
Люби, коль исцеленье не приходит,
А я в Америку сейчас же уезжаю[67].

Мистер Патель умолк, прекрасные глаза подернулись мечтательностью.

— Красивая страна, — вздохнул он, печально качая головой, — и так жаль… История. До чего же все печально.

Тишину вновь разорвал телефонный звонок.

— Вы не согласны, Эдди? Вам не кажется, что это очень печально? Все, что там происходит?

— О чем вы? — с трудом выдавил Эдди.

— Ну, обо всем, что вы причиняете друг другу, — пояснил мистер Патель.

— Ах, вот вы о чем.

---

[67] Примечания: 67
Перевод Е. Пучковой.

Да, сказал Эдди, это вправду очень печально, но мистер Патель уже снял телефонную трубку и потому пропустил слова Эдди мимо ушей. Потом с удивленным выражением лица протянул трубку Эдди.

— Эдди Вираго! — послышалось сквозь треск помех. — Я уже который месяц пытаюсь связаться с тобой, старый хитрый пес! Это Киеран Кейси… По поводу студенческого займа. Мне придется завести на тебя дело, Эдди, хе-хе-хе! Будь осторожен, Эдди, иначе я выйду на тропу войны и сниму с твоей башки скальп вместе с этим петушьим гребнем!

Когда мать открыла Эдди дверь, в первую минуту он ее не узнал.

На ней были модные джинсы «Ливайз» и теплая белая кофта с черно-белой аппликацией — фигуркой ковбоя. Волосы были изящно подстрижены и выкрашены в непривычный золотисто-рыжий цвет, отчего она казалась моложе и красивее, чем запомнилось Эдди (если ирландцу пристало говорить так о матери). С виду этакая певица кантри из Теннесси, а не бывшая жена дублинского банковского служащего. Судя по всему, она тоже удивилась, увидев Эдди, и в первые мгновения не могла произнести ни слова, поскольку, открывая

дверь, что-то жевала, — только широко распахнула глаза и радостно всплеснула руками. А едва Эдди переступил порог, она расплакалась.

— Дай мне на тебя посмотреть, — сквозь слезы твердила она.

Прихожая маленького домика была чистенькая и белая, вдоль лестницы на серой стене висели прямоугольнички акварелей. Из кухни наплывал запах теплого хлеба и чеснока. Мать обняла Эдди, и он тоже заплакал, крепко обнял ее и отпустил, только когда в прихожую неторопливо вышел широкоплечий здоровяк. На лице у него читалось обеспокоенное любопытство. Эддина мать босиком на полу, выложенном мелкой черно-белой плиткой; ногти у нее на ногах розовели светлым лаком.

— Реймонд, — сказала она, не глядя на вошедшего, — это мой сын Эдди.

Здоровяку Реймонду было лет шестьдесят, а то и чуть больше, загорелое лицо, крепкая мускулатура, счастливая улыбка. Судя по выговору, коренной лондонец. Напомаженная серебристая шевелюра зачесана назад. На нем была зеленая клетчатая рубашка без воротника и вельветовые брюки, живот свешивался поверх ремня. Он напоминал строительного рабочего или, к примеру,

водопроводчика, но не был ни тем, ни другим. Он занимался джакузи. По крайней мере, так он сказал, когда мать Эдди попросила его рассказать что-нибудь о себе. Реймонд вытер руки о штаны, потом крепко пожал Эдди руку и долго ее не отпускал. Он пришел из сарая, где колол дрова, и от него сладко пахло древесными щепками. Он угостил Эдди жвачкой. Даже пальцы у него поросли волосами. Эдди улыбнулся.

— Значит, джакузи занимаетесь? — спросил он.

— Верно. — Реймонд рассмеялся. — Все анекдоты на эту тему я уже слышал, и, если вы посмеетесь надо мной, Эдди, я не обижусь.

Эдди снова улыбнулся.

— Вы прямо копия своей матери, — сказал Реймонд. От улыбки его красное лицо собиралось в морщинки. Говорил он мягко и вежливо. — Мы так рады, что вы приехали, правда, Мэй?

— Нет, — сказала она. — Он весь в отца. Когда открыла дверь, я было подумала, что это он, честное слово.

Реймонд посмотрел на Эдди так, словно знал, как выглядит Фрэнк.

— Правда? — Он опять улыбнулся. — В самом деле? Вот забавно!

Над крышей дома пролетел самолет. Пол задрожал, стекла в окнах задребезжали. На улице в притворном ужасе завопили дети.

— Приготовь нам чайку, Реймонд, — сказала мать, взяла Эдди за руку и провела в гостиную. — Господи, если бы я знала, что ты придешь.

— Это уж точно, босс! — Реймонд деланно вздохнул и поправил картину на стене.

В углу маленькой комнаты стояло пианино, накрытое белой кружевной скатертью, на которой выстроились фарфоровые безделушки и хрустальная ваза. В гостиной было холодно, и мебель оттенка морской волны еще усиливала это ощущение. Узор на столешнице кофейного столика изображал карту мира. На стеллаже аккуратными стопками лежали журналы.

— Значит, это и есть Реймонд, — сказал Эдди, чтобы не молчать.

— Да, это он.

Мать долго смотрела в пустой камин, словно там пылал огонь.

— Мы вместе строим жизнь, — внезапно сказала она, прикуривая сигарету. Эдди барабанил пальцами по подлокотнику.

— Ясно, — обронил он. И опять настала тишина.

— Я теперь курю, — радостно сообщила она.

— Да, — кивнул Эдди, — я тоже.

— А еще немного рисую.

— Молодец! — с легким удивлением воскликнул Эдди. — Вот здорово.

— Умеренно, — угощая Эдди сигаретой, сказала она. — Не слишком увлекаюсь.

Эдди жевал жвачку.

— Я имею в виду сигареты, — пояснила мать. — А не рисование. — Она нервно засмеялась.

Эдди промолчал. Мать кивнула и выдохнула облачко дыма, медленно поплывшее по комнате.

— Вчера вечером я звонила твоему отцу, — серьезно сообщила она. — Реймонд по пятницам покупает мне «Айриш пресс». Мы так встревожились, когда прочли в газете эту страшную новость. Встревожились за тебя.

— Да, — кивнул Эдди, — я хотел туда съездить, но времени не было.

— Все-таки надо было поехать. На похороны.

Нет, сказал Эдди, похороны состоятся в Штатах. Все уже улажено. Родители Дина Боба прилетают на днях, чтобы забрать его.

— Ну, ты понимаешь, — прибавил он, — забрать его дурацкое тело, и все такое… — В глаза ему попал дым, Эдди сощурился и заморгал. — Его

останки, кажется, так это называется.

— Н-да, — сказала мать с нервным смешком. — Странно, я так привыкла к бедняге Дину, он для меня стал почти как родной. Словно из нашего, ирландского племени.

Эдди ничего не сказал.

Ужасно, опять повторила мать, просто ужасно. Эдди согласно кивнул, мечтая, чтобы она переменила тему.

— Он часто о тебе спрашивал, — сказал Эдди. — Думаю, ты ему очень нравилась.

У матери дрогнули губы, казалось, она вот-вот опять заплачет. Приятно слышать, сказала она, Дин всегда был таким милым, таким красивым мальчиком; ах, какая потеря, поневоле задумаешься…

— Фрэнк и я, — начала она, поспешно кивнула и поправилась, словно Эдди не знал, о ком она говорит, — твой отец и я… Твой *отец* и я… — Она замолчала, так ничего и не сказав.

Вошел Реймонд с подносом, который аккуратно поставил прямо на украшенный картой столик. Даже язык высунул от усердия. Перевернутые чашки звякали о блюдца. Потом Реймонд хлопнул в ладоши и предложил немного погреться. В комнате стало, пожалуй, еще холоднее — вече-

рело, меркнущий свет наливался темной медью. Эдди сказал, что все и так хорошо, но Реймонд стоял на своем и в конце концов театральным жестом повернул ручку термостата на стене.

— Мы нечасто пользуемся отоплением, — сказал он, — включаем только по особым случаям.

Потом он посмотрел на мать Эдди и вопросительно поднял брови. Она кивнула. Реймонд опять хлопнул в ладоши, чуть слишком громко — маленькая комнатка откликнулась легким гулом фортепианных струн.

— Ладно, — сказал он, — у меня там осталась кое-какая работа, так что в случае чего я наверху.

Он ушел, и мать Эдди слегка виновато улыбнулась.

— Он хороший человек, — сказала она, — и заботится обо мне.

— Прекрасно, — ответил Эдди, — рад слышать.

— С некоторых пор мы с твоим отцом снова начали общаться, — внезапно сообщила она, — ты, наверное, знаешь.

Да, сказал Эдди, он знает.

— Он сказал, нам с тобой, — мать искоса взглянула на Эдди, — нужно потолковать.

В этом нет необходимости, сказал Эдди. Ей неза-

чем что-то объяснять. Но, понимая, что матери все же необходим этот разговор, он откинулся в кресле, отхлебнул чаю и приготовился слушать. Мать откашлялась. Она снова смотрела в пустой камин, собираясь с мыслями.

— Тут нет виноватых. Так уж получилось, что мы с твоим отцом разошлись, — сказала она, словно давно репетировала эту фразу.

— Да, — смущенно пробормотал Эдди. — Это все видели.

— Конечно, я его не виню, но жизнь пошла не так, как мы думали. Это не преступление. Просто в один прекрасный день я вдруг осознала, что твой отец не тот человек, за которого я выходила замуж. Совершенно другой. Не хуже и не лучше, просто совсем другой. Усталый, Эдди. Вечерами постоянно впадал в депрессию. Я часто заставала его посреди ночи на кухне, он пил молоко. Даже не знаю, что тебе сказать. Твой отец никогда не был доволен, и, похоже, я не могла дать ему то, чего недоставало его жизни. Я не могу объяснить. Он работал, он всегда делал все, что нужно, но всегда был несчастлив. Целеустремленный, самоотверженный, может, чересчур самоотверженный.

— Да, — сказал Эдди, — я знаю.

— Он в тревоге просыпался среди ночи и, что бы я ни делала, не успокаивался. Он очень серьезно относился к своим обязанностям. Он желал нам добра. У него были такие планы… ну, то есть у нас… — Она замолчала, на глазах выступили слезы. — Мы никогда не думали, что все будет так скверно, — сказала она ломким высоким голосом. — Нам это в голову не приходило. В молодости об этом не думаешь. Если двое любят друг друга, им кажется, все уладится само собой.

По ее щеке медленно поползла черная влажная полоска туши. Мать заморгала. На секунду поднесла руки к лицу, потом посмотрела сыну в глаза. Губы ее дрожали.

— Ты поймешь, что я имею в виду, — сказала она, — когда станешь старше.

— Да, конечно.

Эдди протянул руку и крепко сжал пальцы матери. Она начала всхлипывать, согнувшись в кресле, пытаясь успокоиться.

— Нельзя сказать, что мы не пытались, — продолжала она, — особенно твой отец, особенно Фрэнк. — По ее щекам снова покатились слезы, она судорожно всхлипывала. — Просто любовь может завести не туда, Эдди, вот в чем дело. Это вовсе не означает, что любви не было. Ты не дол-

жен так думать. Я никогда и никого не полюблю так, как любила Фрэнка. Он был для меня всем, и я хочу, чтобы ты это знал. Не думай, что любви не было. Я любила твоего отца, и мы оба любили тебя. Это чистая правда. Когда ты женишься, Эдди, сам увидишь, как все происходит и как люди иной раз способны запутаться в таких вещах.

Эдди с трудом сглотнул, потом прижал плачущую мать к груди и погладил ее по волосам.

Он сказал, что прекрасно понимает, что она имеет в виду, и Патриция тоже понимает, он уверен. Мать выпрямилась и принялась вытирать глаза кончиками пальцев.

— Ты так думаешь? — спросила она.

Да, ответил Эдди; мать легонько кивнула и сказала, что это хорошо.

— Странно, но после смерти бабушки я решила, что не желаю всю свою жизнь провести в роли матери и жены. Только и всего. Подумала, что мир полон возможностей, и хотела воспользоваться хоть какими-то из них.

Рассказывая все это, мать играла со спичками: вертела их между пальцами, раскладывала на столе, обкусывала головки. А Эдди повторял, что все будет хорошо, пил чай и держал ее за руку.

— Ведь мне было почти пятьдесят семь! — Она

засмеялась.

— Да, — сказал Эдди, — я знаю.

Он передал ей салфетку и гладил ее слабую обмякшую руку, пока она другой рукой вытирала глаза. Потом мать принялась рассказывать, как она познакомилась с Реймондом в консультативной группе, после смерти его жены. Однако Эдди сказал:

— Не обижайся, но объяснять незачем. Это ваше личное дело. Ты моя мать. И мне не хочется все это выслушивать. Я не намерен всю оставшуюся жизнь провести у психоаналитика. — Он повторил, что это ее личное дело, и рассмеялся: — Если ты понимаешь, о чем я.

Пробили часы.

— Да. — Она тоже рассмеялась. — Я понимаю, что ты имеешь в виду. — Потом налила еще немного чая и принялась расспрашивать Эдди о его жизни. — Я так давно не видела тебя, Эдди. Папа говорил, у тебя появилась какая-то особенная знакомая, девушка из Донегола. Это правда?

Эдди скользнул взглядом по комнате, прислушиваясь к гудению труб.

— Не совсем, — улыбнулся он. — Мы просто дружили, но никогда не были близки.

— Вот как… Что ж, не скрою, отец сказал, эта

девушка не для тебя. Такое у него сложилось впечатление. Иногда он весьма проницателен. По его словам, эта девушка тебе не пара.

— Я же сказал, мы просто дружили. Она связалась с каким-то типом, который в один прекрасный день бросил ее. Вышел как-то утром из дому, якобы на работу, и не вернулся. После она обнаружила, что он успел потихоньку вынести из квартиры все свои вещи. Просто ушел и не вернулся. Из-за этого у нее крыша малость съехала, а он узнал обо всем, когда уже было слишком поздно. Она устроила пожар на работе, в супермаркете, и твердила всем, что это несчастный случай; потом потеряла работу, но делала вид, что ходит туда каждый день. Где она бывала на самом деле, никто так и не знает.

— Бедная девочка, — вздохнула мать.

— Потом, когда он оставил ее, выяснилось, что она пыталась поджечь гостиницу, где они жили, а затем наглоталась снотворного. Сейчас она в больнице.

— Бедняжка, — повторила мать.

— Да, — сказал Эдди. — Тот парень хотел к ней вернуться, но сам не понимал этого. В конце концов он осознал, что любит ее, но было поздно. Все зашло слишком далеко. — Эдди пожал плеча-

ми. — Бывает. Ничего не поделаешь.

Мать сказала, что жизнь полна печалей и что Эдди успел кое-что повидать. Он снова пожал плечами.

— Все дело в ее семье, — сказал он, — в прошлом у нее были ужасные вещи. Тебе незачем про такое слушать.

— Как и в нашей семье. — Она неуверенно рассмеялась.

— Ну, — сказал Эдди, — вроде того. Вообще-то кое-что похуже. Не стоит об этом говорить.

— А почему она сюда приехала, Эдди? Работу искала?

— Нет, по другой причине. Не из-за работы. Она говорила, что ищет работу, но это неправда. Она и мне не говорила, но я все равно знал. Догадался. Есть *другая* причина, по которой девушки из Ирландии приезжают сюда. И она приехала именно поэтому. Нужно было разобраться с определенной проблемой.

Мать кивнула, глядя в чашку.

— Она, видишь ли, была родом из маленького городка. — Эдди засмеялся. — Она родом из маленького городка. Не знаю, почему я сказал *«была».*

— Да, должно быть, несладко ей пришлось.

— Кошмар, — согласился Эдди. — Беременная, совсем одна… что говорить… Ей было необходимо избавиться от ребенка. — Он посмотрел матери в глаза. — Тяжелая ситуация, но в жизни такое не редкость.

— Жизнь похожа на игру в домино, — вздохнула мать, — события и происшествия выстраиваются вот так. — Она пальцем прочертила на карте мира незримую линию. — Начинаешь в какой-то определенной точке, заканчиваешь в другой определенной точке, а что происходит между этими двумя точками, одному Богу известно. Люди думают, что могут выбирать, как им жить, но на самом деле ничего подобного.

— Я думаю, все же какие-то правила существуют.

— Да, существуют, но узнаешь их только задним числом. С ума сойти. Тут как в статистике, понимаешь? Ты не видишь этих правил, пока не отойдешь подальше. Они похожи на картину… такую, из маленьких точек… — Она помолчала. — Ты с ней видишься, с этой своей подругой?

— Нет, — ответил Эдди. — Больница далеко, где-то в Суррее. Да мне и не хочется видеть ее такой, как сейчас. — Он отхлебнул чаю. — Она не в лучшем состоянии и почти не принимает

посетителей. Не может.

Потом мать начала рассказывать о своей подруге, которая однажды увидела, как ее маленькая дочь целует другую девочку, и заперла ее дома на несколько месяцев. Некоторое время Эдди слушал, радуясь смене темы, потом спросил, нельзя ли воспользоваться ванной.

Поднимаясь по лестнице, Эдди засмотрелся на одну из маленьких акварелей на серой стене. Мужчина и женщина, взявшись за руки, смотрели на ярко-розовое море. Две черные фигуры, стройные и молодые. С виду счастливые, если тени могут быть счастливыми. В правом нижнем углу мать написала свое имя. Мэй Вираго. Эдди перевернул рамку, но никакого названия не нашел.

В ванной он набрал в раковину воды и ополоснул разгоряченное лицо. За окном виднелся садик, свежий и зеленый, плющ оплетал старую шпалерную изгородь и каменную чашу с водой, в которой с криками возились чайки.

На лестничной площадке, напротив ванной, была маленькая комнатка, где Эдди разглядел две кровати с ночными столиками. Реймонд сидел за столом у окна, с калькулятором в руках, курил и что-то бормотал себе под нос.

— Все в порядке, Эдди? — спросил он.

— Конечно, Реймонд. У вас там обалденная джакузи!

— Да уж, размер будь здоров. — Реймонд засмеялся. — Иногда очень здорово помогает.

Эдди посмотрел на кровати, застланные одинаковыми стегаными покрывалами.

— Твоя мать — хорошая женщина, — внезапно сказал Реймонд, не глядя на Эдди. — Ты не думай, я люблю ее.

— Я знаю, — ответил Эдди. — Знаю.

— Ну да, конечно. — Реймонд покраснел.

— Я правда знаю, Реймонд, — повторил Эдди, — не волнуйтесь.

— Разные бывают ситуации… — Реймонд пожал плечами, глядя в окно.

— Да, жизнь — штука паршивая, — кивнул Эдди. — Ничего не попишешь. Это ни для кого не новость.

Когда Эдди спустился вниз, они с матерью заговорили о будущем. Эдди рассказал ей о Саломее и о планах, которые они строили.

— Как-как? — переспросила его мать. — Что это за имя?

Эдди объяснил, что она протестантка; мать смущенно кивнула, потом несколько раз повторила:

«Саломея, Саломея…» словно это была строчка из стихотворения, а потом сказала, что Эдди надо как следует проверить себя и не терять голову, и засмеялась.

Эдди сказал ей, что они очень счастливы вместе и что она нашла ему место помощника режиссера в телепрограмме о религиозной музыке, которая будет выходить вечером в воскресенье начиная со следующего года. Они думают пожениться, как только накопят немного денег. Музыку он решил бросить. Их менеджер провалил все дело, наврал с три короба. А начинать все заново слишком тяжело и не стоит труда. Он займется новой работой, немного остепенится.

— Как видишь, мне пришлось расстаться с «ирокезом», — сказал он, проведя рукой по голове. Непривычно было чувствовать под ладонью отросший колючий ежик. — Ради новой работы.

— Что ж, — сказала мать Эдди. — Правильно сделал, ты уже староват для таких вещей.

В ее голосе сквозила легкая грусть.

— Точно, — рассмеялся Эдди, — староват.

— На телевидении публика поприличнее, — сказала она, — и с нормальными волосами ты прекрасно выглядишь, Эдди. Ты красивый.

— Правда? Ты так думаешь?

— Да, — улыбнулась она, — но ты и сам знаешь.

Они поговорили еще немного, в основном о Патриции и ее приятеле Роде, обо всех их соседях по Беккет-роуд. Но прежде чем мать позвала Реймонда вниз выпить пива, Эдди кое о чем спросил ее:

— Ты счастлива, мама? Как думаешь, теперь ты счастлива?

Она снова посмотрела в камин, приглаживая кофту на плече. Рассмеялась. Поднесла салфетку ко рту, прикусила уголок.

— Странный вопрос. — Она задумчиво посмотрела на Эдди. — Честно говоря, я не знаю, счастлива я или нет, но я довольна, как мне кажется. Я знаю, Эдди, это не одно и то же. Но все-таки кое-что, верно, сынок?

— Да, — улыбнулся он, — это уже кое-что.

Потом пришел Реймонд и, к ужасу Мэй, зубами открыл пивную бутылку. Они втроем сидели в гостиной, пока снаружи не стемнело и не загорелись уличные фонари. Реймонд держал Эддину мать за руку и смеялся до слез, когда Эдди рассказывал забавные истории из ее прошлого.

Когда Эдди собрался уходить и стоял в прихожей, мать сунула что-то ему в ладонь.

— Так, пустяк, — сказала она. — Навести свою подругу в больнице. Отвези ей гостинец.

Не слушая Эддиных возражений, она заставила его сжать пальцы.

— Ты похож на меня, Эдди. На меня и на отца. Людям вроде нас нужны друзья. Мы слишком упорно цепляемся за прошлое. Давно пора забыть его, а мы не понимаем. Кто-нибудь должен нам подсказать.

В горячей ладони Эдди лежал мятый пятидесятифунтовый банкнот. Он поцеловал мать, она оставила на его щеке след розовой помады. Реймонд сказал, чтобы Эдди непременно зашел снова.

— Не пропадай так надолго, — сказал он.

Они стояли у калитки и махали Эдди рукой, пока он не исчез из виду.

Когда Эдди вернулся в город, было уже темно. Улицы Южного берега кишели народом, кругом веселые смеющиеся лица. В лужах отражались неоновые огни, воздух полнился соблазнительным запахом хот-догов, кебабов и жареного лука. Повсюду звучала музыка — из окон автомобилей, из домов, из открытых дверей пабов. Всхлипы хип-хопа, грохот тяжелого рока, вой саксофонов, барабанная дробь. Субботний вечер в Лондоне

— улицы, полные искусительных обещаний. Вечер поцелуев и признаний. Нарядные люди, стройные девушки в выходных платьях, богачи в роскошных костюмах. Каждый из гуляющих по набережной походил на кинозвезду.

Эдди задумался о тех, кто встретит сегодня новую любовь, или расторгнет брак, или напьется, — обо всех тех, кто воскресным утром проснется с головной болью в чужой кровати, смутно припоминая поступки, каких никогда бы не совершил на трезвую голову, и в ужасе сознавая, что одной ночью это не кончится. И о тех, кто проснется с окровавленными руками, на полу, усыпанном битым стеклом. И о тех, кто вовсе не проснется. В жизни бывает что угодно. Мать права.

Шагая по мосту Ватерлоо, Эдди принял «колесо» и увидел, как весь город танцует, прозрачно-стеклянный, все комнаты как на ладони. Неоновые огни дрожали и переливались на стальных башнях кранов Собачьего острова. С купола собора Св. Петра рвались в небо лазерные лучи.

Из телефонной будки на Чаринг-Кросс-роуд Эдди позвонил отцу — просто чтобы узнать, как дела. Отец перезвонил ему, и они долго говорили о всяких странных вещах, которые случаются

именно тогда, когда их меньше всего ждешь, о бедном Дине Бобе и обо всем прочем — о любви, о работе, о жизни. Отец сказал, чтобы он не тревожился из-за Саломеиной машины, полиция ее разыщет и Саломея в конце концов успокоится и поймет Эдди. А если даже и нет, Эдди найдет себе другую.

— Это зов природы, Эд, — сказал он. — Каждый человек когда-нибудь ощущает его. Природа — этим все сказано. Никакой «ситроен» ей не помеха.

Эдди сказал, что очень на это надеется.

— Радуйся, — засмеялся Фрэнк, — что это не «мерс».

Когда разговор закончился, «колесо» только-только начало действовать по-настоящему. Эдди не терпелось позвонить кому-нибудь еще, поэтому он вытащил из кармана записную книжку, полистал. У него полно знакомых по всему миру. Австралия. Америка. Новая Зеландия. Даже Никарагуа.

Пальцы словно сами собой нашли страницу, где мистер Патель записал новый номер Марион. Синие строчки поблескивали на бумаге. Чем дольше Эдди смотрел на них, тем явственней строчки двигались у него перед глазами, как

полосы на экране неисправного телевизора.

Эдди оглянулся через плечо, будто опасаясь слежки, громко рассмеялся, потом опять сунул телефонную карточку в прорезь и набрал донеголский номер. Линия потрескивала и гудела.

— Алло, — отозвался мужской голос, — бар «Луна прерий», слушаю вас?

Голос звучал деловито. Эдди молчал.

— Алло? — повторил голос. — Том Кланси у телефона, слушаю вас, алло?

Эдди слушал протяжный голос Тома Кланси, слушал, как он говорит с кем-то в баре, слушал печальную, рыдающую песню «кантри».

— Алло? — снова сказал Том Кланси. — Говорите, вас не слышно.

Эдди вытащил телефонную карточку и заплакал. Наконец-то.

Когда он свернул на Странд, глаза у него болели, а все вокруг было расцвечено огнями: фиолетовыми, как мантия священника, красными, как давний Эддин «ирокез», желтыми, как пивная банка, и голубыми, как свет на кислотной вечеринке; огни играли, расплывались под дождем — вся улица казалась потоком света. Словно фотография, сделанная с большой выдержкой, — полосы огней текли вдаль и, казалось, жили

собственной жизнью.

Мимо огромного супермаркета «Верджин», цокая копытами, шел по мокрой мостовой десяток белых коней, которых вели под уздцы люди в средневековой одежде. Отцы поднимали повыше своих детишек, чтобы те могли посмотреть на этот маленький парад. Кони ржали, фыркали и били копытами; конюхи с трудом их удерживали, натягивая поводья, смеясь и обмениваясь шутками. Дети вопили от радости. Кругом сверкали вспышки фотоаппаратов. В воздухе кричали птицы, роняя перья на мостовую.

Эдди прошел на Ковент-Гарден, напился и рассказал какой-то девушке историю своей жизни.

Еще только октябрь, а город уже украшен огнями к Рождеству. Похоже, с каждым годом Рождество наступает все раньше. И когда-нибудь весь год будет состоять из одного сплошного Рождества. Так думал Эдди, пока девушка ходила в дамскую комнату. Границы, отделяющие вещи друг от друга, просто исчезнут. Этого не избежать.

Год от года огни зажигают все раньше и не гасят все дольше, и в конце концов, рано или поздно, придет время, когда огни Рождества будут гореть круглый год. Вот так мысль!

Рождество круглый год. Господи, вот так мысль.

Эдди стал ждать, когда девушка вернется, чтобы рассказать ей об этом.